

Государственное научное бюджетное учреждение
«Академия наук Республики Татарстан»

На правах рукописи

Хазиева-Демирбаш Гузалия Сайфулловна

**ТАТАРСКИЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА
В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
В СРАВНЕНИИ С ДРУГИМИ ТЮРКСКИМИ АНТРОПОНИМАМИ**

10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание

Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант –
доктор филологических наук, доцент
Иванова Алена Михайловна

Казань – 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА I. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	
§ 1.1. Этнокультурный подход к исследованию антропонимической системы в зарубежной и славянской лингвистике	30
§ 1.2. Этнокультурный подход к исследованию антропонимической системы в тюркологии	42
§ 1.3. Этнокультурный аспект исследования татарской лексики.....	53
§ 1.4. Этнокультурные и сравнительно-исторические исследования татарской антропонимической системы.....	72
§ 1.5. Мифопоэтическое значение личного имени в контексте исследований тюркской лингвофольклористики.....	82
§ 1.6. Этнокультурная семантика личного имени в тюркской лексикографической репрезентации.....	95
§ 1.7. Теоретические предпосылки описания и способы репрезентации этнокультурной семантики личных имен в тюркских языках.....	101
Выводы к главе I.....	106
ГЛАВА II. ОНОМАСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ СЕМАНТИКИ ОБРЯДА ИМЯНАРЕЧЕНИЯ И ЛИЧНОГО ИМЕНИ В ТАТАРСКОМ И В ДРУГИХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ.....	
§ 2.1. Лексика обряда и ритуалов имянаречения в локальных вариантах культуры татар.....	109
§ 2.2. Обрядовые действия с личным именем в татарской культуре.....	118
§ 2.3. Репрезентация окружающего мира в тюркских личных именах.....	125
§ 2.4. Репрезентация временной модели мира в тюркских личных именах.....	135
§ 2.5. Репрезентация внешнего и внутреннего мира человека в тюркских личных именах.....	145
§ 2.6. Репрезентация пожеланий родителей в тюркских личных именах.....	158
§ 2.6.1. Этнокультурные аспекты сравнительного анализа охранительных личных имен в тюркских языках.....	166
§ 2.7. Репрезентация социальной модели мира в тюркских личных именах.....	170
§ 2.8. Репрезентация мифопоэтической модели мира в тюркских личных именах (на материале эпических произведений фольклора)	175

§ 2.8.1. Личные имена в тюркских дастанах.....	175
§ 2.8.2. Этнокультурные аспекты сравнительного исследования личных имен в тюркских пословицах и поговорках.....	185
§ 2.8.3. Этнокультурные аспекты сравнительного исследования личных имен в тюркских загадках.....	195
Выводы к главе II.....	200
 ГЛАВА III. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЮРКСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ ТАТАРСКОГО АНТРОПОНИМИКОНА).....	
§ 3.1. Древнетюркский период развития и функционирования антропонимикона (V – X вв.).....	207
§ 3.1.1. Древнетюркский пласт именной системы тюркских языков.....	211
§ 3.2. Средневековый период развития и функционирования антропонимикона (X – XV вв.).....	221
§ 3.3. Мусульманские традиции именования в этнокультурном пространстве.....	229
§ 3.3.1. Сравнительный анализ антропокомпонентов и антропоформантов арабского и персидского пласта тюркской именной системы.....	240
§ 3.4. Татарские личные имена конца XVI – начала XVII в.	253
§ 3.5. Татарские личные имена XVIII в.....	260
§ 3.6. Татарские личные имена XIX в.....	264
§ 3.7. Татарские личные имена XX в.....	269
§ 3.8. Татарские личные имена XXI в.....	282
Выводы к главе III.....	290
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	 292
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	308
ИСТОЧНИКИ.....	310
ЛИТЕРАТУРА	315
ИНДЕКС ТАТАРСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН	371

Введение

Среди многочисленных проблем общего языкознания в XXI веке острую актуальность и значимость обрела проблема этнокультурного пространства языка в поликультурном и полиэтническом мире, обращение к которой сопряжено с проблемами межкультурного и межнационального общения в условиях глобализации. В связи с этим настоятельно требуется комплексное сравнительное исследование этнокультурного пространства языка, которое детерминировало бы изучение антропонимических систем тюркских языков во взаимосвязи этноса, языка и культуры. В современном мире наблюдается явная недостаточность научных исследований этнокультурного пространства тюркских народов, что предполагает насущную необходимость переориентации исследований с анализа отдельно взятых изолированных языковых единиц на реконструкцию языковой модели мира и комплексного сравнительного изучения родственных языков и их антропонимических систем. Настоящая работа является попыткой комплексного сравнительного изучения татарских личных имен в этнокультурном пространстве с другими тюркскими антропонимами. Недостаточно разработанным остается выявление сфер соприкосновения антропонимических систем родственных языков в этнокультурном пространстве, нацеливающее на определение общности и своеобразия семантики личных имен в фольклорных, диалектно-этнографических и исторических источниках, которое позволит выделить общие характеристики культуры, истории и мировоззрения представленных народов. Проблема сравнительного изучения татарской антропонимической системы с другими тюркскими антропонимами актуальна и в силу ее этнокультурной значимости и интегративного статуса, так как антропонимическое представление окружающего мира является одним из способов отражения действительности, вербализует исторические, языковые и этнокультурные аспекты развития того или иного народа. Отсюда следует, что **актуальность** исследования определяется несколькими ключевыми факторами.

В условиях расширения границ общения и поиска новых путей диалога культур тюркских народов актуальным является выявление как общих признаков, так и отличительных черт в антропонимических системах сравниваемых тюркских языков. В исследованиях акцент в основном делается на изучение происхождения, развития, лингвистической и лингвокультурологической сущности собственных имен, однако нет работ, посвященных комплексному сравнительному исследованию личных имен с привлечением диалектного материала, произведений фольклора, культурологического материала об обычаях и обрядах, традициях, верованиях, мировоззрении и мировосприятии тюркских народов. Насущная необходимость отхода от традиционной схемы изолированного анализа языковых единиц, т.е. в данном случае антропонимов, с точки зрения их происхождения, семантики, функционирования в сторону попытки комплексной реконструкции и сравнительного исследования языковой модели мира родственных тюркских языков сквозь призму антропонимической системы предполагает обращение к богатому культурно-историческому опыту этих народов. Комплексная интерпретация и сравнение антропонимической системы с позиции современных достижений ряда смежных наук (фольклористики, диалектологии, этнографии, истории языка) может оказаться полезной и эффективной для более полного системного представления духовно-ценностных ориентиров творца и носителя данной культуры, этических элементов национальной языковой картины мира на различных исторических этапах становления, развития того или иного этноса. Известно, что «язык является основным репрезентатом культуры, хранит в себе основные пласты этнокультурной информации, обеспечивая тем самым взаимопонимание членов этноса и их взаимодействие» [201, 80], а этнокультура является наиболее важной системой семиотического выражения языка и «совокупностью культурных элементов и структур, обладающая этнической спецификой и выполняющая этнодифференцирующие функции» [223, 176], которая динамична в пространстве и разнообразна в разных подсистемах культуры и языка. «Этнокультура создается

той системной организацией элементов опыта, которая свойственна лишь данной культуре» [12, 406].

Актуальность выдвинутой проблемы объясняется также необходимостью сравнительного изучения антропонимии, отражающей уникальные явления взаимопересечения этнокультур как субъектов в Российской Федерации, так и отдаленных этнических групп тюркских языков. В исследовании выбор языков обусловлен стремлением провести комплексное сравнительное исследование на материале генетически родственных тюркских языков – татарского и башкирского, входящих в кыпчакскую подгруппу тюркской группы алтайской языковой семьи, и турецкого, относящегося к огузской подгруппе тюркской группы алтайской языковой семьи.

Сравнительное изучение татарских личных имен, отображающихся в диахронии и синхронии фольклора и в диалектно-этнографических текстах с другими тюркскими антропонимами позволяет выявить особенности традиционной духовной культуры народа, его ценностные установки, которые существуют в пространственном и временном континууме и фиксируют информацию, передаваемую из поколения в поколение.

На всем протяжении развития языкознания изучению личных имен уделялось огромное внимание, однако выводы о функционировании и семантической специфике личных имен нередко делались на ограниченном материале, не привлекались фольклорные, диалектно-этнографические и исторические контексты. На наш взгляд, без обращения к разножанровому материалу невозможно решить вопрос о семантике, структуре и функциях антропонима.

Само понятие этнокультурного пространства складывается из нескольких ключевых компонентов: «этнос», «культура», «пространство», «культурное пространство». Как известно, реальное пространство формируется различными факторами и предполагает наличие четко обозначенных границ, которые могут изменяться во времени. В философии понятие реального пространства интерпретируется как всеобщая форма бытия, понятие, характеризующее

взаимное расположение сосуществующих объектов, определяющее протяженность, структурность и взаимодействие [498, 468]. Свойствами реального пространства обычно называют конкретные формы и размеры, месторасположение и расстояние между телами, симметрию и асимметрию, поля и границы между ними. Именно реальное пространство создает общее мировоззрение, на основе которого возникает общая картина модели мира. Каждая эпоха, каждый этнос детерминирует свое пространство, которое человек наполняет духовным содержанием. Культурное пространство несет в себе «печать человека», без которого и вне которого существование культурного пространства невозможно. Поэтому многие исследователи называют антропоцентричность одним из основных свойств пространства и характеризуют его как одно из первых реалий бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком [127, 670]. В лингвистике этнокультурное пространство составляет среду обитания человеческого сообщества, эволюцию его диахронно-синхронной глоттогонии, этнос, объединенный общностью исторического происхождения, языка, духовной и материальной культуры. Так качественные и количественные концепты речевой и языковой культуры, вербального творчества народа образуют этнокультурное пространство, представляющее объективную форму существования языка, зафиксированное в его устных и письменных формах. В узком смысле этнокультурное пространство – это этническое языковое сознание, содержащее многочисленные отрасли знания о языке и об их внешних и внутренних взаимосвязях, это реальная вербальная панорама личности как субъекта социума, творчество которого детерминировано конкретными историческими условиями жизни общества. Таким образом, в узком понимании этнокультурное пространство языка включает в себя образ реального пространства, существующий в языковом сознании носителей языка.

Этнокультурное пространство как особо значимое явление в самосознании и самопознании этноса играет структурообразующую и этноидентифицирующую роль в создании языковой модели мира. Уникальность этнокультурного пространства обуславливается мировидением и мировосприятием народом своих

языковых и предметных значений в этнокультурном сознании. Этнокультурное сознание характеризуется результатом отражения и стереотипного восприятия образа мира, которая системно организует базовые концепты той или иной национальной культуры, а также это «информативно-эмоциональное («этническое») поле, виртуальное и в то же время реальное пространство существования и функционирования человека, которое становится осязаемым при столкновении с явлениями иной культуры» [12, 6]. Этнокультурная специфика слова определяется объективными и субъективными факторами. Объективный фактор этнокультурной специфики слова – ценностная значимость этнокультурных реалий, определяющих стереотипы этнокультурного пространства определенного народа. Субъективный фактор характеризуется возможностью выбора знакообозначений одних и тех же этнокультурных реалий, которые по-разному представлены ментальными стереотипами разных этноязыковых сообществ. Как утверждает Н.А. Бердяев, культура это не отвлеченно-человеческое понятие, она в этой самобытности представляет человека и ценностно-смысловое пространство его обитания как единое целое, является базовым для исследования этнокультурного пространства языка [91, 85]. Таким образом, этнокультурное пространство в языке и в речи проявляется особыми репрезентациями реальной или нереальной действительности в этнокультурном пространстве, «совпадая в целом с логическим отражением мира в сознании» [201, с. 11]. Действительно, каждому этносу, народу, человеку, принадлежащему к определенному этносу, локальному варианту культуры, характерна свойственная только своему этнокультурному пространству антропонимическая система, включающая фоновые знания об окружающем мире, человеке, обществе носителей языка, диалекта.

В настоящее время антропонимика накопила достаточный фактический материал, однако «теория ономастических исследований осталась на прежних позициях и часто не дает ответа на многие вопросы, связанные с современным научным анализом имен собственных» [422, с. 7]. Таким образом, учитывая, что антропонимическая система тесно связана с культурными, мифологическими и

мифопоэтическими представлениями, а также менталитетом народа, созрела необходимость исследования антропонимики с применением комплексного сравнительного подхода, во взаимосвязи этноса, языка и культуры, с привлечением этнокультурных (фольклорных, диалектно-этнографических и др.) и исторических контекстов.

Степень изученности. Исследование языка в тесной связи с этнической культурой, этнографией, фольклором связано с трудами И. Г. Гердера (XVIII в.) и В. фон Гумбольдта (нач. XIX в.). Однако этнокультурный аспект исследования, как определенный подход к языку, возник лишь в первой трети XX в. и связан с трудами этнографов, языковедов Ф. Боаса и Э. Сепира, Л. Вейсгербера, Х. Штейнталя, Ф.И. Буслаева, А.Н. Афанасьева, А.А. Потебни. В российском языкознании проблемы взаимосвязи языка, этноса и культуры решаются этнолингвистической научной школой, основанной Н.И. Толстым. Сегодня продолжателями традиций этнолингвистической школы Н.И. Толстого являются: Т.А. Агапкина [1], О.В. Белова [90], Е.Л. Березович [92, 93, 94, 95, 96], Л.Н. Виноградова [117], А.В. Гура [160, 161], А.Ф. Журавлев [185, 187], М.И. Исаев [223], С.Е. Никитина [337, 338], А.А. Плотникова [367, 368] И.А. Седакова [415], С.М. Толстая [473; 474; 475], А.Л. Топорков [479], В.В. Усачева [494], А.В. Юдин [569; 570; 571] и др.

Этнокультурному аспекту уделялось внимание в первых серьезных русских ономастических исследованиях [550; 416]. В славянской и русской ономастике проблемы взаимосвязи языка, этноса и культуры отражены в трудах Е.Л. Березович [95; 96], Н.В. Васильевой [111], М.В. Голомидовой [154], А.К. Матвеева [287], И.И. Муллонен [315; 316], И.Э. Ратниковой [386], А.В. Суперанской [433; 434], В.И. Супрун [435], М.Э. Рут [393], В.Н. Топорова [481], Н.И. Толстого [478], С.М. Толстой [475, 476], Т.А. Шайхуллина [554] А.В. Юдина [569; 570; 571] и других ученых.

В трудах польской этнолингвистической школы и известного филолога, профессора Люблинского университета Ежи Бартминьского, работающего над словарем языковых стереотипов польской народной культуры [59] внимание

обращено на проблемы, связанные с изучением взаимосвязи трех феноменов: языка, этноса и культуры. Ключевыми словами и понятиями в работах Ежи Бартминьского [59] являются языковые стереотипы и языковая картина мира.

В тюркологических исследованиях этнокультурного пространства языка следует выделить работы: по башкирскому языкознанию – Ф.Г. Хисаметдиновой [534; 535; 536; 537], Р.Г. Хайруллиной [521; 522], Р.Н. Хадыевой [509], чувашскому – Н.И. Егорова [174], Л.В. Борисовой [103], А.М. Ивановой [213; 214; 215; 216; 217; 218; 219], Г.Е. Корнилова [265; 266; 267; 268; 269; 270; 271], А.В. Кузнецова [275], казахскому – К.Г. Аронова [29], Д.М. Керимбаева [250], С.Е. Керимбаевой [252], азербайджанскому – Н. Аскерова [642], И. Мамедова [617], М. Пашаевой [621].

Что касается научных трудов по изучению этнокультурного пространства ономастической системы, следует выделить научные труды в башкирском языкознании [279; 280; 136; 432; 534; 557; 558], алтайском [312], шорском [272; 472; 473], чувашском [25; 174; 267; 282; 497], казахском [179; 180; 181; 250; 252; 276], кыргызском [182; 183], узбекском [87; 88; 89; 169; 188], азербайджанском [594; 611; 612; 531], турецком [585; 599; 602; 606; 607; 610; 631; 629; 630].

В татарском языкознании с привлечением этнокультурной лексики выполнены научные работы [17; 18; 19; 30; 31; 34; 40; 75; 76; 77; 78; 79; 80; 58; 107; 140; 141; 142; 143; 193; 194; 202; 203; 293; 307; 308; 330; 383; 384; 385; 387; 388; 396; 524; 525; 410; 485; 486; 487; 555; 556; 558; 577] и др.

Особая роль в становлении татарской антропонимики принадлежит научным кадрам казанской тюрко-татарской ономастической школы Г.Ф. Саттарова [410], под руководством которого выполнены разработки и исследования по ономастике: Х.Ч. Алишиной [18], Ф.С. Баязитовой [84], Ф.Г. Вагаповой [110], М.З.Валиевой [116], Г.Р. Галиуллиной [128; 129; 130], Ф.Х. Гильфановой [151], Ф.Салимзяновой [398], Г.Ф. Тимкановой [471] и других языковедов. Но, несмотря на довольно обширную литературу по антропонимике в русистике и наличие отдельных изысканий в тюркологии, в них не представлены все возможные аспекты исследования: ни в одной из приведенных работ не

реконструированы языковые модели антропонимической системы татарского языка в сравнении с турецким и башкирскими языками. Исследование семантических особенностей татарских антропонимов является не исчерпывающей, функциональная характеристика носит лишь эпизодический характер. В татарском языкознании изучение татарской антропонимической системе в сравнении с другими тюркскими антропонимами следует отнести к малоизученной сфере. Настоящее сравнительное исследование татарского антропонимикона призвано восполнить этот пробел.

Целью работы является комплексное исследование татарских личных имен в сравнении с другими тюркскими антропонимами, предполагающее учет их лингвистических, этнокультурных характеристик антропонима в диахронии и синхронии. Для достижения данной цели предлагается решение следующих задач:

1) провести отбор татарских личных имен по разножанровым памятникам исторической письменности, фольклорно-этнографическим текстам, а также по современным актовым материалам;

2) выполнить комплексное сравнительное исследование лексики обряда имянаречения в тюркских языках.

3) определить семантическую мотивацию татарских личных имен в выборе способов и обрядовых действий в разных локальных вариантах культуры татар и сравнить с другими тюркскими антропонимами;

4) выполнить комплексное сравнительное исследование в рамках основополагающих репрезентантов: «Человек», «Окружающий мир», «Время», «Социальный мир», «Мифопоэтический мир», раскрыв универсальное и уникальное; выявить и охарактеризовать общие и специфические свойства, обусловленные своеобразием менталитета этносов;

5) выявить историко-генетические основы тюркской антропонимической системы на примере татарских личных имен в различных хронологических срезах в историческом контексте;

6) определить этнокультурные факторы, повлиявшие на становление и функционирование татарской антропонимической системы XVI – XXI веков;

7) проанализировать механизм взаимодействия языка, этноса и культуры в антропонимических системах тюркских языков, выработав методику сравнительного исследования тюркских языков в этнокультурном пространстве.

Объектом исследования являются татарские личные имена в сравнении с другими тюркскими антропонимами.

Предметом исследования выступают историко-генетические, семантико-структурные и функциональные особенности татарских личных имен в этнокультурном пространстве языка.

Гипотеза исследования заключается в том, что репрезентация языкового мира, происходящая на основе комплексного сравнительного семантического исследования антропонимических систем двух или более тюркских языков, позволяет выделить своеобразие мировоззрения родственных народов и характер отображения им этнокультурных специфических особенностей в семантики языкового знака. Этнокультурное пространство языка – структурированная совокупность вербально закодированных духовных ценностей, зафиксированных в фольклорно-этнографическом и историческом контекстах, актуализирующихся в языке. Антропонимическая система тюркских народов вобрала в себя такие элементы традиционной духовной культуры, которые делают их носителем и хранителем своеобразной языковой и культурной традиции в своем этнокультурном пространстве. Этнокультурное пространство антропонимических систем тюркских языков детерминировано наличием типологической общности этнокультурных структур, формирующих образ национальной культуры. Татарская антропонимическая система представляет обобщающие знания носителей языка, относящиеся к татарскому этносу, локальному варианту татарской культуры об окружающем мире, о человеке, об обществе.

Научная новизна исследования заключается в том, что в диссертации впервые проведено комплексное сравнительное исследование репрезентированных языковых моделей в антропонимических системах тюркских

языков (на примере татарского, башкирского и турецкого языков). Работа комплексно репрезентирует антропонимический материал в разноплановых в жанровом отношении памятниках письменности с учетом историко-лингвистических, этнокультурных характеристик личных имен в диахронии и синхронии. Инновационный характер исследования обусловлен тем, что в научный оборот введен индекс татарских личных имен, не являвшийся предметом специального историко-лингвистического изучения, что нашло отражение в приложении диссертации. Научная новизна работы представляет собой первый опыт монографического, системно комплексного исследования личных имен в сравнении с другими тюркскими антропонимами.

Теоретическая значимость работы заключается во вкладе в развитие положений теории этнокультурного пространства языка, так как в ее рамках осуществлено изучение антропонимических систем генетически родственных языков на основе сравнительного изучения антропонимов в русле семантического и функционального аспектов; в выработке методики комплексного сравнительного исследования антропонимикона в этнокультурном пространстве, которая может быть применена к анализу собственных имен и положена в основу аналогичных исследований на материале других групп тюркских языков; методика комплексного сравнительного исследования в этнокультурном пространстве позволила разработать перспективные методики анализа антропонимических систем не только генетически одинаковых языков, но и культур. В исследовании личное имя интерпретируется как этнокультурное явление, которое находит свое отражение в особенностях семантики языкового знака. В представленной диссертации впервые широко введен в научный оборот индекс татарских личных имен, материалы которого теоретически исследованы в свете этнокультурного пространства языка. Теоретически весомым является положение о том, что мифопоэтическое значение личного имени, лежащее в основе структурирующих представлений человека о действительности, обуславливает антропонимические параметры и его связь с этнокультурными аспектами значений.

Практическая значимость работы заключается в том, что фактический материал и выводы могут быть использованы в практике преподавания теоретических дисциплин: «общее языкознание», «тюркология», «этнолингвистика», «историческая лексикология», «ономастика». Введенные в научный оборот антропонимические единицы могут найти применение в лексикографии, послужат базой для издания энциклопедии личных имен тюркских народов, а также в области уточнения, корректировки словарей татарских личных имен. Результаты работы найдут применение в проведении сравнительно-исторических, этимологических и других исследований в области антропонимики. Данная работа может быть полезна для работников ЗАГСа.

Методы исследования использовались в соответствии с целями и задачами, пять из которых являются основными методами: описательный, исторический, ареальный, статистический и сравнительно-сопоставительный. В качестве основного метода, применяемого при анализе антропонимических единиц, использовался *описательный*, предполагающий сбор, систематизацию антропонимического материала в различных памятниках истории, фольклора, этнографии в соответствии с задачами исследования, классификацию и его последовательный анализ и описание на определенных этапах развития татарского антропонимикона. Данный метод предусматривает использование отдельных приемов, помогающих более детальной интерпретации антропонимического материала: 1) *этимологический анализ* в работе использовался с целью выявления этимологического значения и специфики отдельных компонентов татарских личных имен; 2) прием *формантного анализа* позволил соотносить татарские личные имена в соответствии с определенными категориями объектов и временем их образования; 3) выявление семантики антропонимических единиц в фольклорно-этнографическом контексте сопровождается в данном исследовании *этнолингвистическим анализом* обычаев, ритуалов, обрядовых действий имянаречения в татарской этнокультуре; 4) прием *концептуального анализа* применялся с целью объяснения взаимосвязи семантики (внутренней формы) татарских личных имен с окружающим миром, с

пространственно-временными представлениями человека, с его культурными и социальными приоритетами.

Сравнительный анализ в работе применялся с целью выявления общих и специфических черт в семантике личных имен в близкородственных языках (башкирском, казахском, кыргызском, турецком, азербайджанском и др.) и в диалектных составляющих татарского языка.

В исследовании основным методом был избран *исторический метод*, который использовался с целью определения антропонимических пластов, предполагающих хронологическую последовательность динамики татарских личных имен в условиях точного установления исторических и лингвистических фактов, что дает возможность рассматривать не только ретроспективу процесса развития личных имен, но и перспективу их динамики.

Ареальный метод применялся с целью определения специфики отражения антропонимических единиц в различных локальных вариантах культуры татар. В нашем исследовании необходимость ареального метода изучения татарской антропонимической системы вызвана тем, что локальные антропонимические системы на том или ином этапе их развития в диахронно-синхронном аспекте показывают особенности среднего и восточного диалекта, общую динамику именования в сельских и городских районах проживания татар.

В работе для характеристики в процентном соотношении отдельных татарских личных имен в разные периоды предусматривалось использование *статистического метода*, позволяющего проследить тенденции развития антропонимической системы. Статистический метод применялся для сравнения исследуемого объекта в различных населенных пунктах, в различные хронологические периоды не только для частотных личных имен, но и для всей их совокупности.

В работе нами применялись разнообразные частные приемы исследования: *источниковедческий анализ* применялся в изучении антропонимикона в историческом контексте с выявлением его хронологических, локальных характеристик. В работе также применялся *контекстуальный анализ* с целью

выявления особенностей функционирования и дополнительных коннотативных смыслов исследуемых антропонимических единиц в фольклорно-этнографических текстах.

Методологической основой исследования является комплексный подход, реализуемый в рамках московской школы этнолингвистики, казанской тюрко-татарской ономастической школы. Методологическую основу работы составляют базовые положения, представленные в трудах:

1) классиков зарубежной и отечественной филологии – А.Н. Афанасьева, Ф. Боаса, Ф.И. Буслаева, В. фон Гумбольдта, А.А. Потебни, Э. Сепира, В.В. Топорова и др.;

2) современных российских и зарубежных лингвистов, занимающихся исследованием этнокультурного пространства языка – Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Арутюновой, Е.С. Кубряковой, В.Н. Телия, В.А. Масловой, Н.Ф. Уфимцевой, А.Т. Хроленко и др.;

3) этнологов, философов, изучающих этногенез, этническую психологию, этническую культуру – В.В. Бартольда, Н.А. Бердяева, Л.Н. Гумилева, Г.М. Давлетшина, Д.М. Исхакова, С.Л. Кляшторного и др.

4) фольклористов: В.М. Жирмунского, В.Я. Проппа, Н. Исанбета, М. Бакирова, Ф.И. Урманчеева; Х.Ш. Махмутова, К.М. Миннуллина, Л.Х. Мухаметзяновой, И.Г. Закировой и др.;

5) посвященных взаимоотношениям языка и культуры: Т.А. Агапкиной, Е.Л. Березович, А.В. Гура, А.Ф. Журавлева, С.Е. Никитина, И.А. Седакова, Н.И. Толстого, С.М. Толстая и др.;

6) в области сравнительно-сопоставительного исследования: Л.К. Байрамовой, К.Р. Галиуллина, Д.Н. Давлетбаевой, З.З. Гатиатуллиной, А.Г. Садыковой, Т.А. Шайхуллина и др.;

7) раскрывающих природу антропонимической лексики: Е.Л. Березович, Н.В. Васильевой, И.М. Ганжиной, М.В. Голомидовой, И.А. Королевой, А.К. Матвеева, Н.В. Подольской, А.В. Суперанская, В.И. Супрун, М.Э. Рут, В.Н. Топорова, Т.В. Топоровой, Н.И. Толстого, С. Толстой, А.В. Юдина и др.;

8) по сравнительно-исторической и сравнительной антропонимике тюркоязычных народов: Ш. Акалын, Н.А. Аристова, Г.Р. Алиева, Н.А. Баскакова, Э.Л. Бегматова, Н.И. Березина, Г.Ф. Благовой, Т.М. Гарипова, А.Г. Гафурова, Н.К. Дмитриева, Т.Жанузакова, Ш. Жапаров, Н.И. Золотницкого, О. Кибара, Т.Х. Кусимовой, А. Курбанова, Г.Е. Корнилова, В.К. Магницкого, Ш.Марджани, В.У. Махрипова, Г.Ф. Миллера, О.Т. Молчановой, В.А. Никонова, Н. Кая, З.Г. Ураксина, В.В. Радлова, С. Сакаоглу, Г.Ф. Саттарова, Р.Ф. Халыгова, Ф.Г. Хисаметдиновой, М.Н. Чобанова, А.Г. Шайхулова и других.

Материалом для сравнительного исследования послужили данные из лексикографических источников по *татарскому языку*: Бендуков А. Исем. Балаларга күркәм исем бирергә киңәш һәм укучы сабылларга һәдия кылырга муафыйк китап / А.Бендуков. – Казан, 1899; Исеме Әгъзам китабы. Аллаһы тәгаләнең күркәм исемнәре. – Казан: Тын, 2005. – 111 б.; Саттаров Г.Ф. Исемен матур, кемнәр куйган? – Казан: Татарстан китап нәшр., 1989. – 256 б.; Саттаров Г.Ф. Татар исемнәре ни сөйли? / Г.Ф. Саттаров. – Казан: Раннур, 1998. – 486 б.; Саттаров Г.Ф. Татар исемнәре сүзлегә / Г.Ф. Саттаров. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. – 256 б.; Справочник личных имен народов РСФСР / под ред. Н.А. Баскакова и др. – М., 1965. – 254 с.; Справочник личных имен народов РСФСР: рек. Министерством юстиции РСФСР в качестве практического пособия для работников органов записи актов гражданского состояния РСФСР / под. ред. А.В. Суперанской, Ю.М. Гусева. – М: Рус. яз., 1987. – 656 с. Доп.; 1989. – 656 с.; Справочник татарских личных имен / под ред. Г.С. Сабирзянова. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1973. – 99 с.; Татар теленең аңлатмалы сүзлегә. – Казан: «Матбугат йорты» нәшр., 2005. – 848 б.; Татарско-русский словарь личных имен и фамилий / авт.-сост. Г.Ф. Саттаров, Р.Г. Ахметьянов, Ф.А. Ганиев и др. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2006. – 375 с.; Хәмидуллин Ш.Т. Исемнәренң бәгъзесене дәрәс язү / Ш.Т. Хәмидуллин. – Казан, 1899; по *башкирскому языку*: Кусимова Т., Бикколова С. Башкорт исемдәре. Башкирские имена / Т.Кусимова, С. Бикколова. – Уфа, 2005. – 224 с.; Шайхулов А.Г., Раемгужина З.М. Башкирские и татарские имена собственные / А.Г. Шайхулов, З.М. Раемгужина. – Уфа, 2006. – 92 с.; по

турсецкому языку: Kaya N. Çocuk isimleri ansiklopedisi / N. Kaya. – İstanbul: Laleli, 2000. – 536 s.; *турсецкого языка*: Kaya N. Çocuklarımız ve İsimlerimiz / N. Kaya. – İstanbul: Nizam Yayınev, 1992. – 500 s.; Kemal Zeki Gencosman. Türk isimleri sözlüğü. – İstanbul: Hürriyet Yayınları, 1975. – 234 s. Kibar O. Türk kültüründe ad verme: kişi adları üzerine bir tasnif denemesi / Osman Kibar. – Ankara: Akçağ Basım Yayım Pazarlama A.Ş., 2005 – 239 s.; *по казахскому языку*: Kazak Türklerinde kişi adları / T. J. Januzaqov, K. S. Esbayeva; aktaran Nurettin Aksu. – Ankara: Türk Dil Kurumu, 2003. – 102 s.; *по чувашскому языку*: Корнилов Г.Е. Инверсионный «Алфавит чувашских мужских языческих имен» / Г.Е. Корнилов, А.А. Леонтьева, 2002. – 100 с.

Диссертантом составлена картотека, включающая 4000 антропонимических единиц, выявленных в исторических, диалектно-этнографических, фольклорных источниках татарского языка, 3300 антропонимических единиц турсецкого языка, 2500 антропонимических единиц башкирского языка. В ходе данного исследования перед автором стояла задача выяснить, каков характер функционирования татарских личных имен и объем их актуального содержания при употреблении в разных формах письменной и устной речи. Самым главным, важным и надежным источником для реконструкции антропонимической картины и изучения формирования антропонимической системы татарского народа, становления отдельных антропонимических единиц послужили различные жанры письменных источников, относящихся к различным эпохам. Как нам кажется, именно исторические памятники содержат, в силу своей этнокультурной и исторической специфики, богатейший антропонимический материал и служат наиболее достоверным доказательством становления татарской антропонимической системы.

Накопленный значительный материал и опыт по исследованию палеографических памятников нашли достойное применение в изучении древнетюркской и средневековой антропонимической системы VII – XV в. тюркских народов. Материалы, представленные в работах Г. Айдарова [4], М.И. Ахметзянова [39], И.А. Батманова [70], Г.В. Благовой [98; 99],

Л.Н. Гумилева [159], А.В. Дыбо [172; 173], М.З. Закиева [193; 194], Н.Ф. Катанова [247], И.В. Кормушина [263], С.Г. Кляшторного [253; 254], В.М. Насилова [328], С.Е. Малова [286], В.В. Радлова [380], А.Г. Шайхулова [555; 556], И.Хадиева, Р.Марданова [342], Т. Текина [635], Г.В. Юсупова [576], Ф.С. Хакимзянова [526] и других, стали хорошим подспорьем при анализе раннетюркской антропонимической системы.

Привлечение для анализа памятников письменности позволяет увидеть информативную насыщенность антропонимической лексикой, а также способы подачи личного имени. К примеру, исследованные нами памятники XVI – XIX в. – писцовые книги, «Ревизские сказки» – создавались лицами разной степени грамотности, в основном, писцами, не владеющими татарским языком.

В XVI в. активное распространение получили писцовые книги, содержащие сведения об имущественном положении служилых людей. В них дано детальное описание условий хозяйствования вотчин, сел, монастырей, дворов в различных населенных пунктах и их владельцев. Писцовые книги были составлены русскими писцами и подьячими, поэтому в правописании татарских личных имен прослеживаются значительные погрешности. В работе проанализирован антропонимический материал писцовых книг Казанского уезда: Писцовое описание Казани и Казанского уезда 1565 – 1568 годов. – Казань: «Фэн», 2007. – 657 с. Писцовая книга Казанского уезда 1602 – 1603 гг. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. – 240 с. Писцовые книги Казанского уезда 1685 – 1687 гг.: публикация описаний Зюрейской дороги. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2009. – 425 с. Писцовая книга Казанского уезда 1647 – 1656 годов: Публикация текста. – М.: Институт Российской истории РАН, 2001. – 541 с.

Хорошо сохранился антропонимический материал в «Ревизских сказках», которые наряду с писцовыми и переписными книгами, являются основными документами, отражающими важные социально-экономические процессы в государстве, например, процесс развития социального неравенства среди крестьянства, что, бесспорно, служит важным материалом для антропонимических исследований. В «Ревизских сказках» представлены одни из

самых полных и официальных структурных формул записей именуемых, в сравнении с анализом структурных формул других источников того же времени. Однако «Ревизские сказки» заполнялись русскоязычными писцами, поэтому значительное количество татарских личных имен искажено, что заметно затруднило работу с именами. Наше исследование татарской антропонимической системы базируется на следующих материалах «Ревизских сказок» XVII – XIX в., хранящихся в Центральном Государственном архиве Республики Татарстан (ЦГА РТ, ф. 3, оп. 2., д. 4, 54, 55, 56, 59, 66, 69, 57, 65, 66; 138, 139, 140, 141, 259, 260, 262, 265, 266; 285 а, 285 в., 285, 387, 389, 388, 391, 396, 427, 432, 434, 438, 476, 483, 484, 449, 450, 456, 463, 498, 525).

Большое количество антропонимов содержится в метрических книгах – официальных записях рождений, браков и смертей в дореволюционный период, реестрах, которые велись в мечетях или особыми государственными чиновниками. У татар метрические книги начали вестись с 21 сентября 1828 года после изданного указа по Оренбургскому Духовному Магометанскому управлению. Однако в 1918 году был издан декрет о правилах заключения актов гражданского состояния, в котором запрещалось ведение мусульманским духовенством метрик и его полномочия передавались в местные органы Советов. До 30-х гг. XX столетия мусульманское духовенство продолжало вести метрические книги [397, 295]. Важность изучения именно метрических книг обусловлена тем, что зафиксированные в них татарские личные имена написаны согласно орфографическим нормам. Метрические книги заполнялись муллами, муазинами, получившим образование в медресе, в которые знали арабский и персидские языки. В метрических книгах нет орфографических погрешностей, ономовариантов. Специфика и сложность изучения антропонимической системы татар в метриках обусловлены тем, что они написаны на старотатарской графике, которая не передает некоторые гласные звуки. В работе использованы материалы из метрических книг Казанской губернии, Мамадышского, Чистопольского, Тетюшского уездов (ф. 204, оп. 177, д. 1, 938). Выбор этих ареалов в качестве опорного материала для данного исследования обосновывается, во-первых, тем,

что территории Казанской губернии, Тетюшского и Мамадышского уездов относятся к среднему [457, с. 67; 32], а территории Чистопольского уезда – к мишарскому диалекту [293; 458, с. 222; 80], которые «сыграли важную роль в формировании и развитии татарского литературного языка» [293, с. 256; 457, с. 19]. Начиная с болгарского периода территории Казанского, Мамадышского, Тетюшского, Чистопольского уездов являлись основными территориями, участвовавшими в образовании татарской государственности, следствием чего стало обновление, сохранение и изменение традиционного антропонимикона. Во-вторых, обращение к материалам окраинной территории с хорошей сохранностью антропонимических данных позволило в сравнительно-сопоставительном аспекте исчерпывающе изучить локальные варианты личных имен городской и сельской местности.

После принятия 16 сентября 1918 года «Кодекса законов об актах гражданского состояния...» метрические книги были отменены и заменены на актовые книги в местных органах ЗАГСа. 18 декабря 1917 года был принят декрет СНК РСФСР «О гражданском браке, о детях и о ведении актов книг», после которого начали вести записи актов гражданского состояния. Книги записей о рождении ведутся по сегодняшний день, заполняются специалистами ЗАГСа, акты ведутся на двух государственных языках, в них отображаются не только полная картина развития татарской антропонимической системы, но и статистические данные. В работе исследованы материалы актов о рождении Советского района г. Казани (1922 – 2015) г. Казани, архив ЗАГСа Кировского района; Авиастроительного района г. Казани (2003 – 2006) – архив ЗАГСа Авиастроительного района г. Казани; актов о рождении г. Мамадыш (1930 – 2006) – архив ЗАГСа г. Мамадыш; актов о рождении Тетюшского района (2000 – 2006) – архив ЗАГСа пос. Тетюши; актов о рождении Чистопольского района (2000 – 2006) – архив ЗАГСа г. Чистополь. Также проанализированы книги по учету прихода и расходов бланков свидетельств о государственной регистрации рождения Управления ЗАГС ИК МО г. Казани с 2000 по 2015 г.

Особым источником материалов для изучения развития антропонимической системы татар стали похозяйственные книги – документы первичного административного учета сельского населения, наличия у них земли, жилых построек, скота и другого имущества. Их ведение осуществляется с 1935 года по сегодняшний день. В похозяйственных книгах наиболее ярко отражены имена советского времени. Некоторые книги, например, в сельской местности в основном велись на татарском языке. Поэтому особенностью данных книг является отражение локальных вариантов татарских личных имен. Нами подвергнуты анализу похозяйственные книги сельских советов Мамадышского района (ф. р.- 1826, оп. 2, ед. хр. 1 – 4 , 5 – 12; ф. 5321, оп. 2, ед. хр. 2,3 – 14, 15, 18 – 24, 30 – 33, 37); Чистопольского района (ф. – р. 2055, оп. 1, ед. хр. 37, 36.), Тетюшского района (ф. – р. 2564, оп. 1, ед. хр. 26 – 27, 49, 50; оп. 2, 1, 2) ф. – р. – 2 578, оп. 1, ед. хр. 28-31; ф. – р. – 2591, оп. 1, 4, 7 – 16, 18 – 21, 26, 27, 36, 37; 44; 45; ф. – р. – 2582, оп. 2. 17-30, оп.4, ед. хр. 1, оп. 5, ед. хр. 8; ф. Р – 2592, оп. 1, ед. хр. 41, 42 – 44, 47; ф. – р. – 2595, оп. 2, ед. хр. 4 – 11, 17 – 19; 20, оп. 5, ед. хр. 2, 3; 7; ф. – р. – 3871, оп. 2, ед. хр. 44 – 46).

Таким образом, исторические источники являются разнообразными в жанрово-стилистическом отношении и предоставляют исследователю собой достоверный материал для глубокого и всестороннего изучения формирования и развития татарской антропонимической системы. Исследование антропонимической лексики по историческим источникам проведено в развитии, с учетом того, что не все эпохи представлены одинаковым количеством источников и одинаково изучены.

Помимо вышеуказанных, в нашем исследовании были использованы собственные полевые материалы автора, а также материалы серии «Сокровищницы научных экспедиций», собранные во время диалектологических экспедиций ИЯЛИ АН РТ: Милли-мәдәни мирасыбыз: Актаныш. – Казан, 2010. 415 б.; Милли-мәдәни мирасыбыз: Түбән Новгород. – Казан- Түбән Новгород – Мәскәү: «Мәдинә» нәшрият йорты, 2011. – 400 б.; Милли-мәдәни мирасыбыз: Апас. – Казан, 2011. – 422 б.; Милли-мәдәни мирасыбыз: Мари Эл татарлары.

Бәрәңге. – Казан, 2012. – 376 б.; Милли-мәдәни мирасыбыз: Удмуртия татарлары. – Казан, 2013. – 384 б.; Милли-мәдәни мирасыбыз: Омск өлкәсе татарлары. – Казан, 2015. – 460 б.; Милли-мәдәни мирасыбыз: Мамадыш. – Казан, 2017. – 344 б.

Для выявления этнокультурных аспектов сравнительного изучения важным источником стал тюркский фольклор, представленный и теоретически исследованный в трудах таких крупнейших фольклористов, как В.М. Жирмунский [184], В.Я. Пропп [380], Н. Исанбет [444, 445, 446], М.Х. Бакиров [52; 53; 54; 55], М.Ш. Махмутов [291, 292], К.М. Миннуллина [307; 308; 309; 310], Ф.И. Урманчеев [493; 494] и др.

Применение комплексного метода позволяет привлечь в одном исследовании разнородный материал, способствует проверке достоверности и корреляции фактов, гарантирует объективность сделанных выводов. На наш взгляд, источники, взятые по отдельности, разумеется, не отражают развитие татарской антропонимической системы во всей необходимой полноте, не способны определить перспективы её дальнейшего развития.

Апробация результатов исследования. Основные итоги изложены в трех монографиях, в разделе «Татарской лексикологии», в 18 статьях, опубликованных в журналах, рекомендуемых ВАК РФ и в 47 статьях, опубликованных в материалах всероссийских и межрегиональных научных конференциях: «Чувашская ономастика: проблемы и перспективы» (Чебоксары, 2007), «Проблемы филологии народов Поволжья» (Москва, 2008, 2010), «Традиционная культура народов Поволжья» (Казань, 2016). Концепция, основные идеи и результаты диссертационного исследования докладывались на следующих международных конференциях: «Ономастика Поволжья» (Уфа, 2006 г., Йошкар-Ола, 2008 г., Казань, 2010 г., Ярославль, 2012 г., Тверь, 2014г., Арзамас, 2016 г.), «Актуальные проблемы комплексного исследования алтаистики и тюркологии» (Кокшетау, Казахстан, 2009 г.), «Актуальные проблемы современной фольклористики» (Казань, 2009), «Чувашский язык и современные проблемы алтаистики» (Чебоксары, 27 – 28 февраля 2009 г.), «Проблемы общей и региональной ономастики» (Майкоп, 2010 г.), «Тюркский язык – мировой язык»

(16 – 18 декабря 2010 г. Университет Докуз Ейлюл, Турция, Измир), «Эпос «Манас» – памятник мировой эпической культуры» (Москва, 18 – 19 декабря 2012 г.), «Современная тюркология: литература, история и культура тюркских народов» (г. Елабуга, 7 февраля 2014), «Филологический аспект» (Н.Новгород, 25 мая 2015 г.); «Современные тюркологические исследования» (Казахстан, Алма-Ата, 20 – 22 мая 2015 г.), «Имя и наречение» (Румыния, 1 – 3 сентября 2015 г.), «Языки и литературы тюркских народов», конференция посвященная 180-летию кафедры тюркской филологии Санкт-Петербургского университета (Санкт-Петербург, 26 – 28 октября 2015 г.), «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России» (Уфа, 2015), «Тукай и тюркский мир» (Казань, 2016), «Традиционная культура тюркских народов в изменяющемся мире» (Казань, 2017), «Наследие Галимжана Ибрагимова в контексте многообразия культур» (Казань, 2017).

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Этнокультурный компонент в личных именах, отражающий национальный менталитет и особенности восприятия окружающего мира, внешнего и внутреннего мира человека, времени, социального мира, является важным составляющим этнокультурного пространства, который как один из ключевых репрезентантов в антропонимических системах тюркских народов актуализируется при категоризации многих сфер жизнедеятельности человека.

2. Ономастическая экспликация обряда имянаречения и личного имени в тюркских культурах испытала сильнейшее влияние мусульманской культуры, которое отражается как в именнике (составе, корпусе, набор), так и в узусе и во многом сохранила до наших дней отношение к имени, имянаречению и именованию, свойственное домусульманской мифопоэтической традиции. В сравниваемых тюркских языках в обрядовой структуре сходство проявляется в семантической мотивации личных имен, расхождения выделяются при выборе мотивации конкретных обрядовых способов и действий, совершаемых с личным именем в разных системах. Это связано с различиями в восприятии окружающего

пространства, внешнего и внутреннего мира самого человека, в способах мировидения социума, в диалектном членении.

3. Сходства личных имен в репрезентации окружающего, внешнего и внутреннего мира человека, социального мира свидетельствуют об общности образного фонда сравниваемых культур. Различие проявляется в личных именах, выступающих маркером национальной идентичности, которые несут информацию о характерных особенностях своего носителя, о его социальном статусе, отражают этнокультурные традиции, языковое сознание и национальный характер соответствующего этнокультурного пространства. Личное имя также рассматривается как закодированный этнокультурный текст, определяющий антропонимическую языковую личность.

4. Языковая специфика тюркских фольклорных имен выражается в образном наполнении этих единиц и связана с культурными и национальными особенностями носителей исследуемых языков. В фольклорном и диалектно-этнографическом контексте исследуемых тюркских языков наречение личным именем является важным шагом во включении новорожденного в этнокультурное пространство того или иного этноса, которое отличается архаичностью своего языкового кода. В контексте эпического фольклора в исследуемых тюркских языках имя, обрядовые действия, совершаемые с личным именем, а также табуирование трактуются как важнейший инструмент, регулирующий отношения человека с окружающим миром. В эпических именах отражаются характер, деяния, черты человека, в результате чего некоторые имена продолжают функционировать в устойчивых словосочетаниях, сохраняя и фиксируя мифопоэтические образы в народной лексике тюркских языков.

5. В татарской этнокультуре определенные различия обрядовых действий и ритуалов, совершаемых с личным именем, проявляются в процессе включения новорожденного в локальное этнокультурное пространство. Диалектное многообразие татарской лексики имянаречения свидетельствует о сохранении в ее обрядовой структуре древних традиций, названия которых не функциональны в

современном литературном языке, а сохранены в некоторых диалектных членениях татарского языка.

6. Татарская антропонимическая система состоит из взаимодействующих систем, в которой действуют как древнетюркские и мусульманские, так и западноевропейские и славянские этнокультурные процессы и тенденции. Современную татарскую именную систему нужно рассматривать как процесс, демонстрирующий постоянную смену этнокультурных факторов функционирования имени. Тем не менее прозрачность семантики некоторых компонентов личных имен, дошедших с первых письменных памятников древнетюркской эпохи, сохранена и в XXI столетии.

7. Оптимальная методика исследования этнокультурного компонента семантики антропонимических знаков требует сравнительного подхода, рассмотрения языкового знака в кругу других знаковых систем. Для получения достоверных выводов необходимо привлекать разноплановые в жанровом отношении исторические источники, фольклорно-диалектный материал, должны исследоваться по унифицированной схеме, в основу которой положен лексико-тематический принцип.

Структура и содержание диссертации.

Во Введении обоснован выбор темы, освещена степень научной разработанности проблемы, аргументированы актуальность исследования и его новизна, определены цель, задачи, предмет, объект исследования, названы материал и методологическая основа исследования, сформулированы гипотеза исследования и положения, выносимые на защиту, раскрыты теоретическая значимость и практическая ценность работы, охарактеризованы структура и объем диссертации, освещена апробация результатов исследования. В первой главе «Методологические аспекты изучения этнокультурного пространства антропонимической системы в контексте общелингвистических исследований» анализируется проблематика ономастических исследований последнего десятилетия в этнокультурном пространстве языка. В работе выделяется работа московской этнолингвистической школы Н.И. Толстого, в которой

разрабатываются проблемы комплексного исследования славянской традиционной духовной культуры в контексте языка, фольклора, обрядов и обычаев славянских народов. Отмечаются труды московской этнолингвистической школы, рассматривающей имя как «часть вербального (языкового) кода традиционной духовной культуры». Наиболее полно анализируются проблемы и перспективы развития татарской антропонимики, которая развивается в традициях казанской тюрко-татарской ономастической школы. В работе подчеркивается достаточно богатая исследовательская база по решению вопросов антропонимики, сложившаяся в результате многолетнего опыта данной школы. Как показал анализ, в современном татарском языкознании существуют пробелы в изучении антропонимической системы татар в этнокультурном пространстве языка, что и вызвало необходимость проведения данного исследования. Интерес к изучению онимов в контексте лингвофольклористики, теоретико-методологические разработки которой тесно переплетаются с проблемами национальной культуры, возрос на рубеже XX – XXI столетий. В исследовании фольклоронимы репрезентируют мифопоэтическую модель мира, в которой запечатлены этнокультурные явления тюркских народов. В татарском языкознании собрана и систематизирована этнокультурная лексика, отражающая все слои жизни и быта народа: внешний и внутренний мир человека, условия проживания, обряды и обычаи, праздники и др. Монографические и лексикографические исследования раскрывают ареалы распространения этнокультурной лексики или групп, их синонимичные варианты, лексические семантические различия. Все это, с одной стороны, еще раз подтверждает правильность установленного диалектного членения татарского языка и, с другой, обогащает и позволяет развивать дальше ареальную характеристику в плане истории развития.

Во второй главе «Ономастическая экспликация семантики обряда имянаречения и личного имени в татарском и в других тюркских языках» анализируются лексика обряда имянаречения и его ритуалов; отношения личного имени в локальных вариантах культуры татар и в репрезентации кластеров

«Внешний и внутренний мир человека», «Окружающий мир», «Социальный мир», «Время», «Мифопоэтический мир», которые отражают мифопоэтическую, пространственно-временную, социальную языковую модель; изучается семантика личных имен в эпических фольклорных жанрах. В фольклорном и диалектно-этнографическом контексте доказывается, что имянаречение является важным шагом во включении новорожденного в этнокультурное пространство этноса, которое отличается архаичностью и многогранностью своего языкового кода. Татарская этнокультура определяется особенностью и определенными различиями обрядовых действий и ритуалов процесса включения новорожденного в локальное этнокультурное пространство. Генетические истоки традиций и обрядовых действий имянаречения во всех исследуемых тюркских языках восходят к системе мировоззрения древнетюркских народов об антропониме как о душе человека, о знаке предопределения судьбы, однако в процессы имянаречения татар включены и исламские традиции. В сравниваемых культурах личные имена выполняют охранительную, магическую, лечебную функции. В традициях татар одним из магических средств изгнания нечистых сил, обладающих лечебно-охранительной функцией является обычай переименования (исем алыштыру), которые зафиксированы и у других тюркских народов. Личные имена в эпических фольклорных жанрах отражают мифопоэтическую модель мира, играют важную роль в конкретизации менталитета народа, его культурно-исторических и мифологических корней, способствуют актуализации всех его потенциальных свойств, а также понимание историко-философского и этнокультурного содержания. Личные имена в эпических жанрах фольклора рассматриваются как этнокультурные знаки. В исследовании обосновывается вывод, что в тюркских дастанах сохранены личные имена – архаизмы, исчезнувшие в языке, которые создают предпосылки для реконструкции антропонимической системы. Сравнительно-сопоставительный анализ исходной мотивированности личных имен в тюркских пословицах и поговорках дал возможность проявления этнокультурной специфики паремий, обусловленных своеобразным восприятием окружающего мира, различными ассоциациями,

возникающими у носителей языка в связи с ролью в жизни народа тех или иных социально-общественных и природных явлений и окружающих предметов. Сравнительный анализ личных имен в татарских, турецких и башкирских загадках раскрывает общность вербализации человеком явлений окружающего мира.

В третьей главе «Сравнительно-исторический анализ тюркских личных имен в этнокультурном пространстве языка (на материале татарского антропонимикона)» рассматриваются основные периоды развития и функционирования тюркского антропонимикона: древнетюркский период (V – X вв.); средневековой период (X – XV вв.); новотатарский период (XVI – XX вв.); советский период (20-е гг. начало XX в.); современный период (конец XX в. – XXI в.). Исходя из историко-этнокультурных предпосылок в процессе становления антропонимикона, нами были выделены пять генетических пластов в антропонимической системе: тюркский, арабский, персидский, западноевропейский, славянский, каждый из которых внёс свой вклад в современную антропонимическую систему. На материале разных исторических памятников (писцовых, похозяйственных, метрических книг, «Ревизских сказок», актовых записей о рождении) анализируются особенности функционирования и развития татарских личных имен: конца XVI – начала XVII в. в материалах писцовых книг; XVIII – XIX вв. в материалах «Ревизских сказок»; XX в. – по материалам метрических книг; середины XX – XXI в. по в материалам актовых записей о рождении.

ГЛАВА I

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

§ 1.1. Этнокультурный подход к исследованию антропонимической системы в зарубежной и славянской лингвистике

Этнокультурное пространство – это совокупность мировоззрений, мировосприятий этноса, народа об окружающем, социальном, мифопоэтическом мире человека, обуславливающие основные жизненные, религиозные, философские формы сознания, материалистические, религиозно-идеалистические элементы мировоззренческих систем, представляющих собой обобщение исторического, социального и духовного опыта прошлого. Следовательно, слово является носителем национально-культурной информации, а этнолингвистика – это познание и знание материального мира и его семиотического отображения вербальными и невербальными средствами национального самосознания.

Основные концептуальные основы этнокультурного пространства во взаимодействии языка и культуры были заложены в трудах И. Г. Гердера (XVIII в.) и В. Гумбольдта (нач. XIX в.), в которых единство языка и культуры понималось в способности воздействия на формирование народной культуры.

Так, в конце XIX в. ученые-этнографы столкнулись с необходимостью овладеть языками индийских племен, без чего невозможно было понять их культуру, быт, обрядность. В. фон Гумбольдт в работе «Природа и свойства языка» [158] рассматривает соотношение слова и предмета, говорит о языке как о своего рода миропонимании: «Язык есть как бы внешнее проявление духа народов, ... в каждом языке заложено самобытное мирозерцание». «Разные языки – это не различные обозначения одного и того же предмета, а разные видения его» [158, с. 4]. Он замечает, что «мир, в котором мы живем, есть ... именно тот мир, в который нас помещает язык, на котором мы говорим». В работе

«О двойственном числе», которую В. фон Гумбольдт представил Прусской Академии, он сформулировал идею о языке как о зеркале мышления, определяющем мировоззрение говорящих: «Язык отнюдь не является только средством взаимопонимания, он – отражение духа и мировосприятия говорящих» [158, с. 10]. Из этого следует, что язык и мышление взаимосвязаны, языковая структура и конкретные языковые средства – это и есть отражение действительности.

В начале XX века представитель американской школы антропологии Франц Боас исследовал материальную и духовную культуры, а также фольклор и язык американских индейцев [100]. Лингвистические взгляды Ф. Боаса послужили основой для возникновения двух течений в американском языкознании – этнолингвистики и дискриптивизма [562, с. 251]. Основателем этнолингвистики, антропологической лингвистики, лингвистической антропологии стал его ученик – Эдвард Сепир. Как известно, в начале XX века в русле этнокультурного направления выросла известная гипотеза лингвистической относительности Сепира – Уорфа, по которой языковая структура определяет способ познания внешнего мира. В отличие от В. фон Гумбольдта, который считал, что язык определяет взгляд на мир [158, с. 4], позиция Э. Сепира выглядит немного иначе, он пишет, что «люди живут не только в объективном мире или мире социальной деятельности, как обычно утверждают, но в значительной степени зависят от языка, которым пользуется общество. Речь есть чисто историческое наследие коллектива, продукт длительного социального употребления. Она многообразна, как и всякая творческая деятельность, быть может, не столь осознанно, но все же не в меньшей степени, чем религия, верования, обычаи, искусства разных народов» [417, с. 6]. Таким образом, Сепир под культурой понимает всю совокупность общественной жизни данного коллектива, то, что можно было бы назвать производством материальных благ и духовных ценностей, все формы общественной жизни. «Язык, – пишет он, – становится все более ценным при научном исследовании любой культуры в том смысле, что сеть культурных моделей любой цивилизации заиндексирована в языке, который выражает эту

цивилизацию» [417, с. 7]. Язык, по мнению Сепира, в приемах своего символизма выявляет «культурные модели». Он утверждает, что реальность общества, говорящего на разных языках, всегда различна. Значит, различные языки строят различные «реальные миры» – вывод, который со своими уточнениями делает ученик Сепира Бенджамин Уорф, изучавший один из языков американских индейцев – язык хопи – он определяет тип культуры и, более того, – само видение мира [490]. Уорф в своих трудах и ставит термины «язык, религия, верования, обычаи, искусство» в один ряд, который является важным для этнокультурных изысканий в историческом, диахроническом аспекте, для реконструкции древних соотношений языка и этноса. Суть ее состоит в том, что люди, владеющие разными языками и принадлежащие к разным культурам, воспринимают мир по-другому. Изучая язык американских индейцев, Уорф открыл для себя, как в языке индейцев оформляются понятия, обозначающие разные стороны объективной действительности. Особенности конкретного языка несут в себе информацию о специфике национальной ментальности и национального характера, которые являются важнейшими составляющими всей национальной культуры.

Самовыражение национальной черты может происходить с помощью определенной грамматической категории. Как известно, для исследований в историческом и этнокультурном аспектах в реконструкции древних соотношений языка и этноса, языка и народной культуры показателем является традиционная духовная лексика народа. Этнокультурная специфика формируется в системе ценностей, обычаев, традиций конкретной этнокультурной общности. Значит, по Уорфу, наши представления об окружающей действительности не являются отражением объективной реальности, они – лишь произвольная картина, определяемая строем нашего языка, в то время как язык формирует, организует материал опыта согласно своим языковым моделям.

Таким образом, в 20-е годы XX века антропологические идеи В. фон Гумбольдта сформировали философское направление неогумбольдтианства (антропологическая лингвистика Э. Сепира и Б. Уорфа) как реакцию на «формализм» грамматического подхода к языку в европейском и американском

языкознаниях (работы Э. Кассирера, П. Хартмана), обеспечили становление и развитие в Европе этнокультурного направления.

В русском языкознании идеи В. фон Гумбольдта получили дальнейшее развитие в работах Ф.И. Буслаева [108], А.Н. Афанасьева [33], А.А. Потебни [373; 374], в которой с помощью лингвистических методов исследовалось содержание народной культуры и мифологии.

В работах «Мысль и язык» [373], «Записки по теории словесности» [374], в статье «Язык и народность» [374] А.А. Потебня развивает идеи взаимообусловленности языка – мысли – искусства – традиционной культуры. Он привлекает широкий этнокультурный контекст, на материале которого развивает мысль о тесной связи духовных особенностей народа с его языком.

Этнокультурный и исторический аспект исследования продолжился в трудах Д.К. Зеленина [205], А.Н. Веселовского [115], О.М. Фрейденберг [502], П.Г. Богатырева [101] и др.

Новым этапом рассмотрения этнокультурного аспекта в изучении русской антропонимики, на наш взгляд, следует считать работу А.М. Селищева «Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ» [416, с. 387 – 423]. Именно эта статья положила начало изучению антропонимической лексики в этнокультурном аспекте. Интересна также вторая статья А.М. Селищева по антропонимике «Смена фамилий и личных имен» [416, с. 423 – 436], которая увидела свет только в 1971 г. и в котором собран большой фактический материал 30-х гг. XXв. В работе даны определения основных антропонимических единиц, разработаны критерии их разграничения, не потерявшие значимости и в настоящее время. Антропонимические идеи А.М. Селищева продолжил его ученик В.К. Чичагов, который в книге «Из истории русских имен, отчеств и фамилий» [550] поднимает проблемы русской исторической ономастики на материале исторических документов XV – XVII вв.

В теоретической работе «Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного» [114] (продолжая мысли А.А. Потебни) Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров поднимают проблему

сопряжения языка и культуры в новом направлении – страноведении, целью которой считают способность воспринимать чужую культуру, эмпатии (от греч. *empathēia* ‘сопереживание’), а также формирование конкретных стратегий поведения при контакте с другими культурами. Как известно, во второй половине XX в. в методике преподавания иностранных языков лингвострановедение стало принципиально важным - «язык – это общественное явление, он выступает хранителем информации о мире, характерной для всего коллектива говорящих, для всей этнолингвистической, культуроязыковой общности» [114, с. 31]. По мнению авторов, «любой язык всегда способен выразить культуру народа, говорящего на нем, если изменяется культура, появляются или исчезают некоторые культурные элементы, то немедленно, одновременно с изменением культуры, модифицируется и язык» [114, с. 48]. В книге также изложены теоретические и практические проблемы взаимосвязи языка и культуры, в которых язык отождествляется с хранилищем национальной культуры и раскрывается в отношении к национальному языку.

В общем языкознании конца XX в. в центре внимания оказываются проблемы соотношения культуры и этноса и их взаимосвязь с языком. В этой области следует выделить работы Т.А. Агапкиной [1], О.В. Беловой [90], Е.Л. Березович [92, 93, 94, 95, 96], Л.Н. Виноградовой [117], А.В. Гура [160; 161], А.Ф. Журавлева [188], М.И. Исаева [223], С.Е. Никитиной [337], А.А. Плотниковой [367; 368], И.А. Седаковой [415], С.М. Толстой [474; 475; 476], А.Л. Топоркова [482], В.В. Усачевой [495], А.В. Юдина [570; 571] и других ученых, внимание которых сосредоточено на новом направлении в языкознании – славянской этнолингвистике.

Понятие «этнолингвистика» впервые упоминается на русском языке в 1952 г. в рецензиях на американские исследования [389, с. 7]. В российской лингвистической науке этнолингвистика как особая дисциплина сформировалась в конце 60-х гг. XX в. в трудах Вяч. Вс. Иванова и В.Н. Топорова. В фундаментальном труде «Славянские языковые семиотические моделирующие системы» [212] разработан формализованный язык и принципы структурного

анализа мифологических и сказочных текстов на основе двоичных семантических признаков, рассмотрена типология и показана их эффективность в реконструкции древнейших текстов. Эти разработки получили дальнейшее развитие в рамках этнолингвистической школы крупного российского этнолингвиста Н.И. Толстого. Ключевым методом этнолингвистической школы является перенесение лингвистических понятий на культуру. Н.И. Толстой отмечает два плана бытования термина этнолингвистика. В широком плане он включает в этнолингвистику «диалектологию, язык фольклора и часть истории языка, связанную с исторической диалектологией, культурной и этнической историей народа, почти все аспекты изучения языка как социального явления. В узком плане он называет этнолингвистику отраслью языкознания, которая ставит и решает проблемы языка и этноса, языка и культуры, языка и народного менталитета, языка и мифологии и т.п.» [478, с. 27]. В своих трудах Толстой развивает понятие «этнолингвистика» преимущественно в широком аспекте его понимания.

Трактовки термина «этнолингвистика» получили впоследствии широкое распространение в других славянских странах. Польская этнолингвистическая школа Ежи Бартминьского во многом дополняет московскую этнолингвистическую школу, хотя каждую из них характеризует свой подход к языковым явлениям. Школа Е. Бартминьского занимается изучением языковых стереотипов, исследовательское внимание обращено к типичному и прототипическому в языке и культуре. Школа Н.И. Толстого рассматривает соотношение языка и традиционной культуры, языка и менталитета народа, языка и фольклора, их взаимосвязь от разных видов жанров в диахронии, в исторической и генетической ретроспективе. Н.И. Толстой подчеркивает, что если раньше при реконструкции прародины, славянского древнего быта и языческой культуры специалисты по этногенезу и древностям пользовались исключительно археологическими и лингвистическими данными (топонимика, сравнительно-историческая грамматика), то этнолингвисты видят в этнографическом и фольклорном материале серьезный дополнительный источник

для тех же изысканий [477, с. 17]. В этом определяется особая роль языка и его воздействие на формирование культуры, психологии и фольклора.

В отечественной науке с данной областью связана деятельность таких исследователей, как Т.А. Агапкина [1], О.В. Белова [90], А.С. Герд [149], А.В. Гура [160; 161], А.Ф. Журавлев [185], Ю.А. Кульпинов [277], С.Е. Никитина [337; 338], И.А. Седакова [415], Н.И. Толстой [477; 478; 479], С. М. Толстая [474; 475; 476], В.Н. Топоров [481], А.Л. Топорков [480], А.В. Юдин [568; 569; 570], и других ученых.

В трудах последних лет прослеживаются новые попытки теоретического осмысления принципов, задач и методов изучения языкового материала в этнокультурном аспекте и происходит постепенное сужение предмета этнолингвистики. В работах А.С. Герда «Введение в этнолингвистику» [149], М.М. Копыленко «Основы этнолингвистики» [263], Е.Н. Руденко «Этнолингвистика без границ. Введение в лингвистическую антропологию» [389] рассматриваются главным образом проблемы культурной семантики и прагматики. Сегодня, наряду с множеством работ в этнолингвистическом направлении, нацеленных на описание отдельных фактов той или иной культуры или на сравнительный анализ языковых явлений в двух или более культурах, появился ряд серьезных публикаций теоретического плана, позволяющих прогнозировать некоторые направления дальнейшего развития проблематики исследований языка в контексте этнокультуры. Представляется обоснованной позиция Л.Л. Залевской [199, с. 76], раскрывающая современное состояние этнолингвистики в России, которая отмечает тенденцию к расширению предмета этнолингвистики. В работе М.М. Копыленко предмет этнолингвистики сужается до так называемой «этнокультурной» лексики и фразеологии, в которых этнос отображается наиболее ярко, в то время как на самом деле «он включает все то, в чем находит отражение идиоэтничность, в том числе народный менталитет» [263, с. 19]. Согласно определению М.И. Исаева в «Словаре этнолингвистических понятий и терминов» [223], этнолингвистика понимается как научная дисциплина, находящаяся на стыке этнографии и лингвистики и изучающая взаимоотношение

между этносом и языком, и занимающаяся эмпирическими исследованиями моделей и функций применения языка в различных ситуационных контекстах, свойственных разным культурам, равно как и созданием общей теории языка, шире – коммуникации вообще во всей совокупности человеческой культуры, опираясь при этом на предпосылки, исходящие от связи конкретных культур с конкретными языками [223, с. 178].

Весьма интересен авторский подход Е.Н. Руденко к определению, в котором этнолингвистика рассматривается как «направление в языкознании, изучающее язык в его отношении к культуре, взаимодействию языковых, этнокультурных и этнопсихологических факторов в функционировании и эволюции языка» [389, с. 5]. Постулируется, что объектом этнолингвистического исследования являются именник, фольклорные тексты, обряды, обычаи, верования, этнографические тексты. Именно в данных исследовательских объектах отражаются культурные ценности.

В исследованиях следует выделить определенные корреляции между направлениями, существующими в рамках этнолингвистики (лингвокультурология, когнитивная лингвистика, концептуальный анализ и др.), которые изучают, в первую очередь, «данные синхронно функционирующих литературных языков, практически не обращаясь к истории языка, не затрагивая диахроническую проблематику» [92, с. 11]. «Различие состоит в том, что лингвокультурология отличается от ряда ранее сформировавшихся исследовательских направлений, изучающих взаимоотношения языка и культуры, материалом, целью и методом анализа» [478, с. 18]. Отметим, что, в отличие от этнолингвистики, восстанавливающей данные языка в исторической ретроспективе, лингвокультурология направлена на рассмотрение языка и культуры в синхронии. Материалом лингвокультурологии являются реальные живые коммуникативные процессы и литературный, философский, религиозный, фольклорные дискурсы, содержащие культурную информацию в языковых единицах и выражениях. Этнолингвистике присуща не только ретроспективная (реконструкционная), но и перспективная (прогнозирующая) направленность.

Некоторые ученые считают этнолингвистику междисциплинарным направлением, лежащим между языкознанием, этнографией и социологией [149, с. 3]. На наш взгляд, более целесообразно суженное понимание предмета этнолингвистики Н.И. Толстого.

Таким образом, проблематика ономастических исследований в этнокультурном аспекте, появившихся в нашей стране в течение последнего десятилетия, весьма обширна. В данной работе, после вышеизложенных работ общетеоретического плана, обращено внимание на труды, посвященные объекту нашего исследования – антропонимии.

В 80 – 90-х гг. XX столетия в славянской ономастике, несмотря на различие подходов к исследованию, очерчивается этнокультурный аспект рассматриваемых проблем в работах Е.Л. Березович [92; 93; 94], Н.В. Васильевой [111], М.В. Голомидовой [154], А.К. Матвеева [287], И.И. Муллонен [315], И.Э. Ратниковой [386], А.В. Суперанской [Суперанская [432; 433], В.И. Супруна [435], М.Э. Рут [393], В.Н. Топорова [481], Н.И. Толстого [478], С. Толстой [475; 476], А.В. Юдина [569; 570; 571] и др.

Будучи неотъемлемым компонентом сознания, язык является картиной мира, отображаемой в языковых формах. Исходя из того, что слово – это «коллективная память носителей языка», «памятник культуры», «зеркало жизни нации» [114, с. 31], следует понимать, что личные имена представляют особую значимость в трансляции национального самосознания, культуры и являются кодом вербального этнокультурного пространства. Ценность антропонимов заключается в кодировании этнокультурной информации, образующей антропонимическую картину мира в этнокультурном пространстве языка. Н.И. и С.М. Толстые рассматривают личное имя как «часть вербального (языкового) кода традиционной культуры, занимающего особое место и образующего самостоятельный ономастический код» [477, с. 353 – 380]. В их трудах обозначаются главные аспекты изучения прагматики и культурных функций личного имени в традициях народного сознания. На фольклорно-этнографическом материале авторами доказывается особая, отличительная от

общезыковой, прагматика, специфическая семантика личных имен. Согласно ученым, личному имени характерны этимологическая магия, табуирование, мифопоэтическое притяжение. Личное имя выступает как сакральный инструмент, регулирующий отношения человека с миром [475, с. 379].

Выделяя сущность ономастического пространства, доктор филологических наук, профессор, основатель ономастической научной школы Тюменского государственного университета Н.К. Фролов рассматривает личные имена как компонент культурно-исторической парадигмы [503, с. 467]. В его понимании «ономастическое пространство» – это часть лингвистического пространства, со своей вербальной нишей, собственными внутренними логико-понятийными (тематическими) разрядами собственных имен, отличающихся спецификой функционирования и автономией лингвистического анализа. Это важно для общих представлений об этнокультурной значимости антропонима, ведь «язык как инструмент познания и коммуникации, в то же время является знаковой системой, в котором взаимодействуют мир и языковые средства, отображающие код и логику мышления, а через него мир, многослойность взаимодействия практического или теоретического, культурного и собственно языкового опыта, неизбежно создает то, что отличает языки по характеру расчленения ими действительности, но еще в большей степени – по культурно-национальной самобытности тех ассоциаций, которые связывают предшествующий опыт с вновь накопленным и отображаемым в понятийно-языковой форме» [468, с. 103].

Важной для изучения представляется работа С.Е. Никитиной, в которой автор исследует фольклор и традиции старообрядцев. По мнению ученого, в этнолингвистическое исследование обязательно должны включаться диалектологические, этнографические, фольклористические источники [337, с. 180]. Как нам кажется, отсутствие достаточных исторических памятников делает диалекты единственным источником для внутренней реконструкции древнейшего состояния татарской традиционной духовной культуры – обрядов, символов, фольклорных персонажей. Материал диалектологии и фольклора дает возможность и внешней реконструкции, т.е. сравнению с элементами, формами и

системами родственных духовных культур и языков, например, с казахской, башкирской, турецкой, азербайджанской и др. Типологически сходные параллели можно проследить в фольклорных, мифологических и народно-культурных элементах татарского народа и других родственных народов. Генетически общие истоки и общая традиция объединяют тюркскую народную культуру.

Несомненно, весомым вкладом в изучение личных имен и разработку теоретико-методологического принципа их описания является работа Т.В. Топоровой «Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные» [482]. Автор рассматривает собственные имена как культурно-исторические и языковые индексы, отождествляя их с «зеркалами культуры», отображающими наиболее престижные понятия, особый статус в мифопоэтической модели мира в реконструкции этнографических и культурно-исторических реалий.

Интересной в этнокультурном аспекте является монография М.Э. Рут «Образная номинация в русской ономастике» [393]. Рассматривая проблемы формирования и функционирования образных номинативных единиц и опираясь на обширный ономастический материал (астронимы, антропонимы и топонимы Русского Севера), а также используя данные ономастиологических экспериментов и записей живой разговорной речи [393, с. 7].

Важным вкладом в изучение имен собственных с этнокультурной позиции являются исследования Е.Л. Березович [92; 93; 94; 95; 95; 96]. Говоря о том, что в ономастике разработано множество методик извлечения этнокультурной информации, автор прибегает к фреймовой методике изучения топонимов. Во всех ее работах имена собственные представляют особый код в этнокультурном пространстве, несущий информацию об имядате как о языковой личности, вобравшей в себя особенности народной духовной культуры. Традиционная духовная культура, эксплицирующаяся в семантике и структуре личных имен, дает представление об этнической культуре, транслируемой через языковые устойчиво воспроизводимые структуры, включающие в себя основы традиций, обрядов, народного творчества. Монография Е.Л. Березович «Русская топонимия

в этнолингвистическом аспекте. Мифопоэтический образ пространства» [95] является продолжением серий работ автора, в которой реконструируется мифопоэтический образ пространства, отраженный в топонимии. Примечательно, что исследования автора связаны с фольклором, выявленным на материале топонимических преданий с мифологическими и историческими мотивами.

Интересным является монография С.И. Гарагуля «Антропонимия в лингвокультурном и историческом аспектах. На материале английских личных имен» [134]. В работе автором доказано, что имя – важнейший инструмент самоидентификации, с одной стороны, и идентификации индивида в социуме – с другой. Проблема изучения английского личного имени как культурно-исторической категории современного английского языка раскрывается в рассмотрении вопроса о месте личного имени в общих структурно-семантических процессах, характерных для имени вообще, а также степени его вовлеченности в процесс отчуждения от носителя и метафоризации в конкретных исторических условиях. Данная работа включает в себя также лингвopsихологические и лингвогеографические аспекты изучения имени. Проблема изучения англоязычной антропонимии в контексте современных общелингвистических исследований рассматривается в следующей монографии С.И. Гарагуля в соавторстве с Т.А. Комовой – «Имя личное в англоязычном культурно-историческом пространстве» [133]. Авторами исследованы теоретико-методологические подходы к изучению англоязычной антропонимии в контексте современных общелингвистических исследований. Рассмотрена семантика личного имени в историческом и культурном аспектах по материалам Великобритании и США.

Функционирование личного имени в иноязычной среде в контексте микро- и макроистории и лингвокультуры его носителя – индивида как языковой личности исследуется в монографии - «Языковая личность. Индивид и его имя в иноязычной среде» [135]. Автором доказано, что для национальной антропонимической системы характерен динамизм, проявляющийся в переименовании, изменении формы и объема культурно-исторической

информации в имени, который определяется пространственно-временными параметрами идентификации индивида. Интересно мнение автора о том, что антропонимические трансформации, приобретающие социальное, культурное и психологическое значение, демонстрируют неразрывную связь со сменой имени и поиском индивидом своей идентичности.

Этнокультурное пространство в языке применительно к именам собственным с опорой на шведские антропонимы изучено в кандидатской диссертации У.П. Природиной «Этнокультурное пространство антропонимов в языке» [376], в которой впервые предложены системные критерии выделения аспектов этнокультурного анализа антропонимов. В исследовании в контексте современной парадигмы научного знания проведены комплексный анализ и систематизация материала по именованию человека в шведской культуре.

Всплеск интереса к рассматриваемой проблеме прослеживается и в работах последнего десятилетия: Л.С. Головиной [153], Ю.А. Кульпинова [277], М.В. Халиковой [530], З.З. Чанышевой [549] и др.

Обобщая вышеизложенное, следует отметить, что идеи об этнокультурном пространстве языка В. фон Гумбольдта, поддержанные А.А. Потебней, Ф.Боасом, Э. Сепиром, Б. Уорфом, Н.И. Толстым, Е.Бартминьским и другими известными учеными, прочно утвердились в современном отечественном языкознании.

§ 1.2. Этнокультурный подход к исследованию антропонимической системы в тюркологии

Тюркология, история тюркских языков, в отдельности антропонимическая система тюркских народов, всегда были предметом пристального внимания ученых-языковедов. В XVIII – XIX вв. антропонимические изыскания были ориентированы на этнографические и исторические аспекты данного вопроса и рассмотрены исследователями-путешественниками (И.И. Лепехин, Г.Ф. Миллер и др).

Начальным этапом развития ономастических исследований в тюркологии можно назвать кон. XIX – нач. XX вв., однако, обращение к вопросам духовной культуры ограничивалось лишь сбором материалов о быте, обычаях, фольклоре и ономастике того или иного тюркского народа. Антропонимические материалы публикуются в различных периодических изданиях – «Этнографическое обозрение», «Живая старина», «Записки Русского географического общества», «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете» и т.д.

В кон. XIX – нач. XX столетия в антропонимике преобладают в основном работы описательного характера, которые постепенно сменяются исследованиями по истории конкретного языка с привлечением широкого круга материалов. В России тюркологические исследования проблем ономастики во взаимосвязи с языком и культурой этноса имеют давнюю традицию. Достаточно упомянуть труды известных тюркологов Н.А. Аристова [28], Н.И. Ашмарина [44], В.В. Бартольда [61], В.В. Вельяминова-Зернова [113], В.А. Гордлевского [156], Н.И. Золотницкого [209], Н.Ф. Катанова [246; 247], В.Я. Коблова [257], В.К. Магницкого [285], В.В. Радлова [381], А.Н. Самойловича [400] и др., в которых этнокультурный и исторический аспекты выдвигаются на первый план, ставится вопрос об изучении исторической антропонимии во взаимосвязи с духовной культурой народа и его традициями.

Таким образом, начиная со второй пол. XIX – нач. XX в., особое внимание уделяется изучению тюркских личных имен не только в этнографическом, но и в историко-лингвистическом аспекте. К концу XIX в. значительно возрастает научный интерес к исторической динамике имен и мотивации имянаречения в антропонимической системе тюркских народов.

Вплеск интереса к проблемам исторической ономастики возник во второй половине XIX в. Об этом свидетельствует открывшееся в 1878 году в Казанском университете Общество археологии, истории и этнографии, которое вносит большой вклад в изучение местного края, его ономастики. При обществе организуется ономастический кружок, который возглавляет известный тюрколог

В.В. Радлов. В 80-х гг. XIX в. на базе данного кружка возникла казанская ономастическая школа, основателем которой был И.А. Износков, а представителями стали тюркологи Н.И. Золотницкий, Н.И. Ашмарин, В.К. Магницкий, которые занимались в основном сбором чувашских личных имен, а также рассматривали вопросы татаро-чувашской общности.

Основой для изучения тюркской исторической антропонимии стали многочисленные тюркские личные имена, подвергнутые тщательному лингвистическому описанию и реконструкции антропонимической картины мира в тюркской духовной культуре. Здесь можно отметить фундаментальные труды Н.Ф. Катанова [246; 247]. Н.Ф. Катанов – российский тюрколог, профессор Императорского Казанского университета и Казанской духовной академии, доктор сравнительного языкознания, этнограф, фольклорист, общественный деятель. В словаре Н.Ф. Катанова «Алфавитный указатель собственных имен, встречающихся в первом томе «Образцов народной литературы тюркских племен» Василия Васильевича Радлова» [246] описываются фольклорные личные имена всех тюркских народов.

Достойна в историческом и этнокультурном аспектах работа В.В. Вельяминова-Зернова «Исследование о касимовских царях и царевичах» [113]. Первое серьезное и основательное исследование антропонимического материала касимовских царей раскрывает способы образования, семантику и некоторые лингвистические особенности ряда старотатарских личных имен, различных сословных титулов и званий, а также отмечает усечение в речи татар сложных личных имен с конечным компонентом Мухаммад [113].

В историческом аспекте тюркская антропонимика исследована в трудах российского востоковеда, академика Санкт-Петербургской Академии наук В.В. Бартольда. В его труде «Тюрки: двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии» [61; 62] подробно изучаются антропонимы, этнонимы, топонимы тюркских народов, анализируются некоторые титулатурные антропокомпоненты («йорт», «бей», «бай») и доказывається утраченность титулатурного значения [62].

В историческом аспекте наиболее значительным является труд советского историка-этнолога, археолога, востоковеда Л.Н. Гумилева «Древние тюрки», в котором рассматриваются древнетюркские титулы и личные имена [159]. По мнению ученого, тюркский антропонимикон представляют собой «не канонизированные имена, а описательные, меняющиеся в связи с возрастом и общественным положением человека. Это скорее прозвища» [159, с. 82 – 83].

Своеобразным и весьма интересным источником отражения традиций имянаречения является этнография, которая к тому же дает большой материал для понимания социально-экономических и политических условий возникновения и формирования некоторых антропонимов. Проблема использования этнографии в качестве исторического источника была поставлена в трудах советского востоковеда-тюрколога, этнографа, специалиста по турецкому языку, литературе, фольклору и истории Турции В.А. Гордлевского [156]. Исконно тюркский пласт В.А. Гордлевский называет «домусульманским», в котором выделяются различные семантические группы антропонимов: имен-пожеланий, «охранные» имена, описательные имена, прозвища и др.

Критические высказывания о мотивах имянаречения тюркских племен наблюдаются в статье «К вопросу о наречении имени у турецких племен» А.Н. Самойловича [400, с. 274], направленные на статью В.А. Гордлевского «Рождение ребенка и его воспитание» [400, с. 297 – 300]. Весьма актуальным и для сегодняшнего дня является мысль А.Н. Самойловича о создании единого именника тюркских народов. В этом смысле уникален предложенный им проект: «следовало бы составить полные списки личных имен, мужских и женских, по отдельным племенам с подробными указаниями. Впоследствии явилась бы возможность провести весьма интересное в этнокультурно-историческом плане сравнительное исследование личных имен всего турецкого народа [400, с. 295]. На наш взгляд, составленные по единому принципу и методологии именники тюркских народов помогут расширению исследований по тюркской сравнительно-сопоставительной, исторической антропонимике.

Исследование антропонимической системы тюркских народов составляет основной интерес для выдающегося лингвиста, западного ономаста, венгерского тюрколога Ласло Рашоньи. Лексико-семантическая классификация антропонимов, наиболее полно отражающая специфику тюркских личных имен, представлена в его монографии «*Onomasticon Turcicum*» [624], посвященной тюркской ономастике. Данная классификация послужила основанием для детального изучения многих личных имен тюркских языков. Классификация Ласло Рашоньи выглядит следующим образом: 1. Тотемистические имена; 2. Имена-пожелания: а) личные имена, отражающие пожелания родителей: чтобы новорожденный остался живым; пусть родится сын, а не дочь; б) охранные имена: имена, охраняющие от злых духов; имена, в основе которых лежат названия животных; женские имена, данные мальчикам; личные имена, показывающие нелюбовь к ребенку; имена, связанные с Богом; в) личные имена, связанные с пожеланиями родителей: пожелания счастья, успеха; пожелания долгих лет жизни; пожелания хорошего характера; г) личные имена, характеризующие физические и психологические особенности ребенка; 3. Случайные имена. 4. Теофорные имена. Классификация, предложенная Л. Рашоньи, стала образцом для многих исследователей-тюркологов в последующем.

Значительное внимание Л. Рашоньи уделял и изучению различных аспектов антропонимической системы тюркских языков [623; 624; 625] и др.

Более углубленно в этнографическом и историко-лингвистическом аспекте тюркские личные имена были освещены в трудах ученого-тюрколога, фольклориста, этнографа Н.А. Баскакова. Его работа «Русские фамилии тюркского происхождения» [67] и многочисленные статьи [63; 65; 66; 68] посвящены вопросам тюркской исторической антропонимики.

Тем не менее в настоящее время, несмотря на многочисленность исследований, посвященных исторической антропонимике, все еще остается немало вопросов, требующих специального изучения. Самым важным из них является введение в научный оборот исторических антропонимов в письменных памятниках, на основе которых возможна реконструкция антропонимической

системы. Исследования исторической антропонимики в текстах рунических и енисейских надгробных памятников отражены в трудах С.Е.Малова [286], С.Г. Кляшторного [254], И.В. Кормушина [264] и др.

Во введении в научный оборот антропонимов енисейских надгробных памятников особенно важными являются работы советского лингвиста, востоковеда-тюрколога С.Е. Малова. Его публикации переводов свода древнетюркских рунических надписей стали большим достижением для тюркской истории. В труде Малова «Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы» [286] исследуются собственные имена в поминальных надписях [286, с. 23]. Малов детально анализирует личные имена и титулы в поминальных надписях.

Проблема изучения исторической антропонимии в надгробных памятниках представлена и в трудах российского востоковеда, историка С.Г. Кляшторного [254; 255]. В книге «Древнетюркские рунические памятники» дается описание титулов и антропонимов в рунических надписях, однако данное исследование ограничено обзором лишь отдельных антропонимов.

Изучению тюркской лексики в более поздних источниках, в том числе ономастики, посвящены труды И.Г. Добродомова [167; 168].

Неоспоримы заслуги в развитии и становлении проблемы этнокультурного пространства основателя казанской тюрко-татарской ономастической школы Г.Ф. Саттарова, который в татарском языкознании уже в 60-х гг. XX столетия делает попытки осмысления феномена этнокультурного пространства ономастической системы. Так, монография «Антропотопонимы Татарской АССР» [404] посвящена изучению топонимов, образованных от антропонимов и патронимических единиц. В центре внимания автора находится структурная особенность антропонимов, образованных от архаичных антропотопонимов.

Проблема этнокультурного пространства была поднята в монографии Г.Ф. Саттарова «Этапы развития и очередные задачи татарской ономастики», в которой были освещены историография зарождения, становления этапов развития и современных проблем ономастики татарского языка как науки. В ней впервые дан всесторонний и последовательный анализ источников, как рукописных, так и

опубликованных, касающихся ономастики не только татарского, но и других тюркских языков.

Важная роль в изучении татарской антропонимики в сравнении с другими тюркскими антропонимами принадлежит исследованию «Татарская антропонимика» Г.Ф. Саттарова [410], охватывающему и систематизирующему огромное количество фактов, выявленных и вводимых впервые в научный оборот. Работа осуществлена на стыке ряда узловых взаимосвязанных проблем изучения личных имен, фамилий, прозвищ, отчеств, которые нацелены на комплексное решение теоретических и прикладных вопросов татарской ономастики. Ученым охарактеризованы мотивы возникновения, источники, пути и особенности становления и развития, этимология и структура многочисленных лексико-семантических групп татарских личных имен и других антропонимических единиц.

Ценным вкладом в изучение этнокультурного пространства региональной топонимики является монография «Татарская топонимика», в которой впервые исследована татарская топонимия на материале истории, исторической географии, этнографии и культуры татарского народа. С применением исторических, этнографических, археологических, фольклорных, географических контекстов, исследуются такие важные топонимические категории, как татарские народные гидрографические, орографические, ойконимические, геоботанические, зоонимические термины, и другие апеллятивы и образованные от них многочисленные татарские географические названия, т.е. топонимы (включая гидронимы, названия населенных пунктов – ойконимов, оронимов, микропонимов и других онимов татарского языка).

Тесная взаимосвязь языка и культуры прослеживается в монографии Г.Ф. Саттарова «Кем дано твое прекрасное имя?» [403]. В ней в историко-лингвистическом аспекте исследуется происхождение, генезис, обряды и мотивы возникновения и употребления имен, основные тенденции развития, национальные традиции выбора имени новорожденному. В работе ценно и то, что в татарском и русском написаниях даются рекомендательные списки

традиционных, новообразованных и заимствованных в советское время татарских мужских и женских, самых распространенных и обиходных личных имен.

Национальное наследие татарских личных имен-антропонимов представлено в книге «О чем говорят татарские имена?» [402], в которой анализируются мотивы возникновения, источники, пути и особенности становления, образования и развития антропонимической системы татарского языка, рассматриваются этимология, структурно-словообразовательные особенности, вскрывающие этнолингвистические пласты многочисленных татарских личных имен. Материал исследования охватывает антропонимические единицы, впервые вводимые в научный оборот, собранные в результате полевых исследований на территории Республики Татарстан и на территории соседних республик и областей, где в настоящее время компактными группами проживает татарское население, а также выявленные в различных архивных документах.

Таков относительно краткий обзор специальных исследований и публикаций в рассматриваемой области тюркского языкознания. На основе проведенного обзора следует сказать, что накоплен огромный опыт в изучении личных имен в этнокультурном аспекте, все же существуют некоторые пробелы теоретического плана. Однако в современной лингвистике уделяется особое внимание проблематике, связанной с этнокультурной лексикой, в общем языкознании в настоящее время отсутствуют работы, выполненные в аспекте изучения личных имен в этнокультурном пространстве языка.

Изучению особенностей формообразования тюркских имен, определению их места в антропонимиях современных тюркоязычных народов, анализу лексико-семантических особенностей вновь вошедших в употребление древнетюркских имен посвящена работа Г.Р. Алиева «Лингвистические и экстралингвистические факторы в антропонимии (на материале тюркских языков: азербайджанского, киргизского, татарского и башкирского)» [15].

Наиболее основательно к настоящему времени изучена тюркская антропонимика во взаимосвязи этноса, культуры и языка в трудах Г.Ф. Благовой. Ее работы позволяют раскрыть тюркскую антропонимию как экстрасистему,

занимающую особое место в реконструкции пратюркского лексикона. Г.Ф. Благова доказала, что реконструируемая пратюркская антропонимия предстает как строго структурированная система с семантической подсистемой. Именно поэтому антропонимическая система представляет интерес для изучения культурологического наследия, в котором в отдельных личных именах закрепляются обычаи, поверья и привычки народа, вследствие чего семантическая подсистема пратюркского антропонимикона и сохраняется по сегодняшний день. В работе «Пратюркский язык – основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка» [428] на основании типологических сравнений древнего тюркского антропонимикона с другими языками доказано, что в нем сохранялись космологические и социальные представления пратюрков [428; с. 751 – 765].

В теоретическом аспекте тюркская антропонимика как отдельный раздел языкознания начала развиваться и исследоваться в начале 60-х гг. XX в. Исследованию антропонимической системы тюркских народов в 70-х гг. XX в. посвящены работы Т.М. Гарипова [136], И.Г. Добродомова [167], Т.Ж. Жанузакова [179; 180; 181], Т.Х. Кусимовой [279; 280] и других ученых. К 80-м годам антропонимические исследования поднимаются на более качественный уровень, открывая возможности для целенаправленного и всестороннего изучения тюркских антропонимов.

Конец XX – начало XXI века в тюркском языкознании ознаменован рядом работ, в которых личные имена изучаются как этнокультурные элементы, способствующие получению, сохранению и передаче знаний о мире. Значительный вклад в разработку проблем взаимосвязи этноса, языка и культуры внесли работы: в башкирском языкознании [279; 136; 432; 534; 492; 555; 556; 557; 559], в алтайском [312], в шорском [272; 472; 473], в чувашском [25; 174; 175; 282; 497], в казахском [180; 181; 250; 251; 252; 276], в кыргызском [182; 183], в узбекском [88], в азербайджанском [550; 611; 612; 531; 532], в турецком [585; 599; 607; 610; 631; 629; 630].

Казахская антропонимика представлена в трудах известного ономатолога Т.Ж. Жанузакова, где антропонимические типы классифицированы по возрасту и определена динамичность их развития на четырех этапах [179].

Исследования по казахской антропонимике в различных аспектах продолжены в работах Г.Р. Алиева [15], Г.И. Кульдеевой [276]. Так, в монографии Г.И. Кульдеевой «Антропонимическая система казахского языка» представлена и проанализирована генетика лексико-тематических групп и динамика казахских личных имен XX – нач. XXI в. [276].

В фундаментальном труде Ш. Жапарова «Адам аттары – эл байлыгы» («Личные имена – достояние страны») [182] описывается система кыргызских личных имен, показываются лингвистические, историко-этнографические особенности и закономерности, а также эстетико-этические и педагогические аспекты современных кыргызских антропонимов. Составлен краткий толковый словарь кыргызских личных имен. Исходя из истории кыргызского языка и его периодизации, а также на основе материалов кыргызской культуры в кыргызской антропонимии в историческом плане выделяется условно пять периодов: 1) древнейший (или алтайский, до V в.); 2) древний (или тюркский V – X вв.); 3) средний (или кыргызско-алтайский X – XV вв.); 4) новый (XVI – XX вв.); 5) современный (или советский, начиная с 20-х годов XX в.) [182, с. 14].

В работе З.М. Раемгужина «Башкирский антропонимикон в свете языковой картины мира (аспекты формирования и особенности функционирования)» освещаются вопросы, связанные с развитием башкирской антропонимики как науки, взаимосвязи имен собственных и имен нарицательных и в первую очередь роль национально-культурного компонента при формировании языковой картины мира и культуры башкир, автором акцентировано внимание на морально-нравственных качествах, присущих башкирской нации.

Системное ономастическое описание всех категорий именования на многочисленных образцах исторической ономастики представлено в работе азербайджанского тюрколога А. Курбанова «Основы ономастики» («Onomastiğin esasları») [611; 612]. Изучение развития антропонимической системы

азербайджанского языка позволило автору доказать преемственность древнетюркских традиций в антропонимиконе. А. Курбановым детально исследованы основные и вспомогательные категории антропонимов, раскрыты их общие и характерные признаки. Интересным для нас представляются выводы ученого, касающиеся развития азербайджанской антропонимической системы, которые рассматриваются через призму социально-политической и культурно-исторической обстановки, сложившейся в стране в ту или иную эпоху. Курбановым выделяются следующие стратиграфические периоды становления и развития азербайджанской антропонимической системы: 1) азербайджанская антропонимия самого древнего периода и до конца XII в.; 2) азербайджанская антропонимия XIII – XVIII вв. 3) азербайджанская антропонимия XIX в.; 4) азербайджанская антропонимия XX века [611, с. 125 – 144]. Исследователь также затрагивает основные проблемы и вопросы топонимии, зоонимии, космонимии, поэтической ономастики и других основных направлений ономастической науки.

Весомый вклад в изучение турецкой антропонимики вносит монографическое исследование Ибрагима Шахина «Турецкая ономастика» «Türk Adbilimi» [629; 630]. Автор отмечает недостаточность исследований турецкой ономастики в теоретико-методологическом плане. Важным в данном исследовании является попытка разработки методики содержательного исследования онимов.

Что касается исследований этнокультурного пространства тюркских народов, следует констатировать явный дефицит научных работ. Отдельные научные исследования этнокультурного пространства по башкирскому языкознанию – Ф.С. Аминовой [22], Ф.Г. Хисамитдиновой [534; 535; 536; 537], Р.Г. Хайруллиной [522; 523], Р.Н. Хадыевой [509], чувашскому – Н.И. Егорова [174; 175], Л.В. Борисовой [103], А.В. Кузнецова [275], по алтайскому языкознанию – Н.В. Ерленбаевой [176], по гагаузскому – Е.С. Сорочяну [423], по казахскому – К.Г. Аронова [29], Д.М. Керимбаева [250], С.Е. Керимбаевой [252],

Е. Жанпеисова [178], по азербайджанскому – Н. Аскерова [642], И. Мамедова [617], М. Пашаевой [620] и др.

Итак, проделанная работа позволяет говорить, что изучение тюркских антропонимов, начиная с уровня сбора и накопления источников и фактов по ним, все больше расширяется и углубляется, благодаря активному привлечению материалов не только прошлых эпох, но и современности. Отдельные проблемы, касающиеся антропонимики тюркских народов, в том числе и татар, так или иначе изучены многими исследователями в различных аспектах. Однако в тюркологии до сих пор отсутствуют работы, посвященные изучению личных имен в этнокультурном контексте. Также существуют пробелы в комплексном и системном изучении древней и средневековой тюркской антропонимии, в том числе и антропонимики татар.

§ 1.3. Этнокультурный аспект исследования татарской лексики

Специфику этнокультурного пространства языка определяет совокупность основных духовных традиций и обычаев, зафиксированных в фольклорных и письменных произведениях с помощью этнокультурно значимой лексики. Как отмечает С.М. Толстая, «особая роль этнокультурной лексики (терминологии) в изучении духовной культуры определяется тем, что она одновременно принадлежит и языку, и культуре и поэтому заслуживает систематического изучения с позиций этнолингвистического подхода» [475, с. 212].

Собственный фонд этнокультурной лексики в тюркских языках, в том числе и в татарском языке, весьма обширен. Изучение этнокультурной лексики условно делят на «несколько этапов: 1) до конца 1940-х гг., 2) с конца 1940-х до конца 1950-х гг., 3) с конца 1950-х до конца 1980-х и 4) с конца 1980-х по настоящее время» [32, с. 6].

Последнее десятилетие развития татарского языкознания характеризуется появлением значительного числа работ, посвященных этнокультурной лексике. В этом отношении следует выделить многолетнюю работу по изучению

этнокультурной лексики, в том числе его ономастики, отдела лексикологии и диалектологии Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан под научным руководством академика М.З. Закиева. Несомненно, татарская диалектология и лексикология в настоящее время располагают значительным багажом в области изучения этнолингвистики и огромным количеством работ, посвященных исследованию этнокультурной лексики: труды Х.Ч. Алишиной [17; 18; 19; 20], Л.Ш. Арсланова [30; 31], А.Ш. Афлетунова [34], Г.Х. Ахатова [35; 36], Р.Г. Ахметьянова [40; 41; 42], Ф.С. Баязитовой [75; 76; 77; 78; 79; 80; 81; 82; 83; 84], Р.С. Барсуковой [58], Н.Б. Бургановой [107], Ф.Г. Гариповой [140; 141; 142; 143], М.З. Закиева [193; 194], Р.Р. Замалетдинова [201; 201; 203], Л.Т. Махмутовой [293], И.С. Насипова [329; 330], Д.Б. Рамазановой [383; 384; 385], А.Р. Рахимовой [387], Р.К. Рахимовой [388], Т.Х. Хайрутдиновой [524; 525], Г.Ф. Саттарова [410; 411; 413; 414], Д.Г. Тумашевой [485; 486; 487; 488], А.Г. Шайхулова [555; 556; 557; 558], Ф.Ю. Юсупова [577] и др.

В татарском языкознании истоки изучения этнокультурной лексики относятся к XVIII – XIX вв. и восходят к словарям И. Гиганова (сибирский диалект) [150], Дамаскина (сергачский говор), С. Хальфина (язык казанских татар), Н.П. Остроумова [357] и А.А. Воскресенского (заказанско-кряшенский говор) [122] и др. Татарская этнокультурная лексика довольно богато представлена в известных сравнительных словарях Л. Будагова, В.В. Радлова.

Детальному описанию и целенаправленному изучению особенностей этнокультурной лексики татар конца XIX в. посвящена работа К. Насыри «Поверья и обряды казанских татар», где рассматриваются основные этнокультурные знаки татарского фольклора, особое внимание автор уделяет таким культовым знакам фольклора, как албасты, убыр, чэчэк анасы, шүрәле, дию пәрие, су бабасы, су иясе, су анасы, юха. К. Насыри подчеркивает, что мифологические представления народа, не изменив своей сущности, впитали в себя мусульманские представления и таким образом законсервировались в фольклоре, поверьях и обрядах. Так, по мысли К. Насыри, раскрывается

традиционная модель мира татарского народа – в синтезе слияния в народном сознании языческих и мусульманских представлений. В работе «В материалах по татарской этнографии» строится модель образного выстраивания в иерархию предметных сфер татарского быта: «жилище», «одежда», «пища», «обычай». В приведенной выше классификации отражена своеобразная иерархия, система ценностей человека, и особое значение она придает описанию продуктов питания и одежды – это то, что в первую очередь необходимо человеку для поддержания жизни. Далее в работе уделяется большое внимание обычаям, связанным с рождением ребенка, обряду имянаречения, праздникам люльки, жертвоприношения в честь первых волос новорожденного, обрезание, сватанье девушки, свадебные обряды, обряд похорон. Так автором воссоздается традиционная татарская культура конца XIX в.

Таким образом, этнографические, фольклорные, лексикографические, ономастические труды К. Насыри дают возможность воссоздать модель мира, а также представляют неоценимую важность в реконструкции традиционной духовной культуры татарского народа, находящейся в прямой связи с проблемой этногенеза татар. В его работах четко прослеживается развитие традиционной духовной культуры татар в тесном взаимодействии с книжными и письменными формами.

В начале XX столетия в работах А.Г. Бессонова, Г. Ахмерова предпринимаются попытки исследования этнокультурной лексики в различных татарских говорах. Так, в книге Г.Н. Ахмерова «О языке и народностях мишарей» исследована этнокультурная лексика восточного диалекта, антропонимикон и топонимикон, образованные от личных имен. Автором отмечены частотные имена, встречающиеся только в мишарском диалекте (Котлыг-Мөхәммәт, Котлымәт, Котлыкай, Котлыш, Котлыяр, Котлябикә и др.). и частотные имяобразующие компоненты (бәк, арслан, котлы). Данный труд представляет большой интерес в этнолингвистическом аспекте.

Итак, в дореволюционный период этнокультурная лексика была объектом пристального внимания в основном в лексикографических исследованиях.

В 40 – 60-х гг. XX столетия получает развитие татарская диалектология, в рамках которой изучается этнокультурная лексика. В 50-х гг. был создан богатый фонд диалектных материалов и на его основе сделаны определенные выводы и обобщения, которые нашли отражение в ряде работ Л. Заляя. Монография «Татар теленең урта диалекты», посвященная анализу среднего диалекта, является результатом диалектологических исследований Латыйфа Заляя. За этот обобщающий труд ему в 1954 г. Ученым Советом Института языкознания АН СССР присуждена ученая степень доктора филологических наук.

В 40 – 60 гг. XX века издается ряд диалектологических словарей: в 1948 г. (сост. Л.З. Заляй, Х. Шабанов, А. Камский, С. Амиров), в 1953 г. (сост. Н.Б. Бурганова, Л.Т. Махмутова), в 1958 г. (сост. Н.Б. Бурганова, Л.Т. Махмутова), в 1969 г. (сост. Л.Т. Махмутова, Н. Бурганова, Г. Якупова, З. Садыкова). В отличие от других диалектологических словарей, издания 1969 г. и 2009 г. составлены на основе принципов, разработанных Л.Т. Махмутовой. Согласно этим принципам, толкования слов и словосочетаний в словаре 1969 г. издания даются на татарском литературном и русском литературном языках [32, с. 8]. Этнокультурная лексика, представленная тремя выпусками диалектологических словарей татарского языка, получает высокую оценку как в отечественной, так и в зарубежной тюркологии. В 1993 г. вышла вторая книга диалектологического словаря татарского языка, отражающая новые слова и значения, а также другие ареалы распространения (сост. Ф.С. Баязитова, Д.Б. Рамазанова, З.Р. Садыкова, Т.Х. Хайрутдинова), которая охватывает этнокультурную лексику по основным – среднему и западному – диалектам. «Большой диалектологический словарь» [442] (сост. Ф.С. Баязитова, Д.Б. Рамазанова, З.Р. Садыкова, Т.Х. Хайрутдинова), изданный в 2009 г. содержит около 40000 лексических единиц.

В исследовании сибирского диалекта огромная роль принадлежит трудам Д.Г. Тумашевой. В ее работах «Татарские диалекты Западной Сибири (Тюмень)» [486], «Диалекты сибирских татар в отношении к татарскому и другим тюркским языкам» [485] на обширном лексическом материале исследуются фонетические, грамматические особенности диалектов сибирских татар.

В разработке проблем этнолингвистики следует выделить работы академика М.З. Закиева. Так, в книге «Образование языка татарского народа» [206] предпринята попытка изучения развития татарского языка в функциональном аспекте. Автором в широком историческом контексте, на исторических материалах прослеживается происхождение этнонима татар. В книге М.З. Закиева «Тюрки-татар этногенезы» [207], посвященной проблемам татарского языка и этнической истории татар, поднимаются проблемы других тюркских языков (башкирского, чувашского, каракалпакского). По мнению академика, этноним татар происходит от двух древних тюркских корней: тат (иностраный, чужой, инородный) и эр (люди) [207, с. 17]. Одним из существенных моментов в утверждениях М.З. Закиева является то, что протовенгров раньше не называли маджарами. Он ссылается на древних арабских и персидских путешественников, которые упоминали о том, что мажгары (мадьяры) говорили на тюркском языке. М.З. Закиев связывает термин «мажгар» с существующим сегодня татарским племенем мишар. Таким образом, мишары являются не частью протовенгров, которая подверглась влиянию татарского этноса, а наоборот, протовенгры под влиянием тюркоязычных мишарей позже получили этноним мишар/маджар [207, с. 284].

Как известно, лингвоархеология дает возможность установить этнические корни древних тюрков. При этом следует подчеркнуть важную роль ономастических единиц, исследование которых дает самый надежный материал для определения этнического состава изучаемых племен и их территорий. Лингвоархеологические исследования академика М.З. Закиева в книге «История татарского народа (Этнические корни, формирование и развитие)» [207] доказывают тюркское происхождение этнонимов ар/ир (арий), сак/сака, съкъдь (рус. скиф), согды, бактр, барды/парды, кусан /кушан, косан, тохар / дагар, усунь / ас+сунь, суарас / хорасм (хоерезм), которые в традиционной исторической науке признаны ираноязычными [207, с. 505]. В книге «Этногенез тюрков, болгар и башкир» автором впервые в европоцентрической тюркологии на материале этнонимов раскрыты этнолингвистические корни тюрков – предков болгар и

башкир, исследована семантика этнонимов древнетюркских племен, носивших первичные, вторичные, третичные этнонимы ар/ир «люди, мужчины», субар/сумер / суар «речные ары», тохар / тавр «горные ары», мишер / маджар «лесные ары», сарир «желтые иры», бигер «богатые иры», болгар /булгыар «способные ары», башкир / башка ир «другие иры», ас/ яс «молодые», астятк/аслы (иштятк) «племена, в составе которых имеются асы», сак/ сака «род/племя», кыусак/кыпчак «белые саки», мин/мен/ми «наши, умные» и др. Тщательное изучение ученым данных этнонимов позволило установить самые древние первичные тюркские компоненты и способы образования на их основе вторичных и третичных этнонимов.

Исследования этнокультурной лексики обобщаются в теоретических работах Г.Х. Ахатова, Л. Ш. Арсланова, Р.С. Барсуковой, Ф.С. Баязитовой, Н.Б. Бургановой, Л.Т. Махмутовой, А.Х. Насибуллиной, Р.Р. Мингуловой, Д.Б. Рамазановой, А.Р. Рахимовой, З.Р. Садыковой, Т.Х. Хайрутдиновой, Ф.Ю. Юсупова, Г.К. Якуповой. Анализируется этнокультурная лексика, выявляются теоретико-методологические основы изучения данной лексики. В их работах, помимо рассмотрения лексики говоров по тематическим группам, ставились и решались и другие задачи изучения этнокультурной лексики в различных аспектах: этнокультурная лексика в литературном языке [293], этнокультурная лексика в памятниках старотатарской письменности [293; 381]; этнокультурная лексика и древнеписьменные памятники [107; 293; 383]; этнокультурная лексика в традиционной духовной культуре [82; 83; 84; 85; 86; 383; 384; 385; 386; 387; 524; 525; 577].

Проблема диалектов и истории языка, соотношение диалектов и литературного языка, диалектов и письменных памятников были рассмотрены в трудах Л.Т. Махмутовой [293]. Махмутова – автор монографии по мишарскому диалекту татарского языка. В ее работе «Опыт исследования тюркских диалектов» [293] и в многочисленных статьях разработаны теоретические вопросы выделения и классификации говоров, методы их изучения и описания, принципы научной интерпретации диалектного материала и др. Махмутовой

изучены способы сравнительного анализа говоров, принципы комплексного подхода, т.е. привлечения при анализе совокупности данных. Продолжателями этнолингвистической школы Л.Т. Махмутовой стали доктора филологических наук Л.Ш. Арсланов, Ф.С. Баязитова, Ф.Ю. Юсупов, Д.Б. Рамазанова, кандидаты наук Т.Х. Хайрутдинова, Р.К. Рахимова, З.Р. Садыкова, Р.Р. Шамгунова.

В работе Г.Х. Ахатова «Татарская диалектология» [36] этнокультурная лексика описана в среднем диалекте татарского языка, определены характерные фонетические, морфологические и лексические особенности 12 говоров среднего диалекта.

Исследованию татарских диалектов и этнокультурной лексики посвящена и работа Н.Б. Бургановой. К сожалению, ее монография, посвященная исследованию заказанских говоров татарского языка, не была опубликована. Данное исследование раскрывает особенности заказанских говоров, в сравнительно-сопоставительном аспекте выявляются общности с финно-угорскими и другими тюркскими языками. В статье Бургановой «О системе народного праздника джиен у казанских татар» доказано, что в лексике джиенов представлена целая группа собственных имен, близких по форме и модели образования к именам эпитафических памятников XIII – XVI вв. Как утверждает Н.Б. Бурганова, носители этих имен, несомненно, являлись главой родственных групп, основателями джиенных общин, родственных деревень [107, с. 25].

В начале 90-х гг. XX в. издаются монографии Д.Б. Рамазановой «Термины родства и свойства в татарском языке» [382], «Названия одежды и украшений в татарском языке в ареальном аспекте» [384], Ф.С. Баязитовой «Семейные обряды татарского народа», «Праздничные и бытовые обряды татарского народа», Т.Х. Хайрутдиновой «Названия пищи в татарском языке», «Бытовая лексика татарского языка» [525], З.Р. Садыковой «Зоонимическая лексика в татарском языке», «Названия хозяйственных построек и инвентаря в татарском языке», являющиеся серьезным вкладом в изучение этнокультурной лексики в диахронном и синхронном аспектах.

В 90-х гг. этнокультурная лексика изучается в лексикографическом аспекте. Издается «Словарь диалектов сибирских татар» Д.Г. Тумашевой [488], продолжением данной работы становится «Словарь диалектной лексики татарских говоров Тюменской области» Д.Г. Тумашевой и А.Х. Насибуллиной [488]. Словарь Д.Г. Тумашевой отражает этнокультурную лексику диалектов и говоров сибирских татар, живущих в Тюменской, Омской, Новосибирской, Томской и Кемеровской областях [487]. Данный словарь представляет собой большую ценность, так как в него включена лексика с ее фонетическими вариантами, которые отличаются объемом значений.

Ценные наблюдения о говоре татар Юго-Западной Башкирии содержатся в книге Д.Б. Рамазановой «Формирование татарских говоров Юго-Западной Башкирии». Автором на материале архивных источников доказывается, что на территории современной Юго-Западной Башкирии распространены такие говоры татарского языка, которые по своему языковому и грамматическому строю, лексическому составу весьма близки к татарскому литературному языку. Диалектологом Д.Б. Рамазановой проделан всесторонний анализ и вскрыты закономерности особенностей этнических процессов в Западной Башкирии с учетом не только языковых, но и данных других смежных наук, архивных и других источников.

Согласно этнолингвистическим исследованиям Д.Б. Рамазановой «Историко-лингвистические особенности формирования и функционирования западноуральского ареала татарского языка», «К истории формирования говора пермских татар» [383], в говорах продолжают сохраняться древние, реликтовые явления; отдельные особенности могут получить своеобразное развитие; могут появиться локальные новообразования [383, с. 3]. Одной из характерных черт этнокультурной лексики пермских татар, по мнению ученого, является сохранение в ней слов в древнетюркском фонетическом облике или семантике [383, с. 194]. Автором выделена этнокультурная лексика, связанная с обрядами пермских татар: *мендәрле кунак* (выражение, при помощи которого сват дает понять родителям невесты о цели своего визита) [383, с. 189], *аклашу* (просватать

невесту), *каз бозу* (разделывание гуся – гостинца сватье во время свадебного угощения) и др.

Уникальная этнокультурная лексика сибирского диалекта содержится и в книге «Материалы по сибирским диалектам». Автором представлены материалы этнокультурной лексики, собранные в экспедициях по Тюменской, Омской, Новосибирской, Омской областях.

В татарской традиционной культуре наиболее яркую сторону представляет народный костюм. Как известно, народный костюм служил для определения национальной принадлежности. В монографии Д.Б. Рамазановой «Названия одежды и украшений в татарском языке в ареальном аспекте» впервые исследуются татарские названия одежды и украшений как совокупность лексико-семантической системы с привлечением сравнительных данных из родственных и неродственных языков, памятников старотатарской и древнетюркской письменности. Диалектологом установлено, что основной состав названий одежды и украшений выделяются общностью для всех диалектов татарского языка, которые выражаются в лексемах, представляющих собой родовые понятия.

Обобщенным изложением наиболее важных результатов многолетних изысканий автора в области татарской диалектологии, основной частью актуальных этнолингвистических исследований является книга «Вопросы татарской диалектологии». Как совершенно справедливо отмечает Д.Б. Рамазанова, «результаты исследований особенностей диалектов позволяют установить эволюцию языковых явлений и выявить характерные черты материальной и духовной культуры народа, присущие тому или иному периоду его развития».

Антропоцентрическая парадигма, сложившаяся на рубеже XXI века, поставила новые задачи в исследовании языка, требующие новых методик его описания, новых подходов к анализу его единиц. Антропоцентрическая парадигма – это переключение интересов исследователя с объекта познания на субъект, т.е. анализ «человека в языке и языка в человеке». Антропоцентричность языковой модели мира ярко проявляется через термины родства, антропонимы,

соматизмы, на которых основана значительная часть наименований предметов окружающей неживой природы. Д.Б. Рамазанова указывает на то, что характер семейно-родственных отношений и его некоторые особенности, связанные с историческим прошлым, находят свое отражение в терминологии родства и свойства. Согласно ей, татарская родственная терминология характеризуется четким делением терминов на две категории: категория терминов обозначения, отражающая дифференциацию родственных связей, степень родственной близости и т.п., т.е. собственно термины родства, и категория форм обращения, определяющая нормы поведения одних родственников или свойственников по отношению к другим .

Монография «Родственные и семейные отношения в названиях» [382] посвящена одной из ключевых семантических категорий языка и традиционной культуры. Автором рассматриваются соматизмы родственных связей после свадьбы, родственников по прямой и периферийным линиям. Особый интерес представляют названия родственных отношений между свойственниками на примере мордвы – каратайцев. Исследуется этнокультурная лексика родства и ее вторичные метафорические значения, символика и магия родства в народной культуре татар, социальные аспекты родственных отношений (семья, усыновление, духовное родство, проклятие и др.), ритуальные функции «персонажей» родства (свадебный обряд), мотивы родства в народном календаре, в мифологических представлениях.

Примечательна и монография Д.Б. Рамазановой «Лексика, связанная с человеком, в татарском языке» [385]. В работе весь этнокультурный материал изучается в дихотомии: 1) лексика, связанная с физическим строением человека; 2) лексика, связанная с внутренним миром человека [385, с. 4].

Исключительно большая работа ведется Ф.С. Баязитовой по изучению и систематизации этнокультурной лексики. В ее работах этнокультурная лексика является составной частью культуры (обрядов, верований), которая определенным образом соотносится с другими элементами семиотического языка культуры и культурных текстов. В монографии Ф.С. Баязитовой «Говоры татар-

кряшен в сравнительном освещении» [76] отмечается, что в этнокультурной лексике есть специфические особенности, отличающие эти говоры от татарского литературного языка и его диалектов. Наличие этих особенностей обусловлено относительно изолированным развитием говоров крещеных татар от остальных этнографических групп татарского народа [76, с. 129]. Автором выделен древний пласт этнокультурной лексики говоров кряшен (ардаклау, ичегү, күзләү, печү, тау итү и др.).

Обряды и обычаи, связанные со свадьбой, рождением ребенка, погребением, описываются в книге «Семейные обряды татарского народа». Автором подчеркивается, что у человека три ступени жизненного пути, и все они сопровождаются различными обрядами и ритуальными действиями. В книге «Праздничные и бытовые обряды татарского народа» описываются обряды, связанные с посевными работами, временами года, и анализируется лексика данных обрядовых действий и ритуалов. Во всех ее работах выделяются мифологическая этнокультурная лексика, а также лексика, имеющая отчетливую этнокультурную мотивировку внутренней формы.

Этнокультурная лексика татар, проживающих компактно в Челябинской, Курганской, Пермской и Свердловской областях, описана в книге «Татары Среднего Урала (Свердловская область). Духовное наследие: семейно-бытовая, обрядовая терминология и фольклор» [82]. Автором рассмотрены особенности архаических семейных обрядов: башкода килү, борындык инэй, борындык этэй, бүрекле жиңгә, озаткыч, божал кую, тастымал элү, күмәч сандыгы, кыз куены; обрядов, связанных с временами года: теләк, йаңгыр теләү, корбанлык, карга боткасы, сәламат пешерү, кичкуен, тын тыңлау, сөрән, тастымал жыю и др.

Этнокультурная лексика, собранная автором в экспедициях по Пензенской, Ульяновской, Саратовской, Рязанской, Нижегородской областях, в которых локально проживают татары, описана в книге «Духовное наследие татар-мишарей (семейно-бытовая, обрядовая терминология и фольклор» [80]. Этническая группа мишарей по численности составляет 1/3 татар Поволжско-Уральского региона. Язык этнической группы мишарей относится к восточному татарскому диалекту.

В данной книге на основе фольклорно-этнографических текстов автором проведена систематизация тематических групп лексики, относящихся к семейно-бытовой обрядности.

В книге «Лексика пищи и народных традиций» систематизирован и проанализирован лексический материал, относящийся к лексике пищи. На материале фольклорно-этнографических текстов раскрыты особенности приготовления традиционных татарских блюд, рецептура некоторых забытых древних блюд, а также локальные особенности обряда приема гостей. Лексика обрядовой пищи объединена в диалектолого-культурологические концепты. Автор отмечает, что в традиционных татарских блюдах семантика ярче раскрывается в обрядах, связанных с посевными работами или с окончанием сбора урожая. В обрядовых действиях, связанных с приготовлением пищи, эксплицируются пожелания долгожительства, плодородия земли, производительности скота, безопасности семьи.

В работе Ф.С. Баязитовой «Этнокультурная лексика в диалектах сибирского ареала (в контексте обрядовых и мифологических текстов)» [78] впервые представлены материалы различных тематических групп этнокультурной лексики локального варианта культуры татар сибирского ареала. Особо отметим выдвинутую Ф.С. Баязитовой лексико-тематическую группу языковой системы сибирского ареала: 1) семейная обрядовая лексика; а) свадебные обряды, связанная с ними лексика; б) обряды, связанные с рождением ребенка; в) лексика, связанная с обрядом погребения. Обрядовая терминология, с одной стороны, является языковым богатством, с другой – отражением культурного наследия народа. 2) праздничная и бытовая обрядовая лексика; 3) лексика ритуалов и заговоров, древних поверий; 4) названия мифологических персонажей; 5) комплекс религиозно-мифологической лексики; 6) молодежные игры, посиделки и др.

Лексический материал, относящийся к тематической группе – приданое и одежда, в локальных вариантах систематизирован в труде Ф.С. Баязитовой «Лексика народных традиций: приданое и одежда (этнолингвистические,

культурологические концепты)». В данных тематических группах лексики выявлены субстратные пласты.

В последние годы автор занималась представлением цикла работ, описывающих суть и циклы жизни человека: «Лексика свадебных обрядов (в контексте диалектных и фольклорных текстов)» [83], «Лексика народных традиций: колыбельная, свадьба (в контексте обрядовых и фольклорных текстов)» [84], «Лексика народных традиций. Погребальные и поминальные обряды (в контексте религиозно-фольклорных и диалектных текстов)». Самым важным элементом в изучении языка, фольклора, этнографии татарский этнолингвист Ф.С.Баязитова, вслед за Н.И. Толстым, считает обрядовую терминологию – интересный и богатый лексический пласт в татарских говорах [82, с. 4].

Систематизированный свод фактов, относящихся к татарской свадебной традиции, описан в книге «Лексика свадебных обрядов (в контексте диалектных и фольклорных текстов)» [83]. Данное исследование посвящено месту брака в общем жизненном цикле, воплощенном в целом комплексе форм и жанров традиционной народной культуры и прежде всего в свадебном обряде, его терминологии и структуре (персонажном, предметном, акциональном и вербальном семиотических кодах). Анализируется этнокультурная лексика, относящаяся к свадебным обрядам. Под обрядовым термином «туй» («свадьба») подразумевается целый ряд сложных, чередующихся между собой циклов, этнокультурная лексика (слова, словосочетания) сохранилась вместе с обрядом, обрядовыми действиями, ритуалами [83]. Этнолингвистический анализ материала подчинен задачам семантической реконструкции свадебно-брачной символики в целом, выявлению внутреннего устройства системы традиционных представлений у татар, относящихся к жизненному циклу, и прояснению некоторых общих механизмов организации языка культуры.

В работе Ф.С. Баязитовой «Лексика народных традиций: колыбельная – свадьба (в контексте обрядовых и фольклорных текстов)» [84] представлены материалы по обычаю имянаречения в различных диалектах, раскрывающие картину мира в традиционных концептуальных аспектах. Родины в татарской

традиционной культуре рассматриваются как важнейшая часть модели мира, соприкасающаяся с другими ее сферами (календарем, народной медициной, демонологией и пр.). Факты языка и культуры интерпретируются автором в единстве. Представления о связи рождения и жизненного цикла раскрывают сложные переплетения древнейших мифологических элементов с элементами древнетюркской и мусульманской культуры. Праздничный комплекс, приуроченный к рождению, именинам, обрезанию, первому зубу ребенка, вбирает в себя весь спектр этнокультурной лексики, демонстрируя специфику татарской традиции на фоне общетюркской и мусульманской.

В погребальных ритуалах вместе с религиозными обрядовыми действиями функционируют и народные обрядовые действия, которые детально описываются в книге Ф.С. Баязитовой «Лексика народных традиций: погребальные и поминальные обряды». Баязитова считает, что погребальные ритуалы крещеных татар проводятся по христианским традициям, однако языковые особенности свидетельствуют о наличии лексики тюрко-татарского, арабо-персидского происхождения. В основном данная особенность наблюдается в далеких «архаических зонах»: сибирском, астраханском, касимовском, уральском, нукратовском, пермском и других говорах. В погребальных и поминальных обрядах религиозные обрядовые действия происходят параллельно с народными ритуалами. В монографии рассматривается богатейший материал традиционной татарской культуры, связанный с архаическими представлениями о смерти, умерших и их посмертном существовании, о душе и загробном мире; лексика погребальной и поминальной обрядности. На основании этого материала выдвигаются некоторые общие гипотезы о типологическом характере древнетюркского язычества и его отношении к мусульманской традиции. Автор предлагает концепцию обряда как несловесного сообщения, обладающего собственными законами построения и своеобразной поэтикой.

Языковые и культурные особенности двух этноконфессиональных групп регионов Татарстана исследуются в работах Ф.С. Баязитовой в соавторстве с Г.Ф. Мухаметовой: «Язык и культура: этнолингвистические исследования по

татарским говорам региона Юго-Восточного Закамья Татарстана (чистопольский, мензелинский, крещено-татарский говор)», в соавторстве с Г.Х. Хайбуллиной: «Язык и культура: этнолингвистические и этноконфессиональные особенности татарских говоров Западного Закамья Татарстана» .

Таким образом, в трудах Ф.С. Баязитовой по изучению этнокультурной лексики значение обрядовой терминологии как источника реконструкции этнокультурного пространства татарского народа определяется общеязыковыми (номинативная, символическая), социально-культурными, архаизирующими, интерпретирующими функциями.

Большой интерес представляет монография Л.Ш. Арсланова «Татары Нижнего Поволжья и Ставрополя», в которой анализируется развитие этнокультурной лексики с точки зрения взаимодействия говоров с разнодиалектными основами. По мнению автора, языковой материал показывает, что по некоторым внутрилингвистическим и внелингвистическим причинам происходило взаимодействие не только между говорами с разнодиалектными основами, но и между татарскими говорами и языками юртовских и алабугатинских татар (ногайцев), которое привело к проникновению в татарские говоры большого количества лексических заимствований [30, с. 3]. Автор доказывает сходство лексики ставропольских татар с лексикой мишарских говоров Волгоградской, Пензенской и Ульяновской областей, а также наличие ногайских заимствований в говорах Ставропольского края.

Монография Г.Ф. Юсуповой и Ф.Ю. Юсупова «Красноуфимские татары. История. Язык. Фольклор» обращена к вопросам истории формирования и языковым особенностям татар, проживающим в Свердловской области, в ней представлен большой фактический материал по устному народному творчеству. Этнокультурная лексика, в том числе ономастика, рассмотрена в работе Ф.Ю. Юсупова «Сафакульские татары» [577], в которой описана и проанализирована этнолингвистическая лексика, в том числе ономастическая лексика сафакульских татар. Автором представлены татарские шеджере, которые впервые вошли в научный оборот.

Начиная с конца 80-х гг. XX века в диалектной лексикологии одним из ведущих аспектов в изучении этнокультурной лексики стало рассмотрение их по лексико-тематическим группам. В плане историко-семантического развития терминов родства [382], названий пищи, утвари [75; 524], одежды [385], названий растений [525], домашних построек, орудий труда, названий ремесел [388].

В труде Т.Х. Хайрутдиновой «Говор златоустовских татар» подвергается анализу этнокультурная лексика, относящаяся к данному говору. Этнокультурная лексика златоустовских татар рассматривается в данной последовательности: слова, общие с говорами среднего и восточного диалектов татарского языка; слова, общие с говорами мишарского диалекта. Автор на основе фактических материалов доказывает сходство говора златоустовских татар с говорами среднего диалекта, а также выделяет некоторые особенности, характерные мишарскому диалекту. В книге Т.Х. Хайрутдиновой «Бытовая лексика татарского языка» [524] анализируются татарские названия бытовой утвари и т.п. в синхронии и диахронии; изучается полевой материал по татарским говорам и памятникам старотатарской литературы, с привлечением материалов тюркских языков. В исследовании подчеркивается многообразие этнокультурной лексики, относящейся к названиям посуды и утвари, предметов домашнего обихода в диалектах татарского языка.

Книга «Народные названия растений в татарском языке» [525] посвящена системному анализу народных названий растений в синхронном и диахронном аспектах. Автором рассмотрены принципы номинаций фитонимов, выявляется семантика слов, ареалы их распространения. В работе подчеркивается, что число диалектных синонимов и вариантов отдельных ботанических названий доходит до десяти и более. Например, как указывает автор, для номинации шиповника в говорах татарского языка имеется свыше 50 названий, причем эти лексемы отражают различные признаки растений [525, с. 208]. В работе сделана попытка выявить основные мотивы происхождения наименований растений, отраженные в языке, верованиях и фольклоре татар. Особое внимание уделяется тем сюжетам, в которых обнаруживается связь растений с душой или с останками умершего

человека или божества. Следует отметить, что порой трудно отделить чисто этиологические мотивы (объясняющие происхождение отдельных видов) от мотивов превращения человека в то или иное (уже существующее как вид) растение. Собственно, происхождение растений раскрывается прежде всего в этиологических легендах. Другой круг рассматриваемых проблем связан с метаморфозами, т.е. с чудесными превращениями растения в человека или других персонажей. В работе использованы разножанровые тексты.

Этнокультурная лексика обобщается и анализируется в трудах Р.Р. Замалетдинова «Внешний и внутренний мир носителей татарской культуры через призму языка» [201], «Татарская культура в языковом отражении» [202]. Исследователь раскрывает эмоционально-эстетическую глубину, национальное своеобразие духовного и материального мира татарского народа. Как утверждает Р.Р. Замалетдинов, к ключевым концептам любой культуры относятся концепты дом и человек, которые тесно коррелируют концептуализацию в языке сферы семейно-родственных отношений как на уровне кровного родства, так и родства свойственного [202, с. 4]. Автором представлен словарь-справочник «Этнокультурная лексика татарского языка» [201]. Согласно Р.Р. Замалетдинову, лексика, отражающая внутренний и внешний мир человека, связанная с обрядами и обычаями, составляет собственно этнокультурный пласт.

В монографии Ф.Ф. Гаффаровой «Земледельческая лексика в татарском языке» доказано, что земледельческая лексика, являясь древнейшим пластом, имеет много общего на уровне тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Автором установлено, что в лексике алтайских языков, при синхронном ее анализе, обнаруживается широкая общность корней, относящихся к земледелию. По мнению автора, в большинстве случаев земледельческая лексика является унаследованной от языка-основы, который вполне правомерно можно назвать алтайским праязыком.

Этнокультурная лексика, относящаяся к промыслам, изучена в монографиях А.Р. Рахимовой «Лексика сибирских татар (сравнительно-исторический анализ промысловой и хозяйственной лексики)» [387], Р.К. Рахимовой «Татарская

профессиональная лексика» [388], «Лексика и словарь татарского ювелирного дела», в последней этнокультурная лексика анализируется по тематическим группам, при этом выясняется что значительную часть лексики представляют историзмы и устаревшие слова, встречающиеся лишь в источниках, которые являются названиями некоторых ювелирных украшений, служивших дополнением к старинному женскому костюму. Одновременно в связи с исчезновением моды на камзолы, платья с закрытым воротом, длинные волосы, из употребления вышли и обозначающие их названия и их подвиды: хэситэ, яка чылбыры, тезмэ, изүчэ, бөти, чэч төбе, чулпа, көянтэле чулпы, ике челтәрле чулпы, челтермәкле белэзек, тимэ // үрмэ белэзек, камзул каптырмасы, муенса каптырмасы и т.п. Автор выделяет функционирующую этнокультурную лексику украшений для шеи, рук, пальцев в локальных вариантах культуры татар: муенса – гәрэбэ, мәржән, энже, белэзек, йөзек // жөзек, кадама – брошка, из новых – кулон, медальон, цепочка – чылбыр, алка // сырға, чэч каптыргыч.

Монография «Татарская профессиональная лексика» посвящена исследованию лексики, относящейся к ткачеству, вязанию, валянию [388, с. 136]. Как утверждает автор, профессиональная лексика возникла в процессе труда и была коммуникативной необходимостью.

Одним из важнейших этапов исследования говоров татарского языка методом лингвогеографии является создание «Атласа татарских народных говоров» [32], который является уникальным фундаментальным сводом этнокультурной лексики в её территориальном распространении.

Этнокультурная лексика зафиксирована в двух книгах: «Татарские народные говоры» [457; 458] и «Большой диалектологический словарь татарского языка» [442].

Этнокультурная лексика изучается в исследованиях доктора филологических наук А.Г. Шайхулова [55; 556]. Под его руководством изданы «Материалы к идеографическому словарю диалектов татарского языка», посвященные составлению и классификации диалектного материала,

систематизированного в рамках идеографического словаря, в котором исследуются лексики двух диалектов – среднего и мишарского [288].

В монографии М.Р. Булатовой «Курмантауский говор среднего диалекта татарского языка в этнолингвистическом аспекте» [106] исследуются фонетические, синтаксические и лексические особенности курмантауского говора. Этнолингвистический анализ ведется в сравнительном плане с литературным языком, а также с другими татарскими говорами и тюркскими языками. Автором доказывается, что курмантауский говор является одним из татарских говоров среднего диалекта.

Таким образом, в течение нескольких веков была систематизирована и научно обработана уникальная этнокультурная лексика, собранная диалектологами в полевых условиях. В Институте языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, несмотря на большую проделанную работу и изучение этнокультурной лексики в различных аспектах, сбор, систематизация данных продолжается и сегодня. С целью изучения традиционной духовной культуры, языка, в том числе и этнокультурной лексики, ономастики, выявления самоидентичности и самосохранения татар проводятся комплексные экспедиции в различные районы Татарстана и регионы Российской Федерации, где компактно проживают татары. В этих исследованиях раскрываются ареалы распространения этнокультурной лексики или групп, их синонимичные варианты, лексические семантические различия. Все это, с одной стороны, еще раз подтверждает справедливость установленного диалектного членения татарского языка, с другой – обогащает и позволяет рассматривать далее ареальную характеристику в плане истории ее развития.

§ 1.4. Этнокультурные и сравнительно-исторические исследования татарской антропонимической системы

По татарской антропонимике осуществлена большая целенаправленная работа по изучению татарских личных имен. Первые попытки научного освещения вопросов татарской ономастики можно найти в трудах Ш. Марджани, К. Насыри еще в начале XIX века. Этот начальный этап предварительной научной обработки источников и определения методов работы с ними подготовил в целом благоприятную почву для будущих ономастических исследований. Во второй половине XIX – нач. XX вв. в трудах татарских ученых (Ш. Марджани, К. Насыри, Г. Ахмеров) антропонимикон изучается уже в тесной связи с этнической культурой и духовной деятельностью народа, также был произведен сбор антропонимической лексики и др., Так, в историческом произведении Ш. Марджани «Мустафад-эль-ахбар» использован большой антропонимический материал Булгарского государства и Казанского ханства. Во втором томе большое внимание уделено родословным исторических личностей, представляющим ценный материал для изучения исторической антропонимики татарского народа.

Крупнейший представитель этнокультурного направления в татарском языкознании, ученый-энциклопедист К. Насыри является «основоположником татарской ономастики» [404, с. 15]. К. Насыри в работе «Свияжский уезд» [331, с. 135] по различным историческим источникам воссоздает достоверную историю исследуемых им селений и уделяет внимание этимологии названий селений, которые совершенно правильно возводит к именам их первооснователей. Таким образом, К. Насыри в своих трудах отводит значительное место татарским личным именам. Особое внимание заслуживает труд «Истилахэте жэгърафия» («Географические термины») [331, с. 96], в котором содержатся сведения о географических названиях и терминах. Огромный вклад К. Насыри в развитие духовной культуры татар, в том числе и его ономастики, неоспорим.

Начиная с 60-х гг. XX столетия возникают альтернативные подходы к изучению антропонимикона, появляется целый ряд работ, где расширяется круг исследуемых проблем и историко-лингвистический аспект изучения антропонимов поднимается на новый уровень. Вопросы изучения антропонимики начали развиваться в трудах Р.Г. Ахметьянова, А.Б. Булатова, М.З. Закиева, М.А. Залялиевой, Г.Ф. Саттарова, Р.Х. Субаевой, М.А. Усманова, Ф.С. Фасеева, В.Н. Хангильдина, Ф.С. Хакимзянова, Г.В. Юсупова и других ученых. Эти работы стали впоследствии методологической базой для комплексного изучения современной татарской антропонимической системы, благодаря которой изучение татарского антропонимикона поднялось на новый уровень.

Вопросы исторического функционирования антропонимов освещаются в труде Г.В. Юсупова «Введение в болгаро-татарскую эпиграфику» [576], где на антропонимическом материале доказывается наличие признаков древнеболгарского языка в языке казанских татар и предполагается, что «после распада Болгарского государства среди широких масс, татары имели длительное употребление древнеболгарских имен» [576, с. 106]. В работе проанализированы личные имена надгробных памятников XIII – XVI вв. В этом же направлении развивается работа Ф.С. Хакимзянова «Язык эпитафий волжских болгар» [526], который вводит в научный оборот личные имена, относящиеся к Волжской Булгарии.

Проблемы словообразования татарских личных имен затрагиваются в работах Ф.А. Ганиева. Ученый высказывает мнение о том, что основным способом образования татарских антропонимов является словосложение. Наблюдения над структурой татарских личных имен позволили автору сделать немаловажные выводы относительно онимов и сочетаемости определенных элементов в их структуре.

Заслуживает внимания работа Ф.М. Хисамовой «Особенности языка татарской деловой письменности XVIII века», посвященная изучению официально-деловой письменности XVIII века. В ней автор большое внимание уделяет историческим антропонимическим единицам. Она считает, что

«преобладающий характер исконно татарских личных имен XVIII столетия дает основание полагать об их основных тенденциях развития». Учитывая прилагаемый к работе список личных имен XVIII века, извлеченный из документальных текстов, ценность данного исследования в области исторической антропонимики следует считать безусловной.

Изучению антропонимов в татарских шеджере посвящены труды М.И. Ахметзянова. В них введены в научный оборот собранные автором в полевых исследованиях татарские родословные (шеджере). В кандидатской диссертации Ахметзянова «Исследование татарских шеджере в историческом и языковедческом аспектах» [39] представлен лингвистический анализ татарских родословных и рассматривается их развитие в историческом плане [39, с. 4]. В последующих его работах [45; 46; 47] даются татарские родословные, собранные в различных экспедициях. Следует подчеркнуть несомненный вклад М.И. Ахметзянова в развитие тюркского языкознания, в частности в татарскую антропониимику.

Весомый вклад в теоретическое и практическое изучение вопросов татарской антропониимики и ее формирования вносят исследования А.Г. Шайхулова [555; 556; 557], в которых были уточнены и определены лексико-тематические группы татарских личных имен в сравнительном аспекте. В работе «Татарские и башкирские имена тюркского происхождения» дается историко-этнографический обзор татарских и башкирских личных имен тюркского происхождения, предлагается лексико-тематическая классификация имен домусульманского периода (имена-посвящения (меморативы), имена-описания, имена-пожелания) [557, с. 9]. Концепция А.Г. Шайхулова основывается на историко-лингвистическом и лексико-тематическом принципах, благодаря которым автору удается проследить процесс возникновения и развития личных имен.

Проблема древнетюркской антропониимии и ее морфонологии представлена в монографии М.З. Закиева «Древнетюркская ономастика и ее морфонология». В данной книге автор впервые выделяет 3 домусульманских периода

(гипотетические древнетюркские антропонимы первого (доскифского) периода, древнетюркские антропонимы второго (скифского) периода, древнетюркские антропонимы третьего (послескифского) периода), которые до сих пор не были объектом детального изучения. Материалом анализа являются антропонимы готов, имена богов скифского пантеона. Исследование древнетюркской ономастики и ее морфонологии ведется автором после выяснения исторических границ древних тюрков и их языков, а также изучения основных направлений тюркской морфонологии.

В исследованиях формирования и развития татарской антропонимики и выделения ее как раздела татарского языкознания важное место занимают фундаментальные труды представителя отечественной тюркологии, крупнейшего татарского лингвиста Г.Ф. Саттарова, возглавившего казанскую тюрко-татарскую ономастическую школу при Казанском федеральном университете, в котором подготовлены талантливые ученые (Ф.Г. Гарипова, Х.Ч. Алишина, А.Г. Шайхулов, Г.Р. Галиуллина, Г. Кульдеева, Г.К. Хадиева, Р.И. Хазиев, О.Р. Хисамов, Р. Ш. Шагеев и др.). В 1996 – 2006 гг. возглавляемая Саттаровым научная школа разрабатывала тему: «Историко-лингвистическое исследование тюрко-татарской ономастики, диалектов и лексики в свете актуальных проблем лингвоэтноистории и этногенеза татарского народа» [241, с. 258]. Под руководством профессора Саттарова, с привлечением ономастического материала татарского языка, было выполнено большое количество серьезных научных работ: по гидронимии [139; 138], по микропонимии [552], по ойконимии Западного Закамья Татарстана [540], Казанского ханства [196], Юго-Восточного Закамья [511] по историко-лингвистическому анализу фамилий [546] татарских личных имен [128; 129; 130; 116; 510], по историко-лингвистическому анализу татарской антропонимической системы Нагорной стороны РТ [398], нижегородских татар XX века [110], по поэтической ономастике [97; 144; 208] и др.

В фундаментальном исследовании Г.Ф. Саттарова «Антропотопонимия Татарской АССР» [404] изучены названия населенных пунктов, производных от древних тюрко-татарских личных имен, основанные на обширном

этнографическом и диалектологическом материале, собранном самим автором в экспедициях, и извлеченным из многочисленных архивных документов. Г.Ф. Саттаров широко использовал литературу как по истории народов, живущих по соседству с татарами, так и по истории тюркских народов вообще, что дало возможность на материале обширной татарской ономастики решить некоторые узловые моменты татарского этногенеза.

Важным вкладом в развитие татарской антропонимики является монография Г.Ф. Саттарова «Татарская антропонимика» [410], в которой проведено комплексное исследование татарской антропонимики в историко-лингвистическом аспекте, а также проанализированы основные антропонимические единицы. В работе рассмотрены многочисленные лексико-тематические группы татарских личных имен и других антропонимических категорий, а также причины и мотивы их возникновения, источники, особенности формирования и функционирования, тенденции и структурные особенности.

Фундаментальные исследования в области татарской гидронимии проведены в многочисленных трудах Ф.Г. Гариповой [139], представителя казанской тюрко-татарской ономастической школы. Ее работы представляют обобщение историко-лингвистического исследования татарских гидронимов, топонимов, которые подвергнуты сопоставительно-сравнительному, семантическому и лингвистическому анализу. В исследованиях раскрыты черты, специфичные для татарской гидронимии, определена ее стратиграфия, рассмотрены различные способы словообразования татарских гидронимов. Автором созданы этимологические словари татарских микротопонимов [142] и гидронимов» [140; 143].

В ее кандидатской диссертации «Гидронимия Заказанья Татарской АССР (бассейнов Ашит, Казанки, Меши, Шошмы)» [139] впервые в монографическом плане исследуется гидронимия Высокогорского, Арского, Сабинского районов, т.е. бассейнов рек Казанки, Меши, Ашит, Шошмы, которые протекают вблизи этих районов.

В «Словаре гидронимов Татарии» автором исследованы около 3200 названий рек, озер, родников, находящихся в Татарстане. Как утверждает ономастолог, изучаемая территория особенна в историческом, географическом, этнографическом плане, а названия гидронимических объектов представляют интерес в лингвистическом плане [143, с. 6]. Согласно Ф.Г. Гариповой, «на территории проживания носителей среднего диалекта происходили ассимиляция болгарских племен с кыпчакскими племенами, культурно-экономические отношения с соседними народностями (финно-уграми, тюрками, славянами), процессы насильственной христианизации, которые оставили явный отпечаток на татарских гидронимах [143, с. 10].

Продолжением словаря является «Словарь гидронимов Татарии», в котором автором проведено этнолингвистическое исследование гидронимов Закамья, Заказанья, Нагорной стороны Татарстана. Ф.Г. Гарипова выделяет некоторые локальные особенности в названиях гидронимов. Как утверждает ученый, во всех трех локальных вариантах полноводным названием гидронимов выступают термины *елга*, *инеш*, *су*. Однако в Нагорной стороне гидронимом называют *чокыр* (чыгыр), малые озера называют термином *бакал*. Заказанские татары сухие реки называют термином *чокыр*, *болын*. В восточных районах Закамья сухие реки называют термином *кул* [140, с. 13]. Таким образом, в этнолингвистических исследованиях Ф.Г. Гариповой впервые рассматриваются теоретические и лексикографические вопросы гидронимии Татарстана. В двухтомном словаре Ф.Г. Гариповой впервые введены в научный оборот татарские гидронимы. Автор рассматривает вопросы их происхождения в связи с историческими условиями жизни татар, проводит семантический анализ гидронимов, устанавливаются основные принципы номинации гидрообъектов Татарстана.

Ф.Г. Гарипова является автором многочисленных научно-популярных книг «Авылларны сөям жаным-тәнем белән» (Люблю деревню свою) [138], «Борынгы Болгар шәһәрләре» (Древнеболгарские города), в которых в научно-публицистическом стиле излагаются проблемы происхождения топонимов.

Монография «Татарская гидронимия» представляет собой теоретический итог, обобщение, научную концепцию автора. В комплексном исследовании определены семантические типы гидронимов, рассмотрены разнообразные способы их образования. С помощью историко-сравнительного анализа раскрыты черты, специфичные для наименований изучаемого региона. Как утверждает Ф.Г. Гарипова, данные гидронимии как наиболее древние и устойчивые ономастические единицы позволяют восстановить этнолингвистическую картину прошлого.

Следующей важной для казанской ономастической школы задачей является *изучение региональной антропонимической системы*. Научно-исследовательская работа казанской ономастической школы сосредоточена на исследовании актуальных проблем исторической, региональной и современной антропонимики. Так, современная татарская антропонимия стала объектом исследования в трудах Х.Ч. Алишиной [17], Л.Х. Айтбаевой [5], Ф.Г. Вагаповой [110], М.Г. Валиевой [116], Г.Р. Галиуллиной [129; 130; 131], Ф.Г. Гильфановой [151; 152], Ф.С. Салимзяновой [398], Г.Ф. Саттарова [404; 410], Г.Ф. Тимкановой [471], Г.С. Хазиевой-Демирбаш [510] и др.

Функционирование и лингвистические особенности татарских личных имен заимствованного пласта исследованы в кандидатской диссертации М.А. Залялиевой «Историко-лингвистическое исследование личных имен русского и западноевропейского происхождения». Проведенный автором анализ личных имен русского и западноевропейского происхождения доказывает, что заимствованные имена наиболее быстро реагировали на активные процессы, происходившие в языке в послеоктябрьский период, подвергаясь освоению грамматической, фонетической и словообразовательной системами татарского языка. Данная работа является систематизацией антропонимикона периода после Октябрьской революции и до 80-х гг. XX века. Однако татарский антропонимикон русского и западноевропейского происхождения начала XXI века остается до сих пор неизученным.

Как известно, отражением истории, традиций и культуры народа являются наиболее значимые антропонимические единицы – фамилии. К данной проблеме в своей кандидатской диссертации «Историко-лингвистический анализ татарских фамилий» обращается Ф.Ф. Мазитова. В ее работе на материале исторических источников проанализированы татарские фамилии. В работе З. Хуснуллиной проведен историко-лингвистический анализ татарских фамилий г. Казани [546].

В последние годы появился ряд монографических работ, являющихся ключевыми для антропонимического направления языковедческих исследований. В этом отношении неоспоримы заслуги Г.Р. Галиуллиной. В ее монографии «Личные имена татар XX века» на антропонимическом материале, с использованием статистических данных, исследована региональная татарская антропонимическая система татар XX века, прослеживаются динамика и процесс формирования личных имен в XX в. [129]. Продолжение исследования было представлено в монографии «Татарские личные имена в контексте лингвокультурных традиций» [131]. Большое место в работе отводится выявлению основных лингвокультурных традиций, повлиявших на становление и развитие антропонимической системы татарского языка. Исследователем доказана национальная специфика мировидения татарской национальной личности, выделены ключевые языковые и культурные элементы, проникшие в систему личных имен из других культур.

Важным вкладом в татарскую ономастику является и докторская диссертация Г.Р. Галиуллиной «Татарская антропонимия в лингвокультурологическом аспекте» [130]. В ее работе, впервые в татарском языкознании, разработаны теоретико-методологические основы исследования национального антропонимикона в лингвокультурологическом аспекте. Особо отметим выдвинутую в работе авторскую концепцию рассмотрения антропонимической системы с позиции языковой личности. Рассмотрение исследователем семантических особенностей антропонимической лексики татарского языка позволило выявить проявления национально-культурной специфики.

Изучению региональной антропонимии XX века посвящены и работы Г.Ф. Тимирхановой [470], Ф.Г. Вагаповой [110], Ф.С. Салимзяновой [398], выполненные с привлечением большого круга документов ЗАГСа и их подробным лингвистическим анализом.

В историко-лингвистическом аспекте антропонимикон татарского языка изучен в работах С.И. Гасимовой [146]. Гендерный аспект изучения личных имен рассматривается в исследованиях М.З.Валиевой «Татарские женские личные имена» [116], «Татарские мужские личные имена» [509]. В данных работах определены характерные особенности мужских и женских личных имен, раскрыты мотивы имянаречения, представлены особенности функционирования и тенденции развития в XIX – XXI вв.

В казанской ономастической школе подготовлены талантливые ученые, в работах которых рассматриваются проблемы изучения ономастикона сибирских татар. Так, в фундаментальной работе Х.Ч. Алишиной «Историко-лингвистическое исследование ономастикона Сибирских татар (на материале Тюменской области)» [17; 18] на огромном фактическом материале рассмотрено становление сибирских татар как этнической общности. Работа Алишиной является большим вкладом в сравнительное изучение сибирского диалекта татарского ономастикона с другими тюркскими языками. Достаточно серьезное комплексное исследование ономастикона сибирских татар закладывает монография Х.Ч. Алишиной «Ономастикон сибирских татар» (на материале Тюменской области), в котором исследуются вопросы семантики, словообразования, грамматики онимов через сравнение явлений в разносистемных языках на общем тюркском фоне. Важным является выявление автором типологических сходств и различий, обусловленных многими лингвистическими и экстралингвистическими факторами.

Логическим продолжением изучения антропонимикона татар сибирского ареала является работа Л.Х. Айтбаевой «Историко-лингвистическое исследование антропонимии татар междуречья нижней Оби и Иртыша», доказывається их тесная связь с общетюркским антропонимическим наследием, с учетом локальных

особенностей исследуемой территории [5, с. 3]. В работе Г.Ф. Тимкановой «Историко-лингвистический анализ личных имен татар г. Тюмени XX в.» антропонимическая система тюменских татар показана в диахронии [471, с. 3].

В кандидатской диссертации Ф.Ф. Гильфановой «Антропонимия тобольских и тюменских татар середины XVIII – XIX вв. К проблеме этнической истории» [152] раскрываются проблемы этногенеза на материале антропонимов XVIII – XIX вв. Продолжением этой работы является докторская диссертация Гильфановой «Антропонимия сибирских татар в этнолингвистическом аспекте (на материале русских архивных документов XIX – XX вв.)» [151]. Исследователь, с помощью сравнительно-сравнительного метода, анализирует антропонимии тарских, барабинских, тобольских и тюменских татар XIX – XX вв. и антропонимии контактирующих тюркоязычных этносов: казахов, башкир, обских угров, славян, по которым выявляет их этнокультурные связи [151, с. 3].

Еще одним приоритетным направлением казанской тюрко-татарской ономастической школы является *изучение региональной топонимики*. Впервые на материале писцовых книг комплексному исследованию подвергнуты названия населенных пунктов Казанского ханства в кандидатской работе Г.К. Закировой «Историко-лингвистический анализ ойконимии Казанского ханства» [196]. Изученный ойконимический материал позволил автору выявить отражение социально-экономических и общественно-политических перемен в ойконимии региона. В исследовании всесторонне проанализированы закономерности возникновения, развития и формирования ойконимов ханства. Особенностью исследовательской работы являются разработанные теоретические положения, в которых определены лексико-семантические типы ойконимов, основные способы образования их и структурные типы. Примечательно, что в работе автором устанавливается этимология некоторых ойконимов с затемненной семантикой.

Объектом исследования Р.И. Хазиева является ойконимия Юго-Восточного Закамья Республики Татарстан [511]. Анализ ойконимии Западного Закамья Татарстана осуществлен в кандидатской диссертации О.Р. Хисамова [539]. На материалах Азнакаевского, Альметьевского, Бавлинского, Бугульминского,

Лениногорского, Муслюмовского, Сармановского, Ютазинского районов в работе Р.Ш. Шагеева исследованы историко-лингвистические особенности микропонимии [553].

Работы представителей казанской тюрко-татарской ономастической школы направлены и на *изучение поэтической ономастики*: А.Р. Биктимировой «Лингвистическая и ономастическая поэтика татарских народных песен» [93], В.М. Гариповой-Хасаншиной «Поэтическая ономастика прозы Гумера Баширова» [144], Г.Х. Зиннатуллиной «Поэтическая ономастика прозы Амирхана Еники» [208] и др.

Казанская тюрко-татарская ономастическая школа продолжает свою научную деятельность в рамках антропоцентрической парадигмы современного языкознания. Вопросы функционирования татарских личных имен в антропонимической системе, проблемы развития отдельных направлений антропонимики постоянно затрагиваются в многочисленных статьях и работах, которые имеют большое теоретическое и практическое значение для современного языкознания.

Таким образом, обобщая деятельность казанской тюрко-татарской ономастической школы, следует отметить, что общеономастические идеи и конкретные исследования ее представителей оказали значительное воздействие на развитие не только тюркского, но и общего языкознания.

§ 1.5. Мифопоэтическое значение личного имени в контексте исследований тюркской лингвофольклористики

Последние тенденции в современном языкознании, связанные с междисциплинарными исследованиями, способствовали активизации изучения личных имен в фольклорных текстах. Составной частью этнолингвистики стала лингвофольклористика, сложившаяся в отечественной филологии в конце XX столетия на базе трудов Д.К. Зеленина [205], А.Н. Веселовского [115], П.Г. Богатырева [101] и др., весомый вклад в развитие лингвофольклористики

вносят работы С.Е. Никитиной [337; 338], А.Т. Хроленко [544] и др. Согласно А.Т. Хроленко, «лингвофольклористы изучают язык устного народного творчества как средство постижения этнической ментальности и традиционно-культурных смыслов» [543, с. 24]. Интерес лингвофольклористов к исследованию семантики фольклоронимов в лингвокультурологическом, этнолингвистическом и когнитивном аспектах возрос на рубеже XX – XXI веков. В трудах Т.А. Агапкиной [1], Е.И. Алещенко [14], О.В. Беловой [90], Е.Л. Березович [92; 93; 94; 95], О.В. Волощенко [118], О.Г. Горбачевой [155], Н.В. Дранниковой [170], Т.И. Кондратьевой [259; 269; 261; 262], С.Е. Никитиной [337; 338], В.Я. Проппа [380], С.М. и Н.И. Толстых [477], В.Н. Топорова [481], А.В. Юдина [570; 571] поднимается проблема функционирования онимов в славянском фольклоре. Однако до сих пор нет комплексных работ, раскрывающих суть изучения, предполагающих реконструкцию мифологической модели мира через призму личных имен во всех жанрах фольклорного текста. Е.Л. Березович, обратившаяся к проблеме взаимодействия топонимии и фольклора, утверждает, что «фольклорная ремотивации топонима может считаться разновидностью общеязыковой ремотивацией, суть которой состоит в попытке объяснения внутренней формы топонимов с помощью произведений усного народного творчества» [95, с. 159]. Фольклорная номинация выделяется мифологическим типом мышления, который отражает народную мифологическую модель мира. Как утверждает Т.Кондратьева, «совершенно очевидно, что имена собственные в фольклорном тексте столь же специфичны, как и остальные, главным образом, опорные слова этого текста» [259, с. 23]. В ономатологии в обозначении объекта исследования существуют различие в терминах. В ономастике фольклорных текстов объектом исследования называют: литературные онимы [501], мифонимы [369, с. 87; 433, с. 180], фольклоронимы [443, с. 40]. Согласно А.В. Суперанской, «мифоним – своеобразный сектор ономастического пространства, созданный наподобие реальной его части. В него входят именованья людей, животных, растений, народов, географических и космографических объектов, различных предметов и т.п., в действительности никогда не существовавших» [433, с. 180].

В некоторых исследованиях в данном термине отождествляется собственное и нарицательное имя. Также термин «мифоним подразумевает слово или краткое словосочетание, используемое как собственное или нарицательное имя божеств или вымышленных персонажей. Мифологическая лексика широко представлена в сказках, легендах, мифах, героическом эпосе, летописях, сказаниях и т.п. разных народов мира, а также в теологических трактатах и священных книгах христиан, мусульман и буддистов. Изучение мифонимики затруднено спецификой самого предмета исследования, размытостью границ между элементами» [564, с. 107]. В диссертации мы сочли целесообразным использовать термин «фольклороним» – вторичное по отношению к обычной онимии ключевое слово в фольклорных текстах, которое служит для наименования денотатов, обладающих способностью семантизироваться, то есть менять исходный план содержания и приобретать контекстуально обусловленные оттенки смысла. Он является этнокультурным языковым знаком, содержащий и отражающий в имплицитной форме фрагменты и аспекты мифологического сознания.

На наш взгляд, антропонимический код традиционной культуры содержит этнокультурную информацию, представляющую целостность традиционной картины мира. В связи с этим изучение языка фольклора, в том числе ономастикона, важен тем, что в устном народном творчестве сохраняются архаизмы, потерянные в языке, которые впоследствии создают предпосылки для восстановления праязыковой системы в целом, и, следовательно, изучение в диахронии способствует возникновению тенденций в исследовании языка.

В конце XIX в. Н.Ф. Катановым проведено лексикографирование собственных имен тюркского фольклора, которые позже были отражены в труде «Алфавитный указатель собственных имен, встречающихся в первом томе Образцов народной литературы тюркских племен, собранных В.В. Радловым» [246]. В его Указателе дается этнолингвистический анализ личных имен, а также функционирование героев в фольклоре, перечисляются традиционные эпитеты, содержащие дополнительную часть семантики личного имени. Данная работа академика

Н.Ф. Катанова важным исследованием в области этнокультурного пространства тюркских народов и не теряет своей значимости и в настоящее время.

Исследованию различных видов жанра татарского фольклора посвящены труды Х. Ярми [583], Ф.И. Урманчеева [493; 494], М.Х. Бакирова [53; 54; 55], Х. Махмутова [291; 292], К.М. Миннуллина [307; 308; 309; 310], А.Х. Садыковой [396], Ф. Яхина [584], Л.Х. Мухаметзяновой [320], И.Г. Закировой [197; 198] и других татарских фольклористов.

Первой попыткой изучения лингвистических особенностей афористических жанров татарского фольклора являются работы Х.Ш. Махмутова [291; 292]. В его исследовательской работе «Афористические жанры татарского фольклора» [292] на материале паремий предпринята попытка изучения их поэтики, которые рассмотрены в трех основных направлениях: 1) словесная образность, 2) поэтический синтаксис, 3) эвфония и ритмика. Фольклористом доказано, что у каждого жанра, у каждого типа паремий есть свои средства художественного изображения и выразительности, наиболее полно отвечающие их жанровой специфике. В монографии «Слова древних мудрецов» [299] исследуются афоризмы в тюрко-татарских письменных памятниках VII – XVII вв. Автором впервые в татарской антропонимике изучается поэтика слов и изречений в орхоно-енисейских эпитафиях, турфанских текстах, куманских загадках, в словаре Махмуда ал-Кашгари «Диване..» и др. Интересной представляется монография «Отзвуки священных книг» [298], в которой представлена поэтика изречений, возникших на основе аятов священной книги и хадисов.

Монография видного фольклориста М.Х. Бакирова «Древнетюркская поэзия: неразгаданные тайны устного и письменного поэтического творчества наших предков» [52] является первым в тюркологии опытом исследования генезиса и развития общетюркской поэзии и древнейших ее форм. Особенностью исследования является анализ и трактовка поэтики тюркской поэзии на основе фактов и явлений языкового порядка.

Важным вкладом в лингвофольклористику, в частности в изучение лексики татарского песенного жанра, являются исследования фольклориста

К.М. Миннуллина [307; 308; 309]. Так, в докторской диссертации исследователя «Песня как искусство слова» [309] впервые предпринята попытка обобщенного и углубленного монографического исследования жанровых особенностей песни и анализа лексического состава, представлена классификация лексики, связанной с духовным миром человека, его взаимоотношением с окружающей действительностью; с бытом; с родным краем и миром неживой природы. Автором доказано, что роль слова в поэтике песенного текста выявляет образной компонент в структуре и способствует более глубокому раскрытию возможностей закономерного создания слова-образа, дающее возможность более детальному изучению развития лексики на материале песенного жанра.

Значительный вклад в теоретическое изучение жанрового статуса татарских песен представлен в монографии профессора К.М. Миннуллина «Песня сквозь года» [308], в которой анализируется диахронное и синхронное состояние татарских песен в сравнении с песенными жанрами других тюркских народов. В данной работе фольклористом выявлена специфика поэтики песенного жанра, исследованы репертуар и актуальность стилистических приемов в их составе; рассмотрены их системно-структурные особенности на уровне лексической организации, реконструируется татарская фольклорная картина мира, репрезентируемая татарскими песнями. Лингвофольклористическое направление К.М. Миннуллина явилось одной из первых значительных и серьезных работ, давших хороший импульс к последующей исследовательской деятельности в области песенного жанра. В этом смысле примечательна работа А.Р. Биктимировой «Лингвистическая и ономастическая поэтика татарских народных песен», в которой исследуется ономастическая система татарских народных песен [97]. В работе А.Р. Биктимировой анализируется лингвистическая и ономастическая поэтика художественного текста на примере песенного творчества татарского народа. В диссертации Г.З. Дарзамановой «Фразеологические единицы и паремии с антропонимами в русском, татарском и английском языках» [163] в сравнительном аспекте рассмотрены паремии с антропонимами, а также проанализированы особенности функционирования

личного имени в составе паремий. Работа Г.Р. Ганиевой «Фразеологические единицы с компонентом именем собственным в английском, русском и татарском языках» написана в том же аспекте [132]. Попытки исследования собственных имен в малых жанрах татарского фольклорного текста предприняты: в загадках [131; 515], в пословицах и поговорках [69; 520; 291; 292]. Изучение ономастикона в эпическом жанре татарского фольклора находится на разных стадиях проработки и в татарской антропонимике пока нет комплексных работ, дающих представление об особенностях употребления личных имен в фольклорных текстах.

В современной тюркологии обращается особое внимание на изучение фольклоронимов. Так, в исследовании Н.И. Филипповой «Собственные имена персонажей в якутском эпосе олонхо: структура и семантика» [498] отмечается, что собственные имена в олонхо – самый богатый и своеобразный пласт языка, который отражает эпический мир, правила наречения и пространственно-временное мировоззрение.

Серьезным вкладом является работа Ф.Г. Хисамитдиновой «Мифологический словарь башкирского языка» [537], посвященная именам и эпитетам мифологических и мифологизированных персонажей, предметов и веществ, названий явлений природы и стихий, растений и животных, названий внутреннего мира, обычаев и обрядов, ритуалов и ритуальных действий, времени и пространства. Данный словарь привлекает внимание тюркологов к весьма перспективной области народной культуры.

Совершенно новый подход к изучению фольклоронимов прослеживается в работе Г.Х. Бухаровой «Башкирский народный эпос «Урал – батыр»: когнитивно-дискурсивный и концептуальный анализ» [109], в которой впервые изучается мифопоэтическая модель мира, представленная текстом башкирского народного эпоса.

Особое внимание привлекает работа Ф.Р. Халыгова «Фольклорная ономастика азербайджанского языка», в которой на антропонимическом материале азербайджанского фольклора показан процесс формирования

наддиалектного народно-разговорного языка, а также сосредоточено внимание на антропонимах, выдержавших испытание временем и запечатленных в народно-разговорном языке [531, с. 25]. Работа является ценным тем, что фольклоронимы анализируются по жанровым особенностям фольклора.

В турецком языкознании пристальное внимание обращается на проблемы изучения мифонимов, теонимов и др. В этом отношении представляют интерес статьи, посвященные изучению антропонимов в турецком фольклоре [643, с. 59 – 80; 632, с. 48 – 49; 637, с. 101 – 119]. Вопросы изучения турецких фольклоронимов отдельно рассматриваются в труде И. Шахина [630, с. 64 – 69]. Как отмечает И.Шахин, «в турецком языкознании в связи с узким пониманием антропонимической терминологии, мифонимы рассматриваются в кругах проблем фольклористики. Хотя мифонимы должны рассматриваться как объект исследования антропонимики, в котором исследовались бы проблемы семантики мифонимов, их лингвистические особенности, фонетические, морфологические и семантические изменения в процессе развития фольклорного произведения» [630, с. 68].

В казахском языкознании проблемы фольклорной ономастики разрабатываются в различных аспектах. Примечательна в этом отношении работа С.Е. Керимбаевой «Ономастическая экспликация мифологической модели мира казахского языка» [252], в которой исследованы мифологические особенности собственных имен казахского языка. Она выделяет термин «мифоним» для обозначения онимов в фольклорных текстах, которые, по её мнению, являются продуктами, отражающими мифологическое сознание и его реликты. В работе мифоним - это когнитивная категория, моделирующая знания о мире, его специфическом видении и мифологическом восприятии. В работе Д.М. Керимбаева [250] «Состав и этнолингвистическая характеристика собственных имен казахского фольклора» описана идеоэтническая семантика фольклорных онимов разных жанров. Он рассматривает собственные имена как знаки, сохранившие в структуре и семантике реликты и субстраты архаических культовых, языческих, религиозных смыслов, обычаи и традиции народа.

В работе Д.М. Токмашева «Антропонимы в шорском героическом эпосе: сравнительно-исторический аспект» [472] выделены основные этнолингвистические пласты шорского эпического антропонимикона. В ней определяется малоизученный шорский эпический антропонимикон в сравнении с именами персонажей эпоса тюркских народов. Также подчеркивается общность, которая дала возможность выделить ряд антропонимических изоглосс – эпических личных имен саяно-алтайских тюрков, определение которых позволило ученому установить специфические особенности эстетических и мировоззренческих установок тюркских народов.

Прежде чем дать определение понятию «мифопоэтическое значение личного имени», выделим ряд особенностей в изменении смысловых значений и понятий личного имени в процессе создания мифопоэтической модели мира. Одним из изменений в смысловом значении – коннотации, которые являются, по определению Ю.Д. Апресяна, «смысловым компонентом, не входящим непосредственно в дефиницию (лексическое значение) слова, выражающим несущественные (факультативные) с логической точки зрения признаки понятия, которые тем не менее устойчивы, значимы для данного языкового сообщества, являются отражением культурно-детерминированного выбора носителей языка и могут быть верифицированы в пределах системы языка» [27, с. 159]. Т.Н. Кондратьева дает следующую дефиницию: «собственные имена фольклора, являясь эмоционально-экспрессивными средствами, допускают множество индивидуальных применений, обобщений и отклонений от первичной номинации, открывая разную степень отвлеченности дополнительными семантическими нюансами» [259, с. 336]. Однако «специфика мифопоэтического значения *nom.pg* заключается в размытости границ между именем собственным и нарицательным, подвижностью статуса *nom.pg*» [482, с. 9] и «чем шире распространено имя в фольклоре, тем больше у него коннотирующих признаков и тем больше оним приближается к имени нарицательному» [472, с.179]. Собственное имя, «будучи индивидуальным обозначением отдельного предмета, не связано с понятием (не имеет основной коннотации), но может иметь побочные, дополнительные

коннотации (если именуемый достаточно хорошо известен)» [433, с. 113]. Коннотация личного имени раскрывает свой признак предмета, обладающий не только языковым, но и этнокультурным, мифопоэтическим значением. Следовательно, своеобразие антропонимической коннотации всегда национально маркировано, в котором «выделяются несколько типов» [210, с. 65]:

- 1) Экспрессивно-оценочный тип. Эмоциональность в языке и в речи характеризуется окказиональностью, базирующейся на субъективной оценке и обладающей воздействующей силой на эмоциональное состояние говорящего, в котором, прежде всего, выступают различные формы субъективной оценки антропонима: *Баләкәй генә Мәмдекәй, эче тулы тәмлекәй* [448, с. 60]. Данный тип коннотации противопоставляется документальной форме, в этом и заключается стилистическая очерченность имени. К примеру, аффикс *-кәй* в тюркских языках имеет уменьшительно-ласкательное значение, служит для передачи субъективной оценки личного имени [293, с. 114].
- 2) Языковой тип (коннотации документальности, разговорности, просторечности, диалектности): *Мин Ибрай, синең исемең хәтлүк озын түгел бугай* [444, с. 813]. Неполное личное имя Ибрай (полное: Ибраһим) также противопоставлено документальности, употребляется в устной речи локальных вариантах культуры татар.
- 3) Историко-культурный тип: *Сөләйман белән Балкыйс, Таһир Зәһрәсе, һәр Мәҗнүнгә бер Ләйлә* и др. В данных поговорках использованы мотивы восточного сказания о Меджнуне и Лейле, Тахире и Зухре, а также коранический сюжет о любви Сулеймана и Билкиса, в которых персонажи отражают эмоциональную оценку, интеллектуальное суждение народа о жизни, об их обычаях и обрядах. Таким образом, происходит асемантизация личного имени, которое делает антропоним национально маркированным, актуализирующимся через коннотативный потенциал, накопленный в процессе функционирования в рамках этнокультурного пространства. Антропонимические коннотации в фольклоре больше всего отвечают за семантику, раскрывают мифопоэтический потенциал личного имени и тем самым отражают сознание народа – создателя этнокультурного пространства.

«Возникновение новой семантической или структурной языковой единицы в результате взаимодействия или смешения их синтагматических или ассоциативных свойств» [564, с. 88] ведет к контаминации личного имени (lat. *contaminatio* «приведение в соприкосновение»). В татарском языке поговорка *Инсаф белән бергә йөр* (пер. Гуляй вместе с Инсафом) имеет значение «будь благовоспитанным». В поговорке значение личного имени Инсаф тождественно нарицательному значению слова инсаф «воспитанность, благонравие; совесть».

Табу, означая избыточность языковой системы, встречается во всех жанрах фольклора, в которых настоящее имя главного героя не называется, т.е. табуируется. Существовало поверье в силу слова: зная имя, владея именем, неприятель владел им самим, поэтому обычно герою присваивается новое имя, которое не должен был знать враг. Как известно, в тюрко-татарских дастанах герои имеют несколько имен. В обществе с родовым строем нарекали двумя именами – обычным и тайным, в котором настоящее имя табуировалось или скрывалось от врага, считалось «полноправным представителем человека перед лицом высших, божественных, небесных защитников, но оно же открывает его опасным, демоническим, потусторонним силам» [475, с. 379]. Так например, в позднем историко-героическом сказании целого ряда тюркских народов «Идегей», что особенно ярко отражается в его татарской версии, главный герой скрывает свое настоящее имя Кубугыл, называя себя Идегеем. Табуирование личного имени сохранилось и в традиционной культуре татар, так женщина в после свадьбы должна была соблюдать строгие правила именования мужа, его родных, исключая употребление их настоящих имен. Обычай табуирования личного имени, имеющий древние корни и связанный прежде всего с представлениями об опасности, известен всем тюркским народам и сохраняется в некоторых особенностях именования супругов вплоть до наших дней.

В семантическом изменении фольклоронима важным является энантиосемия, которая подразумевает совмещение в семантике одного слова противоположных значений. В фольклорных текстах семантический потенциал личного имени очень емкий, он может не только характеризовать, обобщать, но и

противопоставляться. В контексте фольклора личное имя становится многозначным и в нем появляются противоположные значения. К примеру, в татарской сказке «Саламторхан» рассказывается о человеке, который живет на сене и, благодаря лисе, женится на дочери падишаха. В татарском языке фольклороним Саламторхан полностью перешло в имя нарицательное. Так, в поговорке *саламторхан кебек* говорится о высокомерном, бестолковом человеке, значение которого противопоставляется значению поговорки. В поговорке Сафура бураннары также очерчивается энантиосемия, в которой семантический смысл личного имени противопоставляется семантическому значению поговорки. Подробнее о семантике данного изречения будет сказано в следующих разделах.

В фольклоронимах новый образ создается в осмыслении старых названий, в уподоблении иноязычного, явление называется народной этимологией, в котором осмысление названий открывает новые коннотации. В фольклоре иноязычным личным именам придается новое содержание, тем самым внешняя форма уподобляется внутренней форме. К примеру, рассмотрим татарский вариант эпоса «Кур оглу», в котором одного из падишахов зовут Булбек. Однако в турецком варианте этого героя называют Болубек. Данное имя происходит от названия города Болу в Турции, с которым связано происхождение эпоса. В татарском варианте эпоса в личном имени Булбек утрачено значение места и образовано другое имя, распространенное у татар.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, под мифопоэтическим значением имени собственного мы, вслед за О.И. Фоняковой, будем понимать «универсальную функционально-семантическую категорию имен существительных, особый тип словесных знаков, предназначенный для выделения и идентификации единичных объектов (одушевленных и неодушевленных), выражающих единичные понятия и общие представления об этих объектах в языке, речи и культуре народа» [501, с. 21].

Значение фольклоронимов лишено семантической определенности, ведет к отождествлению собственных существительных; появлению собственных

фольклорных онимов; переходу собственных имён в имена нарицательные и наоборот, а также взаимопроникновению значений собственных и нарицательных имен. Несмотря на это, в русской лексикографии создан ряд словарей, дающих полное описание корпуса фольклорных имен. В этом отношении следует выделить словари А. Юдина, в которых описываются собственные имена русских заговоров [570], восточнославянских загадок [569].

Личные имена в фольклорном тексте являются уникальным материалом, зафиксированным в фольклорном творчестве народа. Они тесно связаны с этнокультурой, этническим составом народа, различными взглядами, приметам и обычаями. Фольклорные имена репрезентируют этнокультурные сведения, запечатленные в мифологическом народном сознании. Согласно утверждениям Т.В. Топоровой, «установка мифологического сознания на тождество или внутреннюю связь имени и его носителя предполагает первоначальный акт имяположения и образ имядателя, сотворившего вещи и имена» [482, с. 7]. Собственные имена выступают в качестве координат, образующих часть концептуального пространства языка [482, с. 240 – 241]. Личные имена в фольклорном контексте участвуют в формировании мифопоэтической модели мира, которая сопряжена представлениями и миропониманием создателя и носителя этого языка – народа.

Существует тесная взаимосвязь жанра народного творчества с системой ономастических единиц, функционирующих в нем. Как нам кажется, целесообразно было бы изучение различий онимов в фольклоре параллельно с исследованием жанрового своеобразия текстов. Различия можно увидеть лишь при сравнении личных имен, употребляющихся в различных жанрах, которые мы и попытаемся показать в данной работе. При изучении ономастикона любого жанра фольклорного текста следует выяснить характерные черты, особенности возникновения и развития данного фольклорного жанра. Для исследования фольклоронимов, представленных в фольклорных текстах, следует учесть мифологию, обряды и обычаи татар. В той или иной мере все жанры связаны с

историей народа, с этнокультурным пространством языка, в которых отражен процесс возникновения и развития имен.

Таким образом, фольклорные имена – это этнокультурные знаки, представляющие ценность для раскрытия сущности этнокультурного пространства; исследование фольклорного онима должно быть комплексным, только при таком подходе раскрывается мифопоэтическое значение имени.

В данных работах фольклоронимы являются знаками культуры, представляющими ценность этнокультурных особенностей народа и исторического развития его антропонимикона.

Анализ обзора дает возможность утверждать, что в тюркском фольклоре накоплен опыт изучения фольклоронимов, однако несмотря на это, существуют некоторые проблемы в теоретическом плане её рассмотрения. В тюркском фольклоре личные имена исследованы в меньшей степени, однако пословицы, поговорки и песни подвергнуты достаточно подробному анализу. Татарский фольклор находится на разных стадиях изучения, в тюркском фольклоре нет комплексных работ, дающих представление об особенностях употребления личных имен в них. В фольклорных текстах, обращается внимание на мифопоэтическое значение онима, а также на общеязыковые и речевые функции личного имени. В тюркской фольклорной ономастике в изучении различных жанров фольклора определяющим фактором является выявление их особенных черт их возникновения и развития. Подытоживая, следует подчеркнуть, что личные имена – это материал, зафиксированный в устно-поэтическом творчестве народа в дописьменную эпоху. Изучение фольклора тесно взаимосвязано с проблемами этнокультуры, с этническим составом народа, различными взглядами, приметами и обычаями, а исследование фольклоронимов представляет важность в репрезентации этнокультурных сведений, запечатленных в мифологическом народном сознании, которые актуализируются в фольклоре.

§ 1.6. Этнокультурная семантика личного имени в тюркской лексикографической репрезентации

Важным направлением в тюркской антропонимике является создание словарей и включение в них собственных имен. Проблема рассмотрения составления словарей собственных имен, начиная со словарей-ономастиконов, считается чрезвычайно важной, помогающей разрешить принципиальные задачи современной ономастики [261, с. 7]. Включение личных имен в словари дает возможность рассмотреть их особенности, семантику, ретроспективные изменения. В исторической антропонимике представляет ценность энциклопедический словарь Махмута ал-Кашгари «Диван лугат ат-тюрк», «написанный в 1068 – 1072 гг. с целью обучения тюркскому языку» [290, с. 13]. Данный словарь, в котором представлены материалы по истории, этнографии, языкознанию, а также по ономастике тюркских народов, в том числе татарского, является энциклопедией всего тюркского мира. Словарь Махмута ал-Кашгари ценен тем, что зафиксированные в нем личные имена широко распространены и в современной антропонимической системе тюркских народов. В сравнении с антропонимиконом рунических эпитафий в словаре «Диван лугат ат-тюрк» антропонимикон заметно меняется в сторону арабских формул именовании и заимствований, поскольку после принятия ислама многие высшие слои населения для формальности вынуждены были принять личные имена арабского происхождения.

Важным представляется и «Тюрко-арабский словарь XVIII в.», в котором представлены такие исторические антропонимы как Лачын, Котлыбарс, Кулбарс, Кунтогду, Санчар, Йуваш, Йунчу Субашы, Акбала и др. [278, с. 202].

История начала составления словарей личных имен у татар восходит к середине XIX века. Так, во второй половине XIX века издаются словари «Исме Аллаһе Тәгалә эл-Хәсәни» [646], «Авраде Фәтхия» [645], составленные духовенством. В них ведется пропаганда мусульманских личных имен, говорится о необходимости наречения детей мусульманскими именами по религиозным

канонам ислама. Также дается значение 99 имен Аллаха и пророка Мухаммада. Указанные словари переиздаются и быстро распространяются среди населения. В начале XXI века издание словаря «Исме Әгъзам китабы» возобновляется. В таком же направлении и по такому же принципу были написаны и изданы словари Ш.Т. Хамидуллина «Исемнәрнең бәгъзеләрене дәрәс язү» [646], словарь Ахуна Бендукова «Исем. Балаларга күркәм исем бирергә киңәш һәм укучы сабийларга һәдия кылырга муафыйкъ китап» [645], словарь «Унбер Әхмәт исемнәре», изданный братьями Каримовыми [644].

Попытка классификации и периодизации татарских личных имен представлена в словаре Ахуна Бендукова «Исем. Балаларга күркәм исем бирергә киңәш һәм укучы сабийларга һәдия кылырга муафыйкъ китап» [646]. Согласно автору, имена делятся на следующие группы: 1. Легкопроизносимые, имеющие хорошее значение мусульманские имена: Адәм, Әдхәм, Ислам, Ибраһим, Исмәгыйль, Исхак, Әснәф и др. 2. Двусложные мусульманские имена, связанные по изафету, имеющие хорошее значение: Габделбарый, Габделгалим, Габделсәмән, Габделнасыр и др. 3. Двусложные мусульманские имена, связанные по изафету при помощи компонента дин: Жәләлетдин, Нуретдин, Әкъләметдин, Гарәфетдин, Зәйнәтдин, Кыясетдин и др. 4. Имена, использованные до периода пророка Мухаммада, народами Ирана и Турана: Әхмәтгәрәй, Әхмәтжан, Зарифжан, Гарифжан, Мөхәммәтзәки, Вәлиәхмәт и др. 5. Имена, относящиеся к периоду Адама до периода пророка Мухаммада: Лавуз, Ануш, Сиамак, Әсфәндияр, Арван, Канак, Хам, Сам и др. 6. Имена после периода пророка Мухаммада: Харунрәшит, Мәдхи, Тайбулла, Мәрван, Хишан и др. 7. Имена-эпитеты пророка Мухаммада, запрещенные имена: Сәйфулла, Вәлиулла, Хәйбулла, Хәйрелислам, Кәлимулла и др. Автор также запрещает наречение личными именами, образованными от титулярных компонентов, обозначающих социальный статус человека: мулла, әбу, бик, шаһ/шаһи, дәүләт, бикә, бай, биби, иш, бик, асыл, тимер и др.

Перечень имен татар-кряшен представлен в «Русско-татарском словаре» А. Воскресенского [122]. В данном словаре приводятся татарские варианты

русских имен, распространенные у крещеных татар: Александра – Сандый, Санный, Ася, Андра; Василиса – Бячелича, Илья – Илжа и др. Как известно, христианизация народов Поволжья шла несколькими путями, одним из которых было наречение русскими именами татар и представителей других народов. Эти особенности зафиксированы в указанном словаре.

Все эти исследования дают четкое представление о состоянии татарской лексикографии XIX века в плане развития антропонимии, о принципах построения словарей и методе толкования татарских личных имен.

Этнокультурный аспект исследования личных имен прослеживается в трудах историка, этнографа В.К. Магницкого. В словаре «Чувашские языческие имена» [285] рассматриваются личные имена древнетюркского происхождения, которые собраны автором на основе 1-й ревизии населения. В нем зафиксированы имена древнетюркского (Айбекей, Айдуган, Аксубай, Акташ и др.), арабо-персидского (Шайморза, Мухаммет, Аллабирде и др.) происхождения. Как утверждает В.К. Магницкий, «приступая к составлению предлагаемого алфавита мужских языческих имен чуваш, я задавался целью показать, что чуваш, говорящие своим особым наречием, носили и носят личные имена на своем собственном наречии, и надеялся, что алфавит их имен будет служить при исследованиях их прошлого по «актам», в виду указанного выше именованья их в актах «татарами» – подобием для отличия их от татар, омагометанивших вотяков и др.» [285, с. 11].

В начале XX века в лексикографической работе наступает определенное затишье. В татарском языкознании исследования по антропонимике оживляются лишь к 60-м годам XX в. – в этот период в условиях двуязычия в татарском языкознании возникает необходимость издания различных справочников, словарей транскрипции и транслитерации татарских личных имен на русский язык.

Транслитерация татарских личных имен стала объектом изучения и пристального внимания не только в научной сфере, но и в сфере обслуживания, быта, в государственных и муниципальных учреждениях. В связи с этим в 1965 г.

издается «Справочник личных имен народов СССР» [424; 425; 426]. Также следует отметить изданный в 1973 г. по указанию отдела записи гражданского состояния совета Министров Татарской АССР «Справочник татарских личных имен» [426] под редакцией Г.С. Сабирзянова. В отличие от «Справочника личных имен народов РСФСР», в «Справочнике татарских личных имен» впервые дается написание отчеств от татарских мужских имен и увеличен количественный состав имен за счет включения новых антропонимических данных. Во всех изданных «Татарско-русских словарях» [464] указываются наиболее употребительные татарские имена и их передача по русским орфографическим нормам.

В создание толкового словаря личных имен внес огромный вклад видный татарский ономастолог Г.Ф. Саттаров. В частности, им издается словарь «Татарских личных имен» («Татар исемнәре сүзлеге») [402]. Словарь охватывает 10 тысяч личных имен (15 тысяч вариативных имен). В книге «Исемен матур, кемнәр куйган?» [403] автор приводит 5 тысяч личных имен в их татарско-русском написании. Данная книга адресована работникам отделов ЗАГСов и других учреждений.

Полный словарь татарских личных имен «Татар исемнәре ни сөйли?» [402] охватывает 25 тысяч имен и их вариантов. Автором представлены этапы функционирования татарских личных имен: 1) развитие татарских личных имен в древнетюркскую эпоху (I – X вв.); 2) развитие татарских личных имен с принятием ислама (X – XX вв.); 3) развитие татарских личных имен в период после Октябрьской революции по настоящее время (начало XX в.) [402, с. 12]. В данном словаре женские и мужские личные имена рассмотрены отдельно. Автор объясняет этимологию имени, относит происхождение имени к какому-либо языку-источнику, затем приводит его антропонимические и диалектальные варианты. Составные имена делятся на имяобразующие антропокомпоненты и антропоформанты. Словарь «Исемен матур, кемнәр куйган?» [403] является дополненным, переработанным вариантом полного словаря личных имен «Татар исемнәре ни сөйли?». Принцип построения словаря не отличается от словаря «Татар исемнәре ни сөйли?». В предисловии дается классификация имен по

исламскому принципу: халяльные имена (имена, которыми необходимо нарекать); имена-макрух (имена подозрительные с точки зрения ислама), имена-харам (запрещенные имена) [403, с. 20].

В начале XXI века лексикографическая работа по созданию антропонимических словарей вновь оживляется. Так, в 2006 г. был издан «Татарско-русский словарь личных имен и фамилий», целью которого стало «максимальное унифицирование татарских личных имен и фамилий и их передача на русский язык» [465]. В нем основной фонд татарских личных имен пересмотрен с точки зрения научного написания и унификации на основе сложившихся традиций и национальных особенностей. Данный словарь наиболее ярко отражает передачу татарских личных имен на русский язык в условиях развития норм татарской орфографии. Авторы знакомят читателей с основными принципами передачи татарских гласных и согласных букв, буквосочетаний и дифтонгов, которые соответствуют орфографическим нормам татарского языка.

Лексикографическая работа в татарской антропонимике ведется и в сравнительном аспекте с другими тюркскими языками. В 2006 г. издается словарь-справочник А.Г. Шайхулова, З.М. Раемгужиной «Башкирские и татарские имена собственные», дополненный материалами «Справочника личных имен народов РСФСР» [425]. В словаре приведен перечень башкирских и татарских имен собственных в написании как на родном, так и на русском языке. Книга представляет особую важность для изучения сравнительной антропонимике тюркских языков.

Лексикографическая деятельность по созданию антропонимических словарей интенсивно развивается в других тюркских республиках. В этом отношении следует выделить турецкое языкознание, которое в 30-е гг. XX в. начало активно заниматься исследованиями по антропонимике. Это было связано с принятием в 1934 г. в Турецкой республике закона о фамилиях. Необходимо выделить следующие словари: Чопуроглу Ф. «Собственно турецкие имена» [595], Абди Ибрахим Шевки «Собственно турецкие имена» [634], М. Джавит Сейфеттин «Турецкие имена» [628], Зеки Вурал «Собственно турецкие женские и мужские

имена» [640], Акын Карагуз «Словарь собственно турецких личных имен» [605], Кемалетдин Шюкрю Орбай «Собственно турецкие личные имена и слова» [619], Эрхан Санатэр «Закон о фамилиях и собственно турецкие личные имена» [633] и др.

Однако затем до 60-х гг. XX века, издание новых словарей прекращается и в течение 20 лет переиздаются лишь вышесказанные словари. Оживление лексикографической работы связано со следующими именами: Шамсетдин Кутлу «Турецкие женские и мужские личные имена» [613], Хисаметдин Кая «Наши дети и имена» [607], Кемаль Заки Генчосман «Турецкие личные имена» [601], Авдия Айсан Селма Тунджай «Женские и мужские личные имена» [637], Али Пускуллу «Выбор имен для детей» [622] и др.

Книга Алима Гафурова «Имя и история: Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. Словарь» [147] посвящена истории имен народов Ближнего Востока и Средней Азии и связи личных имен-антропонимов с историей этих народов. К книге приложен словарь арабских, персидских, таджикских и тюркских имен с объяснением их значений, в котором содержатся следующие тематические разделы: выбор имени, значение и «перевод», от титула к имени, патронимы, причуды транскрипции и др.

В чувашском языке примечателен словарь А.М. Ивановой и Э.В. Фомина «Чăваш поэтонимĕсен пуххи» – первое справочное издание, представляющее современный чувашский поэтонимикон в наиболее полном виде. До сих пор данный пласт онимов не становился объектом специальных исследований. Обычно ономастические исследования посвящаются дохристианским именам (см. работы М.Р. Федотова, Н.И. Егорова, Л.П. Петрова) или христианским именам, взятым из словаря чувашского языка Н.И. Ашмарина. Словарь содержит корпус дохристианских чувашских имен, адаптированных под чувашское произношение православных имен и русских фамилий чувашского происхождения.

Подводя итоги, следует сказать, что антропонимические словари являются важнейшим источником и объектом исследования антропонимики. Рассмотренные словари содержат необходимый материал и отличаются

лексикографическими особенностями. Изучение антропонимов в представленных словарях дает возможность раскрыть природу личных имен и традиций в способах имянаречения. В настоящее время лексикографическая работа по изучению личных имен в тюркских языках ведётся по трём направлениям: создание толковых словарей, составление орфографических и сравнительно-сопоставительных словарей антропонимов.

§ 1.7. Теоретические предпосылки описания и способы репрезентации этнокультурной семантики личных имен в тюркских языках

В данном разделе мы предприняли изложить исследовательский подход, применяемый к исследуемым в диссертации способам реализации семантического значения личных имен в тюркских языках с целью выявления их сходств и специфических черт в этнокультурном пространстве языка.

В тюркологии теоретическое описание семантических групп антропонимических единиц основано на лексико-тематических и лексико-семантических методах. Среди тюркологов-ономастов нет единого мнения в классификации антропонимических единиц, причиной тому является этнокультурное многообразие личных имен, отражающих различные социальные-эстетические предпочтения, эксплицирующие мировоззрение народа, раскрывающих его социально-политические отношения с другими народами.

В этом отношении заслуживает внимания вариант таксономической классификации личных имен для всех тюркских народов, предложенной венгерским ученым Л. Рашоньи, в классификации которого раскрывается семантическое своеобразие онимов, которая дополняется и совершенствуется В.А. Никоновым. В его классификации раскрываются общеизвестные в ономастической литературе имена-меморативы (личные имена, связанные с различными верованиями, заговорами, космогоническими представлениями, с магической силой слова, основанные на различных легендах, тотемистических и анимистических верованиях древних татар), имена-дескриптивы (имена,

констатирующие физические особенности, обстоятельство, время рождения ребенка, антропонимы, данные в честь исторических и фольклорных героев и др.), имена-пожелания (антропонимы, в основе которых пожелания родителей, родственников новорожденному: имена с пожеланием долгих лет жизни, богатства, власти, красоты, ума, здоровья и т.д.).

Как известно, семантика имени собственного ономастами признается (Л.М. Щетинин, В.А. Никонов и др.), отрицается (Е.М. Галкина-Федорук, Т.М. Гарипов, Е. Курилович) или признается условно (А.А. Реформатский, О.С. Ахманова, А.В. Суперанская), а для языка культуры характерно явление семантизации и символизации имени (Н.И. Толстой, С.М. Толстая). «Первичные формы семиотизации опираются на ситуативную соотнесенность символических и знаковых образований, вторичные – выходят за ее пределы. В пространстве первичных значений возникают со временем особые символические значения, в которых сущность и смысл деятельности отождествляются с самим человеком. В таком случае система первичных значений формируется у человека как его субъективный жизненный опыт, с которым он соотносит знак и его означаемое. При этом знак воспринимается как часть предметной ситуации, в которой находится и сам человек. Символическое значение не просто знак, соотнесенный с предметом действительности, символ – сама действительность; изображение становится внутренне единым с изображаемым» [10, с. 10]. Обоснованная и выработанная в языкознании точка зрения, согласно которой лексическое значение личного имени складывается из трех типов отношений, которые неодинаково проявляются в языке и в речи и различаются в денотативном (отношение к предметам и явлениям действительности), структурном (отношение к другим словам языка), сигнификационном отношении (отношение к понятию) позволяет изучить их структуру и функции. Постановка данной проблемы актуальна для этнокультурного подхода в изучении антропонимических систем тюркских языков в рамках этнокультурного пространства языка, которая по своей природе является «эмоциональным (этническим) полем, виртуальным и в то же время реальным пространством существования и функционирования человека,

которая становится осязаемым при столкновении с явлениями иной культуры» [12, с. 6]. Составленная нами лексико-тематическая классификация состоит из четырех больших лексико-тематических групп: «Окружающий мир», «Внешний и внутренний мир человека», «Временная модель», «Социальная модель», «Мифопоэтическая модель». Эта система описания антропонимического поля поможет, в первую очередь, определить в исследуемом языке слой антропонимической лексики, ее специфичные группы и провести сравнение на уровне лексико-тематических групп, изучить отражение объективного мира.

В тюркской антропонимике к лексико-семантической классификации обращены работы: в казахской – Т. Жанузакова [179], в башкирской – Ф.Г. Хисамитдиновой [538], Г.Х. Кусимовой [279], в узбекской – Э. Бегматова [88], в азербайджанской – А. Курбанова [611; 612], в кыргызском – Ш. Жапарова [182]. Также лексико-семантическая классификация личных имен предложена в работах В.А. Никонова [339], О.Т. Молчановой [312], Г.Ф. Саттарова [410], В.У. Махрипова [294], А.Г. Шайхулова [558] и других ученых.

Примечательна лексико-тематическая классификация А.Г. Шайхулова, в которой имена домусульманского периода представлены в следующей последовательности: «имена-посвящения, антропонимы, составляющие в своей основе различные, в частности религиозные верования, заговоры, космогонические представления, явления природы, сакральные приемы охраны детей, основанные на магической силе слова, объединяемые обычно под анимистическими и тотемистическими верованиями древних татар и башкир» [558, с. 9]. Вторую группу имен-описаний (дескриптивов) объединяют имена, в основе которых лежат большей частью описательное, характеризующее, заклинающее и т.д. [558, с.20]. Третью группу составляют имена-пожелания (дезидиративы), т.е. в основу имен заложены различные пожелания своему ребенку [558, с. 25].

Вслед за В.А. Никоновым отметим, что «семантика имён – совсем не значения тех слов, от которых имена образованы, а отношение в сознании

называющих между называемым (носителем имени) и тем понятием, которое выражено словом основой» [339, с. 95]. Подчеркивая справедливость данных выражений, следует отметить, что значение имени значительно шире значения апеллятива и при наречении личного имени его семантика приобретает более объемный характер. В.А. Гречко отмечает, что в семантике имени на первый план выступают внешние и внутренние формы, которые воспринимаются говорящими весьма индивидуально и субъективно; однако именно этот субъективизм служит руководством и главным критерием в выборе имени для ребенка [157, с. 242]. Значит, при выборе имени при определении мотивации личных имен следует учитывать внутренние и внешние формы личного имени. Роль внутренней формы выполняют признаки, образующиеся под воздействием многих обстоятельств и факторов (религиозная, историческая традиция, семейная традиция, модные имена). Все это наиболее полно отражается в именах-меморативах, именах-дескриптивах, именах-пожеланиях. Во внешней форме личного имени отражаются благозвучность имени, его национальный характер, уместное сочетание с фамилией и отчеством. Значит, во внутренних и внешних формах личного имени раскрываются его лингвистические и экстралингвистические параметры. Лингвистические параметры определяют фонетическую, структурную и лексическую мотивацию личного имени; в экстралингвистических параметрах выделяется национальная особенность, использование имен в традиционных рамках, мода на имена, ассоциативность имен, отнесенность данного антропонима в определенный коллектив и его известность в данном коллективе.

В классификации болгаро-татарских личных имен по традициям и обычаям их наречения Г.Ф. Саттарова выделяют следующие типы: 1) личные имена, отражающие желания и чувства родителей, родственников, с намерением того, чтобы ребенок имел какое-либо свойство, черту характера; 2) личные имена, в основе которых лежат поверья, традиции и обычаи [410, с. 12 – 13]. В предложенных группах раскрываются и подгруппы личных имён, в которых наиболее ярко отражены мотивы наречения личных имен у татаро-болгар.

В семантике личных имен узбекского языка выделяются три вида значений личных имён: 1) значение имени, выражающее единичное понятие о конкретном лице; 2) значение имени по его происхождению, связывающее ономастику с этнографией и историей; 3) лексическое значение слова, от которого образовано личное имя. При выборе каких-либо слов в качестве имени большую роль играет лексическое значение слова, от которого образовано собственное имя [88, с. 16 – 18].

Ш. Жапаров, выделяя семантику кыргызских личных имен, указывает антропонимы: 1) тотемистические; 2) дезидеративные; 3) дескриптивные; 4) антропонимы, дающие этнографические характеристики [182, с. 71].

В работе Османа Кибара «Культура имянаречения у турков: к вопросу классификации личных имен» выделяются несколько семантических гнезд, опираясь на культурные традиции имянаречения. Автором выделены личные имена, семантика которых связана с имянаречением древнетюркских народов и мусульманскими традициями [610, с. 21 – 27].

Согласно азербайджанскому ономатологу А. Курбанову, значение имени меняется в историческом развитии антропонимической системы. В лексико-тематическом плане в азербайджанской антропонимической системе выделяются: 1) личные имена, образованные от основ названий рода; 2) личные имена от названий топонимов; 3) личные имена от названий гидронимов; 4) личные имена от названий животных; 5) личные имена от названий птиц; 6) личные имен от названий растений; 7) личные имена от названий фруктов; 8) личные имена от названий небесных светил; 9) личные имена от названий металлов; 10) личные имена от названий драгоценных камней; 11) личные имена, связанные с религией, мифологией; 12) личные имена от названий родственных отношений; 13) личные имена, отражающие желания родителей; 14) личные имена, связанные с категорией времени; 15) личные имена от названий природных явлений; 16) личные имена, связанные с социальными событиями в жизни народа [611, с. 40 – 58].

В тюркской антропонимике антропонимическая система строится в основном на классификации онимов с использованием лексико-семантического метода, однако традиционное выделение денотата, сигнификата, коннотаций имени определяет необходимость исследования семантических основ антропонимических единиц.

Выводы к главе I

Общность мировоззрений этноса, народа об окружающем мире, о человеке, о жизненных идеалах, о социальных установках, обуславливающих основные общественные ориентации людей, мифопоэтическое мировосприятие, отражающее религиозно-философские формы сознания и включающие материалистические, религиозно-идеалистические элементы мировоззренческих систем представляют этнокультурное пространство, закрепленное и отраженное в культуре, в стереотипах поведения, в обрядах и обычаях, в традициях имянаречения, в антропонимике татарского народа. Этнокультурный аспект имеет важное значение в функционировании и развитии антропонимикона народа, исследование которого позволяет интерпретировать, с позиции современных достижений ряда смежных наук (фольклористики, диалектологии, этнографии, истории языка), системное представление татарской национальной антропонимической модели, прежде всего духовно-ценностных ориентиров творца и носителя данной культуры, этических элементов национальной языковой картины мира на различных исторических этапах становления, развития этноса.

В течение последнего десятилетия в нашей стране появился обширный круг работ, изучающих в различных аспектах бытование онимов в этнокультурном пространстве языка с различных аспектов. В этом отношении приоритетной является работа московской этнолингвистической школы Н.И. Толстого, в которой разрабатываются проблемы комплексного исследования славянской традиционной духовной культуры на материалах языка, фольклора, обрядов и

обычаев славянских народов. В традициях этой школы личное имя рассматривается как «часть вербального (языкового) кода традиционной духовной культуры» [478]. Как отмечают исследователи, «этнографические и фольклорные источники содержат обильный ономастический материал, который, однако, до сих пор очень мало привлекал к себе внимание лингвистов» [477, с. 379].

Тюрко-татарская ономастика развивается в рамках казанской тюрко-татарской ономастической школы, в которой сложилась преемственность традиций и накоплен богатый опыт в области исследования антропонимической системы. В результате многолетнего изучения, прежде всего в историческом аспекте, татарское языкознание существенно обогатилось материалами по антропонимике. Также систематизирован антропонимикон и освещены различные теоретические и практические проблемы становления и развития антропонимической системы, её истории и современного состояния, проблемы классификации и стратиграфии, с учетом различных подходов и в тесной связи с междисциплинарными предметами, исследованы их фонетические, грамматические, диалектные особенности собственных имён. Необходимость изучения антропонимической системы татар в сравнении с другими тюркскими антропонимами представляется важным не только с точки зрения в структурообразующей и этноидентифицирующей составляющей, но и в широком смысле – в плане самопознания и самосознания народа и её роли в этнокультурном пространстве языка. В настоящее время в татарском языкознании отдельных комплексных трудов по целенаправленному изучению антропонимической системы татар именно в этнокультурном пространстве языка нет, что пробудило выполнить данное исследование.

Интерес к изучению онимов в контексте тюркской лингвофольклористики (в рамках которой теоретико-методологические разработки тесно переплетаются с проблемами национальной культуры) возрос на рубеже XX – XXI столетий. В исследованиях фольклоронимы репрезентируют мифопоэтическую модель мира, в которой запечатлены этнокультурные сведения.

Антропонимические единицы составляют часть этнокультурной лексики. В татарском языкознании с целью изучения вопросов самоидентичности и самосохранения татар, проживающих локально на определенных территориях, собрана и систематизирована этнокультурная лексика, отражающая все слои жизни и быта народа: внешний и внутренний мир человека, условия проживания, обряды и обычаи, праздники и т.д. Монографические и лексикографические исследования раскрывают ареалы распространения этнокультурной лексики или групп, их синонимичные варианты, лексическо- семантические различия. Все это, еще раз подтверждает справедливость установленного диалектного членения татарского языка, обогащает и позволяет развивать дальше ареальную характеристику в плане истории ее развития.

ГЛАВА II

ОНОМАСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ СЕМАНТИКИ ОБРЯДА ИМЯНАРЕЧЕНИЯ И ЛИЧНОГО ИМЕНИ В ТАТАРСКОМ И В ДРУГИХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

§ 2.1. Лексика обряда и ритуалов имянаречения в локальных вариантах культуры татар

Языковая модель мира – это языковое воплощение модели мира, которая «представляет возможное понимание устройства мира, выраженное при помощи языковых средств» [8, с. 6]. Весь сложный конгломерат модели мира един, поскольку на семантическом уровне он описывает один и то же объект – мир, с точки зрения одного и того же субъекта – человека [547, с. 6]. Придерживаясь мнения Н.Ф. Алефиренко, «ведущим механизмом в этом синергетическом континууме оказывается языковая модель, поскольку именно в ней отображается многоплановая действительность: а) исторически сложившийся в данном этноязыковом сообществе образ мира; б) зафиксированный в грамматике канонический свод нормативных субъективно-объективных отношений между конститuentами этноязыкового пространства; в) выработанный веками лингвосемиотический механизм концептуализации мироздания» [6, с. 65]. На наш взгляд, данный механизм языковой модели мира концептуализируется в мировоззренческих категориях локальных вариантов культуры, отображающих обычаи и обряды, традиции, ритуалы, народное творчество. В этом смысле особым способом отображения мировоззренческой модели мира татар являются обряды и обычаи имянаречения, представляющие совокупность древнейших верований, основанных на различных ритуалах и обрядовых действиях, отличительной особенностью которых является этнокультурная лексика, отражающая концепцию символов мировидения и представляющая собой сложный фольклорно-этнолингвистический комплекс, разножанровый, многоактный, наиболее богатый духовный пласт духовной культуры народа. Имя вступает, с одной стороны, выступает как указатель положения человека в

социуме, с другой – как символ концептуализации видения, выстроения модели мира, в которой упорядочена и организована система верований и представлений.

Заметный интерес к обряду имянаречения и ритуалам, к их лексике помогает осознать роль традиционной культуры татарского народа и выделить ее место в широком культурно-историческом контексте. Совершенно справедливо отмечено, что «культура, не опирающаяся на традиции, теряет свою национальную специфику. А если исчезают особенности традиционной культуры, исчезает и народ» [162, с. 6].

Имянаречение является наиболее важным механизмом включения новорожденного в «культуру» [51, с. 91], которое демонстрирует «свое» и «чужое» [415, с. 103 – 133]. По убеждению Т.В. Топоровой, «мифологическое осознание имени как внутренней субстанции проявляется в некоторых культурно-исторических традициях, в которых наречение именем новорожденного принимает форму отгадывания его сущности» [482, с. 6]. Ритуальным способом формируется облик будущего человека, сначала создается его форма, а с получением имени он становится объектом семиосферы, существом, которое может быть названо, узнано, познано. Имя соотносит его владельца не только с конкретными персонажами социальной истории коллектива, но и, как показал В.Н. Топоров, с прецедентом, положившим начало традиции: «Выбор того же имени, что было у мифологического персонажа эпохи творения, для рядового члена коллектива восстанавливает номенклатурную и ипостасную преемственность внутри данной традиции и обеспечивает трансляцию культурных моделей по временной цепи с наименьшими потерями» [481, с. 149]. Получение имени означает выход из обезличенного состояния, свойственного персонажам нечеловеческой природы. Ср.: во всех тюркских языках и диалектах *Атсыз – Безымянный*.

В отечественной науке последнего десятилетия разработка изучения обрядов и обычаев имянаречения и его лексики представлена в работах А.К. Байбурина [51], С.Е. Никитиной [338], И.А. Седаковой [415], Н.И. Толстого [478], С.М. Толстой [475], А.Л. Топоркова [480], А.В. Юдина [570] и др.

Состояние этнолингвистических исследований в тюркском языкознании в том же аспекте характеризуется работами: в турецком языке – М. Шакир Улкутраш [638], И. Шахина [629; 630], в кыргызском – Ш. Жапарова [182; 183], в казахском языке – Т.Ж. Жанузакова [179], в башкирском – А. Шайхулова [558], Ф.Г. Хисамитдиновой [535; 537] и др.

Еще в конце XIX – начале XX столетия в этнографическом аспекте изучение обрядов, связанных с ритуалами рождением ребенка, описано в трудах К. Фукса [505], К. Насыри [331], В.Я. Коблова [257] и др. В современном татарском языке проблемы этнокультурной лексики обряда рождения становились предметом изучения в трудах Ф.С. Баязитовой [84], Г.Р. Галиуллиной [131], Р.К. Уразмановой [491], Г.Ф. Саттарова [402], Д.Б. Рамазановой [383], Г.С. Хазиевой-Демирбаш [85] и др. Однако до настоящего времени не было комплексного изучения лексики обряда имянаречения в контексте традиционной духовной культуры.

Обычай имянаречения связан ритуалами, связанных с личным именем и с душой. В картине мира тюркских народов обычай имянаречения представлен сохранностью ритуальной практики, концентрацией нарративов о значимости имен, подвергающихся народной этимологизации в контексте древнетюркских традиций. Генетические истоки обычаев и обрядов имянаречения восходят к системе мировоззрений об имени в тюркских народах как о душе человека, о знаке судьбы. В орхоно-енисейских надгробных памятниках древних тюрков наречение именем характеризуется несколькими этапами: наречение при рождении, наречение именем после рождения: в юности, в молодости, в старости [264; 635]. Личные имена, полученные при рождении, назывались оглан атым (*oɣlan atım*), а имена полученные после рождения назывались эр атым (*är atım*): оглан атым : *oɣlan ätim ğıbuġ inal är atım kümül öĝe* (мое юношеское имя – Чубуч инал, мое ратное имя – огя Кюмюлей [264, с. 295]. Изменение титула человека по чиновничьей лестнице являлось причиной переименования. Обычно основной антропокомпонент личного имени не менялся, менялся лишь компонент привилегированного титула. В татарских эпосах имя дается не сразу после

рождения, когда богатырь почувствует свою героическую силу, сможет натянуть тетиву, совершит первые подвиги. У тюркских народов была традиция: после рождения давать ребенку одно имя, а после первого проявления мужества и героизма – второе. Имя герою дает собравшийся народ, иногда оно дается Богом или каким-либо святым, или же имя эпическому герою дает его конь. Есть еще один способ наречения, когда богатырь сам себе дает имя, например герои алтайского эпоса Ай-Мого и Аран-Тайчи и в хакасском варианте имянаречение происходит таким образом, но в других вариантах герой нарекается именем ещё до рождения [198, с. 59]. В тюркских народах личное имя не только менялось в зависимости от статуса, заслуги (его давали как почесть после совершения достойного поступка), но и выполняло функцию оберега, целительных мер (появление новых родинок «останавливали» имянаречением со словом-приставкой «мин» – родинка), в том числе функцию почитания предков.

В традиционной татарской духовной культуре личное имя выполняет социальную, идентифицирующую человека функцию и мифологическую, регулирующую взаимосвязь человека с природой, космосом и сверхъестественным миром. Имя в диалектных, фольклорных и этнографических текстах имеет особую, отличительную от языковой особенную семантику, а также особую соотнесенность с денотатом.

В татарских семьях обряд имянаречения представляет общность исламских традиций и включает в себя локальные культурные особенности. Локальные варианты языка и их особенности интересны тем, что в них выявляются закономерности употребления официального имени и имени бытового, степень распространенности его в той или иной местности в различные исторические периоды, социальную соотнесенность имен. Характерной чертой обряда имянаречения является архаически многообразная обрядовая лексика. Слово *имянаречение* на татарский литературный язык переводится как *исем кушу*, *исем бирү*, *ат бирү*, которое в локальных вариантах татарского языка: *ат атау* (тюм. говор), *пәпә атату* (тобол. говор), *ат кушу* (сред. д.; мишар. д., сиб. д.), *ат кушма* (баст.), *ат кушу* (кас.), *атын алату*, *ат кычкырту* (астрах.; хвалын.), *ат*

кыцкырту (чст.), *ат кычкыру* (лмб.), *ат салу, исем салу, исем кистеру* (нукр. говор); *исем атау, исем кушу* (перм., лмб., серг.); *исем кушу* (глз., минз., тюм.), *азанлашу, азан әйтү* (кр.-уф.). Так, в обрядовой лексике название обряда имянаречения – исем кушу отличается многообразием в различных локальных вариантах татарского языка.

Обряд имянаречения связан непосредственно с повитухой. Как известно, раньше в деревнях рожали при помощи повитух, которые были самыми почитаемыми женщинами и славились своими знаменитыми целительскими способностями. Они помогали рожать, в течение пяти дней помогали выходить маме новорожденного, купать его в бане. В татарском литературном языке повитуху называли «кендек әбисе» (повивальная бабка). В татарских диалектах название повитухи отличается разнообразием и пестротой обрядовой лексики: *әби* (сред. д., миш. д.), *әби булучы* (сев.-нрл; сев. к.т.), *бала түрәтүче әби* (миш. д.), *бәбәй әбисе* (чст. дрож.), *инәкә әби, кендекче әби, кендегәе, мама, мамай, инәкә мама* (астрах.), *инәлек әби, мама, мамай* (сиб. д.), *олан әбисе* (сев. крш.), *түти әби, бабка* (кас.), *әби тәтә* (сев.-трх.), *әбилек, кендергәц, кендергәч, кендергәч карчык* (том.), *кендек әби* (к.-уф.; хвл.; влг.; брб.; минз.), *кендек абасы, кендек мамам, бахсы* (астрах.); *кендек инә, кендекәй* (к.-уф.), *кентек инә, кендекче, кентекче, инәлекче* (брб.), *аппай корткайак, инәлек корткайак, инәкә* (тюм.), *оста корткайак, колака, колакам, колагинәм, инәлек нәнә* (тбл.) и др. В башкирском языке повитуха называется *кендек инәһе, кендек карсык, кендек нәнәй, кендек инәй, кендек әбий, кендексе, кендекәй, кендекәй кортыйы* и др. [537]. В турецком языке функционируют названия *göbek anne, göbek nine, göbek ene* и др. [610].

Самая первая участница имянаречения давала новорожденному временное имя, которое называется в татарском языке - «кендек аты» (пуповинное имя): «*Бала туа, исемсез тормасын, кендек аты кушалар. Мулла китерәләр дә йакшы ат кушалар. Мулла кушкан исем белән гомер италәр. Бусы кендек исеме, ә бала йакшыргач, азанчы китереп исем бирә. Ике исем бирәләр*» (Рождается ребенок, чтобы не ходил без имени, его нарекают «пуповинным именем») (Минзелинский район д. Аю, инф. Ганиев Илдар, 1925 г.р.) [84, с. 144]. Ребенка нельзя было

оставлять без имени, так как ребенку могли причинить зло злые духи. Считалось, ребенка опасно оставлять без имени: *жен исем куша «джин, черт нарекает именем»*. Так, например, в нукратовском говоре: ребенка могло подменить мифологическое существо, которое живет в доме (его называли эби – мать дома). *«Бала тугач озак тотасы тегел, эби алыштыра аны. Ат саласы тизерэк. Өч кәндән артык тотасы тегел»* (пер. Ребенка не оставляют без имени, его подменит эби. Нужно его назвать именем. Нельзя оставлять ребенка больше четырех дней) (Слободской район: д. Нукрат, инф. Кадирова Фатиха, 1932 г.р.). [84, с. 144]. Обычай наречения ребенка двумя именами существовал и у других тюркских народов. Например, в турецкой культуре первое имя, данное повитухой, называют *«Göbek adı»*, второе имя, данное муллой *«Kütük – has ezan adı»*. «Пуповинным именем» выступали в основном имена предков [638, с. 374; 610, с. 22]. У башкир это имя называют «йүргәк исем» [538, с. 40]. Татары нарекают именем даже мертворожденного. Ребенок, погребенный без имени, сразу превращается в злое мифологическое существо – Атсыз («Безымянный»). Турки также нарекают мертворожденного ребенка [610, с. 29].

«Изреченное имя материализуется, мгновенно превращаясь в элемент структуры мира» [482, с. 8]. Поэтому ребенка как можно скорей нужно назвать именем. В современной татарской культуре религиозный обряд имянаречения – *исем кушу, ат кушу, исем бирү, ат кыцкырту* проводится дома с приглашением муллы и почетных гостей – родственников, соседей (мужчин). Обряд имянаречения в татарском литературном языке называют *аш, исем ашы*: *«Исем ашында кендек эбигә күлмәк алып бирә байырагы, йарлырагы йаулык бирә»* [84, с. 140] (На торжественном празднике по случаю имянаречения зажиточные люди дарят повивальной бабке платье, бедные – платок). В татарских локальных культурах встречаются различные варианты термина праздника имянаречения: *аткушар, аткушар туй, аткушар мәжлес* (астрах.), *исем ашы* (том.д.), так же в зависимости от состава гостей в астраханском говоре трапеза имянаречения различается двух видов: *кече аткушар, зур аткушар*. Обряд, куда приглашены только родственники называют *кече аткушар* : *«Балага бөтен затларын китереп,*

туганнарын чакыртып азан чакыртык» (Пригласив всех, в том числе родственников, совершили азан) (Астраханская область, Красноярский район, дер. Сеитовка, инф. Байрамгазиева Дания, 1931 г.р.) [84, с. 138]. Церемония большим количеством гостей называется *зур аткушар*: «*Зур аткушар йасадык соңында. Ирләр, ирләрдән соң катыннар чакырдык. Урамага кийемнәр китерәләр, кодагый киләде, киленнең анасы. Ул китергән кийемне күрсәтәйәк булдылар»* (Наконец назвали. Пригласили мужчин, затем женщин. Приносят одежду, сватья приходит, мать снохи. Показывают одежду, которую принесли) (Астраханская область, Наримановский район, д. Картузан, инф. Сабирова Фатыйха, 1928 г.р.) [84, с. 137]. Имя ребенку нарекают через несколько дней после рождения. У астраханских, нукратских татар именем нарекают через три дня после рождения. К примеру, у татар Лямбирского и Рузаевского районов Мордовской республики, у пермских татар детей нарекали именем через семь дней после рождения: «*Бәбә тугач, исем бирәләр бер йомадан (атна) сун»* (Мордовия, Лямбирский район, дер. Пензятка, инф. Мусипова Роза, 1945 г.р.; Мордовия, Рузаевский район, дер. Верхнее Урлядем, инф. Шарипова Фариды, 1937 г.р.; Пермская область, Бардымский район, дер. Танып, инф. Чувалеева Хасия) [84, с. 139]. Ребенка не оставляют без имени дольше недели, так как «шайтан даст имя» и младенец может заболеть. У астраханских татар, когда ребенка долгое время не нарекают долгое время именем, то он беспокоиться, плачет: «*Мулланы сакыртып, ат кыскыртып алабыс. Атсыз йатса, бала йылый диләр»* (пер. Пригласив муазина, нарекаем именем. Говорят, без имени ребенок плачет) [84, с. 188]. В церемонии имянаречения мулле на подушке приносят ребенка. У астраханских татар лицо ребенка закрывают платком: «*Баланың битен йабып, мөндәргә салып китерәләр»* (пер. Закрыв лицо ребенка, на подушке приносят) (Астраханская область, Володарский район, д. Тулунгановка, инф. Мустафаева Сара, 1938 г.р.) [84, с. 140]. Мулла держит младенца ногами в сторону Мекки (кыйбла). Стоя справа у изголовья младенца, мулла произносит дуа- молитву, чтобы ребенок впервые услышал слово «Аллах». Этого слова боятся шайтаны. Стоя слева, шепчет в ушко «камәт» – выражение, сказанное до намаза. Предпочтительными являются имена,

в которых присутствуют слова *абд* (раб) или *амат* (рабыня). «В одном из хадисов оговаривается предпочтительность наречения детей именами пророков и ангелов. Имя последнего посланника Мухаммада особенно почитаемо. Пророк Мухаммад говорил: «Нарекайте моим именем...» Одним из самых распространённых имен в мусульманском мире стало Мухаммад» [319, с. 4]. После чего мулла называет имя новорожденного, которое повторяет несколько раз в ушко. У мензелинских татар при имянаречении произносят следующие пожелания: «*Аллаһы Тәгаләгә кол булсын, Пәйгамбәрәбезгә өммәт булсын*» («Пусть будет рабом Аллаха, последователем Пророка Мухаммада») [84, с. 140]. У крещеных татар существовал обычай крестин ребенка, который был связан с наречением имени новорождённому и тем самым обеспечивал ребенку благополучие. Обычай крестины называли *кечтинә*. Участники крещения, мужчина и женщина – крестные родители у крещеных татар их называют *урсанай* – *урис* + *анай* «мать»; *урсинә урис* + *инә-әни*; *урсай* – *урис* + *ай* – сокращение от *анай* «русская мама»; *урсәти* – *урис* + *әти* «отец», т.е. «русский отец».

В процессе имянаречения существовали различные ритуалы. У татар, проживающих в Свердловской области, во время имянаречения закрывали все щели, дымоход, двери, ворота, окна и др., чтобы имя не убежало, шайтаны не проникли в дом: «*Исеме сыгып китмәсен, шайтаннар-нимәләр кермәсен дип, бөтен нимәне йаба торганнар ыйы, мөржә-йүшкәләрне, капка-ишекләрне йабалар ыйы*» (пер. Чтобы имя не убежало, шайтаны и прочие не проникли в дом, закрывали все щели) (Свердловская область, Нижнесергинский район, дер. Аракаево, инф. Губаев Салават, 1934 г.р.) [84, с. 141] У башкир тоже наглухо закрывают дымоход, все щели в доме [537, с. 40]. Во многих народах печка, очаг, дымоход печи являются оберегами, культовыми местами из-за схожести с пещерой. Дымоход – это связующее человека с космосом.

У пермских татар существует обычай, по которому мулла шепчет имя ребенку и его одаривают серебряной монетой. В этом ритуале серебряная монета означает пожелание ребенку силы, здоровья: «*Көмеш тәңкә кушкан, көмеш кебек саламәт булсын, – дип*» (пер. Пусть будет крепким как монета) (Пермская

область, Кунгурский район, дер. Казай; инф. Ганеева Махмуза, 1934 г.р.) [84, с. 139]. Во время имянаречения ребенок начинает улыбаться, издавать звуки, по окончании обряда засыпает. В этом случае говорят, что имя понравилось ребенку. У башкир существует поверье, что если наречение именем по каким-то причинам откладывается, младенец часто плачет, становится беспокойным, он оказывается «просит имя» [284, с. 41].

Церемонию имянаречения завершают угощением гостей – *аш*, где сначала всех угощают медом и маслом. После того как пробуют мед с маслом, гости начинают дарить подарки новорожденному. После угощений читают молитву «дога». Таким образом завершают трапезу имянаречения. В начале XX века имянаречение описан в труде К. Фукса: «Через три дня, на четвертый приглашают муллу для совершения религиозного обряда, при котором мулла держит ребенка на своих руках перед собою и громко кричит ему на правое ухо азан, а потом шепчет ему в левое ухо камедь, то же, что азан, и при этом дает дитяти имя. Каждый по своему состоянию платит мулле и роскошно угощает. На этот пир приглашаются все знакомые мужчины. В продолжение нескольких дней к родильнице приходят все знакомые женщины и каждая приносит на зубок так точно, как у русских. Сверх того, привозят для новорожденного по рубашке, богатые – шелковые, бедные – ситцевые, многие дарят и одеяльца, чаплашки, тюбетейки и колпачки. Говорят, что богатая родильница так много получает подобных подарков, что наполняет ими порядочной величины сундук» [505, с. 45]. В описании этнографического обзора XX века Я.Д. Коблова: «Религиозное торжество сопровождается обильным угощением. Так как празднование по поводу имянаречения младенца относится к разряду больших семейных торжеств, то родители не скупятся на угощение гостей, приготовляя для этого случая все доступные им средства кушанья. На обед почти всегда сначала подаётся лапша, бялеш, нечто вроде паштета мясо, урюковый суп – точнее сироп» [257, с. 7 – 8].

Таким образом, в обычаях имянаречения татар, проживающих на разных территориях, сохранились общие этнокультурные традиции, отличающиеся только местными особенностями, в которых ярко отражено наследие духовной

культуры всего татарского народа. Сравнительный анализ лексики, отражающий естественный ход жизни, и антропонимов, предназначенных для отворачивания бед, болезней и хвори, имен-оберегов с устрашающей или с культовой семантикой показал, что они раскрывают желания родителей, предков, отражающих суть мировоззренческой модели традиционной духовной культуры тюркских народов. Так, обряды, связанные с рождением ребенка, конкретизируют и концептуализируют стабилизирующее начало функционирования и развития этноса, которое проявляется в трансмиссии этнокультурного наследия.

§ 2.2. Обрядовые действия с личным именем в татарской культуре

Этнокультурный фактор проявляется в языке, в особенностях культуры, обычаях, традициях и имеет существенное значение в функционировании именной системы народа. Обычаи, поверья, привычки закрепляются в антропонимической системе в форме отдельных личных имен (или опорных компонентов) и в этом виде вливаются в память культуры [427, с. 822]. Многовековое этнокультурное наследие татарского народа закрепилось и отразилось в стереотипах поведения, обрядах и обычаях, тем самым создавая корпус личных имён, которые как «часть вербального (языкового) кода традиционной народной культуры занимают особое место» [475, с. 253], образуют самостоятельный ономастический символ. В традиционной татарской культуре личное имя должно было соответствовать тому человеку, которому оно предназначалось. В пословичной культуре татар существует изречение: *«Исеме жисемә туры килсен!»*. В турецком языке говорят *İsmiyle müsemma!* Имя должно соответствовать сущности человека. В башкирском существует изречение *«Исеменә тап төшермә», «Исеменә сыгарма»*. В локальном варианте культуры говорят: *«Бала исеменә ийә булырга тиеш, исем алу тиеш»* (Ребенок должен быть хозяином своего имени, должен называться) [301, с. 181].

Характерной чертой метаязыка традиционной духовной культуры является нечеткость границы между апеллятивной и ономастической функцией, между названием и именем, что, безусловно, связано и с особенностями архаического сознания, которому свойственно творение и персонификация предметов и явлений окружающего мира [475, с. 213]. Обрядовые действия с личным именем выполняют охранительную, лечебную, магическую функцию. В традиционной культуре татар личные имена выступают в качестве знаков культуры и отражают мифологические воззрения о природе имени, отождествляя имя с его носителем. В ритуальном отношении, в обрядовых действиях личное имя является осознанием души, магической силой, способным контролировать поступки, мысли своего обладателя. Имя наделено магическими силами, которые представлены охранительной, лечебной функцией. В традициях татар одним из обрядовых действий изгнания нечистых сил, обладающих лечебно-охранительной функцией, является обычай *исем алыштыру* (переименование), в татарских диалектах *исем авыштыру*, *исем алыштыру*, *исем бозу* (в сред. диалекте; в сибирском диалекте, в диалекте пермских татар). «*Пала тоуган суж мәчелес йийылар, исемен атаган Сагыйтнур тәп по. Азан әйтеп колагына өч мәртәбә өрәсең: пашлап уң колагына, анан суң колагына. Позалар исемен. Нур тәп йөртәләр*» (Барабинский район, дер. Новокурупкаевка) (Собирают меджлис, называют Сагыйтнуром. Читают молитву – азан, три раза шепчут в правое ухо, затем в левое. Меняют имя. Начинают называть Нуром). В турецкой культуре переименование называется *ad değiştirmek*. В башкирской культуре именовании проводят *исем алмаштыру*, используемое в магической медицине башкир как средство расторжения его связи с болезнью [537, с. 110]. В основном переименование во всех исследуемых культурах выполняют тогда, когда ребенок сильно заболел или на его теле появляется родимое пятно. Во многих тюркских традициях изменение имени использовалось в народной медицине, болезнь ребенка объяснялась с неправильным или испорченным именем. К примеру, у заказанских татар: если ребенок болеет, выполняли особое обрядовое действие, по которому готовили пшеную кашу, ставили ее на печку. В печной дымоход

опускали ложку и говорили магическое слово: «*Исемен алыштырам, Миннегол булсын. Кашык төшердем, сәламәтлек бирсен, дип*» (досл. «Меняю имя, пусть будет Миннегуль. Опустил ложку, чтобы выздоровела») [84, с. 141]. Затем пшению кашу давали птицам. Как известно, дымоход считался местом вхождения нечистых сил в дом. Печная труба является обращением к нечистым силам. У сибирских татар печка является оберегом. Ребенка с родимыми пятнами или заболевшего ребенка клали в печку и кричали новое имя в дымоход. «У башкир существует обычай, если ребенок плакал или был болезненным и слабым, или был калекой, часто делали так: после испечения хлеба засовывали голову младенца (очень редко туловище) в теплую печь, заставляли поплакать в дымоход» [537, с. 42]. Такой ритуал выполнялся тогда, когда у ребенка появлялась родинка.

В турецкой культуре в процессе переименования выполняли различные ритуалы, которые отличались локальными особенностями. Как отмечает Мехмет Шакир Улкутраш, в районах Синопа и Самсуна Турецкой Республики существовал ритуал переименования, в котором готовили три тонких лаваша, называя их различными именами. Какой лаваш получался, тем именем называли ребенка. В районе Испарта сажали цветы или растения, назвав их тем или иным именем, какое растение быстро срастало, тем именем называли ребенка. В районе Бурса существовал ритуал, когда два ножа называли тем или иным именем, бросали в воду, какой нож быстрее ржавел, тем именем называли ребенка [638, с. 378].

Как известно, рождение мальчиков в семье встречалось с большей радостью, чем рождение девочек. В понимании народа дети мужского пола являются продолжателями рода, кроме того, они представляли основную силу в хозяйстве. Что касается девочек, то на них смотрели как на временного члена семьи. В семьях, где не выживали дети, мишаре называли *келәүле йортлар* (усадыбы, которые требуют моления). В таких домах проводили *обряд келәү*, который состоял из угощений деревенских детишек гусиным мясом. Обрядовые действия, выполняемые с личным именем, образовали в локальных вариантах

культуры останавливающие имена. На наш взгляд, наличие данной категории личных имен в диалектах татарского языка еще раз подтверждает сохранение архаичности лексики в их пластах. Сибирские татары называли детей именами с отглагольным компонентом *тукта-* (остановись), в случаях когда в семье умирали дети: *Туктар*, *Туктарбикә*, *Туктасын* [152]. Эти имена давались, когда дети умирали друг за другом, и необходимо было предотвратить смерть: *Калсын* («пусть останется»), *Улмас* «не умрет», *Улмаскол* «не умрет + раб», *Яшәр* «будет жить», *Торсынбай* «пусть живёт + богатый», *Торсынай* «пусть живёт+ луна; месяц» и др. У астраханских татар в данном случае существовал обычай нарекать детей именами *Сатыбал*, *Сөйөндөк*, *Куwandык*, *Туктар*, *Сатыбалды*, *Туктамыш*, *Тимерулат*, *Туктагол*, *Балтабай* и др. Татары Рязанской области, чтобы дети не умирали, нарекали именами арабского происхождения муж. *Бакый*, жен. *Бакыйа*.

В тюркском этнокультурном пространстве языка имена с отглагольными компонентами довольно широко распространены. К примеру, у казахов давались имена *Токтасын*, *Турсын* «пусть останется», *Токтар* «остаётся», *Токтамыс* «он остался», *Ултуар* «сын родится» и др. По старому казахскому обычаю, когда дети умирали в семье, то следующему родившемуся ребенку давали имена: *Отеген*, *Отемис* «исполненный», «возмещенный», *Толеген*, *Толемес*, *Толенди* «уплаченный, выплаченный, возмещенный убыток», *Орынбасар* «заместитель» [179, с. 101]. У турков тоже называют отглагольными антропонимами *Duran*, *Durak*, *Dursun*, *Durmuş*, образованными от глагола *dur-* «стой, остановись», *Taştan* досл. «из камня», *Yaşar* «будет жить». Такие имена давались, чтобы смерть детей в семье остановилась, чтобы больше дети не умирали. Если в семье постоянно рождались мальчики, то нарекали именем *Yeter* досл. «хватит», *Yeterkız* досл. «хватит девочка» [606].

Обрядовое действие продажи ребенка выполняли, в случаях когда ребенок сильно болел. Это делалось с целью запутать, обмануть злых духов, а ребенка называли *Сатукай*, *Сатый*, *Сатыбал* и др. В материалах «Ревизских сказок» томских татар начала XVIII в. нами были зафиксированы отглагольные имена: *Сатубал* < сатып + ал «купи», *Сатубалды* < сатып + алды «купил», *Сатар*

«продаст», *Туктар* «остановится», *Бакмас* «не посмотрит», *Туктамыш* «остановившийся», связанные с обрядом продажи ребенка, выполняющие обман злых духов. К примеру, в диалектно-этнографических текстах крещеных татар в обрядовом действии продажи ребенка три раза кричали через окно о продаже ребенка. Затем передавали ребенка «покупателю» через окно и говорили: *«Баланы сатып алдым. Тәрәзәдән әбилек бирде. Ишектән үзем алдым. Йедегә йелдермәсен, Алтыга алдырмасын. Минең шикелле карт булсын. Бәхетле булсын, тәүфыйклы булсын!»* (Я купил ребенка. Из окна бабка дала. С порога взяла на руки. Пусть станет как я, будет счастливым и воспитанным) [84, с. 190]. Говорили, что продают дешево. Этот ребенок хотя и жил в своей семье, но назывался ребенком покупателя. У татар, проживающих в Новосибирске, тоже существовал обряд продажи ребенка: *«Олгайса паланы пер пашылыктан сатып ала. Көннәк пәрәпме, ней пәрәп. Пала сау кала»* (Если женщина рождает уже в возрасте, то она якобы продает ребенка какой-либо бабушке. Дарит ей платье или что-нибудь, чтобы ребенок был здоровым) (Новосибирск, Куйбышевский район, дер. Шагыр). Смысл обрядового действия продажи ребенка сводился к выкупу дитя. Проданный ребенок, по-мнению родителей, чужой, который не интересуется злых духов, «озлобленных» на родителей.

На подоконнике окна проходят «торги». В роли продавца – повитуха, а в роли покупателя – обычно соседи. Символично звучит диалог между ними:

- *Сатабыз аласызмы?*

- *Продаю, купите?*

- *Алабыз. Күпме тора?*

- *Купим. За сколько продаешь?*

- *Биш тәңкә сорыйбыз, күп сорамыйбыз. - Пять рублей просим, недорого просим* [84, с. 188].

В башкирской культуре «продажа ребенка» осуществляется с помощью повивальной бабки. Она несет новорожденного к многодетной женщине. Затем женщина с этим младенцем приходит к его родителям и через окно «продает» им ребенка. Торгуются долго. Раньше за ребенка отдавали коня, корову, барана, домашнюю птицу, отрез на платье. В старину «купленных» детей нарекали такими именами, как *Һатыпал* (Сатыбал – досл. купи), *Һатлык* (Сатлык – досл.

проданный, купленный) [284, с. 41]. Для покупки ребенка у башкир давали железо его весом. Называли его *Тимер* или *Һатыпалды*, *Һатылмыш*. Для предания ребенку силы, здоровья называли его *Йәшәр*, *Торһон*, *Үлмәсбай*, *Таштан*, *Корос*. Так же у башкир существовал обычай нарекать ребенка плохими именами, чтобы злые духи боялись и обходили его стороной: *Эталмас*, *Сускабай*, *Кабанбай*.

Обрядовые действия с продажей ребенка существуют и у других тюркских народов. В различных локальных культурах турков существовал ритуал продажи, идентичный татарскому. В семьях, где постоянно умирали дети, шестидневного ребенка оставляли на улице. С первым встретившимся человеком проводили торги. Продавали ребенка с аналогичным диалогом и ребенка называли *Satılmış*, *Satı*. В турецкой культуре имеется специальное отведенное место для этого обрядового действия, которое называется «*Satı Taşı*» досл. «камень для продажи», которое посещают семьи, в которых постоянно умирают дети. После посещения этого святого места называют своих детей следующими именами: если мальчик, то *Satılmış*, если девочка, то *Satı* [637, с. 380].

«Этимологическая магия» действует при наречении детей благопожелательными именами. Ребенка нарекают отглагольными именами, отражающими различные чувства родителей, когда в семье долгое время не бывает детей: *Куандык* («мы обрадовались»), *Сагындык* («мы тосковали»), *Соендек* («мы обрадовались»), *Юаныч* («утешение»), *Табылдык* («мы нашли») и др. [408, с. 44]. В случаях когда, у ребенка находили родимое пятно на теле, то в церемонии имянаречения через дымоход опускали ложку. Называли именами с компонентом *миң*: *Миңнегөл*, *Миңнебай*, *Миңнекамал* и др. «*Баланың миңе булса, жүшкәдән кашык төшереп исем кушалар ыйы. Миңнегөл, Миңнебай, Миңнекамал исемнәре кушалар ыйы баланың миңе булса*» (пер. Если у ребенка на теле видели родимое пятно, через печную трубу опускали ложку. Называли именами Миннегуль, Миннебай, Миннекамал) (Мензелинский район, дер. Аю, инф. Давлетханова Замира, 1931 г.р.) [84, с. 188]. Существовала вера в силу слова. Так в Актанышском районе говорят: «*Менә туганымның баласы туды да үлде, туды да үлде. Шуңа күрә ныклы булсын, торсын дин, Тимергали исеме кушалар. Менә*

Фатыйма апаныкына да Тимершаех куйдылар. Яшәп киттеләр балалар. Ныклы булалар инде Тимер исеме кушсалар» (Вот у моего родственника умирали дети. Поэтому его называли Тимергали, чтобы он был крепким. У Фатимы сын Тимершаех. Назвали так, дети выжили. Если называют Тимер, то дети крепкими рождаются) [301, с. 181]. В татарском литературном языке *тимер* означает «железо». Чтобы дети были крепкими как железо, детям давали имена с компонентом *тимер* – «железо», *булат* – «сталь».

В культуре сибирских и астраханских татар существовал обычай называния детей терминами родства. Если ребенка называли в честь бабушки, дедушки, мамы или отца, то его не называли по имени, а обращались к нему по названию, образованному от терминов родства. По убеждениям Д.Б. Рамазановой, «в татарских семьях существовал обычай называть мужа, родственников терминами родства: *аталары / әтиләре / атасы / әтисе* и др.» [382, с. 47]. Вслед за Г.Ф. Благовой следует считать, что «традиционно-патриархальное самосознание тюрков обусловлено разветвлённой системой родства, отсюда и система терминов родства, проникновение в тюркскую антропонимику целого ряда таких терминов и закрепление их там на многие века» [98, с. 183]. Если ребенок наречен именем матери, то астраханские татары называли ребенка *Аккыз* (ак «белая» + кыз «девушка»), если же имя отца, то *Акбала* (ак + бала «ребенок»). У тобольских татар в этом случае называли *Атамац, Аташ. «Шараттин, аннан Урыстай* (Ураз атай < Ураз эти) *булган, паласына шарат кушкан, атач пулаты»* (пер. По исламским канонам его называли Урыстаем, далее его называли Атачем) (Тюменская область, Вагайский район, дер. Тугуз). В сибирском диалекте называли ребенка *Атач < әтәч < әткәй* в случае, когда он был назван в честь папы. Когда ребенка называли в честь бабушки, то нарекали именами *Инә, Инәкә, Инәч, Өннәкә, Өннәш*, если в честь дедушки – *Олота. «Картайып йәшиде тип поппасының исемен кушканнар палага. Поппасыныңкы аты булган, картата тип йөртитләр паланы»* (Назвали ребенка в честь деда, который прожил очень долго. У ребенка было имя отца, однако его называли *Картата*) (Омск, Усть-Ишим районы, дер. Айшеваны, инф. Зарипова Самига). В сибирском диалекте слово

картата <карт ата «дед» было распространено в качестве личного имени. Подобные имена встречались в начале X века у тюркоязычных народов, в словаре М. Кашгари личное имя *Abi*, данное в честь деда [290, с. 86]. В современном турецком языке существуют имена *Karayaşlı* досл. «черные слезы»; *Anakız* «мать девочки» в честь умершего отца [638, с. 382]. В казахском, наоборот, казахские невесты не имели права называть родственников мужа по имени, поэтому различные ласкательные и уважительные слова выступали в качестве личного имени: *Торем* «властелин», *Шырак* «милый», *Тетелес* «сверстник», *Мырзажигит* «удалой парень», *Молдажан* «учитель» [179, с. 102]. Использование вместо личного имени ласкательных и уважительных слов, встречающихся во многих тюркских языках, можно объяснить традиционно-патриархальным самосознанием, проявляющимся чувством племенной сплоченности, уважительной памятью к предкам.

В нашем исследовании на материале фольклорно-этнографических текстов выявлено, что в локальных вариантах культуры в большинстве случаев сохранены обрядовые действия с личным именем, свойственные домусульманской мифопоэтической традиции, это касается как состава имен, так и узуса. Таким образом, имя в этнокультурном пространстве языка имеет особую прагматику, особую соотнесенность с денотатом, оно более тесно связано с апеллятивной лексикой. Языковое табу, ономастическая и этимологическая магия во всех тюркских языках относятся к обрядовым действиям, выполняемым с личным именем, которые способствуют утверждению желаний родителей, предков; отождествления с внешним миром, природой; преумножения положительного в мире; оберега, обмана смерти и улучшения судьбы.

§ 2.3. Репрезентация окружающего мира в тюркских личных именах

В современном российском языкознании исследования лексики тематической группы «Окружающий мир» начинаются со второй половины XX века. В этой области, на наш взгляд, первыми стали представители

московской этнолингвистической школы: Н.И. Толстой, Т.А. Агапкина, Л.Н. Виноградова, С.М. Толстая, А.Л. Топорков и другие ученые, внесшие вклад в создание пятитомного словаря «Славянские древности» [421]. Лексико-тематическая группа «Природа» раннетюркского тезауруса представлена в фундаментальном труде «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков», изданном под руководством Э.Р. Тенишева [427]. В тюркском языкознании отдельные фрагменты отражения окружающего мира отражены в трудах Г.Ф. Благовой [Благова, 2006], в турецком – А. Эрала [599], И. Шахина [630], в башкирском – Ф.Г. Хисамитдиновой [538], А.Г. Шайхулова [558] и других ученых. Анализу окружающего мира в личных именах в татарской антропонимике обращено внимание в работах Г.Ф. Саттарова [410], Г.Р. Галиуллиной [130], М.З. Валиевой [116], Г.С. Хазиевой [510], в которых раскрываются анимистические и тотемистические воззрения татар в рамках антропонимической картины мира.

В данном разделе приводятся результаты выполненного комплексного сравнительного исследования тюркских личных имен в этнокультурном пространстве, репрезентирующих окружающий мир¹.

Человек познает окружающий мир как объективную действительность, экспликация в антропонимической системе которого представлена несколькими семантическими группами: животный, растительный, космогонический мир [98, с. 188; 131; 410]. Подобный принцип деления, на наш взгляд, отражает небесный мир, наземный мир, подземный мир. Человек противопоставлял себя животному, которое считалось как приравнение свойств животного к человеку и личное имя выполняло функцию идентификации. В древности личные имена, образованные от названий животных, «отражали мифологию народа и были призваны указывать на принадлежность к данному роду, восходящему к

¹ В настоящей работе под антропокомпонентом понимается оним, употребляющийся в качестве самостоятельного антропонима, а также выступающий в качестве детерминатива сложного имени. Антропокомпонент – это активная часть антропонима, участвующая в образовании личных имён и встречающаяся во всех позициях в антропониме. Под антропоформантом понимается компонент, показатель личных имён, встречающийся только в ауслауте онимов.

мифическому прародителю-зверю» [159, с. 82]. В династиях тюркских народов, в фольклорных материалах, в народной медицине, в том числе в антропонимии сохранились имена от названий животных, птиц.

Вслед за Г.Ф. Благовой следует подчеркнуть, что в «звериных именах» сохраняются черты чрезвычайной этнокультурной архаики. С утратой мифологической актуальности в современных условиях некоторые из таких имен претерпели метафоризацию, в результате которой превратились в имена пожелания» [98, с. 182]. Личные имена, образованные от названий тотемных животных использовались в высших слоях общества и были необходимы для того, чтобы аристократы знали историю своего родства, в первую очередь, родословную, что было важно для поднятия по лестнице высшего общества и для обоснования принадлежности к высшему слою. Зафиксированы имена тюркских ханов: *Арслан, Бури хан, Ил-Арслан, Ирбис, Ышбара, Поши хан, Болан каган* и др. В жизни кочевников, занимавшихся скотоводством, культ волка имел особую роль. Личные имена, связанные с общетюркским культом волка, показывали принадлежность человека к верхушке. Китайские источники указывают, что лучшая часть тюркской кавалерии называлась «волками». Род Ашины берет свое начало от десяти сыновей, рожденных волчицей. Слово *Ашина* означает «превосходный волк». В то же время слова *тюркский хан* и *волк* используются в языке как синонимы. В отдельных источниках имя Кубрат дается как Курт, Корт, которое в древнетюркском языке обозначает «буре» [162, с. 31]. В компонентных основах личных имен *Бури шад, Бури хан* лежит тюркское слово *бори* «волк». Огузская форма слова курт/корт в исторических источниках азовских булгар связана с полководцем Кубрат ханом. В фольклорных и этнографических источниках татар тотемным животным является Белый Волк. Как отмечает М. Шакир Улкутраш, в турецкой культуре, когда в семье долгое время не рождаются дети, вместе с многодетной семьей проводят обряд жертвоприношения и просят у всевышнего о ребенке. Когда на свет появляется малыш ребенка называют *Курт* [638, с. 381]. В турецкой антропонимике личное имя *Курт* имеет несколько значений: «1. Хищный зверь. 2. хорошо знающий свое дело, непобедимый,

непоколебимый. 3. Разг. хорошая новость, радость» [597, с. 230]. В башкирской антропонимической системе зафиксированы личные имена *Буребай, Бурехан, Байбуре, Акбуре* и др. [279, с. 194].

У кочевых племен был почитаем и культ собаки. В татарской антропонимической системе зафиксированы имена *Этул* «собака + сын», *Эткөчек* «собака + щенок», *Этжигәр* «собака + будет запрягать» и др. По мнению А.Г. Шайхулова, это явление объясняется целым рядом религиозных представлений о данном животном [558, с. 13]. Во многих кыпчакских племенах собака является тотемным животным, а в некоторых генеалогиях и представлялась началом родоплемен. Высший слой общества кыпчакских племен гордились связью с собакой в их генеалогиях, нарекали своих детей антропонимами, связанными с собакой: *Кобак, Кончак, Энак, Көчек, Муйнак, Бойнак, Барак, Ногай* и др. В этнографических материалах казанских татар бытовал обычай, связанный с рождением ребенка, который ограждал новорожденного от преждевременной смерти. На младенца надевалась рубашка - «көчек күлмәге» («рубашка кутенка») и, по поверьям она защищала ребенка от злых сил и сглаза. Таким образом, в народном сознании собака являлась защитницей от злых духов и разных болезней. В башкирской антропонимической системе прослеживаются имена *Эткол, Эткенә, Этекәй, Кәсәкбай, Кәсәк* [279, с. 194].

Как отмечает Н.А. Баскаков, имена, связанные с культом собаки, были широко распространены у половецких князей [63, с. 53]. В письменных источниках золотоордынского периода прослеживается широкое распространение данных имен среди аристократической знати: *Барак, Ит-Бука, Иткучосук, Кунчук, Кунчук-Конечи* и др. [128]. В антропонимиконе томских татар XVIII века в материалах «Ревизских сказок» нами было зафиксировано употребление личных имен: *Көчекбай* < көчек «щенок» + бай «богатый», *Кончаугул* < кончак «собака» + угул < угыл «сын», *Корташ* < корт «волк» + -аш уменьшительно-ласкательная форма. Исследования Ф.Х. Гильфановой показывают, что в антропонимии тобольских и тюменских татар середины XVIII – XIX вв. преобладают личные

имена: *Кубяк, Кибэк, Чаныбай, Кортбай* [152, с. 42 – 43]. Совершенно иная картина создается в антропонимиконе татар Казанского уезда 1602-1603 гг., в котором по материалам писцовых книг зафиксированы имена от названия собаки: *Көчек Атагечев, Көчек Карачаров, Көчек Тялтиков* и др. [363, с. 54]. Однако уже в «Ревизских сказках» XVIII века Казанской губернии имена, связанные с культом волка и собаки, не встречаются. В турецкой антропонимической системе также зафиксировано личное имя *Барак*, которое имеет этимологическое значение, связанное со словом *bar-ak* «быстро, ловко бегущий». В турецком языке имя *Барак* означает «длинношерстную собаку», этим именем нарекали детей, родившихся 11 месяца животного календаря [597, с. 46].

В Волжской Булгарии тотем волка постепенно был заменен на барса – надежного защитника народа. Среди хазарских и болгарских племен существовали и племена барсил. В орхоно-енисейских письменностях зафиксированы личные имена: *Барс бек, Ирбис* (Снежный барс), *Ирбас Ышбара* (Могучий барс) и др. В енисейских памятниках реконструируются антропонимы *Qut Bars, Kara Bars, Küç Bars, Bört Opa Bars* и др. [264, с. 293]. С целью чтобы ребенок был сильным как барс, нарекали данным именем. Барс – это имя царя Дунайской Болгарии Бориса. В записках путешественника Ибн-Фадлана говорится о том, что болгарские племена младенцев называли именами *Барас, Барс*. Компонент *барс* был популярен во времена Золотой Орды и Казанского ханства. Культ барса был распространен почти во всех этнолингвистических пластах развития антропонимической системы татар. В турецкой антропонимической системе также зафиксированы личные имена с компонентом Барс: *Bars, Barsbay, Barsbeğ, Barskan, Barsbey* и др. Компонент *барс* в турецком языке означает: «1. Название хищного животного; 2. Название года животного цикла» [597, с. 230]. В башкирской антропонимической системе выделяются личные имена: *Котлобарс, Кулбарс, Айбарс, Алтыбарс* и др. В башкирском языке распространены фамилии *Янбарисов, Кулбарисов* и др.

Древнетюркские личные имена, образованные от названий животных, представляются репрезентантами материальной и духовной культуры всех

тюркских народов, которая ярко отражает оседлый образ жизни, занятие скотоводством татарского народа. Личными именами, связанными с культом быка: *Бога/ Буга/Бука* нарекали мальчиков с целью, чтобы они были сильными, мужественными. В древнетюркском языке было личное имя *Бууа* [171, с. 180]. Личные имена с компонентом *буга* зафиксированы и в источниках золотоордынского периода: *Буга, Бука, Букай, Бука Тимур* и др. [438, с. 368]. Они отражаются в основном именованном представителях аристократической знати. В турецкой антропонимической системе также прослеживаются личные имена с компонентом Буга / Бука: *Boğa, Boğaç, Buка, Boğaçhan, Boğahan, Boğatekin, Boğarcık* и др. Бык в турецкой мифологии является символом правителя, силы и мужества [596, с. 168]. В эпическом произведении «О Деде Коркуте» бык также отождествляется со значением силы, могущества.

В енисейских памятниках зафиксировано личное имя *qoçyar töläs tirig*, образованное от компонента *qoçyar* «баран-производитель». Образ барана был тесно связан с культом Тенгри и Неба и большое место занимал в космогонических верованиях древних тюрков [162, с. 154]. Возможно, распространение данного имени связано с тем, что баран является жертвенным животным, посвященным солнцу, небу. Доказательством этому является сохранившееся татарское афористическое изречение: «Алланың кашка тәкәсеме син?», говорится тогда, когда кто-то пытается себя поставить в особое положение. В турецкой мифологии баран указывает на изобилие, достаток. В свою очередь баран – это символ силы и могущества, мужества [596, с. 178]. В турецкой антропонимической системе зафиксированы личные имена: *Коç, Коçак, Коçалр, Аlikoç, Коçboğa, Коçсан, Коçхан, Коçdemir* и др.

В единичных случаях в семантике личных имен встречаются названия домашних животных: *Колын* «жеребенок», *Тай* «жеребенок», *Түләк* «осенний барашек», *Бузагу* «теленок», а в древнетюркском языке *buzaуи* «телёнок» [171, с. 130]; *Кузый* ~ *Кузи* «ягнёнок» [442, с. 422]. Так, к примеру, семантика татарского личного имени *Кузый* ~ *Кузи* восходит к диалектальному слову «кузыем», которое в этнокультурном пространстве представляется формой

ласкательности, обращенной к детям. Названия домашних животных зафиксированы в татарских личных именах: *Каратай, Кузыбай, Кузыбала, Колынбикэ, Актай, Тансыктай, Тайбар, Тайчура, Каратай* и др. Данные имена не встречаются в современном антропонимиконе, однако до настоящего времени в фамилиях: *Кузыев, Кузеев, Кузыгильдеев, Кузыбеков, Тайбеков, Тайханов, Тайгузин* и др. В башкирском языке с помощью компонента *кузы* образовано большое количество личных имен: *Кузы, Кузыбай, Кузыбэк, Кузыбаш* и др. [279, с. 192]. В турецком языке распространены личные имена с компонентом *тай*: *Taybars, Taybek, Taybilge, Tayboğa, Taуsan, Taydemir* и др., с компонентом *тай*, который имеет несколько значений: 1. жеребенок 3-х лет; 2. подобие чего-то [597, с. 378].

Важной отраслью в повседневной жизни древних татар, наряду с развитым скотоводством, была и охота с ловчими птицами. В антропонимиконе татар наблюдаются личные имена с компонентом-названием хищных птиц – *чагры, тугрул, турумтай, ябалак, тутый, тургай, карлыгач, кукке, карга* и др. До принятия ислама тюркскими государствами птицы считались предсказателями, символом души [596, с. 176]. В орхоно-енисейских надгробных памятниках птицы символизируют смерть [635]. Поэтому в татарском и турецком языках слова *очу / иштак* «улететь» употребляются по отношению к птицам и используются как иносказание о смерти. Многообразие личных имен древних тюрков, образованных от названий птиц, дает нам возможность выделить, что в древний период религиозного мировоззрения было теснейшим образом взаимосвязано с культом птиц. В энциклопедическом словаре Махмуда ал-Кашгари зафиксированы имена *Muhammed Çakır Tonga han* [290, с. 111], *Çagri Beg* [290, с. 345], *Çagri Tegin* [290, с. 415] – в именах *Çagri* «сокол», «тегин, похожий на сокола»; *Toyrıl* [290, с. 387] от названия птицы, которая «уничтожит тысячу гусей, чтобы съесть одного» [290, с. 482]; *Turumtay* [290, с. 243] «хищная птица» и др. В башкирской культуре птицы занимали важное место [279, с. 192]. Поэтому в башкирской именной системе зафиксированы личные имена, образованные от названий хищных и певчих птиц. В турецком антропонимиконе прослеживаются

личные имена с компонентом чагры: *Çağrı, Çağribey, Çağritay* и др. В древнетюркский период хищные птицы являлись символом справедливости и духом покровительства, подобием правителя [596, с. 156].

В исследовании было выявлено, что в татарском антропонимиконе семантика личных имен *Ögäçük, Ögädäj, Ögädäj Han* [171, с. 379] восходит к диалектальному слову *өгө* в значении «сова», распространенного в тюменском, заболотном говоре [442, с. 509]. В древнетюркском языке слово *өгө* означает «мудрый» [171, с. 622]. В словаре Махмута ал - Кашгари «Диван люгат ат-тюрк» выделяется титулярное значение данного слова. Как указывается в словаре, это прозвище того, кто является умным, зрелым и опытным в делах, вышедшим из народа и стоящим на ступень ниже тегинов [290, с. 120]. В источниках золотоордынского периода зафиксированы личные имена *Огечи, Ябалак* [439, с. 406] среди аристократической знати. Как известно, с античных времен сова считалась символом познания, проницательности, мудрости и просвещения. В древнегреческой мифологии богиня мудрости, знаний Афина Паллада изображается с совиными глазами или же с ней рядом находится сова. В татарских фольклорных материалах сова характеризуется своей мудростью. Мы полагаем, что экспликация мудрости отразилась и в личных именах с компонентом *өгө*, семантический потенциал которого довольно широкий. В этнокультурном пространстве древних тюрков, как нам кажется, в результате семантического переосмысления слово *Ögä* «сова» вобрало в себя мифопоэтическое значение мифологического прообраза, и тем самым постепенно утратив актуальность первоначального значения, на первый план вышли его коннотативные свойства. В турецком языке зафиксированы личные имена с компонентом *өгө*: *Öge, Ögeçük, Ögeday, Ögetay*, семантика которых восходит к значению «мудрый, опытный, умный» [598, с. 378].

В енисейских эпитафиях зафиксировано имя, связанное с миром птиц *külig toğan*, которое представлено двумя компонентами: *тоган* «сокол» + *кулиг* «титул». И.В. Кормушин отмечает, «однотипная проприальная часть именования в виде «сокола» говорит за то, что это были, вероятно, почетные прозвища,

которые впоследствии, как во многих тюркских языках, пополняли именник» [264, с. 291]. В локальных вариантах культуры татар также встречаются личные имена, относящиеся к данной группе, к примеру, барабинские татары называли младенцев личными именами животных, которых видели в день их рождения: *Торна* «журавль», *Карга* «ворона», *Чыпчык* «воробей», *Бүре* «волк», *Сайыскан* «сорока», *Эт* «собака» и др. «*Тышка сыгып ни күрсә, аның исемен куйганнар элгәре. Торна очып барамы, карга барамы. Карга күрсә – Карга, чыпчык күрсә – Чыпчык, бүре күрсә – Бүре, эт күрсә – Эт*» (Раньше нарекали детей, первым увиденным названием. Видели ворону – нарекали Карга, видели, Синицу – нарекали Чыпчык, видели волка – нарекали Бүре, видели собаку – нарекали Эт) [84, с. 144].

Таким образом, в татарском антропонимиконе выделяются личные имена с компонентами, относящимися к животному миру, которые встречаются и в антропонимиконе других тюркских народов. Мифопоэтическое значение личного имени тесно связано со свойствами тотемного животного или птицы в традициях древних тюрков.

Личные имена, отражающие культ космогонических представлений

В Волжской Булгарии до принятия ислама фиксировались личные имена, в которых отражено поклонение древних тюрков солнцу, звездам, луне, с культом земли и воды. Добавление антропокомпонента *ай* «луна, месяц» восходит к древнетюркскому культу луны. В современных тюркских языках компонент *ай* является функциональным компонентом, который зафиксирован в турецком: муж. *Ayalp, Ayataç, Aybay* и др., жен. *Aydan, Aydemir, Aydeniz* и др. [597, с. 34], в азербайджанском: муж. *Ayhan*; жен. *Aybike, Aygün, Aytekin, Aysu* [532, с. 110] и др.; в башкирском языке: *Айтуган, Айтур, Айшат* и др [279, с. 22].

В древнетюркском словаре слово *kün* имеет значения: 1) солнце, 2) день [171, с. 79]. «*Көн* – это символ света, тепла, красоты, свободы у многих тюркских народов, в том числе и у болгаро-татар» [410, с. 63]. На наш взгляд, если компонент *көн* в женских именах является знаком-символом красоты, света, то в мужских личных именах указывает время суток рождения ребенка (*Көнтимер,*

Көнбирде, Көнбак; жен. Көнбикә, Көнжамал, Көнсылу, Көннур и др.). Как известно, в системе верований ранних булгар был распространен культ солнца. Историки отмечают «широкое распространение культа Солнца среди населения Волжской Булгарии, о чем свидетельствует огромное количество булгарских бытовых предметов, украшенных орнаментом в виде символов солнца, огня» [162, с. 48]. В золотоордынский период солнце как символ *Тенгри* встречается и на болгаро-татарских надгробных камнях [162, с. 36]. К системе верования культ солнца отражают зафиксированные в древнетюркском языке личные имена *Күнеш, Күнтогду*, семантика которых прозрачна [171, с. 327] и обозначает различные состояния солнца: *Күнеш* < «солнце», *Күнтогду / Күнтогмуш* < күн + тогду/ тогмуш «восход», *Көнбак* < көн «солнце» + бак «смотри». В татарской антропонимической системе зафиксированы личные имена, связанные со значением солнца: *Күндәй–Күнтәй, Көнбикә, Көнсылу, Көнтимер, Көнчура, Көнбак, Көнбай, Көнбәк*. В антропонимике зафиксированы имена с антропокомпонентом *кояш*, которые появляются в реестре с XV века: *Көн – Кояш, Көнбикә – Кояшбикә, Көнсылу – Кояшсылу* и др. Культ солнца прослеживается в антропонимических системах турецкого языка: муж. *Gün, Günaltay, Günalp*; жен. *Güney, Güneydin, Günçiçek* и др. В башкирском языке *Көнбикә, Көнтоғмош, Көнһылыу; Кояшбай, Кояшбикә* [279, с. 197].

Названия гидронимов, топонимов, космонимов и др. отражают культ природы в личных именах, особенностью которых является обращенность к определенному объекту. В антропонимиконе XX века появляются новые имена, образованные от названий рек, озер, городов и др. Например, в антропонимической системе конца XX века зафиксированы личные имена, посвященные рекам: Волга (Идел): *Идел, Иделман, Иделия, Иделә, Иделбакты; Эльба* – личное имя, посвященное реке Северного моря; *Урал, Казбек, Алтай* – личные имена, посвященные горам. Как утверждает Т. Кусимова, в башкирской антропонимике переход географических терминов позднее явление, которое широко распространено в этнокультурном пространстве башкир: *Уралбай,*

Чулманби, Мысыр, Мысырай, Изелбай, Изелбикэ, Изелбэк; Ыкбай, Ыкбаймас и др [279, с. 209].

Названия явлений природы в личных именах в тюркских языках – явление частое. В татарском языке зафиксированы личные имена *Болыт* «облако», *Буран* «буран», *Буранбай* «буран + богатый, богач», *Ямгырчы* «дождь+ афф. указывающий на занятие». В турецком языке зафиксированы личные имена *Томан, Томанжы, Ягмур, Карягды* [599, с. 62], в казахском – *Айборан, Боранжан, Жанбырбай, Жанбырбэк* [180, с. 80], в туркменском – *Гарлы, Давыллы* [26, с. 201]. Ш.Аннаклычев выделяет частое функционирование в туркменском языке антропонимов с антропокомпонентами названий природы: «Личные имена, связанные с планетами, природой и ее явлениями, чаще давались мальчикам» [26, с. 201]. Как утверждает Э. Сакаллы, в современной турецкой антропонимической системе возрос интерес к метеорологическим именам: *Yağmur* «дождь», *Ayaz* «ясный», *Bulut* «облако», *Yıldız* «звезда», *Mehtar* «полночь» [632, с. 174]. Имена, образованные при помощи названий явлений природы являются особенностью в основном мужских личных имен. В башкирском языке зафиксированы личные имена: *Буран, Бурангол, Томан, Томансы, Тэбигэт, Болот, Болотбай* и др. [279, с. 199].

Таким образом, человек познает окружающий мир как объективную реальность, которая отражается и в личных именах. Древний человек был бессилён перед силами природы, по этой причине он тотемизировал, делал преклонялся животным, птицам, одухотворял окружающий мир, природу, явления природы. Языческие верования, природные явления управлялись отдельными божествами, названия которых законсервировались в личных именах.

§ 2.4. Репрезентация временной модели мира в тюркских личных именах

Интерес к исследованию временной модели мира у современных российских лингвистов возник относительно недавно. Репрезентация категории

времени в антропонимике изучены в следующих трудах: Т.А. Агапкина [1], Е.Л. Березович [94; 95], С.Е. Никитина [337], В.Н. Топоров [481], Н.И. Толстой [477], С.М. Толстая [476] и др. Лексико-тематическая группа «Время и пространство» раннетюркского тезауруса представлена в фундаментальном труде «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков», изданном под руководством Э.Р. Тенишева [427]. В тюркологии отражение времени и пространства в контексте антропонимике исследовано в трудах и статьях: в татарской – Г.Ф. Саттарова [410], Г.Р. Галиуллиной [131], М.З. Валиевой [116], Г.С. Хазиевой [510], в казахской – Г. Кульдеева [276], К.Ниетбайтеги [334], в турецком – И.Шахина [Şahin, 2015], в башкирской – Ф.Г. Хисамитдиновой [538], А.Г. Шайхулова [558] и других ученых. К вопросам пространственного и временного континуума личных имен в лексико-семантическом уровне в татарской антропонимике обращено особое внимание в монографиях Г.Ф. Саттарова [410], Г.Р. Галиуллиной [131], М.З. Валиевой [116], Г.С. Хазиевой [510].

В рамках данного раздела приводятся результаты выполненного комплексного сравнительного исследования татарских личных имен, в котором актуализируется категория времени.

Репрезентация в языке философской категории времени – определяет ментальность этноса, обуславливает временные и пространственные планы его жизни. В философском аспекте «время и пространство – это основные формы существования материи» [499, с. 58]. Восприятие понятий времени и пространства складывается в картину мира, в которой отражается духовная, материальная и социальная культура, менталитет того или иного народа.

В антропонимике в категории времени и пространства раскрывается соответствующая этим представлениям модель мира, согласно которой, категории пространства и времени возникают в сознании в виде языкового отражения.

Представление о времени отражается в личных именах с семантикой времени, месяца, дня рождения ребенка, репрезентация и распространение которых связаны с традициями, культурными и историческими фактами, тесными

контактами татарского народа с другими народами. Личные имена, в основе которых лежит понятие времени, были широко распространены в основном у древнетюркских народов.

Семантический анализ антропонимического материала показал, что в татарской, турецкой и башкирской антропонимической картине мира представлены циклическая и линейная модель описания времени [581, с. 55]. Традиционно считается, что циклическое – это наивное представление о времени, линейное – научное [581, с. 55], дихотомия которых находит отражение в антропонимической системе. Так циклическое время – это архаичная форма временной абстракции, реконструируется в антропонимике татар в названиях повторяемости природных циклов, смены дня и ночи, которая в татарской культуре отличается определенным направлением, связанным с исторической и культурной жизнью народа.

Благодаря тесной связи структур сознания с языком, циклическое время отражает космологические представления тюркского народа, в которых был распространен двенадцатилетний животный цикл, основанный на китайском календарном цикле [165, с. 169; 596, с. 153 – 195], который отражает названия животных: *тычкан* «мышь», *сыер* «корова», *барыс* «барс», *куян* «заяц», *улу* «дракон», *елан* «змея», *ат* «лошадь», *куй* «овца», *маймыл* «обезьяна», *тавык* «курица», *эт* «собака», *дуңгыз* «свинья». О двенадцатилетнем животном цикле тюркских племен упоминается и в энциклопедическом словаре Махмута ал-Кашгари «Диван люгат ат-тюрк» [290, с. 73 – 72]. Как отмечает Махмут ал-Кашгари, дети получают имя по названию времени рождения, а также время года проявляет прямое воздействие и на характер ребенка [290, с. 344]. В семантике некоторых татарских личных имён содержатся названия двенадцатилетнего животного цикла: *Тычкан* «мышь», *Барс* «барс», *Куян* «заяц», *Елан* «змея», *Елкы* «лошадь», *Кучкар* «овен», *Сарык* «овца», *Эт* «собака» и др. Данные названия в личных именах встречаются в турецком и башкирском языках. Ребенка, нарекали именем года, в котором он родился, однако название года обезьяны *маймыл елы* в личных именах не встречается. По хиджре выделяются следующие названия

месяцев: *Мухаррам (Мөхәrrәм ае), Сафар (Сәфәр ае), Раби-уль-авваль (Рабигульәввәл), Раби-уль-ахир (Рабигульахир), Джумад-уль-авваль (Жомадәввәл), Джумад-уль-ахир (Жомаделахир), Раджаб (Рәжәп ае), Шаабан (Шагъбан ае), Рамадан (Рамазан ае), Шавваль (Шәүвәл ае), Зуль-Каада (Зөлкагъдә ае), Зуль-Хиджжа (Зөлхижжә ае)*, названия которых являются антропокомпонентами антропонимов: муж. *Мөхәrrәм, Сәфәр, Рәжәп, Шагъбан*; жен. *Зөлкагъдә, Зөлхижжә, Рабига* и др. В турецкой антропонической системе также выделяются личные имена, образованные от названий месяцев исламской культуры: *Müharrem, Ramadan, Resep, Sefer, Şevval* [610, с. 55]. Э.Сакаллы, изучавший последние тенденции развития современного турецкого антропонимикона, отмечает, что среди современных турецких личных имен, образованных от названия мусльманских месяцев, наиболее функциональными являются: муж. *Resep, Şaban, Ramazan* [632, с. 175]. В башкирском языке также зафиксированы личные имена по названию мусульманского лунного календаря: *Зөлхижжә, Шагъбан, Рамазан* и др. [557, с. 14].

Новым годом по астрономическому солнечному календарю у тюркских народов является *Науруз-байрам* – национальная традиция, не имеющая прямого отношения к исламским обычаям. Татары Среднего Поволжья называли *науруз* «новым днем». В татарской антропонимике от антропокомпонента «нәүрүз» образованы личные имена: *Нәүрүз, Нәүрүзбай, Нәүрүзбәк, Нәүрүзгали, Нәүрүзхан* (п.-т.); жен. *Нәүрүз* (п.), которые зафиксированы и распространены и у других тюркских народов. Ребенка, рожденного в первый день весны у турков называли *Нәүрүз*, рождение которого предзнаменовалось положительной приметой. В турецкой антропонимике выделяются личные имена *Нәүрүзбәхт, Нәүрүзкол* [599, с. 55]. Антропоним *Нәүрүз* зафиксирован у башкир [558, с. 20], у казахов [335, с. 231], у кыргызов [183, с. 23].

Аналогично осмысливается категория времени в личных именах, образованных от месяца *Курбан*: *Корбанбай, Корбанбакый, Корбангали, Корбанкол, Корбангазый* и др.; жен. *Корбанбикә, Корбангүзәл, Корбансылу* и др. Сходный компонент *корбан* зафиксирован и у других тюркских народов: у

башкир [558, с. 15], у казахов [335, с. 77], у кыргызов [183, с. 33], у турков [597, с. 230].

Родившихся в праздники торжественного богослужения (праздника поста) у мусульман *Ураза-байрам* и *Курбан-байрам* (праздник жертвоприношения) нарекали именами с компонентом гает: *Гаёт, Гаётмөхәммәт, Гаётхан* и др. Указанные личные имена сохранились в фамилиях *Гаётов, Гаитов, Аётов, Аитов*.

Личные имена, образованные от названия *мәүлид* (в переводе с арабского «рождение, время рождения, место рождения»), праздника посвященного рождению пророка Мухаммада: *Мәүлид, Мәүлидкол, Мәүлиддин, Мәүлидшаһ, Мәүлидхан*; жен. *Мәүлидә* и др. нарекали новорожденных, родившихся в этот месяц. В башкирском языке зафиксированы личные имена: муж. *Мәүлит / Мәүлет, Мәүлитбай / Мәүлетбай, Мәүлитбай / Мәүлетбай, Мәүлитйән / Мәүлитйән, Мәүлиткол / Мәүлеткол*, жен. *Мәүлидә / Мәүлизә* и др [279, с. 82]. В турецком языке выделяются личные имена: муж. *Mevlid, Mevlut*; жен. *Mevlide, Mevlüdüye* и др.

В диалекте сибирских татар своеобразно используются имена детей, образованных от названий месяца: *Рамасан* < в татар. лит. *рамазан* а. «название священного 9-го месяца мусульманского лунного года, в который держится пост», *Селхичә* < п. *зулхиджа* «название 12-го месяца мусульманского лунного календаря», *Сәфәр* < *сәфәр* а. «название 2-го месяца мусульманского лунного года», *Рәжәп* < *рәжәп* а. «название 7-ого месяца мусульманского лунного года», *Шәгъбан* < *Шәгъбан*, *Корманбикә* < *Корбанбикә, Корман* < *корбан* «название, которого месяца мусульманского лунного года».

В Волжской Булгарии функционировали названия дней недели персидского происхождения (дүшәмбе, сишәмбе, чәршәмбе, пәнжешәмбе, шимбә, якшәмбе) и арабского происхождения «жомга», в результате чего стали распространяться личные имена *Дүшәмбе, Пәнжәәмбе, Сишәмбе, Чәршәмбе* и др. Младенцев, рождённых в понедельник, нарекали именами: *Дүшәмбе, Дүшәмбебай*; во вторник: *Сишәмбе, Сишәмбебай, Сишәмбегөл*; в среду: *Чәршәмбе, Чәршәмбебай*,

Чәриәмбегөл и др. Отметим, что в современном татарском именнике данные личные имена не зафиксированы. Как утверждает Т.Кусимова, в башкирском языке в большинстве случаев личные имена образованы от компонентов «азна» и «йома»: *Азна, Азнакай, Азналы, Азнагилде; Йомабай, Йоманай* и др. Однако из других названий недели выделяются личные имена: *душәмбе* «понедельник»: *Дүсәнбәт, Дүсәнбай, Дүшәмбикә* и др.; «шишәмбе»: *Сисәмбай, Сисәмбикә* и др., *йәкшәмбе* «воскресенье»: *Йәкшәмбәт* [279, с. 199]. В турецком языке выделяются личные имена, образованные от компонента *сита* «пятница»: *Ситаали, Ситабай, Ситаитин* и др. [597, с. 84].

У татар в воскресенье «базар көне» встречались с друзьями, родственниками. Слово *базар* в персидском означает «праздничный день». Детей, рождённых в выходной день, нарекали именами *Базар, Базарбай, Базарбәк* и др.

Пятница считается у мусульман праздничным молитвенным, благословенным днем, детей, родившихся в этот день называли с антропокомпонентом *жомга* < *жома* < *йома* «пятница»: *Жомагол* < *Йомагол, Жомабикә* < *Йомабикә; Жомагөл* < *Йомабикә* и др. В антропонимиконе татар функционируют личные имена, образованные диалектального слова *йома*: *Йомабай* (а. -т.), *Йомагали* (а.), *Йомагол* (а.-т.), *Йомахужа* (а.-п.) и др. В татарских диалектах слово «жомга» заменено «атна көн», с помощью которого также образованы мужские личные имена. Антропокомпонент *атна* < *азна* используется в личных именах *Азнагол, Азнабай, Азнакай*. Среди древних татар было распространено личное имя с антропокомпонентом *атна*. Антропокомпонент *жомга* < *жума* < *йома* зафиксирован и в других тюркских языках. Выделяя частотность и вариативность имен с данным компонентом, Г. Кульдеева отмечает их функционирование в современном антропонимиконе казахского языка, хотя, по ее мнению, имена с основами, обозначающими другие дни недели, практически исчезли из именника [276, с. 102]. Как видно из примеров, в казахском языке распространен огузский вариант антропокомпонента *жомга* < *жума* (пятница). В турецком языке А. Эррол отмечает значительное распространение личных имен с компонентом *жума*, которые давались детям,

рожденным в пятницу. Циклическое время выделяется и в кыргызском антропонимиконе. Согласно Ш. Жапарову, функционирование личных имен, связанных с названиями дней недели, распространено в кыргызской антропонимике: *Жекшембек* «ребенок, родившийся в воскресенье», *Душембек* «ребенок, родившийся в понедельник», *Шершенали* «ребенок, родившийся в среду», *Шейшембай* «ребенок, родившийся во вторник» и др.

Рожденных в праздничный день, называли именами с антропокомпонентом *бэйрам* (т.) «праздник»: *Бэйрамбай* (т.), *Бэйрамгали* (т.-а.), *Бэйрамхан* (т.), *Бэйрамша* (т.-п.), *Бэйрамгали* (т.); жен. *Бэйрамбикэ* (т.), *Бэйрамгөл* (т.-п). В процессе опроса респондентов было установлено, что детям, рожденным в месяце Рамазан, также давались имена с компонентом *бэйрам*. В турецкой антропонимической системе зафиксированы личные имена с компонентом *bayram*, которые нарекают детям, родившимся в священный праздник Рамазан: *Bayram*, *Bayramali*, *Bayramcan*, *Bayramhan* и др. [597, с. 52].

В материалах ЗАГСа г. Казани 20-х гг. XX столетия выделяются личные имена, связанные с русским календарем: *Октябрь*, *Май*, *Августин*. В казахской антропонимике выделяют личные имена *Шилдебай* (шилде «июнь»), *Мамрай* (мамыр «май»), *Акпапбет* (акпап «февраль»), *Сеипбай* (сеип «апрель») [276, с. 65]. *Нисан* («апрель»), *Маес* («май»), *Эким* («октябрь») распространены в турецком именослове [599, с. 53].

В татарской антропонимике выделяются личные имена, образованные от названий промежутка времени суток: *таң* «заря», *көн* «день», *төн* «ночь», *кич* «вечер», *сахар* «раннее утро», *ахшам* «вечер», которые указывают время рождения ребёнка. Лексема *сэхэр* «раннее утро» участвует в образовании следующих татарских личных имен: муж. *Сэхэр* (а.); жен. *Сэхэрбанат* (а.), *Сэхэрбану* (а.-п.), *Сэхэрбикэ* (а.-т.), *Сэхэрназ* (а.-п.) и др. В турецком языке компонент *seher* употребляется в личных именах: *Seher*, *Sehercan*, *Sehergül*, *Sehergün*, *Sehernaz*, *Sehernur* [597, с. 337].

Младенцу, рожденному на рассвете, в утренние часы, нарекались личные имена с компонентом *таң* «рассвет»: *Таңмөхәммәт*, *Таңморза*, *Танкилде*; жен.

Таңсолтан, Таңбикә, Таңчулпан и др. – имена дескриптивы, имеющие значение «красивый, как утренняя заря». Как нам кажется, слово *тан* <*тан* (г.) этимологически восходит к слову *тәңре*, по которому прослеживается тесная связь с небесным божеством, поэтому подобные имена относятся к божественным. В писцовой и межевой книге Казанского уезда 1565 – 1568 гг. зафиксированы мужские личные имена *Таңай* таң «рассвет» + ай «месяц», *Таңатмыш* < таң «рассвет» + атмыш «наступил». Как известно, во многих современных тюркских языках *таң* – это рассвет, пробуждение солнца, поэтому слово *тәңре* связано непосредственно с культом солнца, имеет семантическую связь с солнцем или представляет обращение к солнцу, доказательством чему являются фольклорные молитвы, призывы (*келәү*). В них солнце, небо выступают в качестве небесного бога (*тәңре*) (Жир атасы – ала сакал, жир анасы – асыл бикә! Түбәсенә туклык бир, Тамырына көч бир, ил өстенә муллык бир, ил эчендә безгә дә бир, башлыйбыз теләкләребезне, күтәрәбез кулларыбызны, кояш – бул шахит!).

Лексема *таң* функционируют в антропонимиконе других тюркских народов. Так, в турецком языке выделены личные имена *Танай* (тан + ай), *Танатылмыш* (тан + атылмыш), *Танайдын* (тан + айдын «светлый»), *Тандоган* (тан + доган «рожденный») [599, с. 43]. Так же следует отметить функционирование личных имен с компонентом *таң* у башкир: *Тангатар, Танбулат, Танатар* [557, с. 22; 279, с. 99], у казахов: *Танбиргэн* [276, с. 215], у кыргызов: *Танатар, Аткантан* [182, с. 77].

Линейное время эксплицируется в личных именах, отражающих исторические события, которые в основном образованы в начале XX в. В татарском антропонимиконе функционируют личные имена от апеллятивов *заман* «время», *гасыр* «эпоха», *вакыт* «время»: *Заман, Гасыр, Вакыт*. В процессе опроса информантов удалось выяснить мотив наречения мальчиков именами *Заман, Гасыр*, родившихся в 1990 году, в период провозглашения суверенитета Татарстана. Родители таким образом зафиксировали в личных именах время рождения ребенка, которое в процессе онимизации приобрело дополнительное коннотативное значение «новое счастливое время». Как известно, явление

становится материалом аналогии при описании иных предметов и явлений. Однако анализ хронологических срезов антропонимической системы показывает употребление данных имен лишь в единичных случаях. В турецком языке зафиксированы личные имена *Zaman, Vakit* [597, с. 425]. Личное имя *Заман* употребляется в современном башкирском языке [279, с. 45].

Категорию линейного времени отражают имена, созданные в период послеоктябрьской революции. Так, по материалам ЗАГСа г. Казани прослеживается распространение в начале XX века личных имен: *Рик* «революционный исполнительный комитет», *Ренал* «революция, наука, Ленин», *Ревдар* «революционный дар», *Ревмир* «революция мировая». Личные имена арабского происхождения *Инишэр* «революционный восток», *Инкыйлаб* «революция» и др. Так татарские личные имена *Илгиз, Илгизэр, Илдәүләт, Илморат, Илшат, Илмөхәммәт, Илзат, Илнур, Илтаң, Илүс*, образованные от компонента *ил* (страна), появляются в реестре имен в послевоенные годы XX века, семантика которых связана со строительством новой послевоенной страны. Подобная семантика выделяется и в башкирских именах: *Илбай, Илтерәк, Илбәк, Илгилде, Илгенә, Илсубай* [279, с. 208]. Как нам кажется, личные имена с компонентами *ил* связаны с древнетюркским значением слова *el-* «государство, племенной союз» [264, с. 320], от которого образованы личные имена в древнетюркском языке *Elbilge, Eletmiş*, зафиксированные в орхоно-енисейских эпитафиях и фольклорных произведениях тюркских народов. В послевоенные годы значение слова *ил* заметно расширяется, проявляется переход к значению «страна, отчизна». В современном турецком языке данный компонент широко распространен в личных именах: муж. *İlaçan, İlal, İlalan, İlarıslan, İlay, İlber*; жен. *İlbike* и др.

В начале 90-х годов XX века, после провозглашения суверенитета в стране появляются в реестре имен личные имена, образованные от антропоформантов: *Ирек* «свобода», *Азат* «свобода» и др. В турецкой антропонимической системе

зафиксировано личное имя *Inönü*, связанное с победой во Второй Освободительной войне в Турции. Также встречаются личные имена: *Inkilar* «революция», *Özgür* «свобода; свободный», *Özgürbay*, *Özgürcan* [597, с. 305] и др.

Личные имена, образованные от отглагольного слова *-килде* «пришёл» отражают прибытие гостей: *Жанкилде*, *Көнкилде* (*Төнкилде*, *Тиңкилде*, *Таңкилде*, *Елкилде*), *Бәхеткилде*. Как показывает анализ, влияние различных социально-политических, бытовых событий в большей степени отражается в основном в мужских личных именах. Подобные имена отмечаются в башкирском языке, которые в большинстве случаев образованы от компонента: *кунак* «гость»: *Кунак*, *Кунакбай*, *Кунакбикә*, *Кунакай* и др.

В тюркских языках личные имена, в которых отражено линейное время широко распространены. Ш.Акалын утверждает, что «в турецком языке также широко распространены исторические события в личных именах» [585, с. 13]. «В казахской антропонимике личные имена, образованные при помощи апеллятивов *мылтык* «винтовка», *сугыш* «война», *фронт* «фронт» даются младенцам как отражение политических событий в жизни страны» [276, с. 81].

В заключении констатируем, что личные имена, связанные с временем, ярко отражаются взгляды тюркских народов о пространственно-временном отрезке жизни, в котором циклическое время представлено антропоформантами, обозначающими календарь тюркских народов. Линейное время указывает исторические события появления ребенка на свет и фиксирует отдельные моменты жизни общества того или иного народа. Нами было выделено, что во всех изученных нами тюркских антропонимах линейное время отражает исторические события. Принятие ислама способствовало смене личных имен, образованных от названий годов животного цикла на личные имена, образованных от названий мусульманского календаря. Таким образом, в татарском этнокультурном пространстве в результате смены историко-культурных формаций находили разное применение календаря. В целом личные

имена татарского языка, в том числе и личные имена в других тюркских народов с антропокомпонентом времени, позволили охарактеризовать специфические особенности имяназвания, духовную жизнь в пространственно-временном континууме.

§ 2.5. Репрезентация внешнего и внутреннего мира человека в тюркских личных именах

Лексика тематической группы «Внешний и внутренний мир человека» стала объектом исследований в начале XXI в. в работах Н.Д. Арутюновой, В.А. Масловой. Лексико-тематическая группа «Мир человека» раннетюркского тезауруса представлена в фундаментальном труде «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков», изданном под руководством Э.Р. Тенишева [427]. В татарском языкознании проблема отражения национального образа татарского этноса, его внутреннего и внешнего мира через языковые реализации решается в работах Р.Р. Замалетдинова [201], согласно которому изучение внутреннего и внешнего мира человека «представляет несомненный научный интерес, поскольку позволяет выявить не только особенности антропоцентризма того или иного языка, но позволяет выявить универсальные закономерности отражения в наивной картине мира разных аспектов человеческого сознания» [201, с. 13]. В тюркской ономастике отражение внешнего и внутреннего мира человека представлены в трудах Г.Ф. Благовой [99], Г. Кульдеевой [276], С. Сакаоглу [631], А.Г. Шайхулова [558] и др. В татарской антропонимике подробный анализ антропокомпонентов *ак* и *кара* в составе татарских личных имен дан в работах Г.Ф. Саттарова [410, с. 12], М.З. Валиевой [116]. Однако до сих пор в тюркской антропонимике не проводился анализ семантики личных имен, отражающих сенсорные оценки человека.

Синтез функций конкретизации и коннотации в личном имени дает возможность определения личного и этнокультурного поля, которое является основой особенностей информации личного имени. Различные языковые средства

могут использоваться в идентификации и индивидуализации человека. В антропонимической системе выступают различные антропокомпоненты и антропоформанты, которые составляют информационное, личное, социальное, этнокультурное поле личного имени и представляют физическую, интеллектуальную, психологическую, биологическую, моральную характеристики, этнокультурную особенность человека, его национальность, социальную, территориальную принадлежности.

Анализ семантики личных имен показал, что в антропонимиконе тюркских языков (в башкирском, турецком), в том числе и в татарском языке, личные имена, отражающие внешний и внутренний мир, направлены на переосмысление физических, эмоциональных, интеллектуальных особенностей человека.

В нашем комплексном сравнительном исследовании было выявлено, что в антропонимической системе тюркских народов внешний и внутренний мир человека раскрывается в метафорических значениях цветов: кара, ак, сары, күк, кызыл, сары, буз, семиотика которых, по мнению исследователей, исторически связана с природными явлениями и культурными особенностями. В личных именах полисемантическую прилагательных цветообозначения привлекается к обозначению физических примет нарекаемого, а также передает ряд таких отвлеченных понятий, как, мудрость носителя имени, его мощь, долгожительство. Древний народ верил в магические значения цвета: белый цвет олицетворяет удачу, чистоту, равновесие; черный – плодородие, землю; желтый – цвет благородства, богатства. В духовной традиции народа символические значения цветов раскрывают духовную часть народа.

Антропокомпонент *кара* «чёрный» в древнетюркском языке, вместе с цветовым значением, актуализирует значение «сильный, богатый; главный, великий» [171, с. 422]. В древнетюркских топонимах компонент *кара* выступает в пространственном значении, указывая северное расположение места (город, река, озеро) или этноса, племени, проживающего на севере [596, с. 209]. В башкирской мифологии черный цвет является «одним из наиболее символически нагруженных и имеет как положительную, так и отрицательную символику. В именах башкир в

цветообозначении *кара* преобладает значение «сильный, крепкий, могучий, настоящий» [534, с. 119].

В татарской антропонимической системе антропокомпонент *кара* выделяется в мужских личных именах: *Каракаш* < (т.) кара «черный» + каш (т.) «бровь», *Каратән* < кара (т.) «черный» + тән (т.) «покров кожи», *Каракуз* < кара (т.) «черный» + күз (т.) «глаз», *Карасакал* < кара (т.) «черный» + сакал (т.) «борода», *Каракал* < кара (т.) «черный» + кал (т.) «родинка» и др.; в женских личных именах: *Карабикә* < кара (т.) «черный» + бикә (т.) «госпожа», *Карабикәч* < кара (т.) «черный» + бикәч (т.) «госпожа», *Каракыз* < кара (т.) «черный» + кыз «девочка», *Каракашсылу* < кара (т.) «черный» + каш (т.) «бровь» + сылу (т.) «красавица» и др., в представленных примерах к значению цвета прибавляется пожелательное значение. Однако в современном антропонимиконе метафорическое и прямое значение данного компонента утратило функциональность. Вслед за Р.Ш. Шагеевым, который не связывает в микропонимах черный цвет (кара) с семантикой «суши», «земли», предположим, что данный цвет выражает специфическую форму, символизирующую несчастье [552, с. 182], ср. фразеологизм *кара кайгы*. В тюркском мире черный цвет олицетворяет смерть и траур [596, с. 210]. Поэтому, на наш взгляд, в реестре личных имен современных тюркских языков личные имена с компонентом *кара* отсутствуют. Личное имя *Караарслан* является именем пожеланием ребенку силы, личное имя *Караби* означает сильного, смелого человека. В этнокультурном пространстве татар личные имена с компонентом кара широко употребляются в антропонимической системе средневековья. Так, в словаре М. Кашгари зафиксировано личное имя *Kara Bars* [290], в источниках золотоордынского периода компонент *кара* встречается в личных именах аристократического слоя: *Караболат*, *Карабахадир*, *Каракуш*, *Каракуек*, *Карамурад*, *Каракисэк* и др. [438, с. 376 – 377]. В тюркских языках компонент кара широко распространен в именах: в кыргызском языке – *Карабэк* [182, с. 21], в турецком – имена *Караарслан*, *Чоккара*, *Каракуш*; жен. *Каракаш* [599, с. 28], в

казахском – муж. *Карабай, Карасай* и др; жен. *Каракөз, Карашаш* [276, с. 211], в башкирском – *Карагужа* [558, с. 15].

Сфера денотации *ак* является наиболее обширной среди цветоименований, представленных в тюркской мифологии и культуре. Согласно В.В. Радлову, значения компонента *ак* трактуются следующим образом: 1) белый, 2) чистый, прозрачный, простодушный [381, с. 67], в Древнетюркском словаре выделяется значение «благоприятный» [171, с. 48]. В тюркской космологии *ак* является символом западной стороны [596, с. 216] и олицетворением независимости и силы страны. Несмотря на существование большого количества различных значений, основным толкованием в тюркских языках оставалось значение белого цвета. Однако в татарской антропонимике в личных именах компонент *ак*, в преобладающем большинстве раскрывает метафорическое значение «счастливый», «благословенный», «долгожитель»: *Акморза* < *ак* (т.) + *морза* (п.), *Акназар* < *ак* (т.) «белый» + *назар* (а.), *Актай* < *ак* (т.) + *тай* (т.) и др.; женские личные имена: *Акбиби* < *ак* (т.) + *биби* (т.), *Акчэчэк* < *ак* (т.) + *чэчэк* (т.) и др. Детерминированная функция *ак* раскрывается в именах: *Акбит* < *ак* (т.) + *бит* (т.) «лицо», *Аккүз* < *ак* (т.) + *күз* (т.) «глаз», *Акйөз* < *ак* + *йөз* «лицо». В этнокультурном пространстве диалектного языка семантика слова *ак* шире. Так, в употреблении слова *ак* с терминами родства семантика сводится к уважительной, почтительной форме обращения: *ак эби* «форма обращения к старшей родственнице отца», *ак бала* «форма обращения к старшему брату мужа», *ак бикам* «форма обращения к старшей сестре», *ак печкэ* «форма ласкового обращения к младшей сестре мужа», *ак тай* «старшая сестра отца», *ак тутам* «форма обращения к старшей сестре матери» [442, с. 31]. На наш взгляд, семантика слова *ак*, связанная с обозначением уважительного, почтительного обращения, отражается в семантике следующих личных имен: *Акмәрдән*, *Акдәүләт*, *Акморат* и др. Так, среди аристократических слоев золотоордынского периода зафиксированы личные имен *Акбуга*, *Акхужа*, *Акнок*, *Аккөөк* и др. [438, с. 362]. В эпитафических памятниках периода Казанского ханства зафиксированы личные имена *Акбулат*, *Акдәүләт*, *Акъегет*, *Акхужа*; жен. *Акбикәч* [145, с. 22].

Согласно А. Гафурову, «компонент ак часто встречается как в мужских, так и в женских личных именах (муж. *Акбай, Акбулат, Аккылыч, Акчура, Акмирза, Актимур*; жен. *Акбикэ, Акгөл, Аккош, Акйолдыз, Акчэчэк* и др.)». «Конечно, не за белизну лица и не из желания видеть сыновей светлокожими называли мальчиков этими именами. В антропонимии компонент *ак* имеет значение не столько цвета, сколько значение «долгожитель», «счастливый», «благословенный», хотя в некоторых именах, таких как *Аксуннур* «белый кречет», сохраняется и буквальное значение» [147, с. 23]. «В башкирской мифологии белый цвет является символом чистоты, святости, света, счастья, благополучия и достатка» [534, с. 118]. Об этом свидетельствует наличие в составе башкирских личных имен компонента *ак*: муж. *Акбулат, Акхужа, Акбатыр*; жен. *Аксэскэ, Аксолтан, Аксулпан* и др. [558, с. 7]. В турецком языке компонент *ак* имеет несколько значений: «1. Цвет похожее на молоко, противопоставляется черному; 2. Белый, свежий, без пятен, чистый, сверкающийся; 3. Мет. Чистый, непорочный; 4. Совершенный, безгрешный» [597, с. 11]. В турецкой антропонимической системе личные имена с компонентом *ак* являются функциональными: муж., *Akduman*; жен. *Akduygu, Akdeniz, Akgül* и др. Семантика личных имен с компонентом *ак* в тюркских языках связана непосредственно и с традиционными фольклорными образами *ак буре, ак барс*, которые эксплицировали божественность тотемов тюркских племен. К примеру, в тюркоязычном фольклоре встречается множество персонажей с компонентом *ак*, эксплицировующим различные значения. Так, в татарском сказочном фольклоре *аксакал* обозначает мифического героя, умудренного опытом. В алтайских эпосах *ак ата* «белый отец» олицетворяет символ пророка человечества [596, с. 216]. Таким образом, личные имена с компонентом *ак* относятся к древнейшему периоду, когда доминировало мифологическое восприятие окружающего мира. Как нам кажется, то, что личные имена имеют значение пожелания ребенку мудрости, опыта, не вызывает сомнения.

Выше указано было, что семантика компонента *ак* в составе личных имен, по сравнению с другими компонентами-цветообозначениями, намного шире. В

качестве начального *ак*- часто встречается в составе казахских личных имен (муж. *Акжигит, Акдәулэт, Актау* и др.; жен.: *Аккыз, Акбала, Акбопе, Актокты* и др.) [276, с. 207], турецких личных имен (муж. *Акбай, Акгеик, Акбыек* и др.; жен. *Акюз, Акдениз, Аккыз, Акханым* и др.) [599, с. 27].

Согласно Г.Ф. Саттарову [410, с. 134], первую группу имен с компонентами *ак* и *кара* составляют личные имена, в которых отражено значение цвета: *Аккүз* «белоглазый» – *Каракүз* «черноглазый», *Акбаиш* «белоголовый» – *Карабаиш* «черноголовый», *Актән* «белокожий» – *Каратән* «чернокожий» и др. Во второй группе личных имен компоненты *ак* и *кара* выполняют символическую функцию. Например, *Акбүләк* < *ак* «белый» + *бүләк* «подарок» перен. «счастливый подарок», *Акдәүләт* < *ак* «белый» + *дәүләт* «государство, счастливый» перен. «счастливое государство»; *Акбәк* < *ак* «белый» + *бәк* «бек, перен. «счастливый бек»; жен. *Акбикә* < *ак* «белый» + *бикә* «хозяйка, госпожа, перен. «счастливая госпожа», *Акбиби* < *ак* «белый» + *биби* п. «хозяйка, госпожа, дочь, девочка, перен. «счастливая девочка»; *Карабатыр* < *кара* «черный» + *батыр* «силач», перен. «сильный батыр», *Карабай* < *кара* «черный» + *бай* «богатый», перен. «сильный богач», *Караби* < *кара* «черный» + *би* «бек», перен. «сильный бек» и др. В именах с антропокомпонентом *ак* выделяется значение «счастливый», в личных именах с антропокомпонентом *кара* – значение «сильный».

В татарской антропонимике с помощью компонента *коба* образованы мужские личные имена: *Коба, Кобакай, Кобач* и др. В татарском языке их семантика восходит к значениям «темно-желтый, светло-коричневый» [455, с. 428]. В татарских диалектах *коба* имеет значение «темно-черный цвет» или обозначает цвет животного [442, с. 406]. Таким образом, можно предположить, что личные имена относятся к древней эпохе, когда не было четкого разделения имени и прозвища. З.Г. Ураксин, уделив особое внимание этнонимам с основой *коба*, на большом этнонимическом, антропонимическом материале убедительно доказывает, что прилагательное *коба* встречается в составе башкирских личных имен (*Кобагоиш*), этнонимов (*Кыбау*) и топонимов (*Идже Кыбау*) [492, с. 127 – 131].

В татарском языке компонент сары актуализирует значения «желтый», «старый», «умудрённый опытом», «благородный». Он встречается в мужских личных именах: муж. *Байсары* < *бай* (т.) «богатый» + *сары* (т.) «желтый», *Сарымалай* < *сары* (т.) «желтый» + *малай* (т.) «мальчик», *Аксары* < *ак* (т.) «белый» + *сары* (т.) «желтый», «чистожелтый»; *Сарыбала* < *сары* (т.) «желтый» + *бала* (т.) «ребенок»; жен. *Сарычәч* < *сары* (т.) «желтый» + *чәч* (т.) «волосы», *Сарытолым* < *сары* (т.) «желтый» + *толым* (т.) «коса», *Сарыбикә* < *сары* (т.) + *бикә* (т.) «госпожа» и др. В турецком языке зафиксированы личные имена: муж. *Saruhan*, *Sarıca*, *Sarısaltuk*; жен. *Sarıçiçek*, *Sarıgüzel*, *Sarıkız* и др [596, с. 332]; в башкирском языке *Сары*, *Сарыбаиш*, *Сарымбет*, *Йәнсары*, *Жансары*, *Аксары* и др. Исследователи связывают желтый цвет с символом высшей знати, дарованный небесными силами, который, скорее всего, восходит к китайской традиции императорской символики [237, с. 84; 596, с. 219], и символом солнца [596, с. 19], согласно которому в антропонимической системе татар подчеркивается аристократичность [131, с. 96]. В средневековом понятии желтый цвет имеет коннотативные значения «великий», «царственный», «золотой», «аристократический»: ср. *Золотая Орда*. В древнетюркском языке зафиксированы личные имена: *Sariġ Ćir*, *Sariġ Saman*, *Sariġ Tojġin*, *Iktü Sariġ Bas* [171, с. 488]. В источниках золотоордынского периода зафиксировано личное имя *Сарубәк* [437, с. 391]. В крымско-татар. сар(ы), кроме других, имеет значение «рыжий», «светловолосый, блондин», ср. крым. тат. *Сарбаиш* «рыжая башка», «германец», «немец». В чувашском фольклоре сар(а), кроме других имеет значение «красный», «красивый», ср. сара хер «краснадевица», сарӑ кача «красавец жених», сархевел «красно солнышко» и т.п. Турецкий культуролог, историк Яшар Чорухлу в своих исследованиях указывает на то, что семантическое значение слова *сары* обозначает религиозную силу, примером которой является анатолийский фольклорный богатырь XIII в. *Сары Салтук* [595, с. 219]. Так, например, в древнетюркских именах *Сарыбала*, *Сарыбулат*, *Сарыбәк* в компоненте *сары* доминирует описательная функция, которая дает информацию о внешних признаках ребенка. В личных именах *Сарыарслан*, *Сарыбикә*, на наш

взгляд, доминирует мифопоэтическое значение «благородный», «мудрый». В татарском ономастиконе имеется множество антропотопонимов, образованных при помощи компонента *сары*: *Байсар*, *Тансар*, *Туксар*. Возможно, деревни были названы в честь деревенских мудрецов. В современной антропонимической системе личные имена с данным компонентом отсутствуют. Возможно, это явление связано с тем, что в этнокультурном пространстве языка в слове *сары* выделяется значение печали, болезни, ср. *сары авыруы* (желтуха). В фольклорных произведениях татар, в особенности, в песенном жанре (песнях, баитах, мунаджатах), в цветообозначении *сары* выделяется мифопоэтическое значение печали, горя, болезни и др.

В древнетюркском языке слово *күк* вместе со значениями «голубой, синий, сизый; небесный», имеет значения «корень; свободный, вольный» [171, с. 312]. Слово *күк* в значении цвета, по древнетюркским представлениям – цвет Тенгри, имело силу оберега. Древнетюркское божество в орхоно-енисейских эпитафиях величается *Kök Tenğri* (Небесный бог), в котором слова *Tenğri* и *небо* являются по существу синонимичными [162, с. 44]. Тенг – в составе тенгри чисто китайское (путунхуа) слово, в современном китайском языке звучит тянь / тень, ср. Тяньшань «Небесные горы», главная площадь Пекина – Тянь мынь / мень «Небесного спокойствия площадь» и т. д. Также исследователи указывают и пространственное значение «отражающий восток» [595, с. 213]. В орхоно-енисейских эпитафиях детерминированное слово *күк* встречается в названиях животных: *күк ат*, *күк тәкә*, *күк үгез*, символизирующих принадлежность животного к небу. На наш взгляд, личное имя *Күктай* (*күк* (т.) «голубой; небо» + *тай* (т.) «жеребенок») относится к божественным именам, так как в его семантике очерчивается обращение к небу. В древнетюркском языке следует выделить личные имена *Kök Amaş* и *Tutuq Kökli*. В башкирском языке значение слова *күк* также связан с древнетюркским мифологическим мышлением и встречается в следующих личных именах: *Күкән*, *Күскәй*, *Кукуш*, *Күгәш*, *Күкүз* [279, с. 203]. Как утверждает Джем Дилчин, в турецком языке компонент *gök* встречается в именах персонажей эпоса «Огузнаме», оно имеет мифологическое значение, связанное с

тенгри, с великим божеством тюрков [596, с. 150], заимствованном из китайского пантеона богов. В турецкой антропонимической системе зафиксированы личные имена: муж *Gökalp, Gökbayrak, Gökay*; жен. *Gökbike, Gökbulut, Gökçe* и др.

В толковом словаре татарского языка [454, с. 636] значение к слову *бүз* дается «серый, с проседью», а также выделяется значение «подросток». В древнетюркском языке актуализируется значение «серый» [171, с. 115]. В этимологическом словаре татарского языка зафиксированы значения «беловато-серый; бледный; бледно-зеленый; зеленый-молодой» [455, с. 219]. В этнокультурном пространстве языка прослеживается употребление слова *бүз* в сибирском диалекте в значении «белый цвет» [442, с. 144]. В личных именах в компоненте *бүз* мифопоэтическое значение восходит к слову «таинственный», которое встречается в татарских сказках: ср. *Акбүзат* «таинственная, побеждающая лошадь». Согласно Р.Г. Ахметьянову, в тюркских народах *Бүзтойгын* является символом воинской силы [48, с. 219]. На наш взгляд, в татарском антропонимиконе, а также в других тюркских языках данный компонент присваивался юношам после совершения какого-либо подвига или наречение данным именем было мотивировано пожеланием ребенку силы, мощи: *Бүзтимер* < *бүз* (т.) «серый» + *тимер* (т.) «железо», *Бүзъегет* < *бүз* (т.) «серый» + *егет* (т.) «парень», *Бүзтирак* < *бүз* (т.) «серый» + *тирак* (т.), *Бүзак* < *бүз* (т.) «серый» + *-ак* – уменьшительно-ласкательный аффикс и др. В башкирском языке зафиксированы имена *Бүзъегет, Бузыкай* и др. В современном антропонимиконе этих имен нет. В турецком антропонимиконе выделяются личные имена: *Vozbay, Vozay, Vozdemir, Vozdoğan* и др., которые употребляются и в современной именной системе турков.

В этнокультурном пространстве цветоименование *ал* относится к древнему периоду, которое актуализируется в древнетюркском языке в значении «алый, ярко-красный, светлокрасный» [171, с. 31]. В толковом словаре татарского языка отмечены значения: 1) красный, светло-красный, цвет крови; 2) благородный, дорогой 3) царский; 4) красивый, изящный [454, с. 119]. Хотя некоторые исследователи цветоименований в татарском языке придерживаются

мнения, что компонент *ал* заимствовано из русского языка и относится к более позднему периоду. Однако в орхоно-енисейских памятниках и в фольклорных текстах семантика слова *ал* восходит не только к значению «алый», но и к значению «благородный»: *ал бишек* «благородная колыбель», *ал тахет* «благородный престол», *ал балдак* «благородный перстень», *ал көзге* «таинственное, благородное зеркало». В письменных памятниках золотоордынского периода зафиксировано личное имя *Алтимер* < *ал* «благородный» + *тимер* «железо», в котором подчеркивается благородность, аристократичность происхождения одного золотоордынского эмира [438, с. 363]. Таким образом, личные имена с компонентом *ал* имеют мифопоэтическое значение «благородный». В татарском антропонимиконе с компонентом *ал* образованы имена: *Алтан* < *ал* (т.) «алый; благородный» + *тан* (т.) «рассвет», *Алнур* < *ал* (т.) «алый, благородный» + *нур* (п.) «луч» и жен. *Алсу* < *ал* (т.) «алый; благородный» + *су* (т.) «вода», *Алгөл* < *ал* (т.) «алый; благородный» + *гол* (п.) «цветок», *Албикә* < *ал* (т.) «алый; благородный» + *бикә* (т.) «госпожа». В турецком языке мифопоэтическое значение слова *ал* восходит к семантике «1. Ярко красный, изумудно красный. 2. Красный. 3. Красный с коричневым оттенком» [597, с. 16]. Ср. *al bayrak* «красное знамя» Компонент *ал* присутствует во многих современных турецких личных именах: *Albayrak*, *Albağ*, *Alçicek*, *Aldeniz* и др. В турецком языке компонент *ал* встречается в основном в женских личных именах.

Цветонаименование *коңгырт* «карий, коричневый, красно-рыжий» [48, с. 438] участвует в образовании мужских личных имен *Конгырт* (т.) < *коңгырт* «карий», *Конгыртбай* < *коңгырт* (т.) «карий» + *бай* (т.) «богатый». Как утверждает татарский ономотолог Г.Ф. Саттаров, личные имена с данным компонентом давались детям с темно-русыми волосами [410, с. 55]. Среди казанских татар были распространены фамилии *Конгыров*, *Кунгуров*.

В татарской антропонимической системе компонент *кызыл* «красный» [171, с. 450] встречается лишь в нескольких личных именах, характеризующих особенности внешнего вида, облика человека. В татарском этнокультурном

пространстве языка красный цвет символизирует огонь и солнце, молодость и красоту. Как отмечает Р.Ш. Шагеев, в микротопонимах красный цвет (кызыл) наиболее часто встречающееся цветоименование: *Кызыл битле тау, Кызыл тау, Кызыл яр, Кызыл ялан* и др. [552]. Семантика в данных микротопонимах связана с красотой, которая, по нашим предположениям, актуализируется и в личных именах: ср. *Кызылкуз* (красивые глаза). В материалах «Ревизских сказок» XVIII в. томских татар было зафиксировано личное имя *Кызылак* < тат. *кызыл* «красный» + тат. *ак* «белый».

Благодаря ряду исторических реалий во фразеологии, как отмечают исследователи, красный цвет преобрел значение: «революционный», «советский», «коммунистический» [195, с. 7]. Однако данное значение в татарских личных именах начала XX века не зафиксировано. В тюркских антропонимах также зафиксированы личные имена с данным компонентом: в турецком языке – *Кызыларслан, Кызылбай, Кызылхан* и др. [599, с. 28]. В турецком кызыл имеет значение «рыжий», *kırmızı sakal* «рыжебородый», есть поговорка «не верь рыжему» (о восточных славян, в частности). В башкирском языке значение слова кызыл помимо цветового значения восходит к значению «красивый» [279, с. 203]. Данный компонент используется в башкирских личных именах: *Кызылбай, Кызырас, Кызырбоскон* и др. Чув. *хёрлё*, одного корня с *кызыл* (ротацизм), также обозначает и «красный» и «рыжий», так же монгол *улан* «красный», «рыжий». Рус. *рыж(ий)* одного корня с герм. *Rot, red* «красный».

Подводя итог обзору личных имен в татарском, в том числе в тюркских языках с компонентами цветообозначений, необходимо отметить, что они возникли в результате метафорической гибридизации. Было установлено, что в тюркских языках семантика некоторых цветоименований отличается от татарского языка.

В татарской антропонимике личные имена с компонентом *мин* отражают внешний и внутренний мир человека. У тюркских народов компонент *мин* в личных именах символизирует удачу, счастье; отражает внешние особенности ребенка, связанные с родимыми пятнами; является магическим средством от

сглаза, порчи, избавления от болезней, невзгод. В татарской народной медицине, когда человек долгое время болеет какой-либо болезнью, к его имени добавляют компонент *мин*, либо человека переименовывают. Согласно исследованиям Г.Ф. Саттарова, компоненты *мин* и *минле* несут идею красоты, изящества [410, с. 165], особенно в женских личных именах. В мужских личных именах компонент *мин* символ удачи: *Миңлегал* (т.-а.), *Миңлевали* (т.-а.), *Миңлеэхэт* (т.-а.), *Миңлебай* (т.), *Миңлебулат* (т.-п.); жен. *Миңлеэсма* (т.-а.), *Миңлебанат* (т.-а.), *Миңлебаян* (т.), *Миңлебикэ* (т.), *Миңлегөл* (т.-п.) и др.

Если у ребенка были родимые пятна на теле, то ему обязательно давали имя с компонентами *мин*, *кал*, обрядовое действие по этому поводу в народе называют *миң боздыру*. Выполняя данный ритуал, заказанские татары кормили ребенка кашей, затем ложку кидали в дымоход. У нукратских татар новое имя кричали в шесток печи, а новую ложку дарили повитухе [77, с. 103], обрядовое действие проводилось весной. Давали имена с компонентом *миң*: *Миңсылу*, *Миңнахмэт* и др.

В культуре пермских татар существовал обычай переименовывания, если ребенок постоянно плакал: «Сыктак булса, эйтэлэр, исеме килешми микэн, дилэр, исемен алыштырык дилэр» (Если ребенок плаксивый, говорили, что имя ему не подходит, необходимо менять имя) [84, с. 188]. Подобный ритуал также существовал у нукратских татар: «*Йылак, олан булса, исемен алыштыралар. Минем малаем Шәйхулла, исемен алыштырып кашык төшерделәр морйадан Минкәт итеп. Гөлзәмингә Миңзифа дип исем салдырдым*» (пер. Меняли имя, если плаксивый ребенок. Моего сына зовут Шайхулла, изменив имя, с шестка печи опустили ложку. Назвали *Минкет*. *Гулзамин* переименовал Минзифой) [84, с. 188].

Сибирские татары вместо компонента *миң* использовали лексему *кал*: *Калыстан*, *Калтикэ*, *Калы*, *Миңкалыш* и др. Существовал обычай натирать место родимого пятна кровью только что заколотого животного. В сибирских деревнях специально для этого закалывали петуха: «*Калы цыккан балага курасны суйып, аның канын сөрткәле кәрәг икән*» (Нужно было натереть родинку кровью петуха)

[84, с. 143]. Кровь животного выступала как могучее средство оберега, силы, являлась связующим живого и неживого миров и «субстанцией жизни и души» [475, с. 394]. Кровь выступает и как заменитель живой души, а слово, имя – как душа умершего.

Если ребенок родился с родинкой, то крещеные татары при его наречении в бане на камни лили воду до образования пара, при этом произносили имя *Минэй*, *Миней*, *Миңкәш*. Этот ритуал, по их убеждению, способствовал исчезновению родинки [76, с. 163]. Во многих тюркских языках компонент *мин* участвует в образовании личных имен. В связи с тем, что родинка считается символом удачи, везения, в казахской антропонимике в семантике лексемы *мин* (его вариант – *кал*) мотивационно присутствует оттенок пожелания. «Нарекая ребенка именем, в составе которого имеется компонент *миң*, родители желают ему счастья, успехов, удачи в жизни» [276, с. 100]. «Древнейший обычай наречения имени по наличию родимого пятна у башкир отчасти бытует и ныне, поэтому в составе мужских и женских личных имен часто можно встретить компонент *миң* «родинка» [492, с. 183]. Кыргызы ребенка, родившегося с родимым пятном, считали счастливым, удачливым. Если рождался ребенок с черным родимым пятном, то его называли *Калбай*, *Калдыбәк*. Если же рождался ребенок с красным родимым пятном, то его называли *Анарбәй* [183]. В турецком языке отмечают частотное употребление личных имен с компонентами *мин* / *бен* / *хал* «родинка» в следующих именах: (*Халлы* < хал (т.) + -лы (т.) «с родинкой», *Халдар* < хал (т.) + -дар (п.) «с родинкой», *Бенли* < бен (т.) + ли (т.) < «с родинкой», *Бенлиоглу* < бен (т.) + оглу (т.) «сын с родинкой» [610, с. 45]. Таким образом, компонент *мин* используется в локальных вариантах культуры татар и во многих тюркских языках в описательном и символическом значениях.

Таким образом, согласно проведенному анализу, в этнокультурном пространстве личные имена, отражающие представления человека о его внешнем и внутреннем мире, содержат в себе компоненты, раскрывающие особенности видения мира и отображают результаты познавательной деятельности в его освоении, общность семантики которых проявляется во многих тюркских языках.

Проведенный сравнительный анализ показал, что представления человека о себе формируют основу системы ценностей, расширяют мифопоэтическое значение в татарских, башкирских и турецких личных именах. В процессе практической деятельности тюркских народов, включая и татар, в разные исторические эпохи выработались особые критерии в осмыслении внутреннего и внешнего мира человека, оценка реалий окружающего мира, привычных для народа, которые оставили отпечаток и в его антропонимической системе. Личные имена, отражающие внешний и внутренний мир человека как одна из лексических микросистем этнокультурного пространства, наглядно демонстрируют сознательную и целенаправленную объективацию окружающего мира человеком. В свою очередь, сравнение с материалами антропонимических систем тюркских народов (башкир, турков, кыргызов, казахов) с татарскими личными именами выявило, что восприятие внутреннего и внешнего мира человеком, его осмысление в целом одинаково для всех, поэтому в этнокультурном пространстве антропонимических картин тюркских народов выявляются в закономерные общие черты.

§ 2.6. Репрезентация пожеланий родителей в тюркских личных именах

В настоящее время интерес к рассматриваемой проблеме не угасает, о чем свидетельствует большое количество исследований по тюркской антропонимике. Репрезентация имен-пожеланий отражена в трудах в турецком языкознании – М. Шакир Улкутраш [638], О. Кибар [610], в кыргызском – Ш. Жапарова [182]; в казахском – Т.Ж. Жанузакова [179], Г.И. Кульдеевой [276]; в башкирском – А. Шайхулова [558], в шорском языкознании Г.В. Косточкова [272] и других ученых. В современном татарском языкознании личные имена, в которых отражаются пожелания родителей, становились предметом научного освещения в трудах Г.Ф. Саттарова [410], Г.Р. Галиуллиной [131] Ф.С. Баязитовой [84], М.З. Валиевой [116], Г.С. Хазиевой-Демирбаш [521] и других.

Личные имена, в основе которых лежат различные пожелания предков, родителей, родственников младенцу, составляют одну из наиболее многочисленных и разнообразных групп личных имён в тюркских антропосистемах. Значительную группу имен составляют личные имена, в основе которых лежат пожелания ребенку счастья. Компонент тюркского происхождения *ураз* (*араз*, *рыс*) т. «счастье, радость» актуализируется в татарских личных именах: *Уразбай* (т.), *Уразбак* (т.), *Уразбәк* (т.), *Уразай* (т.), *Уразбакты* (т.); жен. *Уразбану* (т.-п.), *Уразбикә* (т.), *Уразгөл* (т.-п.) и др. В турецком языке вариативность данных личных имен немногочисленна: *Uras*, *Uraz*, *Oras*, *Oraz* и др. [Dilçin, 2014: 399]. В основном эти имена употребляются в составе мужских личных имен. В башкирском языке встречаются в составе мужских личных имен: *Уразлы*, *Уразкилде*, *Уразгилде*, *Уразмат*, *Уразбай* [558, с. 23]. Значение компонента *кот-котлы* (т.) в татарском языке синонимично компоненту *ураз*: *Котлыби*, *Котлыдәүләт*, *Котлыморат*, *Котлыжсан*, *Котлымөхәммәт*, *Котлыбарс*; жен. *Котлы* (т.), *Котлыбану* (т.-п.), *Котлыниса* (т.), *Котлысолтан* (т.-а.) и др. В турецком языке значение компонента *kut* шире: «судьба, счастье, государство, успех». В турецкой антропонимической системе выделяются личные имена: муж. *Kutcan*, *Kutbars*, *Kutalp*; жен. *Kutdeniz*, *Kutluğ*, *Kutluğbike* и др. [597, с. 232]. В башкирском языке зафиксированы личные имена: муж. *Котлобай*, *Котлокилде*, *Котлозаман*; жен. *Котлобикә* и др. [279, с. 69].

Понятия счастья, радости обозначают имяобразующие компоненты *бахет*, *сәгадәт* арабского происхождения. Имена с *бахет* встречаются в татарском языке: а.: *Бахетгани* (а.-а.), *Бахетгәрәй* (а.-т.), *Бахтияздан* (а.-п.), *Бахтегани* (а.), *Бахтияр* (а.-п.); жен. *Бахет* (а.), *Бахтегөл* (а.-п.), *Бахтижамал* (а.-п.) и др.; в башкирском языке: муж. *Бахет*, *Бахетгәрәй*, *Бахтейәр*, *Бахтинур*; в турецком языке лишь в составе женских личных имен: *Bahtaver*, *Bahtıay*, *Bahtıgüzel*, *Bahtıyar* и др. Синонимичный компонент *сәгадәт* арабского происхождения употребляется в татарских личных именах: *Сәгадәт* (а.), *Сәгадәтшаһ* (а.-п.), *Сәгадәтхан* (а.-т.), *Сәгадәткол* (а.-т.), *Сәгадәтжсан* (а.-п.), *Сәгадәтулла* (а.), *Сәгадәтнур* (а.-п.); жен. *Сәгадәтбану* (а.-п.), *Сәгадәтбикә* (а.-т.) и др. в

башкирских личных именах: муж. *Сәғәзәт*, *Сәғәзәтгәрәй*, *Сәғәзәткирәй*; жен. *Сәғәзәт*, *Сәғәзәтбикә* и др.; в турецких женских личных именах: *Saadet*, *Saadet* и др.

В ходе анализа были выявлены личные имена с компонентами, обозначающими понятия красоты, изящества, в которых содержится мотив пожелания родителей своим детям. Бинарные имена встречаются в татарском языке: *гүзәл* «прекрасная, красивая»: *Гүзәлбану* (т.-ф.), *Гүзәлем* (т.), *Гүзәлгөл* (т.-ф.), *Гүзәлия* (т.), *Гүзәлнур* (т.-г.), *Гүзәлҗан* (т.-ф.) и др.; в турецком языке: муж. *Güzelağa*, *Güzelbey*, *Güzeler*; жен. *Güzel*, *Güzelay*, *Güzelhan* и др. Синонимичный компонент *сылу* (т.) «красивая, изящная, статная» употребляется в татарском языке: *Сылубану* (т.-ф.) «красивая девушка», *Сылубибби* (т.-ф.) «красивая девушка», *Сылугөл* (т.-ф.) «красивый цветочек», *Сылуйөз* (т.) «красивое лицо» и др., *Айсылу* (т.) «лунолика» и др.; в башкирском языке: *Һылыу*, *Һылубикә*, *Һылыукай* и др. В турецком языке имена с компонентом *сылу* не зафиксированы. Компонент *хәсни* (г.): «красота, изящество, очарование» в татарском антропонимиконе употребляется в личных именах: *Хәснибану* (г.-ф.) «красавица»; *Хәснигөл* (г.-ф.) «самый красивый цветочек»; *Хәснизадә* (г.-ф.) «самый красивый ребенок»; *Хәсниә* (г.) «самая лучшая, красивая», *Хәсниҗамал* (г.) «самая красивая» и др.; в башкирских личных именах: *Хәсниә*, *Хәсниямал*, *Хәсникамал*, *Хәснә* и др., *зифа* (ф.): «красивая, нарядная, украшенная»: *Зифабану* (ф.), *Зифабикә* (ф.-т.), *Зифагөл* (ф.), *Зифанур* (ф.-г.), *Зифасылу* (ф.-т.) и др. В башкирском языке зафиксировано лишь женское личное имя *Зифа* [279, с. 149]. В турецком языке употребляются личные имена: *Ziba*, *Zibagül*, *Zibahanım* и др. [597, с. 428]. Татарскими женскими именами *Хәсәния* (г.) «хорошенькая, красивая, изящная», *Хәсәнә* (г.) «красивая, изящная», *Рәгыйнә* (ф.) «красивая» нарекают детей тоже с пожеланием красоты, изящества.

Третью группу имен составляют личные имена с пожеланиями ребенку богатства: 1) пожелание абстрагированного богатства ребенку: в татарском языке компонент *бай* (т.) «богатый» употребляется в личных именах: *Байҗан* (т.-п.), *Байбул* (т.), *Байбулат* (т.-п.) и др.; в турецком языке компонент *бай* имеет

несколько значений: «1. Богатый. 2. Важный, дорогой, впереди идущий. 3. Изящный. 4. Чистый. 5. Употребляется в увеличении или возвышении какого-либо свойства» [597, с. 50]. В турецком антропонимиконе зафиксированы мужские личные имена: *Bayaka, Baydaş, Baydoğan, Baydoğdu* и др. В башкирском компонент бай употребляется в личных именах: *Баймак, Байзигит, Баймурза, Байназар* и др. Компонент *дәүләт* (а.) «государство, богатство, состояние» употребляется в татарских личных именах: 2) *Дәүләтгәрәй* (а.-т.), *Дәүләтхан* (а.-т.), *Дәүләтшаһ* (а.-п.) и др. Во всех периодах развития татарской антропонимической системы прослеживается употребление в составе личных имен компонента *дәүләт*, указывающего на образование разных государств. К примеру, в период Казанского ханства зафиксировано татарское личное имя *Дәүләтсолтан, Дәүләткилде* и др. В турецком языке зафиксированы личные имена: *Devletgeldi, Devlethan, Devletşah, Devletkar* и др. В башкирской именной системе прослеживается употребление личных имен: *Дәүләт, Дәүләтбай, Дәүләтбирзе, Дәүләткол* и др.

2) в основе пожелание конкретного богатства: *тай* (т.) «жеребец»: *Тайморза, Тайхан, Тайхужа* и др.; *мал* (а.): «товар, состояние»: *Малбай, Малтабар, Малхужа* и др. Наречение ребенка с личным именем с антропокомпонентами *мал, тай*, было мотивировано пожеланием ему богатства, как известно, в тюркских народах богатство определялось скотиной, живностью. В древнетюркском языке зафиксировано несколько значений слова *мал*: 1) скотина, домашние животные; 2) имущество, состояние [171, с. 156]. В современных тюркских языках слово *мал*, утратив первоначальное значение, используется в значении «имущество, состояние». В турецком языке зафиксировано единственное личное имя *Mallı* «с имуществом» [597, с. 242]. В башкирском языке личное имя *Малбай/ Малыбай* имеет значение «богатый, имеющий много скота» [279, с. 73].

Пожелание ребенку отваги, смелости, храбрости составляют четвертую группу личных имен. Тюркские антропонимы, постепенно потеряв тотемистические значения, связанные с пережитками верований в силы

животных, птиц, рыб, преобрели значения пожелания смелости, храбрости, отважности. Данные имена у казахов, кыргызов, башкир, туркмен встречаются довольно часто, а у татар, чувашей и др. народов гораздо реже. Это зависит от социального уклада жизни, быта конкретных тюркских этносов. В татарском антропонимиконе следует выделить следующие компоненты, в основе которых мотив пожелания ребенку смелости, храбрости, отважности: *арслан* «лев, арслан» (т.): *Арсланбай, Арсланхан* (т.), *Арслангали* (т.-а.) и др. Как известно, у тюрков и большинства народов мира, лев – символ смелости, храбрости, благородства. В татарском языке распространены личные имена, со значением «арслан» арабского и персидского происхождения: *Газанфар* (а.), *Ләис* (а.), *Хәйдәр* (а.), *Әсәд* (а.), *Шир* (п.) и др. В компонентах *шир* (п.): *Алишер* «умный лев», *Ширали* «умный лев» и др.; хәйдәр (а): *Хәйдәргали* (а.), *Хәйдәрхан* (а.), *Хәйдәржан* (а.-п.) и др.; *лачын* (т.): *Лачын* (т.), *Лачынбарс* (т.) и др.; *аю* (т.): *Аюхан* (т.), *Аюбай* (т.) и др.; *буга* (др.т.) «герой, смелый»: *Бугаарслан* (т.), *Бугуруслан* (т.) и др. также следует выделить мотив пожелания ребенку храбрости, смелости.

Имена с компонентами-названиями животных, птиц, с одной стороны, отражают мотив пожелания смелости, храбрости, отважности, с другой – показывают уклад жизни древних тюрков – их любовь к охоте на животных, птиц и к рыболовству. Такие имена зафиксированы у турков: (*Бугра* «верблюд», *Эртугрул* «сокол») [599, с. 29], у казахов: *Аюхан* аю «медведь» + хан, *Киикбай* киик «дичь» + бай, *Буркитбай* < буркит «орёл» + бай) [276, с. 90], у башкир: *Боркет* «орёл», *Кускар* «баран» [558, с. 17]. Имя, связанное с тотемом, чаще всего встречалось среди знати [237, с. 62].

На базе компонентов, выражающих пожелания ребенку храбрости, смелости образованы личные имена: *батыр* (т.): «смелый»: в татарском – *Батыргали, Батыргәрәй, Тимербатыр, Илбатыр* и др.; в башкирском – *Батыргали, Батырбай, Батыркай* и др.; в турецком – *Batur, Baturalp, Baturay* и др.; мәрдан (п.): «из смелых»: в татарском – *Мәрданшаһ* (п.), *Мәрдихан* (п.-т.), *Мәрди* (п.) и др.; в башкирском – *Мәрзән / Мәрдән*; в турецком – *Merdan, Merdanşah* и др.; *мәрди* (п.) «отвага, смелость, мужество»: *Мәрдихан* (п.-т.),

Мәрдишаһ (п.), *Мәрди* (п.). В основе имен арабского происхождения лежит понятие «смелости, отваги»: *Гәбделжаббар* а. «всемогущий», *Зөфәр* а. «победитель; тот, кто добивается исполнения желаний», *Кави* (а.) «мощный; могущественный, всесильный (один из эпитетов Аллаха)», *Кадыр* (а.) «всемогущий, могущественный, всесильный (один из эпитетов Аллаха)», *Мансур* (а.) «победитель», *Мозаффар* а. «победитель», *Сабит* а. «стойкий, непоколебимый, верный» и др.

Мотив пожелания ребенку определенного социального положения, рода деятельности и др. заключен в пятой группе личных имен, в которых антропокомпоненты, определяющие социальное положение семьи, мотив пожелания детям какой-либо профессии, ремесла образованны от слов, обозначающих род и вид занятий человека. В татарском языке зафиксированы личные имена: *Урманчы* «лесник», *Газыйф* «музыкант, исполнитель», *Рәсим* «художник», *Талиб* «студент», *Харис* «хлебороб», *Вассиф* «врач», *Гаттар* «продавец», *Сәях* «путешественник», *Тәрҗеман* «переводчик» и др. Названия профессий отразились и на татарских фамилиях: *Боланчин* боланчы «оленовод», *Бакырчин* бакырчы «медник», *Урманчиев* урманчы «лесник», *Уракчиев* уракчы «жнец», *Сунарчин* сунарсы «охотник» и др.

Личные имена, образованные от антропокомпонентов, обозначающих род и вид деятельности человека, по количеству с женскими личными именами в одинаковом количестве. Названия профессий как ткачиха, врач преобладают в женских именах, в мужских – охранник, плотник, охотник, рыболов и др. В турецком языке тоже имеются личные имена с наименованием рода и вида занятий человека [599, с. 13]. Например, *Кятиб* «секретарь», *Мухтар* «староста деревни», *Мебус* «депутат» и др. В турецком языке выделяются личные имена *Nakim / Nakime* «врач», *Katip / Katibe* «секретарь» [610, с. 115].

Личные имена, отражающие чувства родителей, отличаются многообразием компонентов: асыл (а.) «знатный, благородный; дорогой, красивый; самый ценный, самый лучший»: в татарском языке выделяются личные имена: *Асылгата* (а.), *Асылбай* (а.-т.), *Асылъяр* (а.-п.), *Асылгали* (а.); в турецком языке: *Asil*, *Asilhan*,

Asılbeğ [597, с. 29]; в башкирском языке: *Асыл, Асылай, Асылзада* и др. [279, с. 26]; компонент *өмет* (а.) «надежда, чаяние; мечта»: в татарском языке выделяются личные имена: *Өметбай* (а.-т.), *Өметгәрәй* (а.), *Өметҗан* (а.-п.) и др.; в башкирском языке: *Өмөтбай, Өмөткол, Өмөткуҗа* и др.; в турецком языке выделяются личные имена: *Ümit, Ümitcan, Ümithan* [597, с. 402]; компонент *морат* (а.) «цель, желание, идеал» в татарском языке зафиксирован в личных именах: *Моратбай* (а.-т.), *Моратбирде* (а.-т.), *Шаһиморат* (п.-а.) и др.; в башкирском языке выделяются личные имена: *Морат, Моратша*; в турецком языке зафиксированы личные имена: *Murat, Muratay, Muratcan, Murathan* и др.; *ният* а. «намерение, мотивация, интенция»: *Ниятбай* (а.-т.), *Ният* (а.), *Ниятшаһ* (а.-п.) и др.; в турецком языке: *Niyet, Niyetullah* и др.; в башкирском языке: *Нийәт, Нийәтбай, Нийәтша* [279, с. 84]; компонент *хөрмәт* (а.) «уважение, почет; почтение; честь, слава»: в татарском языке: *Хөрмәтулла* (а.), *Хөрмәтгали* (а.), *Хөрмәтбай* (а.-т.), *Хөрмәт* (а.) и др.; в башкирском языке: *Хөрмәтулла, Хөрмәт* [279, с. 112]; в турецком языке выделяются личные имена: *Hürmet* [597, с. 191]; компонент *нияз* (а.) «потребность, необходимость; просьба, мольба, желание, пожелание; подарок; милосердие, сочувствие, сострадание»: в татарском языке выделяются личные имена: *Нияз* (а.), *Ниязгали* (а.), *Ниязсолтан* (а.) и др.; в турецком языке зафиксированы личные имена: *Niyaz, Niyazi, Niyaze* [597, с. 284]; в башкирском языке зафиксированы личные имена: *Нияз, Ниязбай, Ниязгол* и др. Компонент *шат* (п.) «радостный, веселый, в хорошем расположении духа» употребляется в татарских личных именах: *Шатлык* (п.-т.), *Илшат* (т.-п.), *Айшат* (т.-п.) и др.. В башкирском языке зафиксированы личные имена: *Шатморат, Шатморза* и др. В турецком языке выделены личные имена: *Şat, Şatiye, Şatır* и др. Компонент *ләззәт* (г.) «сладостность; наслаждение, удовольствие, блаженство» употребляется в татарских личных именах: *Ләззәтҗан* (а.-п.), *Ләззәтхан* (п.-т.), *Ләззәт* (а.) и др.; фарих-фәрхе-фәрхи (а.) «жизнерадостный, счастливый»: *Фәррах* (а.), *Фәхретдин* (а.), *Фәрух* (а.) и др.; жан п. «душа, дух»: *Газизҗан* (а.-п.), *Мөбәрәкҗан* (а.-п.), *Жангали* (п.-а.) и др.

В татарском языке к самому дорогому человеку обращаются со словом *жәным*. Так же употребляется выражение *жәным фида*, которое означает «клянусь жизнью; за это можно и жизнь отдать (выражает восторг, восхищение). Согласно Г.Ф. Саттарову, личные имена, образованные с помощью компонента жан, имеют значение «дорогой, близкий как душа» [410, с. 327]. В исследованиях Р.Р. Замалетдинова концепт *жәан* «душа» означает нематериальное начало, основу телесной жизненности. Он связывает с внутренним миром человека, с его чувствами и переживаниями, мыслями [202]. На наш взгляд, в антропонимах лексема «жан» передает семантику человека, индивида, душу, однако в некоторых личных именах в постпозиции с уменьшительно-ласкательной формой означает человека. Компонент бал «мёд» употребляется в татарских личных именах: *Балкай*, *Баллыбәй*, *Баллыбәк* и др.; В турецком языке широко распространено личное имя *Valim* [597, с. 45]. В башкирском языке зафиксировано лишь женское личное имя *Баллыбикә* [279, с. 138]. Компонент шикәр «сахар» выделяется в составе татарских личных имен: *Шикәржәан*, *Балшикәр*, *Шикәр* и др. В турецком языке зафиксированы личные имена: *Şekerbay*, *Şekercan*, *Şekerdil*, *Şekergül* и др. Как утверждает Джем Дилчин, личные имена с компонентом *şeker* нарекают детей, родившихся в праздник Рамазан, который иногда в турецком языке называют *Şeker bayram* «праздник сахара, сладостей» [597, с. 365]. Таким образом, личные имена, образованные от апеллятивов сладостей выражают чувства родителей к младенцу, которые подразумевают форму уменьшительно-ласкательности.

Личные имена, отражающие пожелания младенцу ума, разума, интеллекта: *гыйлем* (а.) «знание; наука»: *Гыйлемхан* (а.-п.), *Гыйлемдар* (а.-п.), *Гыйлемшаһ* (а.-п.) и др.; *фәһим* а. «сообразительный»: *Фәһим* (а.), *Фәһиметдин* (а.), *Фәһимжәан* (а.-п.) и др.; *галләм* (а.) «высокообразованный, всезнающий; великий знаток, ученый»: *Галләметдин* (а.), *Галләмхан* (а.-т.), *Галләмша* (а.-п.) и др.; *гариф* (а.) «знающий, сведущий; образованный; умный». Диалектальные варианты: *Ариф*, *Арюк*. *Гарифхан* (а.-т.), *Гарифжәан* (а.-п.), *Гарифулла* (а.) и др.; *фазыл* (а.) «степень, ранг, авторитет; честный, человечный; обладающий большими

знаниями, ученый; талантливый»: *Фазылхан* (а.-т.), *Фазылжан* (а.-п.), *Фазыльяр* (а.-п.) и др.; *фән* а.: *Фәннур* (а.-п.), *Фәннияз* (а.-п.), *Фәнзирәк* (а.-п.), и др.; *хәким* (а.) «умный, образованный, мыслящий; ученый, мыслитель, мудрец»: *Хәкимулла* (а.), *Хәкимшаһ* (а.-п.), *Хәкимъяр* (а.-п.) и др.; хикмәт (а.) «мудрость, сокровенный смысл, секрет, тайна; знание; философия»: *Хикмәт* (а.), *Хикмәтулла* (а.), *Хикмәтжан* (а.-п.) и др.; *зәки* (а.) «проницательный, тонкий»: *Зәкижан* (а.-п.), *Зәкиетдин* (а.), *Зәкихан* (а.-т.) и др. Личные имена, относящиеся к данной группе, являются наиболее распространенными и в других тюркских языках.

Таким образом, сравнительное исследование семантики компонентов имен-пожеланий показало общность соответствующих основ в тюркских языках. Личные имена с семантикой пожелания ребенку богатства, героизма, смелости, ума являются отличительной особенностью имён-пожеланий.

§ 2.6.1. Этнокультурные аспекты сравнительного анализа охранительных личных имен в тюркских языках

Охранительные имена уходят корнями в древнюю культуру тюркских народов, когда существовало поверье в магическую силу слова. С целью сохранения ребенка от всяческих напастей, изгнания нечистой силы детям давали охранительные имена. «Охранительная функция личных имён создает основу для понимания системы ценностей и верований, создающих символический горизонт всякого общества. изучение значений антропонимов, семантических сфер, в которые они вписаны, их коннотации открывает путь к описанию «культурного профиля» группы того или иного символического статуса, которым посредством наречения именем наделяется индивид» [104, с. 141]. В локальных вариантах культуры татар, а также в современных тюркских языках охранительные имена являются свидетельством того, что в антропонимических системах до сих пор сохранены свойственные домусульманской мифопоэтической традиции обряды и обычаи имянаречения и отношение к личному имени, которое проявляется как составе компонентов личных имен, так и в их узусе. Таким образом,

охранительное имя в этнокультурном пространстве языка имеет особую прагматику, особую соотнесенность с денотатом, оно более тесно связано с апеллятивной лексикой.

Изучению семантических особенностей охранительных личных имен посвящены труды турецких лингвистов: О. Кибар [610], А. Эрол [599], кыргызских: Ш. Жапарова [182]; казахских: Т. Ж. Жанузакова [179], башкирских: А.Г. Шайхулова [557], Ф.Г. Хисамитдиновой [537] и других. В современном татарском языкознании охранительные личные имена освещались в трудах Г.Ф. Саттарова [410] и других ученых. Однако до сих пор нет комплексных работ, посвященных сравнительному изучению охранительных личных имен в объеме всех тюркских языков.

В данном подразделе предпринята попытка сравнительного изучения личных имен-оберегов, в частности, раскрытия их семантических особенностей.

Как утверждает Г.Ф. Саттаров, к охранительным именам относятся личные имена, в составе которых имеются слова *сарымсак* «чеснок», *атсыз* «безымени», *орку* «пугаться, испугаться, страшиться, бояться; испуг, страх, боязнь», *курку* «боязнь», *яман* «плохой, нехороший, скверный, дурной, худой, дрянной, негодный» и др. [410, с. 123]. У татар существовал обычай называть ребенка именем с отрицательной семантикой. Это отпугивало ребенка от злых духов. Нарекали такими именами как *Яман* «плохой», *Сасык* «вонючий», *Сарымсак* «чесно» и др. Данные имена сохранились в составе татарских фамилий *Сарымсаков*, *Яманов*, *Оркуев* и др. Аналогичные личные имена зафиксированы в турецком языке: *Sarimsak* «чеснок», *Soğan* «лук», *Aptal* «дурак», *Cansız* «бездушный» и др. [597, с. 69]. В башкирском языке также существует поверье в то, что если назвать ребенка плохим именем, то темные силы не тронут его, поэтому детей называли именами: *Ямак*, *Яман*, *Яманбикэ*, *Яманкыз*, *Ямансура*, *Букай*, *Букаш*, *Букбаш* и др [279, с. 196]. У казах существовало выражение: «Если ребенка назовёшь худым, непривлекательным именем, то будет жить долгие годы и никакой беды со стороны не будет». Поэтому в прошлом появились имена такие как, *Ултарак* «стелька», *Шулгаубай* «богатый портянками, чулками», *Жаман*,

Жаманбай «плохой», «худой» и др. В настоящее время такие имена у казахов не встречаются, но они сохранились в качестве фамилий [179, с. 101].

В татарской и башкирской антропонимике, как отмечает А.Г. Шайхулов, личные имена *Эталмас*, *Этул*, *Эткол* относятся к охранительным именам и они связаны с религиозными представлениями о данном животном. В башкирской культуре новорожденного выносили из помещения и клали на место для собаки. Естественно, собака подходит и, понюхав его, отходит. Если собака тронула ребенка, то считается, что злые духи тем более его не тронут [558, с. 13].

В тюркских культурах охранительные имена, с одной стороны, давались с целью испугать нечистые силы, с другой – направить ребенку свойства живых и неживых предметов в природе. Например, чтобы ребенок приобрёл свойства различных металлов, камня, называли именами, включающими следующие компоненты: *тимер* (т.) «железо»: в татарском – *Тимербай*, *Минтимер*, *Тимербулат* и др.; в башкирском – *Тимер*, *Тимерэк*, *Тимербай*, *Тимерхан* и др.; в турецком – *Demir*, *Demirali*, *Demiralp*, *Demircan* и др.; *булат* (п.) «сталь»: в татарском языке – *Булат*, *Тимербулат*, *Айбулат* и др.; в башкирском – *Булат*, *Акбулат*, *Айбулат*, *Йәнбулат* и др.; в турецком – *Bulat*; *таш* (т.) «камень»: *Таимөхәммәт*, *Таишбай*, *Бикташ*, *Таишлыяр* и др.; в башкирском – *Бикташ*, *Таишбулат*, *Таишбай* и др.; в турецком – *Taşdoğan*, *Taşhan*, *Taşer* и др. Железо в исследуемых тюркских народах присутствует в качестве обрядового предмета в обычаях и традициях, в фольклоре. В частности, у турков, татар, башкир оставляли под подушкой новорожденного, а также на груди покойника нож или ножницы. «Башкиры поклонялись духу железа *Тимер эйэхе*, которому на высокой горе приносили в жертву коней сивой или рыжей масти, если начинали ломаться железные орудия труда». Ф.Г. Хисамитдинова появление личных имен с компонентом *тимер* связывает с культом железа, верой в духа железа [537, с. 297 – 298; 534, с. 121].

В локальных вариантах культуры татары, например, сибирские, чтобы ребенок был крепким, сильным, присоединяли антропокомпоненты *тимер* «железо», *таш* «камень»: *Тимергали*, *Тимербай*, *Тимерхан*, *Тимербәк*; *Таиттимер*,

Ташипулат и др. У кряшен и мензелинских татар тоже зафиксирован обычай наречения имён с антропокомпонентом *тимер*, в которых присутствует мотив пожелания ребенку долгих лет жизни: *Тимергали, Тимершаех, Минтимер, Тимерук* и др. Если в семье умирали дети, подрезали пуповину топором и называли ребенка *Балтабай* < *балта* «топор» + *бай* «богатый». Также у астраханских татар зафиксирован обычай брать колыбельку, вещи ребенка в семью, где умирают дети и назвать ребенка *Биктимер* < *бик* < *бэк* + *тимер* «железо». Имена, связанные с обрядом предотвращения детской смертности (*Сатылмыш, Биктимер, Сатый, Туктар, Бакый-гомер*), зафиксированы и в надгробных эпитафиях XIII – XIV в.

Сравнительный анализ показал, что в тюркских антропонимических системах зафиксированы личные имена, образованные от апеллятивных слов, обозначающих абстрактное значение «долголетие» (*озак, үлмәс*) или конкретные числа. Личные имена, в основе которых абстрактное значение «долголетие»: *озак* (т.): *Байозак, Жанузак, Гомерозак* и др.; в башкирском – *Ғәмәзәк* и др.; в турецком – *Ötürcan, Ötüür, Ötüürlü*; *үлмәс* (т.): *Үлмәс, Үлмәсбай, Үлмәсбәй* и др.; в башкирском – *Үлмәс Үлмәсбай, Үлмәсбикә* и др.; в турецком – *Ölmez, Ölmezbey* и др. От апеллятивов, называющих конкретные числа, образованы следующие личные имена: *туксан* (т.) «девяносто»: в татарском языке – *Туксан, Туксанбай, Туксанбәк* и др. в башкирском языке – *Тукһанбай*; в турецком языке; йөз (т.) «сто»: *Йөзьяшар, Йөзмөхәммәт, Йөзмәмәт* и др.; в башкирском – *Йөзйәшәр*; мең (т.) «тысяча»: в татарском языке – *Меңяшар, Меңжитәр* и др.; в башкирском – *Меңетәр, Меңсазаклы* и др. В турецком языке выделяются личные имена: *Adıbeş* < *adı* + *beş* «пять имен», *Beşer* < *beş* + *er* «пять мужчин», *Bircan* < *bir* + *can* «единственная душа», *Üçbenli* < *üç* + *benli* «три я», *Tekgül* < *tek* + *gül* «единственная роза», *Üçoğul* < *üç* + *oğul* «пятый сын» [610, с. 110]. В антропонимиконе татар личные имена, арабского происхождения, образованных от апеллятивов пожеланий ребенку долгих лет жизни образуют целую семантическую группу: *Һазәр* «тысяча», *Әлфик* «тысяча лет живущий», *Гомәр*

«долгоживущий», *Бакый* «бесконечный, долгоживущий», *Халит* «бессмертный» и др.

Таким образом, достаточно очевидно сходство рассмотренных антропокомпонентов в исследуемых тюркских языках. Обозрение этнокультурного пространства охранительных личных имён позволяет установить, что разные элементы материальной и духовной культуры тюркских народов получили свое дифференцированное отражение в антропонимических системах. Охранительные имена в исследуемых тюркских культурах являются одними из ключевых антропонимических кодов в актуализации тех или иных реалий.

§ 2.7. Репрезентация социальной модели мира в тюркских личных именах

Социальная модель мира – это результат восприятия и осознания человеком социальной действительности, которые находят свое выражение в этнокультурном пространстве языка. Как известно, человек начинает познавать себя в совокупности общественных отношений, согласно чему «одним из главных условий существования человеческих сообществ является усвоение личностью социальной модели мира» [372, с. 1]. Лексико-тематическая группа «Социальные отношения» раннетюркского тезауруса представлена в фундаментальном труде «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков», изданном под руководством Э.Р. Тенишева [427]. В данном разделе рассматривается отражение социальной модели мира в татарских личных именах на фоне других тюркских антропонимиконов. Как утверждают исследователи, социальную модель мира в сознании формирует блок информации о социальной структуре общества, основными элементами которой принято считать индивидов с их статусом и социальными ролями и объединения этих индивидов в социальные группы, социально-территориальные, этнические и другие общности [372]. В антропонимической системе данную информацию формируют личные имена,

образованные от сословных титулов, составляющие один из древнейших пластов древнетюркской антропонимии. В лексике современных тюркских языков сохранились сословные титулы, участвовавшие не только в идентификации, конкретизации индивида, но и в образовании сложных личных имен. Как свидетельствуют исторические источники древнетюркского периода, только привелигированная часть населения имела именную модель: имя+титул, которая позволяла привелигированной части населения выделять себя из массы менее зажиточной части. В свою очередь, сословные титулы в составе личных имен были необходимы для идентификации в случаях раздела имущества среди родственников и детей. Заимствованные титулы проникли в лексикон татарского языка в результате расширения связей булгаро-татар, таким образом, складывались новые формы антропонимических единиц. Семантика личных имен, образованных от названий различных титулов, отражает мотив желания достичь ребенку определённого общественного положения, материальной независимости: АК, обозначающие правительственную иерархию: солтан (а.) «султан»: в татарском языке: *Солтанбай, Солтангали, Солтангази* и др.; в башкирском языке: *Солтан, Солтанбәк, Солтангилде* и др.; в турецком языке: *Sultan, Sultanbey, Sultanım, Sultanbike* и др.; хан (т.): в татарском языке: *Ханзафар, Ханморат, Ханзаман* и др.; в башкирском языке: *Ханбирзе, Ханислам, Ханбәк* и др. в турецком языке: *Hanahmet, Hanalp, Hanbike* и др.; мирза (п.): *Мирзагали, Мирзавәли, Мирзанур* и др.; в башкирском языке: *Мирзабай, Мирзахан, Мирза* и др.; в турецком языке: *Mirza, Mirze*; в татарском языке: *шәех* (а.): *Шәехбулат, Шәехтимер, Шәехгали* и др.; в башкирском языке: *Шәехзада, Шәйхмөхәммәт, Мәймырза* и др. в турецком языке: *Şeyhali, Şeyhan, Şeyhullah* и др.; эмир (а.): в татарском языке: *Әмирхан, Әмирҗан, Әмиргали* и др.; в башкирском языке: *Әмир* и др.; в турецком языке: *Emir, Emirhan, Emircan* и др.; мир (п.): в татарском языке: *Мирсафа, Мирвәли, Мирхатип* и др.; в башкирском языке: *Мирвәли, Мирҗан, Мирзахит* и др. в турецком языке: *Mirbey, Mirgül, Mircan* и др.; сәед (а.): в татарском языке: *Сәетхан, Сәетгали, Сәетрәхим* и др.; в башкирском языке: *Сәйет, Сәйетгали, Сәйеткирәй* и др.; в турецком языке: *Seyidahmet,*

Seyidhan, Seyidbattal; *шah* (п.): в татарском языке: *Шahбаз, Шahгәрәй, Шahnур* и др.; в башкирском языке: *Шахназар, Шахман, Шаһивәли*; в турецком языке: *Şahali, Şahahmet, Şahabetdin*; *задә* (п.): в татарском языке: *Асылзадә, Шәехзадә, Әхмәтзадә* и др. в башкирском языке: *Асылзадә, Әхмәтзадә* и др. в турецком языке: *Emirzade, Gülzade*; АК, обозначающие названия профессий из государственных служащих: *тархан* (т.): в татарском языке: *Тархан, Тарханбәк, Тархангол* и др.; в башкирском языке: *Акынсыктархан, Китүктархан, Кушайдархан, Бикдархан* и др.; в турецком языке: *Tarhan / Tarhun / Terhan / Terkan* и др.; АК, обозначающие религиозную титулатуру: *ахун* (а.): в татарском языке: *Ахун, Ахунбай, Ахунҗан* и др.; в башкирском языке: *Ахун, Ахуньян* и др.; *ишан* (а.): в татарском языке: *Ишанбай, Ишангали, Ишангәрәй* и др.; *мулла* (а.): в татарском языке: *Мулланур, Муллахан, Муллаәхмәт* и др.; в башкирском языке: *Муллагол, Муллакай, Муллагали* и др.; в турецком языке: *Molla, Mollakadin* и др.; *хажси* (а.): *Хажсиәхмәт, Хажсигали, Хажсинур* и др.; в башкирском языке: *Хажибәк, Хажсигали, Хажимөхәммәт* и др.; в турецком языке: *Hacıbağram, Hacıhanım, Hacıgül* и др.; *шәриф* (а.): в татарском языке: *Шәрифгали, Шәрифулла, Шәрифзадә* и др.; в башкирском языке: *Шәрифйән, Шәриф, Шәрифулла* и др.; в турецком языке: *Şerif, Serifnur, Serife* и др.

В формировании блока информации о социальной модели мира важными представляются – этноантропонимы, которые широко распространены во всех тюркских языках. Как отмечает Ш.Жапаров, «обычаи и обряды киргизов, связанные с этноантропонимами, имеют многовековую историю народа» [182, с. 26]. В антропонимической системе татар XVI – XX веков в единичных случаях фиксировались личные имена: *Үзбәк, Башкорт, Тинтәр, Чуваш, Чирмеш* и др.

Этноантропонимы также занимают определенное место в башкирской антропонимической системе. Р.Г. Кузеев в труде «Очерки исторической этнографии башкир» отмечает: «часто башкирские роды называются по именам вождей, когда-либо их сформировавших или стоявших во главе этих родов в период важнейших исторических событий. Патронимические названия (по именам былых предводителей) носят не только сравнительно молодые, но и

древние роды [274, с. 45]. В башкирской антропонимической системе выделяются личные имена: *Сыуаш, Сыуашбай, Сыуашбирзе, Аксыуаш, Казакбай, Ногааш, Ногайбикә* и др. В турецкой антропонимической системе также зафиксированы личные имена, связанные с этнонимами: *Türkmen, Uygur, Özbek, Arap, Çerkez, İsrail, Gürcü, Nogay, Oğuz* и др. [610, с. 109].

Социальная модель мира, согласно мнению исследователей, формирует блок информации о существенных и устойчивых функциональных связях между элементами социальной структуры [372]. Как нам кажется, такая информация содержится в личных именах, посвященных какой-либо личности. Всплеск распространения имен-посвящений зафиксирован в 20-х гг. XX столетия: *Вил* (р.) «Владимир Ильич Ленин», *Вилнур* (р.) «свет В.И.Ленина», *Ленар* (р.) «ленинская армия», *Владлен* «Владимир Ленин». Личные имена, посвящённые политическим деятелям: *Маркс* – личные имена, посвящённые К.Марксу; *Энгельс* – личные имена, посвящённое Ф.Энгельсу, *Марлен* – личное имя, образованное при помощи слоговой аббревиации антропонимов Ленин, Маркс; *Кубрат* – личные имена, посвященное Кубрат хану; *Мулланур* – революционеру М.Вахитову, *Минтимер* – Личные имена, посвященное первому президенту М.Ш. Шаймиеву; *Илхам* – личное имя, посвященное И.Шакирову и др. Всплеск наречения именами революционных идеологов отмечается и в башкирской антропонимической системе. Как отмечает, Т. Кусимова, данные имена воплощают идеологию, новшества, отразившие социальную жизнь, мировосприятие, возникшие после Октябрьской революции [279, с. 16]. В башкирской антропонимической системе выделяются имена: *Вил, Рева, Люция, Октябрь, Маркс, Клара, Марат, Фрунзе* и др. О.Кибар отмечает, что наречение детей именами политических деятелей, лидеров революционных событий также частое явление в современной турецкой антропонимической системе. В турецком антропонимиконе выделяются личные имена: *Erdoğan, Menderes, Baykal* и др.

Как показывает исследование реестра личных имен татар, всплеск известности какой-либо общественной личности приводит к массовому наречению его именем. В этнокультурном пространстве языка в 90-х гг.

XX столетия так же наблюдается активное распространение татарских антропонимов, посвящённых деятелям искусств: *Хайдар* – личное имя, посвященное певцу Х.Бигичеву; *Гаяз* – личное имя, посвященное писателю Г. Исхаки, *Ильдар* – личное имя, посвященное татарскому народному писателю, поэту И. Юзееву и т.д.

В сознании человека социальная модель мира формируется в ценностях, нормах и правилах сосуществования людей [372]. Репрезентация социальной модели мира данного блока информации актуализируется в личных именах, посвященных родственникам. В традиционном укладе жизни татар существуют определенные правила, установки в обычаях имянаречения. Как известно, в XIX – XX в. в татарских семьях до четвертого поколения детей не нарекали личными именами родственников. Существовал обычай не давать мальчикам имя отца. Однако в татарской антропонимической системе частым явлением является употребление одинаковых детерминантов в составе личных имён. Так, у татар разрешалось давать имена, умерших братьев и сестёр. Как указывает А. Гафуров, традиция наречения именами родителей является не только почитанием старшего поколения, но и знаком того, что душа является бессмертной: «вера в то, что с именем предка в ребенка входит его дух, основывается на представлении об имени как о душе человека, которая, раз покинув тело умершего, будет потом вселяться во второго или иного потомка через имя. Отсюда и все тревоги о продолжении рода и отношении к бездетности как к самому большому несчастью, ибо некому будет передать имя» [148, с. 284]. В отличие от татар, в современной турецкой культуре и ныне бытует обычай нарекать новорожденного именами усопших родителей [599, с. 15]. По опросам респондентов выяснили, что у татар наречение именем умерших предков явление редкое.

Подытоживая, следует сказать, что социальная модель мира формируется в результате восприятия социальной действительности. Социальная семантика антропонимов проявляется в личных именах с титулярными терминами, в этноантропонимах, в именах-посвящениях, в которых отражается информация о нормах и ценностях, о социальной структуре общества, о социальных слоях, о

функциональных связях между элементами социальной структуры. Исследование татарских личных имен сравнительно с другими тюркскими антропонимами показало, что восприятие социальной действительности в основном является общим, однако существуют различия, связанные с историческими событиями, культурно-этическими особенностями этнокультурного пространства того или иного народа.

§ 2.8. Репрезентация мифопоэтической модели мира в тюркских личных именах (на материале эпических произведений фольклора)

§ 2.8.1. Личные имена в тюркских дастанах

Эпические произведения фольклора богаты своей многовековой историей, они играют большую роль в формировании этнокультурного пространства и являются наиболее значимыми источниками по языку, истории, мировоззрению этноса. Именник эпоса – своего рода феномен эпической культуры, представляющей собой по большей части свод имен, номинирующих антропообразы в этнокультурном пространстве. Весьма актуальной областью исследования тюркского языкознания является изучение языка фольклора, в том числе и антропонимикона. Многие теоретические вопросы изучения фольклорной лексики были освещены в трудах Л.Л. Габишевой [125], О. Г. Горбачевой [155], В.М. Жирмунского [184], И.Г. Закировой [198], Б.Х. Исмагуловой [228], Т.Н. Кондратьевой [262], Д.М. Керимбаева [250], С.Е. Керимбаевой [252], Л.Х. Мухаметзяновой [320], В.Я. Проппа [380], К. Рейчл [627], В.И. Супруна [435], Д.М. Токмашева [472], Т. В. Топоровой [482], С. М. Толстой [475], Ф. Урманчеева [494] и др.

В свое время Э. Р. Тенишев подчеркивал, что «язык фольклорных произведений (в особенности обрядовых формул) устойчиво сохраняет черты как наддиалектного, так и диалектного типа. Язык тюркского фольклора почти не

исследован. Необходимо систематическое изучение языка тюркского эпоса и произведений фольклора, разработка методики такого исследования» [469, с. 123]. В целом в тюркологии нет комплексных исследований, раскрывающих суть, предмет фольклорной ономастики, в частности, особенностей функционирования тюркских личных имен и их этнокультурного пространства в эпических произведениях.

В рамках данного раздела предпринята попытка изучения отражения обрядов имянаречения и переименования, а также раскрытия семантических особенностей некоторых эпических имен в тюркских фольклорных текстах.

В эпических произведениях герой наделяется говорящим именем, по которому угадываются характер, возраст, роль богатыря в событиях эпического мира (является ли он положительным или отрицательным персонажем). Семантика слова в фольклорном тексте, сохраняющая свою синкретичную структуру и сильные внетекстовые связи, опирается не только на текст, но и на «затекстовую» информацию – ходячие представления, мифы, обряды, приметы, обычаи и т. д. – все, что образует так называемую фоновую информацию [125, с. 7]. В тюркских дастанах «затекстовую» информацию содержат описания волшебного рождения героя, обычаи имянаречения и переименования, в которых «архаическая модель мира предполагает тождество имени и природы его носителя» [250, с. 7], подчеркивается органическая связь личного имени с древними представлениями, верованиями человека. Так, в дастанах обряды имянаречения и выбора имени имеют знаковое значение и отражают магическую неуязвимость, мощь главного героя, выступающего против сверхъестественных сил.

Обычаи и обряды имянаречения сохранились в самых поздних эпических произведениях древнетюркских эпитафий VI – VIII веков, в которых документально зафиксировано наличие двух, трех и до нескольких имен эпического героя. Здесь личное имя раскрывает природу носителя имени, согласно которой формируется личность человека, определяется его судьба. Так, например, в «Памятнике из Кежилиг-хобу» упоминается, что у героя было

несколько имен: «*Мое детское имя – Шубун... мое имя Кюмюль-огя*». В контексте мальчик получает свое настоящее имя после того, как служит своему государству. Архаические обряды и обычаи имянаречения, переименования у древнетюркских народов нашли свое отражение и широкое распространение и в татарских дастанах. Следует отметить, что в тюрко-татарских эпосах наречение именем связано с исключительными качествами героя. В этом отношении весьма своеобразным является повествование о наречении именем главного героя татарской версии средневекового дастана «*Чура батыр*». В башкирской версии герой дастана – *Сура батыр* [72]. Так, в дастане отец называет своего сына в честь своего раба – *Чура*. В древнетюркском языке слово *чура* имеет значение «мальчик, работник, хлебопашец, воин» [171, с. 79]. Не случайно главный герой был назван данным именем, так как в конце повествования он становится богатырем, воином. «*Нәрәң Чура дигән колын азат итеп, күк айгырны корбанлык итеп чалып, Ходай юлына куш чырак нияз итеп килеп, Миңле баласын алды. Угыл бала туды. Атын – азат кылган колы Чураның урынына – Чура атады*» (Нарен освободил своего раба, принес в жертву своего коня. Взял в руки своего ребенка. Назвал в честь освободившего раба – Чурой) [459, с. 245]. Таким образом, выбор будущего богатыря, кто инициатор этого «счастливого имени», кто его нарек этим именем – все эти моменты считались чрезвычайно важными и в эпическом произведении занимали важное место» [198, с. 296].

В основном в эпических произведениях личные имена отождествлялись с понятиями храбрости, отваги, к которым добавлялись компоненты, отражающие понятия богатырства героя. Как отмечает Ф.И. Урманчеев, эпические герои наделялись ханскими титулами, но воспевались они не как ханы, а как бесстрашные богатыри. Поэтому в состав имен этих героев гораздо чаще включались слова, подчеркивающие их мужество, богатырские качества: *алп, ер, батыр, мәрған* [494, с. 25]. Добавление к именам компонентов, подчеркивающих исключительные качества героя, встречается в эпитафических памятниках тюркской рунической письменности. Например, в орхоно-енисейских текстах большое количество имен с компонентом *алып*: *inanču alp saqun, alp aja, alp er*

toqa~ toqa alp er (имя легендарного правителя Турана, к которому возводится генеалогия тюркских Караханидов; Афрасиаб); *alp buryučan*, *alp šalçï*, *alp tegin*, *alp toyrıl*, *alp turmıř*, *alp tutuq* [171, с. 52]. В тюркских эпитафиях компонент *алып* связывается с представлением о героизме, хотя и сохраняет тенденцию к стилистической нейтральности, означая не столько богатыря, героя, сколько мужчину, чаще воина. Данные личные имена давались в основном богатырям в качестве прозвища, титула или воинского звания. Антропоним *Алып* – общетюркский титул, встречается в болгарских эпитафиях XIII – XIV вв. [162, с. 4]. В «Записках ...» Ибна Фадлана упоминаются алыпы, которые описываются людьми гигантского телосложения, огромной силы и обладающими сверхъестественными способностями. О существовании богатыря-алыпа упоминается и в словаре Махмута ал-Кашгари «Диван лугат ат-тюрк», в котором слово *алп* имеет значение «силач, великан, богатырь» [290, с. 85]. Вера в существование в прошлом людей – великанов бытует до сих пор среди татар [162, с. 95]. В преданиях волжские болгары связывали свое происхождение с именем Алып [456]. Известный просветитель К. Насыри подчеркивал: «У нас на родине, куда только ни придешь, везде можно услышать рассказ об Алыпте. Во многих селах есть на полях какой-нибудь заметный холмик, говорят, что там Алып встряхивал свои лапти. Это свидетельствует о том, что у нас когда-то жил огромный человек» [331, с. 83]. В башкирской мифологии *алп* – это великан, богатырь, исполин; мифические древние люди, жившие на Урале до современных людей [537, с. 25]. Таким образом, в исторических и этнографических источниках доказывается реальное существование богатырей-алыпов, которые, в свою очередь, проникли в сюжеты фольклорных произведений с сильной гиперболизацией образа. Если обратиться к словарю древнетюркского языка, то можно увидеть расширение семантики данного слова: «1. Меткий стрелок; 2. Герой, богатырь, витязь; 3. Отважный, храбрый, смелый; 4. Отвага, храбрость, мужество» [171, с. 54]. В татарском языке в слове *алып* сохранилось лишь значение «великан, богатырь», которое встречается во фразеологизме мифологического происхождения «*алыптай гәүдәле*», означающем человека

исполинского роста, богатырского телосложения [466, с. 65]. Таким образом, реальный антропоним *Алып* является мифологическим образованием ассоциативного характера.

Компонент *алып* встречается и в личном имени главного героя татарского варианта дастана «Сказание об Алпамыше». В различных версиях дастана личное имя главного героя имеет разные варианты: в алтайской – *Алып-Манаш*, в узбекской – *Алпамыш*, в казахской – *Алпамыс*, а в татарской – *Алпамша*. Все варианты имен восходят к алтайскому варианту личного имени – Алып-Манаш, то есть богатырь *Манаш*, который имеет значение «эпический богатырь». Вариативность личных имен в дастанах связана с метафоричностью обозначений и свидетельствует о поэтической природе имени [250, с. 9]. В башкирском фольклоре Алпамыша – имя героя эпосов и сказок; богатырь, рожденный у бездетных родителей [537, с. 25]. Личное имя героя эпосов и сказок Алпамыш образовано в результате сокращения личного имени кыпчакских эпосов Алып-Манаш. На наш взгляд, *манаш/манас* имеет значение «белый, с темным оттенком». Скорее всего, личное имя *Алып Манаш* означает богатыря на белом коне [49, с. 96]. В татарском языке произошла онимизация личного имени *Алпамша*. Так, слово *алпамша* в татарском языке имеет значение крупного человека [453, с. 34], а в татарских локальных вариантах культуры семантика имени намного шире: «1. Мифический образ великана, крупного человека; 2. Самый большой, самый крупный» [443, с. 413]. В татарских диалектальных паремиях встречается фразеологическая единица *алпамыш йокосо* в значении «крепкий сон» [443, с. 412], ср. рус. *спать богатырским сном*. В башкирском языке зафиксирована пословица: *Аты-туны бар кешелә Алпамшаның көсе бар*. В татарском языке употребляется вариант личного имени героя *Алпамыш* – *Алпамша*, состоящий из двух компонентов: *алып* (т.) + *ам* + *шах* (п.). «царь, повелитель» [454, с. 35]. Согласно Ф. И. Урманчееву, компонент «шах» персидского происхождения имеет давние корни и является признаком присутствия в образе героя божественных или царских кровей [494, с. 121]. Так, в эпических именах компоненты *алып*, *батыр* приобретают нарицательное значение

и начинают обозначать какое-либо качество, особенность (физическую, нравственную), родовую принадлежность, звание, род занятий.

Личные имена, обозначающие исключительные качества героя дастана, в составе которых присутствует компонент *мэргэн*, являются распространенными во многих тюрко-монгольских языках, в том числе и в татарском фольклоре. Так, к примеру, в татарском дастане «Жик Мэргэн» главный герой получает имя уже по достижении совершеннолетия, когда он готов к богатырским подвигам: «Синең исең Жик булсын! Жэяң нык булсын!» (букв.: Пусть твое имя будет *Жик*. Пусть твоя стрела будет метким!) [459, с. 345]. Главному герою имя дается с пожеланием доблести и храбрости на войне. Личное имя *Жик Мэргэн* состоит из двух компонентов: *жик* – в древнетюркском языке имеет значение: 1. Хороший; 2. Демон [171, с. 253]. В свою очередь, данное слово употребляется в отношении ловкого человека, похожего на шайтана (черта) [49, с. 268]. В личном имени *Жик Мэргэн* второй компонент *мэргэн* имеет значение «меткий стрелок, охотник» [464, с. 67]. В тюрко-татарских дастанах компонент *Мэрген* (*Мэрген*, *Бэрген*, *Мирген*) в основном употребляется по отношению к положительным героям. Личные имена героев с компонентом «*мэрген*» встречаются в эпических произведениях тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья: *Жик Мэргэн* [459, с. 28], *Кадыш Мэргэн* [459, с. 86], *Тәвеш Мэргэн* [459, с. 128], *Сәңгелгөлек Мэргэн* [459, с. 234], *Туктасын Мэргэн* [459, с. 231], *Хәлмәт Мэргэн* [459, с. 561].

В татарском дастане «Сәңгелгөлек мэргэн» личное имя главного героя при рождении – *Сәңгелгөлек*. Второе имя ему присваивается после удачной охоты, к личному имени *Сәңгелгөлек* добавляется компонент «*мэргэн*». Личное имя *Сәңгелгөлек* восходит к слову *сөңге* «копье, пика» [49, с. 173], в древнетюркском языке также зафиксировано значение (*süŋgü*) «копье» [171, с. 517]. Второй компонент *мэргэн* имеет синонимичные значения «*алын*», «*батыр*».

Мифопоэтическое значение слова *батыр* в эпосах намного шире: *Чура батыр* [459, с. 223], *Кобланды батыр* [459, с. 34], *Алпамыс батыр* [459, с. 56], *Карабек батыр* [459, с. 76], *Карадөң батыр* [459, с. 123], *Аркалык батыр* [459, с. 234] и др. В башкирском фольклоре *батыр* является мифологизированным

лицом, в основном героем сказок и эпосов, выступает как устроитель Вселенной, хозяин объектов природы: *Урал-батыр*, *Тау-Батыр*, *Урман-батыр*, *Акъял батыр* [537, с. 56]. Во всех исследуемых тюркских эпосах в компоненте *батыр* олицетворяет удачу, бесстрашие, справедливость, мудрость. Батыры являются как спасителями, так и восстановителями нарушенного равновесия, олицетворяя силу, здоровье. В именах тюрко-татарских эпосов и сказок компонент *батыр* имеет два значения: «1. Герой, доблестный мужчина; молодец; смельчак; 2. Богатырь, храбрец, храбрый воин» [466, с. 63]. В тунгусо-маньчжурских языках слово *батыр* < *батар* < *батур* < *багатир* употребляется в эвенкийском, солоском, эвенкском, нанайском, маньчжурском языках и имеет семантику: 1. Богатырь; 2. 1) сильный, 2) большой; в тунгусском языке: 1) горячий, вспыльчивый (о человеке), 2) свирепый; в сол.: богатырь; в маньчжурском: 1. Богатырь, герой; 2. Храбрый [429, с. 62]. Прибавление к эпическим именам компонента *батыр* связано с давними традициями татарского, тюркского и тюрко-монгольского эпоса.

Имена героев, в которые включены определения *алып*, *мэргэн*, *батыр* бытуют на всей территории расселения тюрко-монгольских народов – в Якутии, Южном Приуралье, Южной Сибири, на Алтае, в Среднем Поволжье.

Наречение ребенка тотемным именем сводится к передаче тотемной силы ребенку, чтобы тотем всегда оберегал младенца. В связи с этим присвоение членам рода наименования тотемного животного или птицы было достаточно широко распространено в древнетюркских орхоно-енисейских эпитафиях, что не могло не отразиться и в фольклоре. Так, в дастане «Кара Күкел» главный герой *Кара Күкел* совершает подвиг и ему присваивается титул *алып*, таким образом он становится *Күкел Алып* (*күкел* «кукушка» + *алып* «великан, богатырь»). В дастане такой же эпизод встречается и в переименовании другого персонажа *Кучкар Алып* (слово *кучкар* в диалектах татарского языка имеет значение «баран-производитель; бойцовый баран-чемпион»; метафорическое значение «боец, темпераментный парень» [49, с. 476] + *алып* «великан»): «*Баланың исеме – Кучкар алып. Кучкар алып, шул жирдә атасыннан рөхсәт алып, алыплык эзләп*

китте» (букв.: Ребенка зовут Кучкар алып. Получив у отца благословения, он отправился совершать подвиги) [459, с. 211]. В енисейских памятниках выделяются имена с компонентом *qoŕɣar* «баран-производитель»: *qoŕɣar töläs tirig*. Как уже говорилось ранее, образ барана тесно связан с *Тенгри* и *Небом* и занимал особое место в космогонических верованиях древних тюрков. Таким образом, в дастанах отголоски тотемизма, вера в сверхъестественные свойства животных и птиц сохранились в семантике некоторых компонентов личных имен эпических героев.

Эпизод имянаречения встречается в одном из архаичных образцов татарского народного дастана «*Алтаин Саин Суме*». В нем описываются события приношения стариками в жертву коровы с пожеланием иметь ребенка. По этому поводу старики собирают и угощают народ мясом. Однажды к ним заходит странствующий человек, которого старик со старухой просят помолиться и попросить у Всевышнего для них сына. Странник выполняет просьбу старика. Через год у них рождается долгожданный сын. В татарской версии дастана «*Алтаин Саин Суме*» сначала ребенок ходит без имени. В одном из эпизодов описываются переживания родителей по поводу того, что у сына нет имени: «*Балабыз китте. Аты югын китте. Кеше балабызга юлыкса, атың кем дип сораса, балабыз ни дип әйтер? Хатыны әйтте: – Ә абышка, баланы кыйгыр! Кайтсын! Кыйгырды атасы. Кайтып килде бала. Атасы әйтте: – И балам, синең атың юк. Инәсе әйтте иренә: Ат куй моңа! Абышка әйтте: Алдына менгән аты Арык жирән атлы, Алтаин Саин Сүмә! Атың ул, балам!*» (букв.: Дитя наше уходит. Без имени уходит. Если кто-нибудь встретится ему, спросит, как его зовут, что он скажет? Старик, верни сына, пусть вернется. Скажи, что мать велела. Назови его именем. Назови его *Алтаин Саин Суме*. Это твое имя, сынок) [459, с. 124]. Личное имя *Алтаин Саин Сүмә* состоит из трех компонентов *алтаин* + *саин* + *суме*. Компонент *алтаин* < *алтан* в эвенкском, тунгусском, тюрксом, маньчжурском языках обозначает «золото» [429, с. 33]. Некоторые исследователи считают, что имя богатыря *Алтаин Саин Сүмә* восходит к названию конкретной местности *Алтаин* и связывают формирование и происхождение татарского эпоса

от алтайского героического эпоса. Компонент *саин* является титулярным эпитетом, имеет значение «великолепный, славный, особо почитаемый; уважаемый» [49, с. 130]; в монгольском языке слово *саин* – «знаменитый, хороший, здоровый» [319, с. 211]. Именно это имя присвоил себе Бату Саин – родоначальник ханов Золотой Орды, стараясь тем самым подчеркнуть божественность происхождения не только своей власти, но и своего имени. Таким образом, в дастане «*Алтаин Саин Суме*» родители благословляют своего сына, нарекая личным именем, с пожеланиями всяческих благ и отправляют его совершать подвиги.

В турецком дастане «*Куроглу*» главный герой назван именем *Куроглу* в честь слепого отца. Отец главного героя – конюх был подвержен насилию со стороны хозяина и ослеплен. В туркменском и уйгурском вариантах имя главного героя *Гуроглу* имеет значение «сын могилы». В персидском языке слово *gūr* означает могилу. В восточных традициях в основном использовалось имя, которое было дано главному герою из-за волшебного его рождения в могиле. Широко распространённого в тюркских языках звуку [ö] в татарском языке используется вариант [ü]. Поэтому слову *kög* соответствует слово *kür*. Но в татарском языке слово слепой переводится как «*сукыр*». Как отмечает Ф.И. Урманчеев, по содержанию татарской версии сказания «*Курнын улы*» более подходит перевод «сын слепца» [493, с. 30]. Но, исходя из обстоятельства, что слова *кур<кёр<гюр* в татарском языке обозначают могилу, следует предположить, что перевод имени героя – «сын могилы». Следует отметить, что в татарском языке имеется фразеологизм «*гүр иясе булды*» т.е. «умер», досл. «стал духом могилы».

В турецком варианте дастана «*Куроглу*» персонаж *Болу бек* – стамбульский падишах – в тоболо-татарском варианте называется *Бул бек*. В турецком варианте конкретно указано происхождение падишаха – выходца из города Болу, который в тоболо-татарском варианте несколько видоизменён и поэтому используется личное имя, распространённое у татар Булбек. В татарском языке личное имя *Булбек* распространено в варианте *Бекбул*, которое является именем пожеланием

родителей бек+бул «стань беком». Таким образом, если в турецком варианте данное имя обозначает место рождения ребенка Болу бек, то в тоболо-татарском варианте данное имя образовано от личного имени турецкого варианта эпоса, т.е. в татарском варианте потеряно значение места и образовано другое имя похожее на распространённое у татар личное имя *Булбек*. В различных вариантах эпоса второй компонент имени *Болу бек* заменяется другими компонентами: *Болу беги*, *Болу паша*. Эпос «Куроглу» содержит богатый ономастический материал, который закрепил личные имена тюркских народов в различных его вариантах. В каждом варианте эпос отражает мифопоэтическое мышление того народа, в котором он бытует.

В тюрко-татарских дастанах нет описания обычая имянаречения, переименования лиц женского пола. Антропонимикон тюрко-татарских эпических дастанов характеризуется следующими, в основном женскими, именами, образованными при помощи компонента *сылу* «1. Стройная, изящная; красивая; 2. красный прекрасный; 3. Красавица» [464, с. 284]. Наиболее часто встречающийся в фольклорных текстах компонент *сылу* употребляется для придания особой яркости, красоты персонажу эпических произведений. Исследования показали, что компонент *сылу* является наиболее часто употребляемым, поэтому в народном сознании, на наш взгляд, стереотипами женской красоты татар являются стройная осанка, изящность женщины: *Майсылу* («Кузыйкурпач белән Майсылу»), *Баянсылу* («Кузы Көрпә» дастаны) [459, с. 112] < *баян* (а.) «ясность; поветствование» + *сылу* (т.), *Гөлемсылу* («Камбәр») [459, с. 34] < *гөлем* (т.) «мой цветок» + *сылу* (т.), *Сусылу* < *су* (т.) «вода» + *сылу* (т.) («Түләк һәм Сусылу дастаны») [459, с. 23], *Көнәрсылу* < *көн* (т.) «день» + *сылу*, *Карлыгачсылу* < *карлыгач* (т.) «жаворонок» + *сылу* (т.), *Мәржәнсылу* < *мәржән* (т.) «жемчуг» + *сылу* (т.) («Алыпмәмшән») [459, с. 24], *Карачәчсылу* < *кара* (т.) «черный» + *чәч* (т.) «волосы» + *сылу* (т.) («Бүз егет») [459, с. 24], *Мактымсылу*, *Көнсылу* < *көн* (т.) «день» + *сылу* (т.), *Айсылу* < *ай* (т.) «день, месяц» + *сылу* (т.) («Мактымсылу») [459, с. 345]. В башкирских эпосах зафиксированы личные имена с компонентом *сылу*: *Барһын һылыу* [73], *Һыуһылыу* [73] и др.

В женских мифопоэтических образах значение слова *бикэ* связано со значениями: «госпожа, барыня, хозяйка» [466, с. 239]. Как утверждают исследователи, во втором компоненте означает лицо женского пола [48, с. 185]: *Тукбикэ* < тук (т.) «сытый» + *сылу* (т.) («Атаклы кыз Тукбикэ») [459, 245]; *жамал* (а.) «красота, миловидность» [319, с. 341]: *Сэхипжамал* < *сэхип* (а.) «обладательница» + *жамал* (а.), *Фэтхелжамал* [459, с. 112] < *фэтхел* (а.) «открытие, успех, победа» + *жамал* (а.) и др.

Таким образом, в тюркских эпосах наречение именем связано с исключительными качествами героя, прежде всего, подчеркивается его смелость, храбрость, оно раскрывается в семантике некоторых компонентов (*алт, эр/ир, батыр*). Отголоски присвоения имени, восходящие к именам тотемных животных или птиц, широко распространенным в более поздних орхоно-енисейских эпитафиях, встречаются и в именовании героев тюркских дастанов. Встречающиеся в эпизодах дастана обычаи табуирования личного имени трактуются как важнейший инструмент, регулирующий отношения человека с миром. В эпических именах отражаются характер, деяния, черты человека, в результате чего некоторые имена превращаются в устойчивые словосочетания и тем самым сохраняют и фиксируют мифопоэтические образы в народной лексике.

2.8.2. Этнокультурные аспекты сравнительного исследования личных имен в тюркских пословицах и поговорках

Пословицы и поговорки как «наиболее древние жанры татарского фольклора (об этом напоминает уже само название жанра: *борынгылар сүзе* «изречения древних») в сжатой форме образуют представление о человеческих ценностях, мироздании, религиозных и культурных традициях» [299, с. 4] и являются «этнокультурными знаками, транслирующими познания создавшего их народа» [587, с. 27], несущими информацию этнокультурного характера. Выделение личного имени в афористических жанрах фольклора как этнокультурного компонента дает возможность изучение паремиологических

единиц с этнокультурной точки зрения, исследование которых позволяет утверждать, что, в афористических жанрах фольклора они выявляют стереотипы и архетипические образы нации, языковой личности, сознания. Поэтому исследователями лингвофольклористики всегда подчеркивалась важность изучения использования личных имен в различных афористических жанрах. Исследования, посвященные анализу семантики антропонимов в составе пословиц и поговорок, продолжают оставаться актуальными и в современном татарском языкознании, соответствующая проблематика рассматривается в работах: Х.Ш. Махмутова [291, 292, 295]; Г.Р. Галиуллиной [131], Г.З. Дарзамановой [163]; З.Р. Загировой [192], Р.Г. Ганиевой [132].

Интерес к функционированию антропонимов в афористических жанрах побуждает, прежде всего, рассматривать имя в диахронном и синхронном планах. В диахронном плане любое имя собственное имеет значение, восходящее к некоторому прототипу, присвоение имени которому семантически мотивированно, в синхронном плане эта мотивированность обычно отсутствует [503, с. 27]. Из этого следует, что личные имена в паремиях не только индивидуализируют, но и обобщают, отражая тем самым этнокультурную информацию. Семантический потенциал паремий с личными именами позволяет выделить детерминированные антропонимы, отражающие этнокультурную информацию для носителя определенного этнокультурного пространства. Денотату, представленному известными именами коранических персонажей, принадлежит особая роль в трансляции этнокультурного пространства татарского и турецкого народов: *Һәрбер Мөхәммәт пәйгамбәр булмый* (тат.) (букв. не каждый пророк Мухаммад); *Ümmet-i Muhammet 60 ile 70 arasinda gider* (пер. Потомок Мухаммеда уходит между 60 или 70). Коннотации, связанные с кораническими личными именами, диктуются кораническими сюжетами и, как указывает М.Ш. Махмутов, «каждая сура в Коране «разукрашена» невероятными и сказочно красивыми сказаниями и легендами, в которых многие аяты отражаются в виде мудрых и остроумных изречений» [299, с. 4]. Нами было выявлено, что частотным именем в татарских и турецких пословицах и поговорках

является имя Пророка Мухаммада: *Ел елга, ел Мөхәммәткә эҗиткәндә* (пер. годы идут, время уходит, даже Мухаммат-пророк умер – время идёт); *Син дә мин, Мөхәммәт әмин* (пер. ты да я, Мухаммад – аминь), говорится о дружбе людей; *Мөхәммәткә өммәт булмыйм* (пер. не быть мне последователем Мухаммада – если я сказал неправду, то не быть мне последователем Мухаммада).

В тюркском паремиологическом фонде функционируют пословицы и поговорки, связанные с пророком *Сулейманом* – сыном пророка Даута (имя Сулейман – арабского происхождения имеет значение «мирный, защищённый») [319, с. 224]. Сулейман (Сөләйман) – коранический персонаж, благочестивый и мудрый царь, соответствует библейскому Соломону, фигурирующему как великолепный маг, обладающий силой, исходящей из дарованного ему Аллахом кольца [460, с. 468]. В татарском паремиологическом фонде зафиксированы следующие пословицы и поговорки: *Сөләйман йөзеге* (пер. перстень Сулеймана), *Йөзек кем кулында булса – шул Сөләйман* (пер. У кого перстень – тот и Сулейман), *Йөзеге барда – Сөләйман, йөзеге юкта – сөмәйгән* (пер. с перстнем он – Сулейман, т.е. властный, без перстня – унылый), *Сөләйман үлде – диюләр котылды* (пер. Сулейман умер – дивы избавились) и др. В турецкой пословичной культуре выделены следующие культуремы: *Mühür kimde ise Süleyman odur* (пер. У кого печать, тот и Сулейман); *Dünya Hazret-i Süleyman'a kalmamış* (все люди когда-то уходят из жизни); башк. *Сөләймән бабай, Сөләймән мөһөрө*. Согласно исламской мифологии, у пророка Сулеймана был перстень, в котором написаны 99 эпитетов Аллаха и, владея этим перстнем, человек может стать властелином мира, поэтому в татарском этнокультурном пространстве появились пословицы и поговорки, связанные с перстнем Сулеймана. В татарском языке поговорка *Сөләйман йөзеге* связана с мифологическим сюжетом о перстне, семантика которой восходит к значению «неограниченная власть», возникшая в результате коннотативных значений перстня. Доказательством этому является сюжет 31 – 34 аята суры «Сад» Корана, в котором рассказывается о скакунах, любуясь которыми Сулейман забыл о вечернем намазе, и в наказание этого Аллах лишил его перстня. Однажды Сулейман оставил перстень у своей жены и в облике Сулеймана пришел

джин и забрал перстень и стал властелином мира. Однако Сулейман покаялся и с благословения Аллаха вновь вернул себе не только перстень, но и власть. Семантическое переосмысление пословицы *Йөзек кем кулында булса – шул Сөләйман* (пер. у кого перстень – тот и Сулейман) связана с сюжетными линиями Корана. В башкирской мифологии *Сөләйман мөһөрө* – это водное растение, цветок водяного [538, с. 268]. Однако нами было выявлено, что признаки, присущие некоторым персонажам, выявляют не только конкретные качества, но и менее существенные. В основном, в поговорках проявляются постоянные свойства, конкретные качества персонажа.

Образность личных имен в пословицах и поговорках имеет особое значение. Например, распространённое в татарском языке личное имя *Айша*, имеющее в арабском языке значение «живучая, обеспеченная, благополучная, процветающая, зажиточная» [319, с. 306]. Как известно, в татарской мифологии образы *Айша – Фатима* являются покровителями всех женщин [441, с. 269]. В башкирской мифологии также отмечен образ *Файшә-Фатима* [537, с. 82]. В башкирском языке также зафиксировано изречение *Әйшә-Фатима кулы* [537, с. 371]. В татарской поговорке *Минем телем түгел, Идел кичкән инәкә теле; Минем кулым түгел, Әйшә-Батма кулы* (букв. не мой язык, а язык перешедший через Волгу; не моя рука, а рука Айше-Батмы) раскрывает не только семантический потенциал личного имени, а и связь с денотатом. В мифологии образ руки Айше–Батмы является известным в исламском и в тюркском мире.

Нами выявлено, что паремии с компонентом *Хозыр* связаны с пророком *Хозыр Ильясом*, трактуемым в татарской мифологии Хозыр Ильяс как бессмертный святой, мифологический персонаж. Образ Хозыра зафиксировано и в башкирской мифологии [537, с. 81]. В татарской поговорке *авызына Хозыр төкергән* (пер. Хозыр в рот плюнул) говорится об учёном, мудром, красноречивом человеке, в котором личное имя *Хозыр* испытало полную идиоматизацию, подвергаясь полному переосмыслению. Подобная поговорка существует и в турецком языке: *Hızır'a külah giydirir* (пер. оденет на голову Хозыра шапку), говорится об умном, мудром человеке.

Существуют паремии и с другими личными именами, встречающимися в коранических сюжетах: *мал малга җиткәнче Газраил җанга җитә* (пока накопишь добро, Азраил возмёт твою душу); *Газраил шикелле өстә тора* (стоять наверху как Азраил), говорится тогда, когда держат человека в смертельном страхе. Семантические параллели наблюдаются и в турецкой поговорке *Azrail olmak* (как Азраил). По представлениям башкирской мифологии, к умирающему приходит *Газраил фәрештә* с чашкой смерти на руке. Его голова доходит до седьмого неба, а ноги находятся в седьмом подземелье [537, 81].

Существуют огромное количество паремий, образованных от сказаний о жизни *Аббаса* – дяди Пророка Мухаммеда [319, с. 18], семантика которых восходит к кораническому сюжету совершения Аббасом хаджа (переселение) в Мекку, незадолго до завоевания ее мусульманами. Так в татарской пословице *Юлчыдыр Аббас, беркемгә дә бакмас, кайтса китмәс, китсә кайтмас* (букв. Аббас странник, ни на кого не смотрит, если придет – не уходит, если уйдет – не возвращается) и в турецкой поговорке *Abbas yolcudur* (Аббас –спутник) говорится о человеке, собравшемся в дальний путь. Личное имя *Аббас* в арабском языке означает «суровый». Однако в данном изречении семантика не связана со значением имени, а содержит этнокультурную информацию о жизни пророка.

Согласно кораническим сюжетам, *Нух* – один из предшественников пророка Мухаммада [460, с. 503]. Семантика паремий, связанная с антропокомпонентом *Нух*, тесно взаимосвязана с мифологическими преданиями о пророке: тат. *Нух заманыннан бирле* (со времен Ноя, при царе Горохе); *Нух заманнарыннан калма, Нухтан калган* (о давних событиях); *Нух каргасы* (пер. ворон Ноя) (о человеке, который забывает о поручениях своей выгоды); в тур. *Nuh ömürü* (пер. жизнь Нуха), *Nuh yilinda kalma* (пер. остаться во временах Нуха), *Nuh nabiden kalma* (пер. о давних событиях) и др.; в башк. *Нух заманы.* и др. В сказаниях говорится о том, как перед смертью пророка Нуха спросили о том, каким он увидел эту жизнь, его ответ был таким: «Как дом с двумя дверьми: как будто вошёл в одну дверь и вышел в другую», философия времени которого отразилась в изречения

(Нух заманыннан бирле, Нух заманнарыннан калма, Нухтан калган), указывающих о древности явлений.

В этнокультурном пространстве семантика культурем *Әюн пәйгамбәр сабыры* (пер. терпение пророка Аюба); тур. *Eyüp sabrı* (терпение Аюба), *Sabr-ı Eyüp*, *Ömr-ü Nuh* (терпение Аюба, жизнь Нуха) связана со сказанием о терпеливости пророка *Аюпа*. У *Аюба* была большая семья и много жён. Он усердно и настойчиво занимался богослужением. Однако к несчастью, пророк Аюб потерял сына, лишился всего имущества и тяжело заболел. Все мучения и беды он переносил с благодарностью, был очень терпелив и вынослив. Когда его настигла беда, с ним осталась жена *Рахмат*, которая терпеливо ухаживала за мужем. Аллах вознаградил их за то, что все испытания они перенесли с терпением и мудростью, будучи в довольстве тем, что предопределил им Аллах, и вернул им всё: богатство, детей, здоровье. Он является образцом терпеливости, с которого необходимо брать пример. В татарском этнокультурном пространстве семантика фразеологизма *Әюн сабыры* прочно ассоциируется с понятием терпеливости. В башкирской мифологии *Әйүп пәйгамбәр* зафиксирован в башкирских заговорах: *Әйүп пәйгамбәр хөрмәтенә кил, котом!* (пер. В честь пророка Аюпа приди, Мой Кут!) [537, с. 371].

Кроме того, следует выделить группу пословиц, восходящих к сказаниям о любви легендарных фольклорных образов *Лейлы и Маджнуна*, *Юсуфа и Зулейхи*, *Тагира и Зухры*, *Сулеймана и Билкис*: *Һәрбер ирнең үз Зөһрәсе бар* (У каждого мужчины есть своя Зухра); *Һәр гашыйкның мәкъшукасы бар, Һәр Мәҗнүннең Ләйләсе бар* (У каждого влюбленного есть своя любовь, у каждого Меджнуна есть своя Лейла); *Йосыф пәйгамбәр дә Зөләйхага гашыйк булган* (Пророк Юсуф тоже был влюблен в Зулейху), *Сөләйман и Балкыйс мәхәббәте* (любовь царя Соломона и царицы Савской).

Как известно, источником образования афористических жанров являются более крупные жанры татарского фольклора: эпос, сказка и др. [292, с. 23]. Проведенное исследование показало, что процесс образования паремий из различных источников фольклора продолжается. К примеру, в сказке *«Шомбай»*

имя главного героя, его характерные особенности отражаются в татарских пословицах и поговорках. В сказке рассказывается, как один богач и его жена в поисках работника встретили угрюмого парня, одетого в лохмотья, который назвался *Шомбаем*. Он согласился работать, однако заломил высокую цену. Шомбай богачам не понравился («и имя некрасивое, и цена высокая»), и они пошли дальше. Тем временем Шомбай надел свой азым наизнанку и, быстро побежав дворами, вышел навстречу богачу. Те не узнали его, и опять начали расспрашивать. В традиционном народном сознании татар связанный с этой сказкой сюжет эксплицируется в паремиях: «*Шомбай жыләне кирәкми*» (пер. Не нужна шапка Шомбая), «*Шомбай буреге*», «*Шомбай жыләне*», кто разоблачает тех, кто пытается свести перестойку к декоративным изменениям. Личное имя Шомбай в языке полностью перешло в имя нарицательное, которое означает человека-пронюру. В просторечии слово *шомбай* имеет грубое значение «недотёпа, охламон» [466, с. 628]. В подобном примере раскрывается полисемичная структура онима, в котором отражается уникальный денотат этнокультурного пространства. Весьма интересным и продуктивным в этом отношении являются паремии с компонентом *Алып*, *Алпамыш*, восходящим к сказочному персонажу *Алып батыр*. В поговорке *Алып орлыгы* (пер. семя Алыпа) говорится о человеке крупного телосложения; *Алпамыш йокысы*, *Алпамыш батыр йокысы белән йоклый* (пер. Сон Алпамыша – о крепком сне). В башкирской поговорке *Аты-туны бар кешелә Алпамшаның көсө бар, Тамагы тук кешенең Тәңрелә эше бар?* [50, с. 39] (пер. У кого есть шуба, лошадь у Алпамши есть сила, кто сыт, у него какие могут быть дела с всевышним) происходит деонимизация личного имени Алпамша, в результате которой возникают апеллятивы с этнокультурной спецификой, восходящие к ониму-источнику – *Алыпбатыру*.

Комплексный сравнительный анализ позволил показать, что личные имена не только выполняют различительную функцию, но и обобщают. Имя собственное в паремиях уже не исключительно собственное имя как таковое, оно не только перестает конкретизировать личность, но и косвенно, приблизившись, к

разряду нарицательных, оно типизирует образ человека [248, с. 282]. Как нам кажется, в татарских пословицах и поговорках обобщенное значение приобретают распространённые у татар личные имена *Гали* и *Вали*. В татарском этнокультурном пространстве данные имена не несут какую-либо смысловую нагрузку, однако типизируют человека: ср. *Гали – Валигә, Вали – Галигә жиберә* (букв. Гали сваливает на Вали, Вали на Гали). Эта поговорка о безответственном человеке. Поговорка *Вали үз эшендә, Гали үз эшендә* (букв. Гали занят своей работой, Вали своей работой), имеет обобщенное значение, то есть каждый о своём. *Гали буркен Валигә, Вали буркен Галигә* (кидерү) (пер. шапку Гали на Вали, а шапку Вали на Гали) означает перевернуть все, но внешне ничего не изменить; *Галигә дуслыктан түгел, Могавиягә дуслыктан* (пер. Гали не друг и Могавие враг) означает «вам не друг и им не товарищ».

В турецком языке встречаются следующие пословицы и поговорки: *Ali'nin borcunu Veli'den sorulmaz* (пер. Долг Али не требуют у Вали); *Ali dost Veli dost tekkede kaldı bizim eski post* (И Али друг, и Вали друг, в текке осталась наша прежняя должность шейха); *Ali'ye yedik Veli'ye düdük* (И Али сумашедший, и Вали, каждый обиженный сумашедший); *Ali'nin külahını Ali'ye giydirir* (Колпак Али надень на Вали, колпак Вали надень на Али) – эта поговорка говорится тогда, когда человек переливает из пустого в порожнее. В башкирском пословичном пространстве выделяется поговорка: *Ғали – Валигә, Вали – Ғалигә* [50, с. 178].

В этнокультурном пространстве языка существуют индетерминированные антропонимы, выражающие представления о ситуациях и о характере, в которых отсутствует первичный денотат. Так, некоторые пословицы и поговорки распространяют качества, относящиеся к определенному лицу: *Әхмәт абзый ашап бара, Әмир абзый йотып тора* (Дядя Ахмет кушает, дядя Амир глотает) (тат.).

В татарских и турецких, башкирских поговорках лингвокультуремами являются рифмованные личные имена: *Атым Дәүләт булганчы, Хөрмәт кенә булсачы* (Лучше бы было, если мое имя будет Хурмат, чем Давлет); *таза Мортаза* (пер. сильный, здоровый Мортаза) – о сильном, здоровом человеке;

төнлә туган Айтуган (пер. Айтуган, родившийся ночью – о хмуром человеке); тур. *Adı nedir Reşit, bir söyle bir işit* (пер. Как его зовут? Решит. Один раз скажи и услышь); башк. *Елдән тыуган Айтуган* (рожденный ветром Айтуган). Как видно из примеров, личные имена в татарских и турецких поговорках вводятся в зависимости от рифмы. Личные имена, образованные аллитерацией: тат. *Шырпылы Шәли* поговорка о человеке с прямым, ершистым характером, который старается как можно больше досадить другим; *Doğrucu Davut* – говорится о прямолинейном человеке; подобие начальная рифма характерна и для нарицательных имён, причем во всех тюркских языках.

В татарских, турецких и башкирских пословицах и поговорках личное имя каламбурного характера основывается на образах вымышленных личных имен – нарицательных имён. В татарском языке *Алапай белән Шалапай* – два закадычных друга, живущих за счет других. В татарском языке нарицательные слова *алапай* и *шалапай* оба имеют значение «шалопай, шалопута», т.е. эти слова не отличаются друг от друга. По такой же модели строится изречение *Агылый белән Тагылый*, означающее двух закадычных друзей. В данном случае семантика изречения восходит к семантике лексемы *Тагылый*, образованный от слова *тагылу* «быть прицепленным; неотступно следовать, ходить неотвязно» [466]. В турецком языке поговорка *Senin gönlün Döndü ile Döne'de benim gönlüm inek ile danada* (пер. Ты думаешь о Донду и Доне, я думаю о корове и теленке). В данном случаи личные имена образованы от турецкого глагола *dönmek* «вернуться».

В исследовании были выявлены изречения, подвергнутые переосмыслению определенных ситуаций бытового или мифологического характера. К примеру, к изречению *Жамали бай бик юмарт, эте генә усал* (пер. Джамали щедрый, однако его собака злая) в словаре Н. Исанбета дается история его возникновения, в которой рассказывается, как богач *Джамали* объявляет о пятничной милостыне, а сам при этом спускает во дворе своих голодных собак [444]. В турецком языке поговорка *Hatice'yi bırak neticeye bak* переосмыслена в определенной ситуации. В данных изречениях семантика связана с информативным объемом денотата.

О большом скандале внутри сообщества людей говорится в изречении *Сафура бураннары* (досл. метель Сафуры), которое отражает тесную связь с носителем имени и позволяет определить семантичность в диахронии. Семантика личного имени арабского происхождения *Сафура* восходит к значению «терпеливая; блестящая, мерцающая» [319, с. 409]. В толковом словаре татарского языка метафорическое значение слова *буран* соответствует значению фразеологизма, означающего какой-либо скандал. Скорее всего, семантика данного изречения более информативна, тем, поскольку она связана непосредственно с денотатом, реальной женщиной, известной своими скандалами. Однако, как указывает видный фольклорист Н.Исанбет, истоки данного изречения связаны со сказанием о жене пророка Мусы, пытавшейся запутать путь иудеев, которые хотели отречься от ислама, наслав на них песочную бурю [445]. Семантическая вариативность прослеживается в турецкой поговорке *Her kadın sakız çiğner, ama Ayşe ablam gibi patlatamaz* (пер. Любая женщина может жевать жевательную резинку, но не каждая может надувать и до лопанья пузыри как теть Айша). Эта пословица говорит о человеке со сложным характером. Следует отметить, что личное имя *Айша* самое распространенное в Турции. В башкирском языке к такому виду относится поговорка: *Колойзан куркып, Әзһәм сукынған* [50, с. 438] (Азхам покрестился, испугавшись). Таким образом, объем семантики личного имени в изречениях намного шире, потому что он связан с ассоциативными и субъективными оценками денотата этнокультурного пространства, отражаемого в сознании говорящего при прозношении того или иного имени. К подобным изречениям следует отнести также татарские фразеологизмы: *тыр-тыр Зариф* – о человеке, везде успевающим; *Зифа зирәк* – о человеке неприглядном, но высокомерном; *шалт Мөхәммәтжән* – о событиях, произошедших внезапно; *Галиәкбәр кантуры, Абдулла биясе меш* – о человеке, который засыпает внезапно и др.; в турецком языке: *Alık Raziye* – о непонятной женщине; *Düttürü Leyla* – о странной женщине в короткой юбке и др.; в башкирском языке: *Этколдоң башы оло, Моратшаның йәше оло* [50, с. 406].

Подытоживая, следует сказать, что в этнокультурном пространстве языка общими являются онимы, связанные с кораническими сюжетами, которые выступают своеобразным диалогом, формирующим интертекстуальный смысл. Коранические имена в тюркских афористических жанрах репрезентируют этнокультурные сведения, запечатлённые в мифологическом народном сознании. В свою очередь, существуют пословицы и поговорки с личными именами обобщенного характера. Анализ паремий также позволил выявить, что личные имена способны отобразить яркие национально обусловленные этнокомпоненты. Личные имена в фольклорном тексте являются уникальным материалом, зафиксированным в фольклорном творчестве народа, они тесно связаны с этнокультурой, этническим составом народа, различными взглядами, приметам и обычаями конкретных тюркских народов.

§ 2.8.3. Этнокультурные аспекты сравнительного исследования личных имен в тюркских загадках

Загадки – древнейший жанр устного народного творчества, они эксплицируют жизненный и исторический опыт народа и дают возможность проследить картину этнокультурного пространства в диахронии. Как указывает Х.Ш. Махмутов, произведения этого жанра раскрывают поэтическую красоту в самых обыденных предметах, доставляя тем самым определенное эстетическое наслаждение [291, с. 5]. Жанр загадки в татарском языке называют *табышмак* или *жомак* (от глагола йому «закрывать, спрятать», однокоренного со словом *йомгак* «клубок»). Татары говорят: *Жомак жибәрәм, очын тап* (пер. Покачу тебе клубок, найди конец). В башкирском языке данный вид жанра называется *йомак* [74]. Лингвистическое исследование загадок наиболее актуально для выявления особенностей этнокультурного пространства языка. Основа загадки пронизана жизненной философией, которая служит отображением противоречивости различных аспектов этнокультуры этноса. Так, «в татарских загадках в виде конкретных деталей содержатся ценные сведения о предметах и явлениях

окружающего человека вещественного мира, что делает произведения данного жанра серьезным источником для изучения жизни и быта народа» [292, с. 26]. В загадках отображается различия и сходства репрезентаций фольклорных картин мира.

Проведенное сравнительное исследование позволило установить то, что личные имена в загадках представляют собой уникальный материал, который отображает народное сознание. Сравнительный анализ семантики личных имен в тюркских загадках позволил определить их следующие семантические группы: 1) личные имена, семантика которых связана с мифам и религией; (тат. *Суда* – *Сөләйманмын* (сөлек); пер. (в воде я Сулейман) (пиявка); тур. *Suda Süleyman*. (ateş); пер. (в воде Сулейман) (огонь); 2) личные имена, придуманные для данного контекста: тат. *Сары кашлы Гөлбахар. Ай тулганда ай багар, көн тулганда көн багар* (көнбагыш); пер. (светлобровая Гульбахар, в полнолунии смотрит на луну; на рассвете смотрит на солнце (подсолнух); башк. *Тәтәйбикә таңкаләрен, Тимгел тимгел һипкәндәр, Төнлә карап үткәндәр, танда йыйыа киткәндәр* (йондоззар). (пер. Татайбика свои монеты, расстелила, ночью на них смотрела, а на рассвете обратно собирала) (звезды).

Сравнительный анализ показал, что личные имена в загадках могут обозначать и свойство предмета, наиболее характерное для нарицательного понятия (тат. *Шап-нап Шапангали, Дөп-дөп Дөпенгали, Зыр-Зыр Зырангали* (орлык төю) (Здинь-здчинь Шапангали, дзинь-дзинь Дупенгали, зир-зир Зирангали); тур. *Gider Leyla, gelir Leyla, bir ayak üzerinde durur Leyla* (kapı); пер. Уйдёт Лейла, придёт Лейла, под ногами будет стоять Лейла (дверь); башк. *Күсәбайзың күк тирмәһе, Катланган да капланган* (күк йөзө); *Артым йәбешкән Алтынбикә. Бәрелә лә һугыла* (беләзек) (пер. Алтынбика сзади прилипла. Качается) (браслет). В данных примерах личные имена обобщают свойства загаданного предмета. Личные имена в загадках олицетворяют неживую природу и таким образом концентрируют внимание на загадываемом предмете.

В татарских, турецких и башкирских загадках сходства в обозначении признака загадываемого предмета выделяются в следующих примерах: *Бер*

кечкенә Камилә, кат-кат туннар киеңә; пер. Маленькая Камила одевает много шуб (капуста); тур. *Fadime fat fat donları kat kat* (lahana); пер. Топ-топ Фадиме, подштанники слоями (капуста). башк. *Кат-кат Катифа, Катланыр Латифа, Төрлән мулла килә, тин, Төрләнәлер Латифа* (кәбестә) (слоями Катифа, оденется Латифа, оденься, мулла придет, оденется Латифа) (капуста).

Личное имя является единичным понятием и поэтому может включать качественные признаки предмета путём звукоподражания: *Гөлдер-гөлдер гөл итекле, Гөлкәй кызыл читекле* (күгәрчен); пер. Гуль-гуль цветочные сапожки, Гулькай в красных ичигах (голубь); *Чылтыр-чылтыр Мәликә, Өч селтәүгә – бер көлтә. Әллә ничек өлгерә* (көлтә бәйләү машинасы); пер. Малика дзинь-дзинь, три раза махнула – один сноп (машина–сноповозчик); тур. *Fik aşağı, fik yukarı fika fika Mustafa ağa* (kuşburnu); пер. Топ вниз, топ вверх, топ-топ господин Мустафа (шиповник).

Осмысление и обобщение человеком явлений окружающего мира представлены в татарских, турецких и башкирских антропонимах. В данных антропонимах сходство и различие предметов выражается по их признакам, по назначению и т.п.: *Суда Сөләйман* (сөлек); пер. В воде Сулейман (пиявка); *Төес (туз , тырыс) эчендә Сөләйман уйный* (сөлек); пер. в бересте Сулейман играет (пиявка); тур. *Suda Süleyman* (ateş); пер. В воде Сулейман (огонь); башк. *Кырза Кырайман, Ерзә – Еләймән, Гыуза – Гөләймән* (һөлөк) (пер. В поле – Кырайман, на земле – Йелайман, в воде – Сулейман) (пиявка). «Сулейман отцом освоил знания и был избран Аллахом в пророки, а так же ему была дана мистическая власть над всеми существами, включая джиннов. Сулейман был известен своей мудростью и справедливостью. Загадки о Сулеймане опираются на легенды, что трон его находился над водой» [448, с. 332]. Таким образом, в татарском, турецком, башкирском этнокультурном пространствах загадки о Сулеймане подтверждают его мудрость и таинственность. В башкирском языке загадки, связанные с *алыпом*, содержат момент обобщения знаний об окружающем мире: *Алатауза алып калканы* (кояш), *Алып батыр килгән Калканы түргә элгән* (кояш)

Нами выявлены загадки с частотными татарскими личными именами, одним из которых является личное имя *Сулейман*, а в турецком языке женское личное имя – *Айша*. характер функционирования имени в языке и культуре, частотность этого имени в народном обиходе и устойчивые коннотации могли повлиять на выбор именно того или иного личного имени.

Собранный материал позволяет констатировать, что в выборе личного имени большую роль играет фонетический фактор, обусловленный: а) аллитерацией: тат. *Зил-зил, Зилешкә, Зилә моя кубышка* (акча чүлмәге); пер. Дзинь-дзинь, Зилюшка, Зиля моя кубышка (денежный горшок); тур. *Süce çinici Celali Hoca gizlice marpuççular içindeki züccacıyecilere gidip içi Çince yazılı sicili bicili cam çubukları serçeğizine indirmiş* (пер. Карлик кафельщик Джалали Ходжа тихонько подошёл к фарфорщикам, среди которых были кальянцики, стащил прелестные стеклянные прутья, с надписями по-китайски); башк. *Котһоз Колой, Бүре кеүек олой* (дауыл); б) рифмой: тат. *Ләб-Ләбинур, Бибинур, Бибинур да Шаһинур; Ал яулыкка салганчы. Дәрәя суы коелыр.* (карбыз кисү) (пер. Ляб-Лябинур, Бибинур и Шахинур; Пока положишь в алый платок, прольётся морская вода (резать арбуз); тур. *Ambar altında Musa; Eli ayağı kısa* (карлумабага); (пер. Под амбаром Муса; руки, ноги короткие (черепаха); башк. *Бәләкәс кенә Батыш, Каен астында ятыш* (куян) в) каламбуром: тат. *Моны миңа сөйләде Алдар, әгәр сиңа очраса, ул сине дә алдар; Болар барсы да ялган, ялган булса да, ак кәгазьгә язылган* (Әкият); (пер. Про это мне рассказал Алдар, если встретишь его, он и тебя обманет. Всё это ложь, даже если ложь, всё написано на белой бумаге (сказка); тат. *Тауда Талайман күрдем, Суда Сөләйман күрдем. Кояшка пешкән аш күрдем. Ит сакалы ир күрдем, күбек коскан таш күрдем* (аю, балык, этәч, баклажан, сабын) (пер. На горе видел Талаймана, в воде Сулеймана. Видел суп, сваренный на солнце. Видел мужчину с мясной бородой, видел камень, который блевал пену (медведь, рыба, петух, баклажан, мыло); *Bacada Batman; Odada Otman; Dağda Dalayman; Suda Süleyman.* (ateş) (пер. в трубе Батман, в комнате Отман; на горе Далайман, в горе Сулейман (огонь); тур. *Güler oynar Niyazi; Kabul olur niyazi*

(çocuk); (пер. Ниязи будет играть, смеяться; каждое желание будет исполняться (ребёнок); *Ил ятһа ла Илэймән ятмаç* (һыйыр мөгөзө)

В татарских и башкирских загадках, в отличие от турецких было выявлено большое количество личных имен русского происхождения: *Кечкенә генә Петра, Билен буып утыра (солы кәлтәсе)* (пер. Маленький Петр, затягивает пояс). *Яр буенда Тарас утыра, Барысыннан да каты кычкыра (кәлтә)* (пер. Сидит Тарас на берегу, кричит громче всех) (сноп) [448, с. 95]. *Дөбер-дөбер дүртәү, Дөбердәүче бишәү, Иван агай алтау, Шыбан агай шып ялгыз (ат, чана, күпер)* (Грохочут четверо, грохочут пятеро, Шестой – дядя Иван, дядя Шыбан – один молчит (лошадь, сани, мост) [448, с. 120]; башк. *Бәләкәй генә Микитә, Бер кешене ике итә (көзгө)*; (пер. Маленький Микита от одного делает двух (зеркало) *Уп һузыла, еп һузыла, Озон юлдың буына, Иван менән Степан тотып тора кулына* (телефон) (пер. Тянется нить по дороге, Иван и Степан держат их в руке) (телефон)

Интересно использование женских личных имен в татарских, башкирских и турецких загадках: *Мәржәнбикә идән тишәргә оста (утлы күмер)* (пер. Марджанбика искусно может пробить пол (горящий уголь); *И Сәвия, Сәвия, Өстәлләрдә кош була; Өстәлләрдә шул сайраса, Кунак күңеле хуш була (самавыр)* (Ах, Савия, Савия за столом становится птичкой; когда за столом начинает петь, всем гостям приятно (самовар); *Тау астында – Рәзилә коесы (борын тишекләре)* (пер. под горой – колодец Разили (ноздри). *Урман, Урман эчендә Гөлзәбирә солтан, Гөлзәбирә солтанның ишегенә пичәт суккан* (сургучлы хат) (пер. Лес, в лесу Гульзабира султана, дверь Гульзабиры султан запечатана) (сургучом запечатанное письмо); *И Туйбикә, Туйбикә, Кунак килсә – куй бикә; Салпы колак, киң битле, Сөйләшергә бик ипле (самавар)* [448, с. 228], совпадающий вариант на башкирском языке: *Эй, Туйбикә, Туйбикә, Кунак килһә куй бикә, Һалпы колак, киң битле, Һөйләргә бик ипле* (самауыр); (пер с башк. и тат. Эй, Туйбике, Туйбике, если придет гость – положи на стол, сама с широким лицом, очень приятная для разговоров) (самовар); башк. *Кәкре каен астында Уразбикә бөксәңләй* (куян) (пер. Под с кривой березой Уразбике сгорбилась) (заяц); *Гөлбаксала бер мунса, Шул*

мунсага һыу таший Нескэ билле Гөлниса (бал корто) (пер. В цветнике баня, в эту баню воду носит Гүльниса с тонкой талией) (пчела).

Таким образом, в этнокультурном пространстве языка загадка поэтически отображает всю совокупность антропонимов, реконструирующих особую ономастическую парадигму и аккумулирующих культурную и историческую, мифологическую, этнокультурную характеристику об определенном народе. Как показывает анализ, общность личных имен в исследуемых загадках языках демонстрирует общность осмысления и обобщения человеком явлений окружающего мира. Выясняется, что в репрезентируемых антропонимах спектр этнокультурных и семантических коннотаций широк и неоднороден.

Выводы к главе II

Осознание личного имени в качестве некой субстанции этнокультурного пространства принимает форму отгадывания его сущности, при этом имянаречение является важным шагом на пути включения новорожденного в этнокультурное пространство этноса, отличающегося архаичностью и многогранностью языкового кода. Рассмотрение обрядовой лексики имянаречения в контексте и в ситуации, самого обряда помогает выявить основные этнокультурные характеристики этого обряда, его символику и отражение в языке. Как выяснилось, у всех тюркских народов обряды имянаречения и переименования выполняют функции оберега, целительных мер и функцию почитания предков.

Явления действительности позволяют разделить обрядовую лексику на следующие группы: лексика обрядовых актов и комплексов, действий в татарском языке: *исем кушу, ат кушу, исем бирү, мин боздыру, исем алыштыру*; в турецком языке: *ad takma, ad verme, ad alma*; лексика участников обряда в татарском языке: *эби* (сред. д., миш. д.), *эби булучы* (сев.-нрл; сев. к.т.), *бала түрәтүче эби* (мишар. д.), *бәбәй эбисе* (чст. дрож.), *инәкә эби, кендекче эби, кендегәе, мама, мамы, инәкә мама* (астрах.), *мулла* и др.; в турецком языке: *göbek ninesi, göbek*

annesi; в башкирском языке: *кендек инәһе, кендек әбийе*; лексика обрядовых предметов (*моржа, жушкә*). Обряд имянаречения, сохраняет во всех исследуемых культурах следы общетюркских материальных и духовных традиций, в которых обрядовая структура, символы, предметы, функциональная сущность связаны с окружающим миром. Обряды, связанные с имянаречением ребенка, выступают в качестве стабилизирующего начала в функционировании и развитии этноса, что проявляется в трансмиссии этнокультурного пространства. Генетические истоки традиций и обрядовых действий имянаречения у тюркских народов восходят к системе мировоззрения древних тюрков об личном имени как о знаке-предопределении судьбы. В то же время в обрядах и обычаях имянаречения тюркских народов, в том числе и татар, наличествуют исламские традиции.

В исследовании было выявлено, что в обрядовой традиции имянаречения татар, башкир и турков древнейшие ритуалы сохраняют архаичные лексические единицы, закрепленные в их антропонимических системах. В работе антропонимические единицы представлены как вербальный код в традиционной культуре.

Диалектное многообразие татарской обрядовой лексики имянаречения свидетельствует о сохранении в самом обряде древнетюркских традиций. Названия некоторых обрядовых слов, терминов не функционируют в современном татарском литературном языке, однако сохраняются в локальных вариантах. В исследовании были выявлены, существующие различия в обрядовых действиях и ритуалах, сопровождающих процесс включения новорожденного в локальное этнокультурное пространство. В локальных вариантах культуры татар традиция имянаречения сопровождается архаической обрядовой лексикой.

В традиционной духовной культуре татар личные имена выполняют охранительную, магическую и лечебную функции. В традициях татар одним из магических средств изгнания нечистых сил, обладающих лечебно-охранительной функцией, является обычай переименования (*исем алыштыру*).

Комплексное сравнительное изучение структуры и функций антропокомпонентов позволило определить в системе описания антропонимической системы семантические кластеры «Окружающий мир», «Внешний и внутренний мир человека», «Временная модель», «Социальная модель», «Мифопоэтическая модель», в которых выявлены специфичные группы имен для сравнения на уровне лексико-тематических групп других тюркских языков и отражения объективного мира.

Личные имена, отражающие окружающий мир, представляют важным источником для исследования находящих отражение в этнокультурном пространстве языка этнокультурных, психологических, мифологических и мифопоэтических мировоззрений, а также менталитета и сенсуалитета того или иного народа. Личные имена являются национально-маркированным пластом языка. Этнокультурные исторические ассоциации, этнокультурные коннотации личных имен выделяются разными экстралингвистическими факторами.

Физическая, интеллектуальная, психологическая, биологическая, морально-этическая характеристика индивида наиболее ярко отражается в именах, связанных с внешним и внутренним миром человека. Сравнительный анализ материалов антропонимикона помогло установить восприятие сенсорных оценок (физических и психологических) человека является в целом одинаковым для всех тюркских народов. В личных именах с компонентами цветообозначений выявлены семантическая многозначность, широкий номинативный потенциал в концептуализации внешнего и внутреннего мира человека, высокая символичность соответствующих онимов позволяет рассматривать их в качестве ключевых этнокультурных знаков. Семантический анализ татарских личных имен показал, что компоненты цветообозначений в личных именах описывают физические признаки (цвет лица, глаза, бровей и др.) человека и характеризуют его психологические качества (сильный, счастливый, мудрый и др.).

Выше было подчеркнуто, что линейное время отражает исторические события во всех изученных нами тюркских языках. С принятием тюркскими народами ислама личные имена, образованные от названий годов животного

цикла, сменились именами, образованными от названий мусульманского календаря. В целом татарские личные имена как и антропонимы других тюркских народов с компонентом, называющим единицы времени, позволяют охарактеризовать особенности имянаречения в пространственно-временном континууме. Анализ антропонимического материала показал, что временное представление дает точную и строгую фиксацию. Личные имена, в которых отражено циклическое время – это результат осмысления и обоснования соответствий между астрономическими изменениями, закономерностями в природе и деятельности человека. Линейное время обозначает те или иные исторические события в личных именах, а также отражает и фиксирует собственные важные события в жизни человека.

Личные имена, отражающие статус человека в социуме, выстраивают социальную модель познания. В исследовании было установлено, что социальная семантика антропонимов проявляется в личных именах с титулярными терминами, в этноантропонимах, в именах-посвящениях, в которых отражается информация о нормах и ценностях, социальной структуре общества, социальных слоях, функциональных связях между элементами социальной структуры.

Фольклор, как часть традиционной духовной культуры тюркских народов, сохранил архаизмы, исчезнувшие в языке в целом, лексические элементы (в том числе и антропонимикон) создают предпосылки для реконструкции антропонимической системы и, следовательно, их диахронное изучение способствует возникновению новых тенденций развития. В данной работе предпринята попытка изучения антропонимикона эпических произведений фольклора, наиболее полно отражающих мифопоэтическую модель мира, играющих важную роль в конкретизации этнокультурного содержания.

Личные имена в дастанах рассматриваются как этнокультурные знаки, которые несут информацию об этническом составе, о духовной и материальной культуре народа и отражают религиозные и философские воззрения, обычаи и обряды. Особое внимание уделено обрядам имянаречения, переименования персонажей, нашедшим отражение в тюрко-татарских дастанах.

Раскрытие исходной мотививации личных имен в пословицах и поговорках дало возможность говорить об этнокультурной специфике паремий, обусловленной своеобразным восприятием окружающего мира, различными ассоциациями, возникающими у носителей языка в связи с ролью в жизни народа тех или иных социально-общественных и природных явлений и окружающих предметов.

В исследовании было выявлено, что личные имена в загадках тюркских народов раскрывают общие моменты осмысления и обобщения человеком явлений окружающего мира. Содержательная сторона использования антропонимов в загадках раскрывает особенности этнокультурного пространства .

ГЛАВА III

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЮРКСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ ТАТАРСКОГО АНТРОПОНИМИКОНА)

Татарские личные имена играют большую роль в формировании и других ономастических единиц. Известно, что личные имена участвуют в процессе **трансонимизации** (в отчествах и фамилиях, в антропокомонимах), соответственно, изучение их как первооснов представляется весьма важным. Общественно-политические и культурные взаимосвязи с родственными и неродственными этносами приводят к постепенному пополнению антропонимической системы, и формированию и функционированию отдельных пластов и подпластов. Пять этномиров на территории Татарстана и за ее пределами (древнеиранские племена (сармат-аланы), финно-угры, тюрки, монголы, славянские народы) переплелись и образовали сложные историко-генетические пласты и оставили свой отпечаток на татарском этнокультурном пространстве языка. Ни один народ не живет в замкнутом мире. Результатом взаимообмена с племенами, далее с народами, государствами является усвоение лексики. Общественно-исторические предпосылки заимствований бывают разными. Если один народ заимствует элементы материальных ценностей другого народа, то другой заимствует слова, связанные с духовной жизнью другого народа. Эта тенденция вполне закономерна, поскольку оставила явный отпечаток и на личных именах татар. Таким образом, на протяжении веков тесные контакты татарского народа с другими народами привели к обогащению и развитию отдельных антропонимических пластов и подпластов.

Так, на основе данного принципа Г.Ф. Саттаров выделяет несколько этнолингвистических пластов татарского антропонимикона: 1) общеалтайский пласт; 2) древнетюркский пласт; 3) старотатарский пласт; 4) личные имена,

заимствованные из арабского языка; 5. личные имена, заимствованные из персидского языка; 6) личные имена, заимствованные из русского и через него из европейских языков; 7) новотатарские имена, появившиеся после Октябрьской революции; 8) искусственные личные имена [413, с. 22 – 28]. Представители Казанской тюрко-татарской лингвистической школы в стратиграфии личных имен в основном применяли принципы и методы классификации Г.Ф. Саттарова (см. работы Г.Р. Галиуллиной [131], М.З. Валиевой [116], Г.С. Хазиевой [510]). Как нам кажется, стратиграфическая классификация татарского именника, состоящая из восьми пластов, наиболее полно характеризует разновременность и разноязычность происхождения именника и дает полное представление о национальной антропонимической системе татар.

В нашей работе мы условно выделили пять периодов становления и развития антропонимической системы личных имен, с учетом истории развития татарского литературного языка [206, с. 3 – 11; 527, с. 13; 236; 451, с. 28], а также опираясь на имеющиеся исторические источники: древнетюркский период (V – X вв.); средневековый период (X – XV вв.); развитие отдельных тюркских языков (азербайджанского, узбекского, татарского и др.) (XVI – XIX вв.); развитие отдельных тюркских национальных языков (XIX в. – начало XX в.); развитие современных тюркских языков (20-е гг. XX столетия). Исходя из этого, нами были выделены четыре генетических пласта в формировании и развитии антропонимической системы татар: тюркский, арабо-персидский, западноевропейский и славянский.

Важным в формировании и функционировании антропонимической системы представляется влияние народов и племен, оставивших явные отпечатки в развитии истории татарского народа и культуры, его, народа, мировоззрения, национально-этических взглядов. Исследование татарских личных имен в историческом аспекте позволяет раскрыть этнокультурные влияния, генетическую общность татарского народа с другими тюркскими народами и племенами.

§ 3.1. Древнетюркский период развития и функционирования антропонимикона (VI – X вв.)

Древнетюркский пласт личных имен в орхоно-енисейских эпиграфических памятниках становился предметом исследования таких ученых, как Г. Айдаров [4], И.А. Батманов [70], Г.В. Благова [98], Л.Н. Гумилев [159], М.З. Закиев [194], Н.Ф. Катанов [246], И.В. Кормушин [264], С. Г. Кляшторный [255], В.М. Насилов [328], С.Е. Малов [286], В.В. Радлов [381], Л.Ю. Тугушева [483], А.Г. Шайхулов [557, 558] и др. Однако исследователи эпиграфических памятников до сих пор ограничивались лишь исследованием палеографических проблем и попутно обращались к лингвистическим комментированием текстов и осмыслению отдельных антропонимов в орхонских и енисейских надписях. В татарском языкознании исследования древнетюркского пласта имен представлены в работах М.З. Закиева [193], М.З. Валиевой [116]. Однако до настоящего времени в тюркологии отсутствуют комплексные монографические исследования личных имен в орхоно-енисейских памятниках, выполненные в диахроническом аспекте.

Описание развития и становления современных тюркских языков, в том числе их антропонимических систем, – это результат выявления общности и различий именника того или иного тюркского народа, чья антропонимическая система складывалась в течение тысячелетий – в процессе консолидации этноса с родственными и неродственными этносами. Тюркский пласт личных имен формировался на этапах развития тюркских языков и на основе заимствования элементов материальной и духовной культуры, в результате образовались отдельные пласты: древнетюркский пласт (V – X вв.), средневековой пласт (X – XV вв.), новотюркский пласт (XVI – XX вв.) [206, с. 3 – 11; 527, с. 14; 236; 152, с. 11; 116, с. 45; 451, с. 28]. Как утверждают исследователи, основные фонетические, лексические и грамматические особенности языка были заложены еще в древнетюркском языке [236, с. 18]. В древнетюркской системе личных имен отразились ступени развития и формирования государственного строя тюркских народов, историческое развитие их языков. Особенностью древнетюркского

пласта личных имен является связь единого комплекса тюркских этнических групп (под тюркской этногруппой мы подразумеваем болгарские, кыпчакские, огузские, карлукские, уйгурские, кыргызо-кыпчакские группы) эпохи орхон-енисейских памятников. Согласно М.З.Закиеву, в древнетюркском периоде формирования татарской антропонимии также выделяются три гипотетических периода: 1) антропонимы первого (доскифского) периода (XX – IV вв.); 2) антропонимы второго (скифского) периода; 3) антропонимы третьего (послескифского) периода [193, с. 301]. К первому, доскифскому периоду ученый относит антропонимы *Али Ер Тонгла* (от этнонима *ер / ир*), *Сакай* (от этнонима *сак / сака*), *Сюняй* (от этнонима *сюн/хун/ хунну*) и др. Как утверждает академик М.З. Закиев, личные имена скифских племен *Скыды*, *Агадирс*, *Гелон* второго скифского периода восходят к древнетюркскому языку. Третий древнетюркский период начинается с появления Тюркского каганата [193, с. 303].

«Территория Восточной Европы была заселена, кроме древних иранских, финно-угорских и славянских народов, тюркскими племенами, из которых, начиная с первых веков нашей эры, были известны гунны (*хунны*), создавшие под эгидой господствующего тюркского племени известную *Хуннскую империю* и позже государство *Аттилы*. Тюркский каганат (551 – 603 гг.) в период наивысшего могущества, имевший огромную территорию – от Маньчжурии до Северного Причерноморья, от верховьев Енисея до Амударьи – позднее распался на Восточный (603–630 гг.) и Западный (около 583 – 657 гг.)» [230]. Исследователи считают, что меридиональные сезонные перекочевки на большие расстояния, сложившиеся в эту эпоху, сыграли решающую роль в установлении хозяйственно-торговых, этнических и культурных связей Среднего Поволжья, Южного Урала с регионами Приаралья, Прикаспия и Северного Кавказа. Данное обстоятельство позволяет рассматривать эти территории в рамках единого этнокультурного мира – Волго-Уральско-Северо-Кавказско-Прикаспийско-Приуральской провинции [230, с. 153]. Тюркские каганаты, спустя некоторое время, были разбиты империей *Тан*, но затем тюрки под руководством клана *Ашина* восстали и вновь на короткое время воссоздали *Тюркский каганат* (687 –

745 гг.) [159, с. 28; 255; 193, с. 194; 238, с. 28; 483]. Самыми первыми тюркскими фольклорными памятниками, зафиксированными в VI в. и отразившими ранний этап тюркского этногенеза, являются генеологические легенды о происхождении племени *Ашина*.

Духовная культура древних тюрков была довольно развитой и сложной. На этом важном этапе до принятия ислама, доминирующей и полностью сформированной религией у тюркских народов являлось *тенгрианство*. В орхонских рунических текстах названы лишь три божества – *Тенгри*, *Умай* и *Ыдук Йер-Суб* [231, с. 263]. Доказательством этому служат надписи в орхонских эпитафиях: «Вначале было вверху голубое небо, а внизу темная земля; появились между ними сыны человеческие» [159, с. 78]. Согласно орхоно-енисейским надписям, действительность существует благодаря воле *Тенгри*, который является владыкой, верховным божеством древнетюркского мира. Тюрки называли его *Кук Тенгри*. Слово *тәңре* зафиксировано почти во всех тюркских и монгольских языках, а также в китайском и на языке шумерском. Большинство исследователей предполагает праалтайское происхождение данного теонима. В орхоно-енисейских текстах *kök tenḡi* называет часть космоса, основное значение термина связано с ближним небом, куда взлетают птицы [231, с. 263; 255, с. 121]. По древнетюркским религиозным воззрениям, всевышний – это прежде всего бог небес. Личное имя младшего сына правителя Билге кагана был посвящено *богу небес*, его звали *Тенгри каган* (734 – 741). В орхоно-енисейских надгробных памятниках компонент Тенгри зафиксирован в именах: *Ögrünç Tengri*, *Kunçıu Tengri*, *Kut Tengri Hatun* и др. Как утверждают историки, язычество древних тюрков было своеобразным, в своей основе оно тяготело к единобожию, монотеизму, поэтому его вполне можно выделить из среды примитивных языческих религий и рассматривать как самостоятельную религию – *тенгрианство* [254, с. 263; 162, с. 25]. Именно *Тенгри* распоряжается всем происходящим в мире и, прежде всего, судьбами людей. Древний человек подчиняется небесному богу, который сотворил космос, вселенную. Поэтому в среду древних тюрков проникали и другие религиозные учения, в частности

манихейство [237, с. 39], в котором особое внимание уделяется учению о Солнце, Луне. Поклонение духу неба сохранилось до начала XX века, хотя и претерпело значительную метаморфозу, получив персидское название *Ходай* [159, с. 80]. Антропокомпонент *тәңре* встречается в составе современных башкирских антропонимов *Тәңребирзе*, *Тәңрегол*, в татарских личных именах *Тәңребирде*, *Тәңребиргән* и др.

Содержательная сторона текстов эпитафий в увязке с языковыми средствами их выражений исследована в монографии И.В. Кормушина «Тюркские енисейские эпитафии. Грамматика. Текстология» [264]. Автор особое внимание уделяет участникам актов коммуникаций – писавшим, читателям и меморанту. При этом палеографист раскрывает когнитивное, эмоциональное содержание в прагматике и семантике личных имен. В енисейских эпитафиях И.В. Кормушин выделяет следующие типы формул именованья: 1) я [меморант] или он [меморант] – такой-то (следует оним); 2) мое (меморанта) имя – такое-то (следует оним) [264, с. 290]. Согласно выделенным типам формул именованья, репрезентируются следующие модели личных имен в орхоно-енисейских эпитафиях: 1) личное имя: *Vulgak* «мятеж» [635, с. 135]; *Bukug* [635, с. 134]; *Quugun* «белый» и др.; 2) личное имя + эпитет + титул: *Qälqıtıq İnal öge* [264, с. 325], *калыктык + инал* «высокородный, благородный» + *оге* «первый министр»; *Öçin Külig Tirig* < *очин* + *кюлиг* «знаменитый» + *тириг* «титул»; *Arslan Küliy Tirig* [264, с. 315] < *арслан* «лев» + *кюлиг* «знаменитый», *тириг* «титул»; *Bilge Kutluw Kağan* [635, с. 129] < *билге* + *кутлуг* «счастливейший» + *каган* «титул» [635, с. 129]. 3) личное имя + эпитет: *Toğan Külig* [635, с. 44] < *тоган* «сокол» + *кюлиг* «знаменитый»; *Küçbars Qülig* < *кючбарс* + «знаменитый»; *Qut Bars* < *кут* «благо; благодатный» + *барс* «тигр», *Küç Qıjayan* < «не отступающий перед силой»; 4) личное имя + титул: *Qutluw Ğigši* < *кутлуг* «благословенный» + *чигши* «чиновник по счету»; *Toña Kulig* [264, с. 327] < *тонга* «леопард» + титул; *Alp Turan* < *алп* «отважный» + *туран*; *Küni Tirig* [264, с. 323] < *куни* + титул; *Elçi Ğor* < *эльчи* + *чор* «один из высших титулов, обозначающих принадлежность к знатным людям до занятия ими какого-либо высокого поста»; *Qara Bars İnançu*

Ėigři < *кара барс* «черный барс» + *инанчи* «доверенное лицо» + *чигши* «особоуполномоченный»; *Tadık Ėor* [635, с. 169]; *Alp Kağan* [635, с. 120]; *Begim Tigin* [635, с. 128]; *Bumın Kağan* [635, с. 135]; *Çan SeĖun* [635, с. 136] < *чан* + *санун* «генерал» ; *İstemi Kağan* [635, с. 144]; *Koşu Totok* [635, с. 153]; *Kül Ėor* [635, с. 156]; *Kül İrkin* [635, с. 156]; *Kül Tigin* [635, с. 156]; *Yolluk Tegin* [635, с. 191] < *йоллук* «счастливый» встречается во многих тюркских языках: тув. *çoldug* «счастливый», каракалп. *collu*, ногайск. *yollu* + «принц» и др.; 5) личное имя + термин родства: *Külig Yägän* «знаменитый племянник»; *Silig Yägän* и др.; 6) отглагольные имена: *Öz Toydı* «рожденный сам»; 7) личное имя+родовая принадлежность: *Qoçyar Töläs* [264, с. 328] < *кочгар* «баран» + *телес* «этническое название народа» .

§ 3.1.1. Древнетюркский пласт именной системы тюркских языков

В рамках данного подраздела мы предприняли систематизацию личных имен древнетюркского периода в орхоно-енисейских памятниках, которые являются общими для всех исследуемых тюркских языков. Материалы «Древнетюркского словаря» [171] в исследовании привлекались для сравнения и выявления исторической связи с антропонимами в рунических и енисейских надписях. Следует сказать, что, к сожалению, в памятниках древнетюркской письменности женские личные имена представлены в незначительном количестве, поэтому нам приходилось оперировать преимущественно мужскими личными именами.

Семантика антропокомпонентов и антропоформантов личных имен отличается многообразием компонентов, образованных от титулярной лексики. Согласно исследованиям татарского ономатолога Г.Р. Галиуллиной, социальные детерминативы в определенной степени были связаны с анимистическими верованиями, к которым относятся компоненты *каган*, *хан*, *тархан*, *бэк*, *бай* и др. [131, с. 80]. Известно, что в орхоно-енисейских памятниках, упоминаются в

основном личные имена людей высших слоев, в которых титулярные компоненты не только обозначали принадлежность человека к какому-либо обществу, но и являлись фамилией, выполняя тем самым функцию идентификации. Также функцию фамилии выполняли слова, обозначающие этническую принадлежность человека. К примеру, в личном имени *Qoçyar Töläs* второй компонент обозначает этническое название. В орхонских надписях личные имена в основном древнетюркского происхождения, однако в уйгурских памятниках встречаются личные имена китайского, индийского, арабского и персидского происхождения. Так, часто встречающееся в личных именах титулярное название *saŋgun* китайского происхождения [632, с. 165], обозначает «военно-административный титул, распространенный как среди тюркской знати, так и среди других народов Центральной и Средней Азии» [254, с. 132; 171, с. 485]. Как утверждает И.В. Кормушин, термин *saŋgun* китайского происхождения имеет значение «генерал» [264, с. 302] и «начал распространяться после распада Восточнотюркского каганата, когда 500 предводителям тюркских племен в Китайском императорстве дали чин *сенгун*» [255, с. 115]. Об этом упоминается в памятниках, посвященных *Куль Тегину*. Данный компонент участвует в образовании личных имен: *Bars Kaŋ Seŋün, İsig Seŋün, Kars Seŋün, Kunı Seŋün, Külüg Seŋün, Çaça Seŋün, Ut Seŋün* и др.

Компонент китайского происхождения *çigši / čikši* «особоуполномоченный» [171, с.145; 264, с. 302] используется в антропонимах *Bağatur Čigši, Çik Bilge Čigši, Kül Čigši, Kadir Čigši, Kutlug Čigši, Urungu Tudun Čigši*. Титул *Yabgu* [635, с. 183] обозначает чин после кагана. Однако, согласно утверждениям Е.И. Кычанова, *çigši / čikši* – это посыльные, чиновники, делегируемые из центра на места с каким-либо поручением [281, с. 179]. Также в личных именах к компонентам нетюркского происхождения относятся названия титулов: *saŋgun, çigši, kunöuy, isbara* и нек. др.

В исследовании нами были выявлены личные имена, образованные от титулонимов тюркского происхождения: *kağan, beg, buyruk, şad, katun, kan, tigin, tarkan, urungu, boyla, bilge, tamgan, inançu, oğlan* и др. В орхоно-енисейских

эпитафиях компонент *Buyruk / Buuruk* [635, с. 135] в личных именах является обобщающим названием всех титулярных названий. Слово *буйрук* иногда употребляется в качестве личного имени: *Kutluğ Bağa Tarkan Öge Buyruku ben* (Я – Кутлуг Бага Таракан Оге Буйрук).

В исследовании выделен компонент *kan / han* в значении «хан, правитель суверенного государственного образования» [264, с. 297], употребляемый в личных именах *Kan Elçi, Kan Oğul, Kan Toyin, Bars Kan Sangun, Bögü Kan, Kara Kan*. Хан являлся олицетворением сакральных функций своего государства и считался гарантом стабильности. Исследования Г.Р. Галиуллиной показывают, что мифопоэтическое значение данного компонента связано с единым божеством древних тюрков [131, с. 82]. Не случайно в орхоно-енисейских эпитафиях *хан* отождествляется с *Тенгри* и с небом: ср. *tänri qanım* «досл. мой божественный хан!», *elim qanı-a täñritäğim* «о моя страна, мой хан, мой небоподобный» [264, с. 272]. Иногда в орхоно-енисейских эпитафиях термины *хан* и *каган* взаимозаменяются, однако, как утверждает И.В. Кормушин, слово *каган* носило во II Восточнотюркском каганате более официальный характер, а *хан* – более обыденный и привычный [264, с. 269]. Поэтому в эпитафических надписях характерно употребление компонента *хан*, т.к. «в них речь идет о части тюркских племен, а не о всей их совокупности, составившей каганат» [70, с. 62]. В татарской антропонимической системе компонент *хан* является активным и в последующие периоды развития татарского антропонимикона. К примеру, в начале XXI века возрастает употребление личных имен *Тимерхан, Хантимер, Ханбэк, Арсланхан* и др.

Семантической связкой компонента *хан* является широкораспространенный компонент *Beg* [635, с. 135] в значении «правитель, вождь, бек, князь, господин» [171, с. 128], который встречается в антропонимах *Bilge Beg, Beg Arslan, Beg Bars, Beg Boga, beg Çur, Beg Timur, Beg Turmuş, Üriing Beg*. Согласно В.В. Бартольду, в титулярном термине *beg / beu* выделяются несколько значений: 1) человек благородного происхождения; 2) правитель небольшого племени или небольшой родовой группы; 3) всякое начальство в прямом смысле этого слова [60, с. 502].

Однако по утверждениям И.В. Кормушина, компонентом *Beg* могли именоваться довольно широкие представители родоплеменной верхушки, сам титул обычно не связывался с самостоятельным политическим статусом бека-вождя [264, с. 272]. Также есть мнение, что носивший титул *бек* этим явно подчеркивал свой суверенитет. Исследование данного компонента показало, что это единственный компонент, который употребляется во все периоды эволюции татарской антропонимической системы.

В исследовании был выделен компонент *čur/ čor* [635, с. 136] в значении «один из высших титулов, который не является должностным званием и принадлежал знатным людям до занятия ими какого-либо высокого поста» [264, с. 299], зафиксированный в именах *Čur Tegin, Beg Čur, Kül Čur, Küli Čor, Oglan Čur, Yegen Čur*.

Компонент *inančï < innču* «доверенное лицо» [264, с. 305] встречается в антропонимах *İnančï Beg, İnančï Saçu, İnančï Mengü, İnančï Alp, İnančï Çur, İnančï Külüğ Çeksi*. Согласно И.В. Кормушину, это скорее всего не титул и не звание, а постоянный эпитет человека, носящего какие-то другие звания [264, с. 305].

Титул *таркан* был одним из высших в рамках военно-административных иерархий тюркских каганатов [255, с. 136]. Как утверждает И.В. Кормушин, *таркан* – титулярное название правителя области [264, с. 303], которое в енисейских надписях встречается с детерминантом *мудрый*: *bögü tarkan* «мудрый таркан». Как нам кажется, возможно, семантика в личных именах с компонентом *Tarkan / Targan* [635, с. 171] вместе с титулярной семантикой имеет значение «мудрый»: *Ayluç Tarkan, Altun Tamgan Tarkan, Kegilinç Tarkan, Oğul Tarkan, İşbara Tarkan*.

В древнетюркском языке титул *Tutuq* имеет значение «главнокомандующий» [171, с. 593]. Однако И.В. Кормушин вычленяет более широкое значение данного слова, доказывая, что это титулярное слово, обозначающее должность наместника области или края с иноэтничным населением, назначаемого центральным правительством из членов правящего дома или близких к династии людей; одновременно это и служебный ранг [264, с.

300]. Такого же мнения придерживается и И.А. Батманов, считая, что тутук – это родовой князь, представитель родоплеменной знати в мелких племенах; управитель небольшой области [70, с. 62]. В словаре Махмута ал-Кашгари зафиксировано личное имя *Tutuk* [290, с. 316]. Но в других древнетюркских памятниках компонент *Тутук* используется в качестве второго компонента личного имени [264, с. 328]: *Tutuq, Adak Tutuq, Alp Tutuq, Budak Tutuq, Buzaç Tutuq, El Togan Tutuq, Yabaş Tutuq, Yağmış Tutuq, Kök Amaş Tutuq, Künç Tutuq, Öz ara Tutuq, Soyan Tutuq, Tay Bilge Tutuq*.

В древнетюркских источниках женские личные имена встречаются редко. Древнетюркский термин *Katun* означает «царицу, госпожу», он зафиксирован в личных именах [635, с. 148]: *İlbige Katun, Oğlağu Katun, Terken Katun, Kuma Katun, Kut Tengri Katun, Turuş Katun* и др. Как утверждает Г. Айдаров, термин *Katun* сначала обозначал жену важного человека, затем использовался лишь в значении жена [4, с. 76]. В позднейших исторических источниках начинают функционировать синонимические соответствия *ханым, ханбикэ, бикем*. Очень интересен тот факт, что в золотоордынский период встречается употребление словосочетания *алтын ханым* [237, с. 126].

В исследовании было выявлено, что в древнетюркской антропонимии между именами и титулярной лексикой не существовало разграничений. По древнетюркским обычаям имянаречения имя давалось при рождении, затем, после совершения подвига, давалось новое мужское имя, позднее к именам добавлялись, согласно положению в занимаемых кругах, различные титулы. В исследовании доказано, что титулярные компоненты играли огромную роль в функциональном отношении и в процессе развития тюркской антропонимии, когда они начали выполнять функцию самостоятельных личных имен.

В исследовании были выявлены личные имена, обозначающие физиологические и психологические особенности человека. В орхоно-енисейских надписях представителям высшей знати присваивались дополнительные эпитеты к именам. Чаще других, в орхоно-енисейских надписях встречаются компоненты 1) *bilgä* «мудрый» [264, с. 318; 635, с. 129; 171, с. 99], *alp* «меткий стрелок»;

2) герой, богатырь, витязь; 3) отважный, храбрый, смелый» [264, с. 315; 635, с. 120; 171, с. 36]; 4) *küçlüg* «сильный, могущественный» [635, с. 156; 171, с. 323] характеризуют особенности данного человека, воссоздают языковое сознание человека древнетюркской эпохи, национальным идеалом которого является мудрый, сильный, мужественный мужчина. Компонент *bilgä* «мудрый» является бинарным, употребляется во многих личных именах. Известный в эпитафических надписях *Билге Каган*, как утверждают исследователи, был мягким, осторожным и мудрым правителем, поэтому мотив мудрости запечатлен и в семантике имени [4, с. 102]. Среди женских имен известным является *Илбилге* – имя жены Билге Кагана и Кюль Тегина. Мотив силы *Küç* [635, с. 156; 171, с. 322] довольно распространен в орхоно-енисейских эпитафиях: *Küç Barlıg, Küç Kül Tutuk, Küç Tegin, Küç Temir, Kılıç Küç Kara, Küç Kıyagan*. Как показывает лингвистическое исследование, к личным именам каганов и ханов дополнительно прибавлялись слова, называющие ум, мудрость, силу, мощь и др. Древние тюрки верили, что все эти свойства были даны *Тенгри* и сами эти люди были посланы *Всевышним*. В орхоно-енисейских надписях об этом свидетельствуют определения: *Tengride bolmuş, Tengri teg kut bulmuş, Tengri kötürmüş, Tengride kut bulmuş* [635, с. 173].

В древнетюркском мире наиболее ценным представлялся хороший нрав, поведение человека, которое впоследствии отражалось в личных именах, образованных при помощи компонента 1) *Qılıq* «поведение, характер, нрав; 2) основное свойство, сущность, природа» [171, с. 443]: *Qılıq Çıgsı, Qılıq Çur, Qılıq İnan Çaça Sengün, Qılıq Şangun, Qılıq Tirig, Qılıq Tutuk, Qılıq Urungu*.

Мотив пожелания ребенку здоровья и невредимости содержится в личных именах, образованных при помощи компонента *Esän* «здоровый, невредимый» [171, с. 183]: *Esän, Esän Buka, Esän Kaya, Esän Tegin Esän Timur, Esän Tutuk* и др. В словаре М. Кашгари «Диван» указано и синонимичное значение слова *Esän* – «благополучие». Таким образом, данное слово может выступать мотивом пожелания ребенку благополучия, здоровья. В семантике данных личных имен содержится сакральная вера в слово – так были образованы личные имена-обереги.

В орхоно-енисейских надписях компонент *Uluу* «большой» [264, с. 328; 635, с. 181; 171, с. 610] встречается лишь в нескольких личных именах *Uluу ordu Beg*, *Uluу Türük* и др. Однако можно предположить, что данный компонент может означать не только возраст, физические данные, но и звания и титул. Данное предположение доказывается также утверждениями историка Д.М. Исхакова, который считает, что в племени царицы-катун *Aшидэ (Аштак)* находился канцлер-сопроводитель кагана с титулом *Uluу* [237, с. 33], ср. узб. Улубег «Великий князь».

В древнетюркском языке названия животных и хищных птиц играют важную роль в образовании личных имен. Если мужские личные имена содержат в своей семантике названия хищных животных, то в семантике женских личных имен – названия красивых и изящных животных. Рассмотрим наиболее частотные компоненты и антропонимы. Компонент *Bars* «тигр» [264, с. 318; 635, с. 126; 171, с. 84] зафиксирован в именах: *Bars Beğ*, *Bars Kan Sangun*, *Bars Urungu*, *Kutadmiş Bars*, *Küç Barslığ*, *Bars Boğa*, *Tüz Bay Bars*, *Kara Bars*, *Oğul Bars* и др.

По древним поверьям тюркских народов лев считался символом мужества, силы, превосходства и др. Компонент *Arslan* «лев» [264, с. 315; 171, с. 55] в орхоно-енисейских надписях встречается в личных именах: *Arslan Tegin*, *Arslan Balban*, *Arslan Çik Toğrul*, *Çiğil Arslan*. Компонент *Toğrul* «сокол» в именах *Adam Toğrul*, *Alp Toğrul*, *Basa Toğrul*, *Ozmiş Toğrul*, *Kutan Toğrul* [171, с. 538]. «В символике среднеазиатских народов ловчие птицы – ястреб и сокол – отождествляются с образом богатыря, олицетворяя его ловкость и красоту, являясь символом небесного божества (*кок тенгри*) древних тюрков» [596, с. 156]. В древних сказаниях на самом верху Байтерека восседал двуглавый сокол, который, окинув взором все мировое пространство и заметив приближение врагов – злых духов, бросался навстречу им и вступал в битву [635]. В личных именах с данным компонентом усматриваются следы тотемистических представлений кочевого уклада жизни древних тюрков.

В древнетюркской антропонимической системе, согласно концепции тенгрианства, прослеживается связь стихии человека с природой, которая отражается прежде всего в личных именах, образованных от названий культов светил, солнца, луны, звезд, которые являются атрибутами небесного бога. В орхоно-енисейских памятниках компоненты *солнце и луна* составляют в основном парное сочетание и располагаются рядом с понятием хан или родина: *elim qanım-a äsüz bökmädım kün aj äsüz jita* «мое государство, мой хан, как жаль, я не наслаждался! Солнце, луна, как грустно!» [264, с. 278], что дает основание полагать, что в религиозно-мировоззренческой системе древних тюрков солнце и луна относились к одному божеству. Однако в личных именах данные компоненты выражают разные понятия и тем самым относятся к различным культовым представлениям тюрков. В орхоно-енисейских памятниках зафиксированы личные имена с компонентом: Ау «месяц, луна» [264, с. 315; 635, с. 135; 171, с. 24]: *Au Kağan, Au, Au Ölütüçü, Au Toldu, Au Silig, Au Çeçek, Au Han* и др. В древнетюркском языке слово *kün* имеет значение «солнце» [264, с. 323; 635, с. 157; 171, с. 327]. С данным словом зафиксированы личные имена: *Kün, Kün Bermiş Sengün, Kün Doğdu*. Как уже было сказано в предыдущих разделах, *көн* (солнце) – это символ света, красоты, свободы, плодородия. Компонент *көн* вместе с символикой света, красоты и т.д. означает и время рождения ребенка.

В древнетюркском языке компонент *ир/ер* зафиксирован в личных именах *Er Büri, Er Buğa, Er Toyış* [635, с. 135; 171, с. 175] и, возможно, исходит от «самых активных первичных тюркских этнонимов – *ар/эр/ир/эрк* «мужчины, люди» [194, с. 124]. Как утверждает И.В. Кормушин, в енисейских надписях *эром* называют мужчину – воина и свою собственную армию или личную гвардию и воинов противника, с которыми сражались [264, с. 285]. Как нам кажется, в личных именах вместе со значением «воина», употребляется и детерминированное значение «сильный, смелый», доказательством этому является употребление доблестных компонентов в характеристике *ир-эр* в орхоно-енисейских эпитафиях: *älpin ücün ärdämın ücün* «во имя его геройства, во имя его доблести» [264, с. 286].

В древнетюркском этнокультурном пространстве необходимый для лития оружия металл – железо (*temür*) [635, с. 173] считалось олицетворением, возвышением стихии неодушевленных предметов. Железо упоминается во многих легендах и притчах о происхождении древних тюрков. В древнетюркском языке в поговорке *kök tämür kärü turmas* «закаленное железо не будет лежать без применения» [290, с. 302] в железе олицетворяется мощь, сила. Известно, что кыргызы, ябаку, кыпчаки и другие, когда велят кому-нибудь покаяться или принять присягу, выставляют перед ним остро отточенный меч [231, с. 342]. Суть действия - «пусть войдет это синее и выйдет красное», то есть пусть прольется кровь, если ты не сдержишь слово. В этом действии отражалась священность железа (он будет убит железом, железо отомстит ему, так как железо священо). О священности железа упоминается и в труде Л. Гумилева: «Хунны обожествляли железо, которое считалось «мечом Марса» у римлян. Всегда носили в карманах железный нож как амулет. На границах Тюркской империи послам Византии на религиозных торжествах всегда дарили железо» [159, с. 82]. В древнетюркском языке зафиксированы личные имена *Temür Tuуа, Baj Temür, Eltemür, Esan Temür* [171, с. 533].

Вера в магическую силу предметов, поклонение им отражается в личных именах *Ташбакты, Ташкай, Ташкабан* и др. В древнетюркском языке слово *таш* – *taş* [635, с. 171; 264, с. 326] имеет следующие значения: 1) *камень*; 2) *вид; внешний вид* [171, с. 539]. В личных именах с компонентом *таш* «камень» сохранился мотив пожелания ребенку крепости как камень.

Личные имена с компонентом *иш* широко распространены и употребительны. В древнетюркском языке *иш* имеет значение «пара, друг, спутник» [171, с. 139], «товарищ» [290, с. 89]. Личными именами с данным компонентом нарекали детей в семьях, где умирали первенцы. С помощью компонента *иш* образованы следующие личные имена: *Ишем, Ишкэй, Ишэй* и др. Как утверждает Г.Ф. Саттаров, личные имена *Ишем – Ишим* образованы от компонента *иш* «ребенок» и окончания принадлежности 1-го лица *-им/-ем* [410,

с. 19]. В составе личного имени *Ишкэй* от компонента *иш* и уменьшительно-ласкательного окончания *-кай/-кэй*. Данное личное имя является основой фамилий *Ишаев, Ишеев* и др.

Таким образом, самые ранние и достоверные образцы антропонимической системы древних тюрков представлены в орхоно-енисейских надписях, посвященных правителям Тюркского каганата (*Кюль-Тегин, Билге-Каган, Туньюкук*). Согласно И.В. Кормушину, соответствующие тюркоязычные этносы со времен первых письменных памятников уже достаточно время существовали отдельно друг от друга, что и заложило основы их языковой дивергенции [264, с. 5]. Л.Н. Гумилев утверждает, что «тюрки не носили одного и того же имени от рождения до смерти, как европейцы. Имя тюрка всегда указывало на его положение в обществе. Мальчиком он имел кличку, юношей – чин, мужем – титул, а если был хан – то титул менялся согласно удельно-лестничной системе» [159, с. 82]. У древних тюрков имена давались при рождении, после рождения: в юности, в молодости, в старости. Имена, полученные при рождении, назывались *ада атым, оглан атым*, полученные после рождения – *эр атым*, его получал любой юноша, достигший определенного возраста. Каждый воин обозначался термином *эр*, получение которого было связано с обрядом инициации, которому предшествовало совершение юношей охотничьего или воинского подвига [231, с. 254]. Получив мужское имя, к его имени присоединяются воинские титулы, указывающие на его известность или место в военно-административной иерархии каганата. В енисейских памятниках упоминается следующее: *oylan atim čibuč inal ärtä ätim kümül ögä* «мое юношеское имя – *Чабуч-инал*, мое ратное имя – *Огя* (народа) кюмлей» [264, с. 254]. Изменение титула человека, повышение по социальной лестнице становилось причиной переименования. Обычно личные имена, полученные при рождении, не менялись, а менялись лишь титулы. Резюмируя, следует сказать, что титулярные названия играли важную роль в образовании личных имен в древнетюркском языке.

§ 3.2. Средневековый период развития и функционирования антропонимикона (X – XV вв.)

«После поражения Аттилы от римского полководца Аэция и отхода гуннов в Восточную Европу образовались два мощных каганата – Булгарский и Хазарский, а затем Печенежский (Огузский) и Половецкий (Кыпчакский) племенные союзы, оставившие в исторических источниках и документах свои собственные имена, которые для этих языков (в особенности для хуннского, болгарского и печенежского) являются чуть ли не единственными источниками сведений об их основных особенностях» [68, с. 120]. Старотатарский литературный язык сложился на основе болгаро-кыпчакских диалектов Поволжья и Приуралья и функционировал в хронологических рамках XII – середины XIX вв. Историческую связь болгарских, кыпчакских, огузских племен с татарами Поволжья доказывают элементы, которые сохранились в личных именах [236; 451]. Средневековый период в развитии татарской антропонимики, безусловно, имеет много общего с древнетюркским периодом и играет важную стратегическую роль в формировании мусульманских личных имен. Как известно, официальное принятие ислама в 922 г. Волжской Булгарией кардинально повлияло на развитие именослова, который получил дальнейшее развитие и в последующие эпохи (XV – XIX вв.).

Ценным письменным источником в изучении средневекового периода является энциклопедический словарь Махмута ал-Кашгари «Диван лугат-ат-тюрк» (1068 – 1072 гг.), «написанный в 1068-1072 гг., с целью обучения тюркскому языку» [294, с. 13]. Как указывает сам автор «Дивана...», побудительным мотивом написания словаря послужило военно-политическое возвышение тюрков: «Я увидел, что Всевышний Бог заставил солнце судьбы взойти в зодиаке тюрков и установил их царство среди небесных сфер и что он назвал их тюрками, облек их властью, сделав их государями нашего времени, и вложил в их руки бразды [правления] преходящего, вознеся их над всем человечеством» [290, с. 21]. Словарь Махмуда ал-Кашгари «Диван лугат ат-тюрк»

является энциклопедией большей части тюркского мира, в котором представлены общие для z-, š- язычных тюркских народов исторические, этнографические, лингвистические, в частности ономастические данные.

Исследования по ономастике «Дивана...» представлены в работах Б. Аталая, В.В. Бартольда, Т.А. Боровковой, С. Волина, Д. Класона, Х. Хасанова, В.У. Махрипова. Как отмечает В. Махрипов, «в своих толкованиях того или иного словарного слова ученый приводит чрезвычайно интересные и уникальные сведения, имеющие непосредственное отношение к ономастической науке, в том числе и к антропонимике» [294, с. 166]. Об отборе антропонимического материала Махмуда ал-Кашгари сообщает, что «в отношении мужских и женских имен, кроме тех, что очень распространены и правильное знание которых необходимо, я привел наиболее известные из них» [290, с. 72]. В «Диване ...» приводятся 110 антропонимических единиц тюркского, арабского, персидского происхождения, большую часть которых составляют личные имена тюркского происхождения. Как утверждает В.У. Махрипов, в «Диване ...» еще в XI веке арабская и иранская антропонимия занимала значительное место в системе личных имен тюрков. Однако, как видно из словаря, Махмут ал-Кашгари дает предпочтение в основном личным именам тюркского происхождения. Исследования показывают, что в «Диване...» личные имена тюркского происхождения отражают древние верования тюрков, связанные с названиями культов неба, светил: *Aj* [290, с. 114], *Kün* [290, с. 288]). Личные имена, связанные с животным миром: *As* «горностай» [290, с. 113; 171, с. 59], *Bars* «тигр» [290, с. 291; 171, с. 84], *Şayri* «сокол» [290, с. 345; 171, с. 136], *Laşın* «сокол» [290, с. 337], *Toyrıl* «хищная птица» [290, с. 387], *Tonğa* «леопард» [171, с. 575], *Yagan* «слон» [171, с. 224], *Büke* «большая змея» [171, с. 132], *Qaran* [290, 341], *Boyra Kara Han* «верблюд-самец» [290, с. 345]. Многие исследователи придерживаются мнения, что все имена, образованные от названий животных, относятся к тотемным именам, однако следует отметить, что не все антропонимы от названий животных являются тотемными. Как нам кажется, при изучении важным является привлечение фольклорно-этнографических, диалектных материалов, доказывающих, что данные имена

действительно были тотемами. К примеру, личное имя, зафиксированное в «Диване...» *Boŷra Kara Han* «верблюд-самец» [290, с. 345], является тотемом. Он встречается и в кыргызском эпическом дастане «Манас». Личные имена с данным компонентом часто употребляются в составе имен караханидских правителей, это и доказывает, что название *Boŷra* являлось тотемом караханидов. В основном имена, в семантике которых есть названия животных, относятся к именам аристократической знати.

В «Диване ... » большое значение придавалось именам-символам с мотивом пожелания храбрости, крепости и мудрости, что отражается и в именах, образованных от названий камней, металлов: *Altun* [290, с. 140] «золото», *Kïmïŷ* [290, с. 309] «серебро» (жен. *Kïmïŷ tegin*).

В исследовании были выявлены отглагольные антропонимы: *Atmïŷ* <at «кинь» + *mïŷ* - аффикс со значением прошедшего неочевидного или прошедшего повествовательного, *Bektur* [290, с. 370] < *bek* «бек» + *tur* «будь», *Katmïŷ* [290, с. 372] < *kat* «становится твердым; непоколебимым» + *mïŷ*, *Otamïŷ* [290, с. 124] < *ota* «лечит» + *mïŷ*; *Beglen* [290, с. 444] «береги себя», *Utar* [290, с. 367] «победит», *Tapar* [290, с.361] «найдет» и др. Как нам кажется, личные имена, образованные от глагольных антропонимов, принадлежат к древнему слою языка, довольно ясно отражающему магические представления древних тюрков.

В словаре ал-Кашгари «Диван лугат ат-тюрк» отмечены личные имена, эксплицирующие внешние и внутренние качества именуемого: *Alp* «меткий стрелок; отважный, храбрый; герой, богатырь» [290, с. 85; 171, с. 36] < *Alp tigin* [290, с. 340], *Alp Er*, *Yawlağ sarığ* «крепкий отважный» [171, с. 249], *Alp Aya* [290, с. 208]. *Bulgak* «смута, волнение» [290, с. 377; 171, с. 122], *Kılıç Han* «шпага» и др. Исследование показало наличие в словаре «Диван ...» личных имен, отражающих ум, мудрость, знания человека: *Bilge Beg* [290, с. 428]; имена, отражающие различные особенности, свойства характера человека: *İnanç Beğ* «доверие» [290, с.133], *Yavlag Sarıg* «болтливый» [290, с. 177].

Семантика некоторых имен восходит к названиям этнонимов. К примеру, личное имя *Kotuk* [290, с. 338] – семантика от этнонима *кумык*; личное имя

Kanglı [290, с. 379] – семантика восходит к названию племен, проживавших в Приаралье и на Сырдарье, которые очевидно, влились в состав кыпчаков [237, с. 70].

В «Диване ...» содержатся личные имена, образованные от титулярных терминов, этимология которых помогает раскрыть первичную семантику, отличающуюся от первоначального функционального смысла и в процессе использования переходящую из разряда нарицательных в разряд собственных имен. В этом отношении примечателен титулярный термин *tigin*. Махмут ал-Кашгари отмечает, что первоначальная семантика слова тегин восходит к слову *раб*, а затем это слово превращается в титул [290, с. 298]. Данный компонент употребляется и в сочетании с названиями хищных птиц *Çayrı Tegin* «тегин, подобный соколу» [290, с. 340]. В «Диване...» приводятся имена с этим включением *Küç Tegin* [290, с. 413] «сильный тегин», *Kümüş Tegin* [290, с. 413] «раб светлокожий как серебро», *Alp Tegin* [290, с. 41] «выносливый, сильный тегин», *Kutlug Tigin* [290, с. 413] *tigin / tegin* «счастливый тегин».

Компонент *beg / bey* употребляется с названиями хищных птиц [290, с. 340], с его помощью образованы личные имена: *Inanç Beg* [290, с. 133], *Çağrı Beg* [290, с. 421], *Bilge Beg* [290, с. 428]. В «Диване ...» встречаются личные имена, образованные от титулярного компонента хан: *Kılıç Han* [290, с. 359], *Kadır Han* [290, с. 364], *Tavraç Han* [290, с. 454], *Muhammed Çakır Tonga Han* [290], *Boğra Kara Han* [290, с. 221] и др.

Таким образом, в среднетюркском пласте представлены общие с древнетюркским пластом понятия, наиболее существенные в этнокультурном пространстве мифологические представления, реалии и явления, общие для всех современных z-, ŷ- язычных тюркских народов. Нами было выявлено, что в среднетюркском пласте между именами и титулярной лексикой не существовали разграничения, это подчеркивается и в словаре Махмута ал-Кашгари, который взаимосвязывает значение титула и имени в слове *ät: cp. bæg anar ät berdi* «бег дал ему титул». В словаре Махмуда ал-Кашгари не представлены личные имена

и прозвищ r-, l- язычных тюрков (гуннов, болгар, хазар и предполагаемых предков чувашей).

Среднетюркский пласт имен характеризуется стратиграфией в антропонимиконе болгарских, огузских и кыпчакских элементов, которые определяют характер тюркских языков и показывают их последовательное бытование в этнокультурном пространстве Восточной Европы, т.е. «хронологическую стратификацию от более ранних по времени, к которым относятся народы и языки гуннов, болгар, к более позднему – огузов и кыпчаков. Наличие в среднетюркском пласте болгарских, кыпчакских и огузских элементов лексики, в том числе наличие элементов в ономастическом материале, доказано многими учеными» [576; 526; 527, с. 86 – 91; 206; 341; 131; 116; 236, с. 13; 451].

В исследовании был выявлен болгарский подпласт личных имен и сформулирован вывод, что «болгарский язык оказал влияние на формирование татарского языка. Историко-этнографические, археологические и антропологические данные также указывают на генетическую связь современных татар с булгарами» [236, с. 19]. Как утверждает М.З. Закиев, самыми близкими, неглубокими этническими корнями татар выступают многочисленные местные тюркские племена, консолидировавшиеся в период Булгарского государства в болгарский народ [194, с. 5]. Булгарский подпласт личных имен доказывает преемственность экономики, культуры, языка и антропонимической системы татарского и болгарского народов, а также является важным источником в выяснении этимологий лексических единиц болгарского происхождения, что является одной из актуальных проблем, требующих решения [194, с. 56]. С другой стороны, изучение болгарского подпласта личных имен является важным моментом доказательства родства болгарских племен с татарами, их этнической историей.

В начале X в. с распространением ислама арабо-персидская традиция проникла во все сферы жизни Волжской Булгарии, в том числе и в антропонимическую систему. Это было обусловлено постепенным исчезновением языческих представлений и культов, является свидетельством постепенного

растворения различных этнокультурных традиций в мусульманской среде, формирования новой этнокультурной традиции. Несмотря на тесное влияние исламской религии, в болгарских эпитафических надписях долгое время функционировали болгарские антропонимические единицы. Вплоть до XIII – XVII вв. не только в высших кругах, но и в низших слоях населения использовались языческие болгарские личные имена: *Армаш, Акбак, Бркай, Балтук, Бураш, Булартай, Блумиан, Биктимер, Ихидж, Исук, Инук, Исик, Йахам, Тимрадж, Тотай* и др. Как отмечает Г.В. Юсупов, многие болгарские имена надгробий XIII – XIV вв., а также эпитафий XV – XVIII вв. совпадают иногда буква в букву с именами этого списка: *Чура, Тук, Туктамыш, Аман, Балтач, Мамай, Булат, Тугаш, Бузнак, Чапкун, Йамаш, Ишкэй, Абак, Аксары* и др. [576, с. 248]. Исследование антропонимического реестра татар дает основание полагать, что некоторые имена функционируют и в современном антропонимиконе (*Булат*), некоторые из них функционировали вплоть до начала XIX в. (*Туктамыш, Аксары, Абак*).

В болгарских надгробных надписях Поволжья зафиксированы личные имена с компонентом *алып* «большой, бахадир»: *Алып, Алыпарслан, Алыптай* и др. [410, с. 45]. Имена *Алыпбай, Алыпкол, Алпар, Алапай* функционировали в реестре имен в XV – XIX вв., однако сегодня они встречаются лишь в современных фамилиях и названиях деревень. Например, в Алькеевском районе есть деревни с названием Иске Алпар, Новый Алпар.

Неотъемлемой частью языка являются и огузские элементы, проникновение и наличие в татарском языке которых обусловлено «историческими корнями, связанными не только с письменными традициями, но и с разговорным влиянием сельджуко-огузских племен, пришедших из южных степей и появившихся в Поволжье в X – XI вв.» [527, с. 87; 236, с. 357]. Огузские элементы присутствовали на всех стадиях развития старотатарского литературного языка [234, с. 779].

Одним из сильных тюркских племен, обитавших в Восточной Европе и Средней Азии в IX – XI вв., были печенеги. В 1040-е гг. в степи Подонья и

Северного Причерноморья вторглись тюрки-огузы – тюркское племя, жившее в Приаралье, где они создали государство, а также оседлые поселения и города [231, с. 318]. Огузские племена, значительно повлиявшие на общее состояние языка литературы и диалектов (наречий), находились на территории самого Булгарского государства и в соседних областях [236, с. 358]. Огузские элементы проникли и в антропонимическую систему. Г.В. Юсупов отмечает наличие ряда антропонимов огузского типа, зафиксированных в эпитафических памятниках: *Инал, Туки, Парау, Кукчэ* [576, с. 106]. Употребление личных имен огузского типа может наталкивать на мысль, что носители жили рядом на одной территории, в Волжской Булгарии, где господствовал язык огузокыпчакского типа, но они огузские племена, скорее всего проникали из огузской литературы, господствовавшей среди татар и других кыпчаков вплоть до середины XIII в.

В исследовании выявлено, что огузский подпласт составляют личные имена с окончанием прошедшего времени *-мыш/ -меш* (помимо современного турецкого языка эта форма активно употребляется и имеет полную личную парадигму спряжения в азербайджанском и гагаузском языках): *Утамеш* «выполнивший», *Утамешгарэй* «выполнивший», *Чикләмеш*, *Алдырмыш* «взявший», *Туктамыш* «остановившийся», *Иртумыш* < *ир* «мужчина родившийся», *Айтумыш* < *ай* «луна» + *тумыш* «родившийся», *Жантумыш* < *жан* «душа» + *тумыш* «родивших» и др. Личное имя булгарского царя Эль Алмыш тоже указывает на присутствие огузского признака (эль - страна, народ, государство и т.п. *ал* – глагол, *брать, взять, покорить* + афф. - *мыш* прошедшее категоричное время). К огузскому подпласту относятся архаичные формы мужских личных имен, образованные при помощи *-мак/-мэк*, а также производные от этих имен фамилии: *Бармак – Бармаков, Тумак – Тумаков, Бирмак – Бирмаков, Килмак-Килмяков* и др. К этому же подпласту относятся личные имена с показателем *-дык/-дек*: *Табылдык* «находка», *Куандык* «отрада», *Сагындык* «тоска», *Сөөндөк* «радость» и др.

В начале XI в. на границах Волжской Булгарии усиливается влияние кыпчаков (куманов, половцев) [237, с. 69], и исторические события

способствовали тому, что преобладающим стал кыпчакский язык [527, с. 87]. **Кыпчакские элементы** в татарском языке и в его диалектах занимают особое место [341; 451]. Средний диалект татарского языка в некоторых исследованиях связывают с йемеками – одним из племен *кимаков*, родственных с кыпчаками [61, с. 434; 333, с. 154]. Со второй половины XIII в. в новых исторических условиях на основе кыпчакского языка образуется письменный тюркский литературный язык [237, с. 88].

Наличие кыпчакских элементов в языке доказывается и в исследованиях Ф.С. Хакимзянова, который указывает, что под влиянием разговорного языка и языка деловых бумаг и документов, распространенных в улусе Джучи, средневековый тюркский язык был обогащен кыпчакскими элементами [526, с. 18]. В словаре Махмуда ал-Кашгари зафиксировано имя *Канглы*, которое, как утверждает ученый, принадлежало знатному человеку у кыпчаков [290]. Историки утверждают, что данное имя восходит к этнониму *канглы* – данный этнос проживал в Приаралье и в бассейне Сырдарьи и влился в состав кыпчаков [237, с. 70]. В подпласте кыпчакских личных имен выделяется личное имя *Гзак* – *Къза* – *Коза* – *Гза Бирюкович* – собственное имя кыпчакского князя Гзака: 1) *qozu* «ягненок» 2) *göz-i* «его глаза»+ *aq* «белый» < досл. его глаза белые < имеющий бельмо. Также следует выделить личные имена половецких князей: *Белдюз* – *Бельдюз* – *Веледюз* 1) *beli düz* «его талия, стройная», «имеющий стройный стан».

В исследовании старокыпчакского языка важным письменным памятником является тюрко-арабский словарь «Китабе мәңмуг тәржемәне вә гаҗәми вә моголи вә фарси», относящийся к XIII в. [278, с. 233], «языковые особенности которого находят свое отражение в современном татарском литературном языке» [527, с. 89]. В этом словаре зафиксированы личные имена: *Кутлубарс* < *кутлу* < *котлы* + *барс*, *Аккуш* < *ак* + *кош*, *Кунтогду кун* < *көн* + *тугды*, *Сункор* «сокол», *Санчар* «закалывающий», *Ялмак* «тушканчик», *Субашы* «глава войска», *Йунчу* «жемчуг», *Акбала* < *ак* + *бала*, *Йуваш* «кроткий», *Кичукине* «маленький, малюсенький», *Махалты* «луна», *Катыямз* «твердый, имеющий гриву», *Кучби* «караван + правитель», *Кутурбай* «кочующий бай», *Моголтай* «татар +

жеребенок», *Сокорча* «похожий на сункара», *Тоган* «хищная птица», *Тункуш* «ночная птица», *Хутлубе*, *Кутлубе* «счастливый правитель», *Кучбе* «сила+ правитель» и др.

В верованиях кыпчаков огромную роль играло почитание собаки или волка, которое отражается в личных именах кыпчакских вождей *Итлар* (и рода *Итобичи*), *Кутуз* «бешенный», *Кобяк* «большая собака», *Ит Барак* «длинношерстная собака», *Кучук* «щенок», которым приписывалось превращение в волка. *Боняк* – имя половецкого князя 1) *bojnu aq* «шея белая, белошейка» – часто встречающаяся у кыпчаков кличка собаки [63, с. 49]. В целом для системы верований различных племен кыпчаков были характерны анимизм, вера в небесные силы и р

азнообразных духов [238, с. 73]. Следует подчеркнуть важность культа волка для народов, которые занимались кочевым скотоводством и ведут свою родословную от волчицы.

Таким образом, средневековый период формирования и развития тюркских личных имен отразил лексические, фонетические, грамматические элементы болгарского, кыпчакского, огузского языков. Особенностью антропонимикона тюркских языков средневекового периода является прозрачная семантика, корни и производные основы слов, которые мало подвергнуты изменениям и в вышеупомянутых памятниках уже имели ту же семантику, что сохранились и в современных тюркских языках.

§ 3.3. Мусульманские традиции именованя в этнокультурном пространстве

Антропонимическая система татар с принятием ислама вступила на путь поэтапного изменения своих традиций именованя и имянаречения по причине проникновением в систему личных имен заимствований из арабского и персидского языков. «Ислам стал господствующей идеологией Волжской Булгарии» [232, с. 522; 545, с. 113 – 114] и его официальное принятие сыграло

ключевую роль в формировании бытового уклада, культуры, традиций татарского народа, «оформление которых способствовало расширению не только экономических, но культурных связей, так или иначе отражавших изменения, происходившие в мусульманском мире» [23, с. 8; 232, с. 522; 325, с. 12]. Согласно И.Л. Измайлову, «на глазах современников уже в X в. Булгария на международной арене выступала как мусульманская страна, а основное население страны придерживалось мусульманских обрядов и обычаев» [220, с. 40]. С принятием ислама утверждается арабское письмо – так начинается новый этап развития культурной и политической жизни Волжской Булгарии. «Язык и религия стали неотъемлемыми, как семиотические знаки, отражающие духовное богатство народа и национальной языковой личности, формировали национальную картину мира» [131, с. 113], поэтому принятие ислама оказало большое влияние на все лексические уровни тюрко-татарского языка. Как отмечает М.И. Махмутов, арабские слова и словосочетания арабского языка усваивались в течение многих столетий литературным языком эпохи Золотой Орды, Казанского ханства, а впоследствии – и татарским языком, часть из них с течением времени была подчинена фонетическим и морфологическим законам татарского языка [291, с. 10]. Проникновение в болгарский язык личных имен арабского происхождения начинается с 922 г. с принятием ислама, но «широкое распространение получает лишь к началу XIX в.» [410, с. 34], о чем свидетельствует и проведенный нами статистический анализ личных имен. Более того, в этнокультурном пространстве семантическая адаптация личных имен арабо-персидского пласта происходит постепенно и продолжается в течение нескольких столетий, их проникновение в антропонимическую систему можно рассматривать как культурную и духовную экспансии. Как известно, на начальном этапе принятия ислама арабо-персидские личные имена стали употребляться прежде всего в антропонимической системе аристократических слоев, а среди простого населения распространения и популярности не имели. Вопреки идеологии, соответствующей новой феодальной общественно-экономической формации, мусульманская культура именования и имянаречения не смогла полностью искоренить многовековые древнетюркские

традиции имянаречения, отражающие культовые силы тенгрианства. С одной стороны, универсализм ислама позволил впитывать локальные местные традиции именования и имянаречения, с другой – чужеродный для народного сознания ислам не смог сразу вытеснить философию тенгрианства, поэтому арабизация татарского именника происходила поэтапно, сначала осваивалась сознаниями верхушек, затем происходило постепенное приобщение народного сознания. Таким образом, мусульманские традиции имянаречения и именования, благодаря определенной трансформации, постепенно определили новые грани распространения и внедрения нового семантического объема в антропонимическую систему мусульманского этнокультурного пространства. «В Волжской Булгарии культово-обрядовые нормы ислама входили в быт и в сознание народа, переплетаясь с некоторыми устоявшимися доисламскими традициями и обычаями» [574, с. 28]. Как указывают исторические источники, с принятием ислама *Алмуш хан* стал называться мусульманским именем – *Джафар Ибн Абдаллах* [545, с. 96; 162], обряд его имянаречения подробно описывается в «Записках путешествия Ибн-Фадлана». Распространение среди местных беков мусульманских имен подтверждают и монеты X в. [162, с. 176]. В Волжской Булгарии известные ученые, богословы носили личные имена арабо-персидского происхождения, и в них прослеживается арабская культура именования: *Ходжа Ахмад аль-Булгари, Хамид бине Идрис аль-Булгари, Якуб ибн Нугман аль-Булгари, Сулейман ибн Даут ал-Саксани-Сувари, Бурханетдин Ибрахим аль-Ханафи, Ибрахим ал-Казани, Ибрахим бине Сөлэйман эс-Сараи* и др.

В 1236 г. в результате монгольских завоеваний Волжская Булгария потеряла государственность, независимость и полностью вошла в состав Золотой Орды в качестве ее улуса, в котором сохранялась ситуация веротерпимости. «В период Золотой Орды создалась своеобразная ситуация межконфессионального взаимодействия, определившая своеобразие распространения ислама, который в период 40 – 50-х гг. XIII в. отнюдь не был господствующей религией» [322, с. 59]. Половина населения страны оставались в язычестве, даже в пределах одной семьи сосуществовали разные веры. Однако в Джучиевом Улусе многочисленные

города, широкие торговые связи с внешним миром создавали самые благоприятные условия для развития мусульманской культуры. Золотоордынские правители стремились привлечь ко двору крупных ученых, богословов, поэтов, образованных людей из восточных стран [162, с. 250; 237, с. 109; 438; 326, с. 53]. Именно в золотоордынскую эпоху происходит развитие светской художественной литературы, сочиняется большое количество трудов по разным отраслям науки. Так, в результате деятельности ученых и писателей, владевших арабским языком, в лексику татарского языка проникает огромное количество арабских слов и антропонимов. Правивший в Золотой Орде в 1281 – 1287 гг. хан *Туда-Менгу* принимает ислам и отправляет посольство к египетскому султану «просить для него имя из мусульманских, которым он мог бы называться» [221, с. 21; 438, с. 8]. Узбек хан, сделавший «многое для того, чтобы ислам стал государственной религией в Джучиевом Улусе» [323, с. 28; 574, с. 33], приняв личное имя арабского происхождения *Мухаммад*, оставил и свое древнетюркское личное имя *Узбек*. Личное имя жены Узбека хана *Тайдуллы*, «сыгравшей значительную политическую роль в жизни Золотой Орды» [438, с. 393] также арабизировано, семантика второго компонента *улла / алла* (а.) (бог) имеет религиозное значение. Об образовании арабо-персидского пласта антропонимов свидетельствуют личные имена эпитафических надписей, датированных XIII – XIV вв., однако в них также отражается именная система состоятельных слоев. Историки отмечают, что, начиная с хана Узбека, который в монетах чеканил свое мусульманское имя «*Султан Мухаммад Узбек хан*», все другие Джучиды также имели, кроме тюркского, еще мусульманское имя – *Джанибек* (1379 – 1395) имел имя «*Султан Джалал ад-Дин Махмуд*», Токтамыш (1379 – 1395) - «*Султан Насир ад-Дин*» и др. [221, с. 22]. Таким образом, в этнокультурном пространстве золотоордынского периода аристократический слой сохранил традиционные древнетюркские личные имена *Биш Куртук, Барак, Бука Тимур, Бикләмиш, Бәк Тимур, Башмак, Ильбасмыш, Ильбука, Ильтутмуш, Караболат, Карабаһадир* и др. [438, с. 360], о чем свидетельствует исследование источников по золотоордынскому периоду. Интересен тот факт, что среди высших слоев

населения также прослеживается и употребление личных имен, отражающих тотемный культ древних тюрков: *Борак* (джучид, сын *Абукана*, внук *Бату*); *Бука Тимур* (джучид, сын *Тимур Буки* и *Баялун*), *Көнчек*, *Биш Бука*, *Букай*, *Арык Буга*, *Арслан* и др.

Во время своего правления *хан Берке* отправляет египетскому султану сообщение о принятии ислама и перечисляет имена всех татар, принявших ислам, в этом списке личные имена арабо-персидского происхождения представителей высшей знати, однако в именной модели идентификации сохраняются и древнетюркские имена, которые свидетельствуют о сохранении прочных древнетюркских традиций.

Особенностью развития антропонимической системы Золотой Орды являются личные имена арабо-персидского пласта, отражающие различные «течения ислама, которые были широко распространены в золотоордынский период» [325, с. 14]. В исторических источниках подтверждается, что народ и ханы Золотой Орды относили себя к ханафитскому течению [162, с. 208], однако помимо ханафитского течения были широко распространены шафитское, маликитские направления ислама [324, с. 14]. В средневековой антропонимической системе имя известного ученого XIV века *Бурханетдина Ибрагима Хозыра* имело еще и *тахаллус ал-Ханафи*. Люди шафиитского направления брали личные имена с детерминативой *ал-Шафи*. Так, ученые в своих именах отмечали не только свое религиозное отношение, но и принадлежность в определенном направлении ислама. Впоследствии мусульманская традиция имянаречения новорожденных по названию религиозного направления широко распространилась в золотоордынский период. К примеру, подобные имена (*Ханафи – Ханафия*, *Шафи – Шафия*, *Суфи – Суфия*) употребляются и в современном антропонимиконе, однако семантика религиозности утратила свою актуальность.

Распространившийся еще в домонгольский период и приобретший в Джучиевом Улусе официальный статус *суфизм* оказал существенное влияние на развитие ислама в Волго-Уральском регионе [249; 225, с. 311; 165, с. 215; 221, с.

45; 326, с. 69]. Более того, как отмечает М. Худяков, именно суфии оказали большое влияние на распространение мусульманства среди инородцев и на развитие народного просвещения в крае. Суфизм способствовал проникновению не только арабского пласта, но и распространению персидского пласта личных имен в широких народных массах, так как «суфизм был приспособлен к повседневным религиозным нуждам и способен отвечать внутреннему настрою обычных людей» [256, с. 162; 326, с. 72]. Поэтому, на наш взгляд, проникновение в антропонимическую модель именования компонентов *жан*, *нур*, *дил*, *хуш* и др., отражающих внутреннее состояние человека, его духовное начало, тесно переплетено с суфийским направлением ислама. Как отмечает Р. Мухаметшин, исламизация в этот период активизируется среди степного населения [325, с. 62]. В антропонимической системе золотоордынского периода прослеживается широкое распространение личных имен с компонентом *жан* среди аристократической знати: ср. *Жанибэк* (сын *Узбека*). Так, в личном имени *Жанкут* < жан (п.) + кут (тюрк.) переплетаются древнетюркские и восточные традиции именования. В письменных источниках золотоордынского периода среди знати прослеживается широкое употребление древнетюркского компонента *кут* в составе как женских, так и мужских личных имен, что, возможно, является прямым указанием принадлежности к ханскому роду: *Кутлуг Бука*, *Кутлукан*, *Куттуган*, *Кутлугхатун*, *Кутлуг*. В антропонимической системе золотоордынского периода прослеживается постепенное вхождение персидского компонента *жан*, употребляемого параллельно с древнетюркским компонентом *кут*, что свидетельствует о сохранении древнетюркского мировоззрения в сознании народа, отражающегося в национальной идентификации человека.

Таким образом, проникновение арабо-персидских заимствований в татарскую антропонимическую систему постепенно превращалось в традицию и укрепившись в нем основательно и пройдя определенные этапы фонетической, морфологической и семантической адаптации, стало основой для образования новых моделей антропонимов.

После распада Джучиева Улуса в первой половине XV в. образовалось новое болгаро-татарское государство – *Казанское ханство*, в котором ислам превращается в официальную государственную религию с твердо устоявшимися традициями [575, с. 34]. «Однако в условиях ликвидации государственности, лишения гражданских прав и духовного геноцида ислам для тюрко-мусульман остается идейной опорой сохранения своей исторической самобытности, средством противостояния идеологической агрессии самодержавия и православия. Именно в эту эпоху ислам, лишенный своего общественного статуса, глубоко укореняется в национальной психологии, культуре и образе жизни» [23, с. 6]. В этнокультурной жизни тюрко-татарских обществ XV – XVI вв., как утверждает Д.М. Исхаков, «роль ислама была решающей, причем не только на уровне государственных институтов, дворцовых ведомств и феодального слоя, но и на низовом – народном уровне. Однако это не означает полного исчезновения среди народов доисламского верования и представлений; они постепенно, но неуклонно превращались у всех групп татар всего лишь в наследие предков, в обрамление в целом мусульманской по своему духу культуры» [239, с. 94], и в самих татарских государствах существовало отчетливое понимание их принадлежности к мусульманскому миру [322, с. 64]. Исторической базой лексики является общий тюркский фонд, однако значительное место занимают позднейшие наслоения и заимствования арабского и персидского происхождения [236, с. 360 – 361]. В антропонимической системе периода Казанского ханства продолжают существовать мусульманские традиции именования и происходит поэтапное проникновение арабо-персидских компонентов, при этом сохраняются и древнетюркские компоненты в составе личных имен. Особенностью антропонимической системы Казанского ханства являлось полное структурное, семантическое подчинение арабской культуре именования: *Ибраһим хан, Мәхмүт хан, Габделлатыф хан, Мөхәммәт Әмин хан, Илһам хан, Сәхибгәрәй хан, Кол Мөхәммәт сәед, Кол Шәриф, Мөхәммәт Гәрәй* и др. Таким образом, в

антропонимической системе выраженные языческие элементы могут трактоваться как память национальной идентификации личности.

Однако Казанское ханство существовало относительно недолго, после его падения происходят глубокие социальные и политические изменения, обусловленные уничтожением государственности татарского народа, жестокими гонениями на мусульманское духовенство, политикой насильственной христианизации, усилением гнета в отношении нерусского населения [322, с. 68], что в итоге привело к доминированию религиозного фанатизма среди татар, способствовавшему дальнейшему оживлению в XVII – XVIII вв. процесса исламизации татарской антропонимики. В результате завершения процесса исламизации к началу XIX в. тюркские традиции именования полностью уступают место мусульманским, в именнике арабо-персидский пласт по отношению к татарскому именнику составляет 90%. В это же время в словарном составе также прослеживается обильное проникновение арабо-персидских слов, и как утверждает А.Ш. Юсупова, «в XIX веке арабо-персидские заимствования составляют большую часть словарного состава, которые современному читателю трудно понять без дополнительных пояснений» [579, с. 35]. Основная часть населения Казанского края знала арабский и персидский языки в совершенстве, грамотность населения подчеркивается в одном из журналов того периода: «У татар, по меньшей мере каждый седьмой, грамотен. В женском поле эта пропорция идет выше. Даже в самых укромных уголках приходилось видеть татарок, которые очень даже порядочно знают по-персидски и по-арабски. В материалах татарских эпитафий XIX в. прослеживается процесс арабизации антропонимикона, как отмечают исследователи, «муллы, которые обучались в медресе Бухары, не только среди населения татар, но и среди других тюркских народов ведут религиозную пропаганду и это непосредственно отражается на личных именах, так как татарская антропонимика «арабизируется» [577, с. 108]. В начале XIX века в материалах «Ревизских сказок» наглядно демонстрируется доминирование двух и трехкомпонентных личных имен: *Мөхәммәтсадык*,

Мөхәммәтвәли, Мөхәммәтзакирваһап, Нурмөхәммәтгали и др. Открытие в 1788 году Мусульманского духовного управления в Уфе по специальному указу императрицы Екатерины II способствовало широкому распространению в антропонимической системе татар арабо-персидских заимствований. Как известно, Духовному управлению мусульман передается огромная власть [497, с. 23], в том числе полномочия наречения именами татаро-мусульман и регистрация новорожденных детей. Таким образом, начиная с этого периода через мусульманское духовенство активно внедряются арабо-персидские личные имена не только татарскому народу, но и другим тюркским народам – башкирам, казахам, кыргызам. В конце XIX начала XX века процесс усиленной арабизации личных имен связан с активной популяризацией духовенства в изданных им словарях-справочниках [645; 646; 647]. Однако к началу XX столетия татарская интеллигенция выступает с резкой критикой пропаганды и распространения татарским духовенством сложных арабских имен с религиозной семантикой. Известный татарский поэт Г.Тукай в своей критической статье «О наших именах», отмечая засилие таких имен, писал: « ... каждый абзый, каждый агай, каждый бабай является по своему имени как бы необходимым элементом веры: *Гимазетдин, Мифтахетдин, Микразетдин* – это «подпорка», «ключ» , «ножницы веры» и «бесчисленное множество» имен, «приклеенных к богу» ; «...смысл этой «приклейки» к богу заключается в том, чтобы нам, лишь только мы появились на свет, не оставлять и тропинки к самостоятельности даже в имени. Мы – Габдулла – некий божий человек. Мы – Губайдулла – какой-то божий рабчонок, мы – Гыйбадулла – то есть какой-то божий раб. Мы Ахмадулла – какой-то божий Ахметка, мы – Рахматулла – то есть носитель божьей милости. Эти безобразные, бессодержательные составные имена – все это заслуга наших мулл...» [485, с. 142 – 145]. Действительно, вплоть до 20-х гг. XX в. продолжают проникать и доминировать личные имена арабского происхождения, составляя 98% всего антропонимического реестра.

Существенные социально-экономические перемены в России на рубеже XIX – XX столетий привели к пересмотру устоявшихся духовных ценностей, результатом которого стала реформа в антропонимической системе с ориентиром на европеизацию. «Конец 20-х гг. XX столетия был ознаменован ростом массовых антирелигиозных кампаний» [322, с. 94]. Поэтому в начале XX века в антропонимической системе происходит постепенное отхождение от религиозной семантики, родители начинают отдавать предпочтение личным именам арабо-персидского происхождения с прозрачной отвлеченной семантикой: *Илнур, Илсур, Азат, Зөфәр, Гөлнур, Гөлсири* и др. В начале XX столетия в антропонимическую систему начинают проникать антропонимы западноевропейского пласта, но основным ядром антропонимической системы продолжают оставаться личные имена арабо-персидского происхождения.

На рубеже XX – XXI вв. интерес к исламу значительно возрос [225, с. 139]. В современной России проявляются некоторые закономерности процесса возвращения ислама в духовную и общественно-политическую жизнь [325, с. 99], которые явно отражаются и в идентификации человека. Духовное обновление общества на современном этапе развития проявляется в переосмыслении семантики некоторых личных имен, проявляющихся в традициях именовании. В материалах ЗАГСa нами были зафиксированы личные имена арабского и персидского происхождения *Самир – Самира, Амал – Амала* и др., которые чужды для традиционной антропонимической системы именовании.

Персидский язык, имеющий самые древние письменные традиции, с X – XII вв. выполнял функции языка международного общения, языка культуры и науки в этнокультурном пространстве исламского мира и оказал значительное влияние на все языки региона: от Турции, Кавказа и Крыма до Центральной Азии и Индии. Как отмечают исследователи, «литературный персидский язык заметно повлиял почти на все письменные литературные тюркские языки Средней и Малой Азии. Кроме того, разговорный персидский язык воздействовал на языки, носители которых жили по соседству с тюркоязычными народами и племенами.

Наибольшему воздействию персидского литературного языка подверглись турецкий, азербайджанский, узбекский, крымско-татарский литературные языки» [318, с. 27]. Литературный и разговорный персидский язык оказал заметное влияние не только на развитие тюркских, но и на иранские и новоиндийские языки. Литературные переводы произведений Рудаки, Хаям, Сагъди, Фирдоуси, Низами и др. способствовали проникновению в старотатарский язык лексики из персидского языка, в том числе заимствованию антропонимов. Как отмечает Р. Ахметьянов, «заимствования из персидского языка проникли в татарский литературный язык не только через старый литературный язык, но и через турецко-азербайджанскую и чагатайскую литературу, и «снизу» - из различных диалектов татарского языка, а также, возможно, из древнебулгарского. Персидское влияние успело глубоко проникнуть в Среднее Поволжье задолго до формирования среднего диалекта татарского языка. Народы Поволжья с древнейших времен имели самые интенсивные контакты с народами Средней Азии» [42, с. 100].

Удобное географическое расположение способствовало укреплению экономической и политической взаимосвязи Волжской Булгарии с другими государствами. Реки Волга и Кама укрепили связи как с Востоком, так и с Западом. В результате тесного взаимодействия политических, религиозных и культурных отношений со Средней Азией и Ближним Востоком широко распространяется изучение арабского и персидского языков, перевод и списывание книг с арабского и персидского продолжается вплоть до XX в. Всестороннее взаимодействие Волжской Булгарии с мусульманской культурой способствовало обогащению материальной и духовной культуры народа. Самых успешных ребят отправляли учиться в Восточные научные центры Хорезма, Дагестана, Ширвана. В XIV в. в Золотой Орде и в Египте известны переводы с персидского языка. Впоследствии из персидского языка в лексику татарского языка было заимствовано большое количество лексики. Как отмечает Р.А. Ахметьянов, «многие арабские слова проникают в татарский язык при

посредничестве персидско-таджикского языка, который был «арабизирован» в еще большей степени, чем тюркские литературные, именно персидское звучание арабских слов в татарском языке вошло в норму и существует много персидских заимствований, образованных от арабских корней» [42, с. 123]. Проникновение в тюрко-татарский язык слов и антропонимов персидского происхождения заметно пополнило словарный состав языка. Следует подчеркнуть, что начатая с давних времен тесная торговая и культурная связь между государствами оказала значительное влияние сначала на болгаро-татарский язык, затем на язык золотоордынского периода и периода Казанского ханства.

Таким образом, благодаря принятию ислама, татары получили возможность соприкоснуться с арабо-мусульманским миром, который впоследствии затронул все слои жизни народа, в том числе оказал сильное воздействие на распространение в антропонимической системе арабо-персидского пласта личных имен и формул именовании по арабским традициям. Стратиграфический анализ антропонимикона выявил, что начиная с 922 года личные имена арабского и персидского происхождения стали заметно вытеснять личные имена тюркского пласта. Однако татарская именная система, сохранив некоторые элементы древнетюркских традиций именовании, в совокупности с исламским миром имён полностью переформатировалась.

§ 3.3.1. Сравнительный анализ антропокомпонентов и антропоформантов арабского и персидского пласта тюркской именной системы

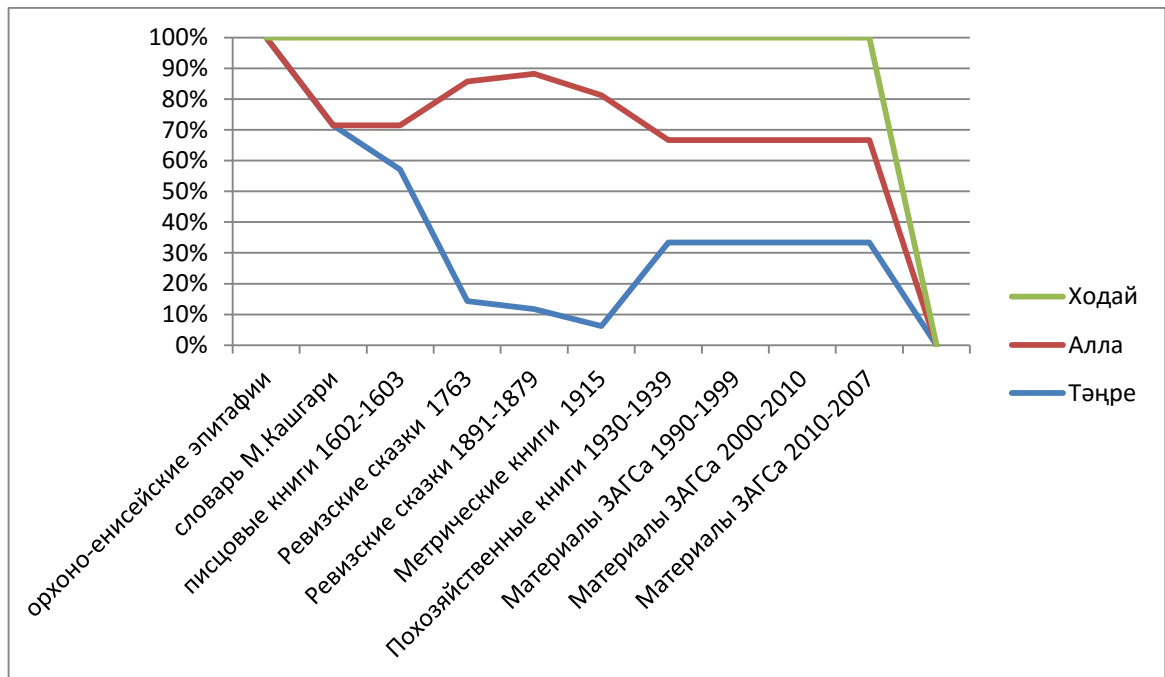
В целях раскрытия закономерностей исторического формирования и исследования современного состояния татарской антропонимической системы мы подвергли сравнительному исследованию некоторые частотные антропокомпоненты и антропоформанты, которые выделяются в арабо-персидском пласте именника тюркских народов. Методологической основой для

нас послужили труды по сравнительно-исторической и сравнительной лексикологии тюркских языков: Э.Р. Тенишева, К. М. Мусаева, Р.Г. Ахметянова, А.Г. Шайхулова, А.В. Дыбо и др.

В процессе широкого распространения ислама среди тюркских народов в личных именах обозначились некоторые антропокомпоненты и антропоформанты, прежде всего связанные с важнейшими столпами ислама, обусловленные верой в *Аллаха*. В татарских мунаджатах подчеркивается, что для познания прежде всего Аллаха нужны ум и знания: *Надан булсаң, ничек кирәк якын булмак Аллаһка?* (Если ты невежда, то как можно быть близким к Аллаху?) [543]. В татарских пословицах и поговорках *Аллах* дарует жизнь: *Атын мин куштым, яшен Аллах бирсен* [446, с. 289] (Я дал имя, а годы (продолжительность жизни) пусть даст Аллах (после рождения ребенка). В турецкой культуре говорят: «*En güzel adlar O'nundur*» (Самые красивые имена Его имена). В татарской антропонимической системе, начиная с периода Волжской Булгарии, личные имена *Тәңребирде, Тәңребиргән* древнетюркского происхождения постепенно заменяются на личные имена *Аллабирде, Аллабиргән, Аллахияр, Габдулла, Галимулла, Зәйнулла, Гайнулла, Ходайбирде, Ходайбиргән*. В этнокультурном пространстве «подмена тюрко-булгарского языческого божества Бер (единственный) Тенгре мусульманским Аллахом решилась своеобразным компромиссом» [225, с. 124]. В материалах писцовых книг 1602 – 1603 гг. прослеживается функционирование в составе личных имен компонентов *Алла, Ходай* в одинаковом соотношении. Однако проникновение компонента *ходай* в тюркские языки считают поздним и связывают с влиянием ислама. В турецком языке личными именами *Allahverdi, Çalapverdi, Hakverdi, Hüdaverdi, Tanrıverdi, Tanrıvermiş* называют, когда в семье рождается долгожданный ребенок [598, с. 20]. Как отмечают исследователи лексики башкирского языка, первыми арабизмами были именно термины религиозного характера, которые сохранились в башкирском языке до начала XX в. и частично бытуют сегодня. Ф.Г. Хисамитдинова отмечает, что «лексема *хозай*, как и сам персонаж, имеют

более глубокие корни на исконной почве. Об этом свидетельствует, во-первых, довольно активное употребление лексемы *хозай* в диалектах башкирского языка, во-вторых, представленность слова в башкирской фразеологии» [535, с. 116]. В башкирском языке компонент алла / хозай зафиксированы в личных именах: *Аллабирзе, Аллаяр; Хозайбирзе, Хозайгол, Хозайзат* и др. У башкир отношение к худаю было более трепетным и сакрализированным, нежели к Аллаху. Это утверждение Ф.Г. Хисамитдинова связывает с участием в этногенезе башкир и ираноязычных племен [535, с. 116].

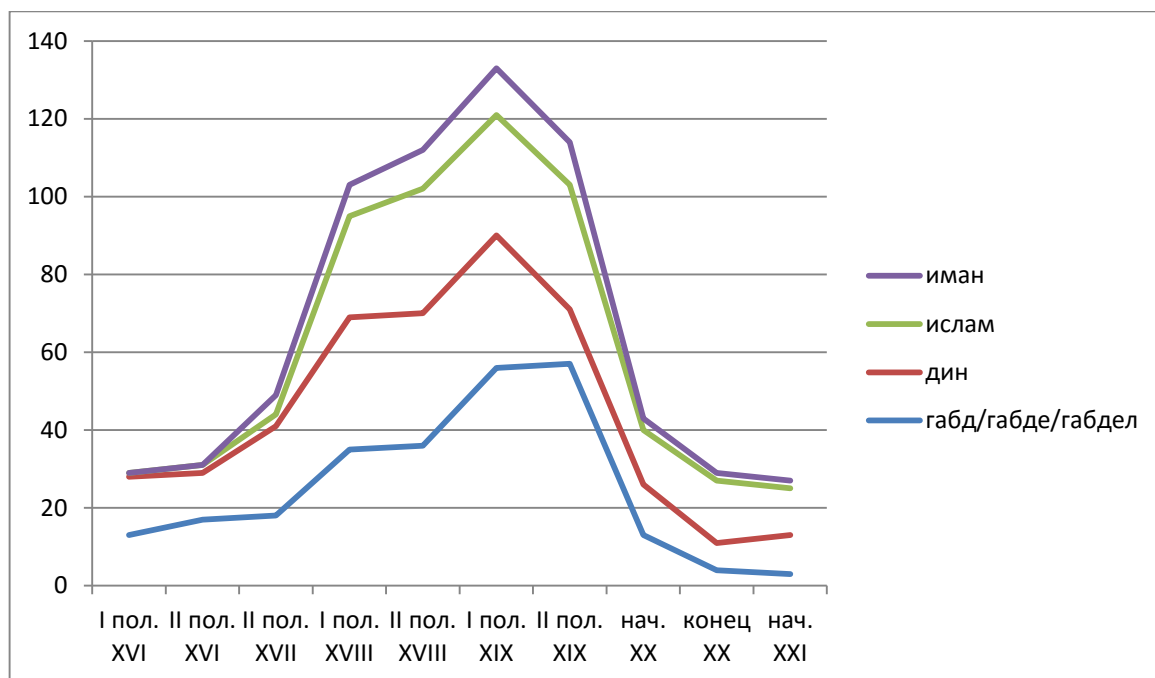
Таблица 1. Динамика развития компонентов *тәңре, алла, ходай* в татарской именной системе

В антропонимической системе татар XVIII – XIX вв. были распространены личные имена – эпитеты бога. Так как татары интересовались книгами со списком имен и эпитетов Аллаха, они были в каждой татарской семье и читали их вслух. Как утверждают богословы, имя Аллах произошло от имени *Илях* (Бог), имеющего тот же смысл – обладающий всеми совершенными качествами и величайшими атрибутами, объединяющий в себе все значения прекрасных имен и возвышенных

качеств. Во всей полноте свойства Аллаха раскрываются в его «прекрасных божьих именах», которых мусульманские богословы насчитывают большое число, некоторые – более тысячи, но большинство придерживаются мнения, что имен 99, утверждая, что сотое имя – неизвестное, искомое [253, с. 149]. В «Коране» сказано «У Аллаха прекрасные имена; назовите его по ним и оставьте тех, которые раскольниковичают о его именах. Будет им воздано за то, что они делают». Известно также, что имена Аллаха с раннего детства учили наизусть и повторяли их утром и вечером. Все 99 имен – эпитетов Аллаха используются в качестве мужских имен: *ал-Рахман* (милостливый), *ал-Азиз* (всепобеждающий), *ал-Рахим* (милосердный), *ал-Малик* (царь), *ал-Халик* (творец), *ал-Гаффар* (прощающий), *ал-Гафур* (всепрощающий), *ал-Хамид* (достохвальный) [319, с. 8 – 9] и т.д. Однако по мусульманской традиции к личным именам от эпитетов Аллаха обязательным считается прибавление префикса *габд-габде-габдел*, имеющего значение «раб»: *Габделгазиз* «раб Могущественного», *Габделлахат* «раб Единого», *Габделбакый* «раб Вечного», *Габделвали* «раб Святого», *Габдулла* «раб Аллаха», *Габделнаби* «раб пророка» и т. д. В исламе запрещено нарекать именами, в которых выражается покорность чему-либо, кроме Бога. В турецком языке личные имена *Abdullah*, *Abdulbaki*, *Abdulfettullah*, *Abdulsettar* являются самими популярными в современной антропонимической системе [611, с. 90]. В башкирском языке функционируют личные имена: *Абдаразак*, *Абдрафик*, *Абдрахман*, *Абдулбакый* и др. Как отмечают башкирские исследователи составе башкирских личных имен антропоформант *абд/габд* – встречается только в первой части онима *Ғабдулла* (*Габдулла*), в современном башкирском языке (*Габдулла*), с персидскими морфемами *-яр/-йәр* «любяэий, любимый, друг» (*Алляяр*), *-гужа/-хужа* «обладатель», (*Аллагужа*), с тюркской морфемой –бир в значении «дал Аллах» (встречается во второй части онима: *Аллабирде*, в современном башкирском языке *Аллабирзе*) [432, с. 119].

Таблица 2. Динамика развития АФ и АК *габд/габде/габдел, ислам, дин, иман* в татарском антропонимиконе

В антропонимической системе татар широко функционируют имена с компонентом *дин* - «вера, вероисповедание, религиозные верования» [467, с. 350]. Компонент *дин* имеет также значения «суд», «воздаяние», «религия», «вера» отдельного человека. Однако основное значение термина *дин* связано с важнейшей для Корана идеей обязательности подчинения Аллаху и его беспредельной власти [226, с. 70].

Компонент *дин* используется в следующих татарских именах: *Бәдретдин* «полная луна веры», *Фәйзетдин* «щедрость веры», *Сиражетдин* «светочь веры»; *иман* «вера»: *Иманулла* «вера в Аллаха» и др. В турецком языке выделяются личные имена: *Fahretdin*, *İzettin*, *Sadretin*, *Seyfetdin* и др. [611, с. 95]. В башкирском языке зафиксированы личные имена *Динислам*, *Динмөхәммәт* и др. [279, с. 43].

Слово *ислам* в арабском языке имеет несколько значений: 1) покорность, преданность; 2) мусульманин; 3) здоровый, исправный [319, с. 124]. АК *ислам* употребляется в препозиции в татарских личных именах: муж. *Исламбакий*, *Исламбәк*, *Исламгир*, *Исламнур*, *Исламхан*, жен. *Исламия*, *Исламгөл* и др. В постпозиции: *Шәйхелислам*, *Нурислам*, *Динислам* и др. В турецком языке

выделяются личные имена: *İslam, İslamnur* и др. [611, с. 102]. В башкирском языке функционируют личные имена: *Ислам, Исламбай, Исламгол, Исламгази* и др. [279, с. 52].

Неотъемлемой частью мусульманской религии является понятие *иман* (от глагола арабского происхождения *амана* в значении «верить», «уверовать»). Согласно мусульманской идеологии, выделяются три основных элемента имана: словесное признание истинности Аллаха, его писаний и посланников, внутреннее согласие и осознание сердцем истинности Аллаха [226, с. 100]. В татарском языке семантика слова *иман* восходит к значениям: 1) Вера в бога, верование, исповедание религии 2) Вера, убеждение; 3) Совесть [467, с. 444]. В паремиологическом фонде семантику слова *иман* (вера) раскрывает пословица, выражающая ее важность: *Иманың камил булмаса, Ослан тавын сәдакә итеп бирсәң дә, файдасыз* (Если нет веры, то нет пользы даже от пожертвований золотом величиной с Услонскую гору) [447, с. 675]. Слово *иман* раскрывает также характерные особенности человека, которые отразились в паремиологическом фонде татар. Так, в татарском языке о злом и жестоком человеке говорят: «*Йөзөндә иман әсәре юк*» (на лице нет следов (веры), «*имансыз*» (ненадежный, неблагонадежный), «*иман заты көтмәү*» (не ждать ничего хорошего), «*иманын саткан*» (продать веру). В татарской антропонимической системе зафиксированы личные имена: *Иманай, Иманбәк, Имангали, Имангол-Иманкол, Иманкай* и др. В турецкой антропонимической системе выделяются личные имена: *İman, İmannur* и др. В башкирском языке функционируют личные имена: *Иман, Иманай* и др. [279, с. 50]

Любимым пророком мусульман, несомненно, является пророк Мухаммад, имя которого среди татар используется в качестве талисмана и оберега [226, с. 180]. В XVIII – XIX вв. в татарском антропонимическом реестре самым популярным именем является Мухаммад, а также личные имена, образованные от данного антропокомпонента: *Мөхәммәт* «прославляемый», *Мөхәммәтбаки* «Мухаммад – вечный», *Мөхәммәтнәби* «Мухаммад – пророк», *Нурмөхәммәт* «луч Мухаммада». В турецком языке выделяются личные имена: *Muhammet, Mehmet* и

др. Также были широко распространены в татарской антропонимической системе личные имена его сподвижников, родных, близких: *Ибраһим, Касыйм, Таһир, Рокыя, Өммегөлсем; Хасан, Хөсәен, Мухсин, Зәйнәб; Гайшә, Хәтижә, Әминә, Фатыйма* и т.п. В турецкой антропонимической системе частотными личными именами являются: *Ali, Abbas, Hasan, Hüseyin*; редкими именами являются: *Ali, Fatma* [611, с. 92]. В башкирском языке языке зафиксированы личные имена *Мөхәммәт, Мөхәммәтвәли, Мөхәммәтгәли, Мөхәммәтйәр* [279, с. 79]. Как отмечают исследователи, оним *Мөхәммәт* в башкирских шежере встречается редко и квалифицирован как антропоним [432, с. 122].

В татарском этнокультурном пространстве пророк *Мухаммад* является образцом высокой нравственности и образом, обладающим наилучшими качествами. Эти представления отражены в едином генеалогическом древе в виде имен всех пророков, в том числе и имени пророка Мухаммада в *шамайле* «Шәжәрәи мөбәрәк» («Благословенная генеалогия»). Интересен *шамайль*, в котором перечислены все имена пророка Мухаммада и каждое имя означает его качества: *Рәсүл* «посланник», *Нәби* «пророк», *Әмин* «доверенный, уполномоченный», *Хәбибулла* «любимец Аллаха», *Хәбибрахман* «любимец Аллаха», *Сафи* «избранник, искренний друг».

В этнокультурном пространстве татар популярными именами являются имена пророков: *Якуб, Йосыф, Гайсә, Сөләйман, Ибраһим, Юныс* и др. Как известно, пророки имеют особое положение перед Аллахом: 1) являются посланниками Аллаха; 2) призваны поддерживать веру людей во Всевышнего; 3) выбраны для этой миссии самим Всевышним; 4) испытали много трудностей ради счастья людей, показали образец терпения и стойкости в своих делах; 5) не совершали грехов [326, с. 142]. Таким образом, нарекая именами пророков, родители хотели наделить ребенка теми качествами, которыми обладали их денотаты. Наилучшие качества пророков восхваляются и в татарских мунаджатах, в которых часто упоминаются события жизни пророков, их достижения, благополучие, характерные особенности [543].

В антропонимической системе тюркских народов арабский пласт составляют личные имена, образованные от мусульманских титулярных названий: *имам* (от арабского глагола *амма* «стоять впереди», «руководить чем-либо») – предстоятель на молитвы, духовный руководитель, глава мусульманской общины [226, с. 97]. В повседневной жизни имамом называют руководителя молитвой в мечети. Компонент *имам* встречается в следующих личных именах: *Имаметдин* «имам веры», *Имамгол* «раб имама»; *шәех* «старец; духовный глава»: *Шәехзаман* «духовный глава эпохи» и т.д. В турецком языке функционируют личные имена: *İmametdin*, *İmamkulu*, *İmamverdi* и др. [598, с. 201]. В башкирском языке данный компонент употребляется в составе личных имен: *Имамгол*, *Имаметдин* [279, с. 50]. Данный термин употребляется и в качестве почетного имени крупнейших религиозных авторитетов.

Как уже упоминалось выше, в антропонимической системе эксплицируется суфийская идеология, которая отражается в титулярных компонентах *шәйх-шәйхе-шәй* (шейх, старик, старейшина, старец; патриарх племени, семьи), присоединяемых к личным именам глав суфийских братьев и торгово-ремесленных корпораций, наставников, учителей, людей: *Шәйхелислам*, *Шәехбулат*, *Шәехзада*, *Шәеххужа*, *Шәехтимер*, *Шәехгали* и др. В турецком языке выделяются личные имена: *Şeyhali*, *Şeyh*, *Şeyhan* и др. [598, с. 369]. В башкирском языке зафиксированы личные имена: *Шәйхзада*, *Шәйзулла*, *Шәймырза* и др. [279, с. 119].

Арабский пласт составляют личные имена не только с религиозным содержанием, но и с семантикой материального мира, его ценностей: личные имена с семантикой, отражающей быт: *Зиннәт* «дорогая вещь», *Кандил* «лампа», *Сираж* «свеча», *Мисбах* «лампа» и т.д., жен. *Сафина* «большая лодка»; связанные с растительным и животным миром: *Бәкер* «молодой верблюд», *Зәбиб* «изюм» и др.; жен. *Бүлбүл* «соловей», *Рәйхан* «базилик», отражающие профессии: *Сәүбән* «попечитель, воспитатель», *Харис* «хлебопашец, пахарь» и др., жен. *Мөгәллимә* «учительница», *Мөдәббирә* «управляющая», *Назимә* «поэтесса», *Хадимә* «работница, служащая» и др.

Сравнительный анализ показал общность антропокомпонентов арабского пласта, отражающих внутренний мир человека, в семах «ум, знание»: ср. в татарском языке: *Гыйлем*: муж. *Гыйлембай, Гыйлемдар, Гыйлембәк, Гыйлемхан, Гыйлемьяр, Гыйлемжан*; жен. *Гыйльмия, Гыйльмебану, Гыйльмениса* и др.; в турецком языке: *İlmi, İlmiye, İlmidin* и др.; в башкирском языке: *Ғилминур, Ғилминиса, Ғилмиислам* и др.; *гали*: в татарском языке: муж. *Галиарслан, Галибай, Гализадә, Галикәй, Галиислам* жен. *Галия, Галибану, Галиәсма* и др.; в турецком языке: *Aliasker, Alibey, Alican, Alideniz*; в башкирском языке: *Ғәлиарслан, Ғәлиарыслан, Ғәлибай* и др.; *галим*: муж. *Галимбай, Галимби, Галимбул, Галимбәк, Галимнур*; жен. *Галимә, Галимия, Галимәбану* и др.; в турецком языке: *Alımsan, Alımşah, Alimet*; в башкирском языке: *Ғәлим, Ғәлимгол, Ғәлибай* и др.; *фазыл*: в татарском языке: муж. *Фазылбәк, Фазылгәрәй, Фасылжан, Фазылхан, Фазылъяр*; жен. *Фазылия* и др.; в турецком языке: *Fazıl, Fazile, Fazilet* и др.; в башкирском языке: *Фазыл, Фазылгаян, Фазылйән* и др.; *фән*: в татарском языке: муж. *Фәннур, Фәнгиз, Фәндар, Фәндүс, Фәнзаман, Фәнзил* и др. жен. *Фәнзилә, Фәния, Фәнүзә* и др.; в башкирском языке: *Фәнгиз, Фәндил, Фәнир, Фәннур* и др.; в турецком языке: *Fenni, Fenniye* [598, с. 137].

Сема «счастье, радость; богатство»: *фәез*: в татарском языке: муж. *Фәезбай, Фәезбәк, Фәезвали, Фәезгали, Фәезкәрим* и др.; жен. *Фәезә, Фәезәбану, Фәйзәгөл* и др.; в турецком языке: *Feuzi, Feuziye, Feuzullah* и др.; в башкирском языке: *Фәйез, Фәйзелгаян, Фәйзерахман* и др.; *сәгыйд*: в татарском языке: муж. *Сәгыйдулла, Сәгыйрь, Сәгыйтьжан, Сәгыйтьнур, Сәгыйтжан*; жен. *Сәгыйдә, Сәгыйдәбану, Сәгыйдәжан* и др.; в турецком языке: *Saide, Said, Seide, Saide* и др.; в башкирском языке: *Сәгыйтйән, Сәгыйзә* и др.; *шат*: в татарском языке: муж. *Шатгали, Шатморат, Шатморатза, Шатрух* и др.; жен. *Гәлишат, Айшат, Нуршат* и др. в турецком языке: *Şadgeldi, Şadıman, Şadı, Şadullah* и др.; в башкирском языке: *Шатморат, Шатмырза* и др.

Сема «любимый, красивый»: *хәбиб*: в татарском языке: муж. *Хәбибгали, Хәбибелислам, Хәбибелхак, Хәбибелхан, Хәбибзадә*; жен. *Хәбибә, Хәбибәнур, Хәбибәгөл, Хәбибәжан* и др.; в турецком языке: *Habibullah, Habib* и др.; в

башкирском языке: *Хәбиб, Хәбибулла, Хәбибрахман* и др.; *хәббе/хәбби/ хәббел*: в татарском языке: муж. *Хәббевәли, Хәббегали, Хәббизадә, Хәббихан* и др.; жен. *Хәббикамал, Хәббиниса, Хәббижан* и др. в турецком языке: *Hubi, Hubter, Hubbunisa, Hubyar* и др.; в башкирском языке: *Хәббәтдин* и др.

Сема «знаменитый» *шәрәф*: в татарском языке: муж. *Шәрәфгали, Шәрәфеислам, Шәрәфи, Шәрәфле, Шәрәфулла* и др.; жен. *Шәрәфия, Шәрәфиянур, Шәрәфиягәл* и др.; в турецком языке: *Şeref, Şerehan, Şerfnaz, Şerefütidin* и др.; в башкирском языке: *Шәрәф, Шәрәфетдин, Шәрәфи* и др. *шәһир*: в татарском языке: муж. *Шәһирзар, Шәһретдин, Шәһрислам, Шәһрияр* и др.; в турецком языке: *Şehriban, Şehrinaz, Şehriyar* и др.

Сравнительный анализ семантики персидских заимствований показал, что сходство компонентов, участвующих в образовании личных имен, в основном восходит к эстетико-этическим идеалам, понятиям красоты и возвышенности: *жәһан, дил, яр, хуш, миһ, рушан/раушан*.

В персидском языке семантика слова *хуш* восходит к значениям: 1) приятный, хороший; 2) радостный, веселый, отрадный [361, с. 675]. В сложных словах в первом компоненте имеет значение «хороший, приятный, радостный». В препозиции с данным компонентом образованы ЛИ: *Хушдил, Хушяр, Хушаман, Хушнам, Хушнаваз*. Компонент *хуш* употребляется с отглагольными именами прошедшего времени повелительного наклонения *бирде/килде*: *Хушбирде, Хушкилде*. В турецком языке зафиксированы личные имена: *Hoşbeniz, Hoşgeldin, Hoşgün* и др.

Компонент *миһ* в персидском языке имеет несколько значений: 1) большой, великий; 2) родина, родной очаг [361, с. 541], с помощью которого образованы следующие личные имена: *Миһзадә, Миһран, Миһдин* и др. В турецком языке функционируют личные имена: *Mihman, Mihmandar, Mihine* и др.

В Средней Азии вплоть до XVI в. антропокомпонент персидского происхождения *жәһан* использовался в составе именами пророков и их эпитетов. В татарской антропонимике компонент *жан* часто используется в образовании ЛИ: муж. *Жангали, Галимжан, Сәлимжан, Шәрифжан*; жен. *Жансара, Гәлжан* и др.

В турецкой антропонимиконе образованы личные имена: *Gülcan, Özcan, Selimcan* и др. В башкирском языке выделяются личные имена: *Мөхәмәтйән, Нәсимйән, Нәгыймйән* и др.

В персидском языке компонент *яр* имеет значения: 1) друг, приятель, подруга; 2) возлюбленный [361, с. 751]. В татарском именнике встречаются ЛИ с данным компонентом в препозиции: *Ярулла, Ярбирде, Ярбулат*, в постпозиции: *Аллаяр, Хәснияр, Хәсәнйәр* и др. В турецкой антропонимической системе функционируют личные имена: *Yar, Yarali, Yarar, Yaran* и др. В башкирском языке выделяются личные имена: *Ярулла* и др.

В персидском языке компонент *шур* имеет значение «лев» [361, с. 413]. В татарском антропонимиконе зафиксировано ЛИ *Шураарслан*. В турецком антропонимиконе зафиксировано личное имя: *Şirali, Alişer*. Персидское слово *шур* конкретизируется словом *арслан* тюркского происхождения.

Антропоформант *мах* в персидском языке имеет два значения: луна и месяц [361, с. 256]. В татарской антропонимической системе с данным компонентом образованы личные имена: *Маһиян, Маһиҗан, Маһияр* и др. В турецком антропонимиконе зафиксированы личные имена: *Mahsetal, Mahçiçek, Mahbeder* и др. В башкирском языке функционируют личные имена: *Маһинур, Маһикамал, Маһитан* и др.

Антропоформант *яздан* в персидском языке имеет два значения: 1) бог, господь 2) творящий добро [361, с. 432]. Личное имя *Яздан* является сокращенным вариантом личных имен: *Шурияздан, Нурлыяздан*. Данный антропоформант используется лишь в постпозиции: *Шәяздан, Шаһияздан, Хәснеяздан* и др. В турецком языке зафиксировано личное имя *Yazdan*.

Антропоформант *дил* в персидском языке обозначает: 1) сердце; 2) душа; 3) храбрость, отвага, мужество, доблесть; 4) сила духа [362, с. 345]. Данный АФ используется в личных именах *Дилавәр* «мужественный, храбрый, отважный», *Дилавиз* «желанный, любимый, восхитительный», *Дилраб* «прелестный, восхитительный, обаятельный, кокетливый», *Дилдар* «возлюбленный, любимый», *Дилшат* «веселый, радостный, довольный» в постпозиции *Айдил* и др. В

турецком языке функционирует личные имена: *Dilaver, Dilay, Dilefrüz* и др. В башкирском языке выделяются личные имена: *Дилмөхәммәт, Дилавир, Дилфәт* и др.

Антропокомпонент *мәрдән / мәрди* имеет значения 1) мужской, для мужчин; 2) мужественный, смелый, доблестный; 3) благородный, великодушный [362, с. 568]. *Мәрди* является диалектным вариантом личного имени *Мәрдән*. Данные АК используются и в препозиции и постпозиции *Мәрдәншаһ – Шаһимәрдән*. В турецком языке функционируют имена: *Merdenşah, Merden* и др.

Антропоформант *нар* имеет значение «счастливый» [362, с. 673]. Как отмечает А. Гафуров, «мальчиков с родимым пятном похожим на гранат, нарекали именем с компонентом *нар*. Это предвещало счастливую судьбу» [147, с. 110]. В турецком языке выделяются личные имена: *Narbike, Narcan, Nardan, Narçin* и др. В башкирском языке функционируют личные имена *Нарбулат, Нариман, Нарибай* и др.

Антропоформант *наз* в мужских личных именах используется крайне редко, однако в женских именах встречается часто. В персидском языке компонент *наз* имеет несколько значений: 1) кокетство, жеманство; 2) блаженство, благополучие; 3) притворство; 4) каприз, прихоть; 5) нежность; 6) тонкость, изящество [362, с. 606]. В мужских личных именах встречается лишь в постпозиции. В материалах ЗАГС за 2006 г. в г. Казани было единично зафиксировано мужское личное имя *Назлы*. В женских личных именах компонент *наз* встречается и в постпозиции, и в препозиции (*Назлыгөл, Назгөл, Гөлназ, Назинә, Айназ*). В них антропоформант *наз* подчеркивает значение красоты и нежности. Антропоформант *наз* функционирует в антропонимическом реестре начиная с XX в. В татарском антропонимиконе встречаются мужские личные имена *Илназ, Сафназ, Дилназ, Айназ*. *Наз* является антропоформантом, потому что используется лишь в постпозиции, не встречается как отдельное личное имя. В турецком языке функционирует в личных именах: *Nazbike, Nazbiket, Nazgül, Nazcan* и др. В башкирском языке компонент *наз* функционирует в основном в составе женских личных имен: *Назгөл, Назбикә, Назлыбикә* и др.

Исследование показало, что среди компонентов персидского происхождения имеются и титулярные термины (*мирза/морза, мир, задә, шах/ша/шә*). Так, антропокомпонент *шах* персидского происхождения имеет семантику «царь, шах, король, монах». Причем в первом компоненте в личных именах имеет значение «главный, лучший» [361, с. 234]. Однако в татарском языке антропокомпонент *шах* используется и в форме *шәй*, в котором происходит процесс усечения, например, *Гыйлемшах – Гыйлемша, Мөхәммәтшах – Мөхәммәтша, Әхмәтшах – Әхмәтша*. В некоторых случаях, в особенности в препозиции, формальный показатель и в личных именах выражает атрибутивное значение *Шәһимәрдән, Шәһинур, Шәһигәрәй* и др. В турецком языке функционирует в личных именах: *Şahali, Şahbaz, Şahbey, Şahdan, Şahdoğan* и др. В башкирском языке выделяются личные имена: *Шахман, Шахназар, Шаһивәли, Шаһигәли* и др.

В персидском языке антропокомпонент *мирза/морза* имеет несколько значений: 1) писарь, писец, секретарь; 2) мирза. Также данный титул означал человека из шахской династии; «употребляющийся с собственными именами или перед именами собственными – всякого грамотного человека» [361, с. 453]. Употребляется в татарских личных именах *Мирзабәк, Мирзагали, Морзабәк, Шәйморза* и др. В турецком языке функционирует в личных именах: *Mirza / Mirze* и др. Компонент *мырза* функционирует в составе башкирских мужских личных имен: *Мырзабай, Мырзахан, Мырзакай* и др.

Антропоформант *мир* в персидском языке имеет значение «главнокомандующий, повелитель» [361, с. 435]. Данный компонент содержится в мужских личных именах: *Мирвәли, Миргази, Миргазим* и др. В турецком языке выделяются личные имена: *Miralay, Miray, Mirgül* и др. В башкирском языке функционируют личные имена: *Мирсалих, Мирсәйет, Мирсәлим* и др.

Антропоформант *задә* в персидском языке означает: 1) дитя, детище, отпрыск; 2) рожденный, порожденный [362, с. 145]. В современном татарском языке персидское слово *задә* не является самостоятельно употребляемым полнозначным словом, некоторые исследователи рассматривают его в качестве

суффикса. На наш взгляд, в именах *Ханзада*, *Шахзада* антропоформант *зада* сохранил свое титулярное значение, однако в личных именах *Асылзада*, *Илзада* компонент обозначает самого человека и используется лишь в постпозиции. А. Гафуров отмечает, что «прибавление титула в начале имени является характерной особенностью арабской системы именования, присоединение титула к концу имени собственного свойственно тюркской антропонимии» [148, с. 148].

Нами было установлено, что персидские личные имена осваиваются тюркскими языками сложнее. Персидские заимствования, в том числе антропонимы, в этнокультурном пространстве языка не появились одновременно с арабизмами, а проникла ещё до принятия ислама. Материалы подтверждают то, что персидские элементы в татарской антропонимии неоднородны как по времени, так и по условиям их появления и функционирования в антропонимической системе.

Таким образом, общими антропокомпонентами и антропоформантами арабо-персидского пласта являются имена и имена-эпитеты Аллаха, пророков, при этом частотностью отличается во всех исследуемых тюркских языках антропокомпонент Мухаммад, а антропоформантом является морфема со значением «раб Божий». Сходство компонентов персидского пласта исследуемых тюркских имён проявляется в антропонимах, семантика которых связана в основном с эстетико-этическими идеалами, понятиями красоты и возвышенности: *жан*, *дил*, *яр*, *хуш*, *миһ*, *рушан/раушан* и с титулярными терминами (*мирза/морза*, *мир*, *зада*, *шаһ/ша/шә*)

§ 3.4. Татарские личные имена конца XVI – начала XVII в.

«Конец XVI – начало XVII в. в истории татарского народа характеризуется весьма противоречиво. В политике царизма к нерусскому населению Среднего Поволжья важное место занимала политика русификации, находившая свое наиболее полное выражение в христианизации» [363 с. 11], которая вела к их культурной ассимиляции и к потере этнической идентичности. «Материалы

писцовых книг дают наглядную картину» [363; 366] «если не самой христианизации, то ее ближайших последствий и проявлений» [363, с. 11], отразившихся и в антропонимии татарского населения данного периода. Христианизация личных имен выражалась в замене национального имени на христианское или в фонетической и грамматической адаптации имен к нормам русской речи. В свою очередь, замена национального имени на христианское шла формально и неформально. «Чувствуется, что служилое население описываемых земель в большинстве своем приняло христианизацию (что являлось одной из гарантий прочности полученных ими прав от царского правительства), а ясачное население в основном не принимало крещение. По именам служилых татар нередко можно определить отношение к христианской религии одного поколения по сравнению с другим. Часто служилые татары если не формально, то фактически отходят в старую веру. Например, *Якуш Иванов, Тохтар Иванов* и т.п.» [363, с. 12]. В писцовых книгах прослеживается широкое употребление личного имени *Московко*, которое было распространено у служилых татар, принявших христианскую веру. Ср.: *Тойгилдин Московко, Уразлин Московко, Саботаев Московко* и т.п. [366, с. 45].

Таким образом, в этнокультурном пространстве татар образовалась отдельная конфессионально-этническая группа – *крещеные татары*, «сформированные не только за счет христианизации казанских татар и мишарей, но и за счет нетюркского населения, вошедшего в состав татар в результате ассимиляции» [76, с. 12]. Среди военно-служилого сословия встречаются следующие имена и фамилии людей, принявших православие: капитан князь *Борис Бабичев*, *Вахмистр князь Афанасий Енгальчев*, поручик князь *Борис Бабичев*, князь *Федор Кудашев*, князь *Андрей Еникеев* и др. [224, с. 31]. Как видно из моделей, личные имена полностью заменялись христианскими, однако фамилии оставались тюркского происхождения. Освоение русских имен приспособило их к татарскому произношению, т.е. русские имена стали подгоняться к фонетико-грамматической структуре татарского языка: *Ибый – Иван, Учый – Осип, Урый – Ирина, Инук – Иннокентий, Микуш – Михаил, Митуш –*

Дмитрий и др.) [364, с.78]. Писцовые книги не отражают данные фонетико-грамматические изменения, т.к. имена крещеных записывались на русский лад.

При исследовании писцовых книг конца XVI –начала XVII в. нами выявлено 268 разных имен тюркского происхождения. Многие имена данного источника искажены, к примеру, в транслитерации личных имен прослеживаются некоторые погрешности, что в целом это привело к изменению фонетического облика личного имени, все имена зафиксированы в русской фонетической и морфологической адаптации. Например, в ауслaute татарские личные имена, оканчивающиеся на звук [э] в русском варианте транслитерируются: *-ей* < *Байгельдей* < *Байкилде*; *Теребердей* < *Теребирде*; *Тавгелдей* < *Тәүкилде*; деминутивный суффикс *-кай* транслитерирован *-ко*, суффиксом, который близок по звучанию с русскими именами *Чүкәй* < *Чюкейко*; *Котлыбулат* < *Кутлубулатко*; *Ахман* < *Ахманко*; *Аракай* < *Аракайко*; *Айко* < *Айкай*; *Акко* < *Аккай*; *Ишейко* < *Ишәй*; *Ишбулатко* < *Ишбулат*; *Теребердейко* < *Теребирде*. Однако в исследовании было установлено, что в писцовых книгах 1602 -1603 гг. фонетическая и морфологическая адаптация имен проявляется значительно реже [363] по сравнению с писцовыми книгами 1647 -1656 гг. [366], в которых все имена подвергнуты изменениям. Диалектолог Д.Б. Рамазанова при изучении архивных документов выявила, что в XVII в. имена предков не только татар, но и других народностей всегда принимали окончание *-ко*: *Батырко*, *Бисердачко*, *Афанаско*, *Байгунко*, *Уракчийко*, *Канмурзачко*, *Ураско*, *Аблайко* и др. [382, с. 68].

В писцовых книгах количество исконно тюркских имен составляет большую часть. Особо выделяются АФ тюркского происхождения, которые достаточно ярко выражены в имятворчестве данного периода. Например, *Аллабирде* < араб. *Алла* «бог» + тат. *бирде* «дал»; *Айтуган* < тат. *ай* «луна; месяц» + тат. *туган* «рожденный»; *Байкилде* < тат. *бай* «богач; богатый» + тат. *килде* «пришел»; *Кайбул* < *кай* + тат. *бул* «будь»; *Уразбакты* < тат. *ураз* «счастье» + тат. *бакты* «посмотрел»; *Алмал* < тат. *ал* «возьми» + араб. *мал* «добро; имущество; скот» ; *Алмай* < тат. *алмай* < *алмый* «не берет» (т.е. нечистая сила не возьмет); *Исәнгилде* < тат. *исән* «живой» + тат. *гилде* ~ *килде* «пришел»; *Канморза*

< тат. кан «кровь» + перс. морза. Отглагольные антропонимы образованы от различных форм поэтому требуются определение частотности конкретных глагольных форм, которые, приобретая статус личных имен, субстантивируясь, претерпели заметные изменения: *Туктамыш* (имя встречается 9 раз) < *тукта* тат. «остановись» + *-мыш* форма результативного прошедшего времени изъявительного наклонения; также форма причастия прошедшего времени (остановившийся; остановился); *Кармыш* ~ *Карамыш* «родился; рожденный»; *Тәңребирде* и др.

В писцовых книгах зафиксированы личные имена с антропоформантом *-иш* «пара», «напарник», «друг». Обычно имя с данным антропоформантом использовали тогда, когда у родителей до этого времени не было детей, чтобы этот ребенок в дальнейшем стал товарищем, помощником: *Туиш* тат. < *ту* «родись» + *иш*; возможно, это имя трансонимизировалось в фамилию *Туишев*; *Агыш* < тат. *аг* ~ *ак* «белый; невинный, чистый» + (и) ~ *ыш*; в препозиции: *Ишкэй* < тат. *иш* + *-кэй* (уменьш. ласк. форма); *Ишмамэт* < тат. *иш* + араб. *мөхәммәт* < *мамәт*; *Иштуган* < тат. *иш* + тат. *туган* «рожденный; родился». Во всех тюркских антропонимиконах функционируют личные имена с антропоформантом «иш». В татарской именной системе синонимом антропоформанта иш является антропоформант *тиң*. В составе имен употребление встречается в препозиции и постпозиции, а антропоформант *тиң* – в препозиции. В личных именах тюркских народов – башкир, казахов, каракалпаков, а также в некоторых финно-угорских языках (марийцев, удмуртов) встречается частое употребление антропоформанта иш. В частности частотность употребления личного имени *Ишэй* зафиксировано в данном периоде. Данное личное имя образованно от глагола *ишэй* «увеличивайся, прибавляйся», мотивом наречения которого является увеличение, прибавление детей в семье.

Зафиксированное в писцовых книгах личное имя *Зевендук* отразилось в мишарском варианте и восходит к имени *Сюндюк* – *Сююндюк* (отсюда татарская фамилия *Сундуков*) – тат. литер. *Свендек* восходит к глаголу *сөөн* – в мишарском диалекте татарского языка *севен* «радоваться». В современном турецком,

азербайджанском языке глагол *сеვენмек* означает «радоваться». В чув. *(й)ыш*, гомогенные тат. *иш*, как и тат. диалектные *иш*, имеет еще значение «семья», «группа лиц / предметов», «подобие».

Также в писцовых книгах данного периода зафиксированы антропоморфманты цветообозначения, эксплицирующие особенности материальной и духовной жизни древних тюрков. В данных исторических документах встречаем такие имена, как *Акмурза* < тат. *ак* «белый; чистый невинный» + перс. *мурза*, *Аксубай* < тат. *ак* «белый; чистый, невинный» + т. *субай* «солдат», *Аксæд* < *ак* «белый; чистый, невинный» + араб. *сæд* «правитель», *Алабай* < тат. *ала* «пестрый» + тат. *бай* «богатый», *Алакай* < тат. *ала* «пегий» + уменьш.-ласк. суфф. *-кай*; «пестренький», *Карабай* < тат. *кара* «черный; могущественный» + тат. *бай* «богатый», *Карай* < *кара* «черный, могущественный» + тат. *-ай* флексия звательной формы; *Кызылбай* < тат. *кызыл* «красный» + тат. *бай* «богатый»; *Күкеш* < *күк* «синий» + *-еш* форма имени действия.

В лексико-семантическом отношении особую группу составляют имена, в основе которых фиксируются физические данные ребенка; физическое восприятие: *Күчүк* (зафиксировано 11 имен), *Кәтүк* (зафиксировано 2 имени) «маленький; малюсенький»; *Тулыбай* < тат. *тулы* «полный» + тат. *бай* «богатый»; в писцовых книгах имена *Күкеш*, *Сытыш* отмечены, что ребенок родился недоразвитым.

По материалам писцовых книг видно, что формула именования татар конца XVI века состоит из имени и фамилии, а в начале XVII века фиксируются уце (не во всех именах) отчества: *Янбашин Булат Янбаев сын*, *Янбашин Сара Янбаев сын*.

В писцовых книгах данного периода сохранились в традиционном именования тюркские имена *Көчек* «щенок», *Кобәк* «большая собака», *Барак* «собака», восходящие к традициям именования кыпчаков [237, с. 73]. Претерпев ряд изменений, слово *köbäk* [171, с. 317] ~ *köbek* ~ *körek* функционирует во многих современных тюркских языках в том же значении К примеру, в

кыпчакских языках семантика данного слова восходит к значению «небольшая собака», в огузских языках - «большая собака». В писцовых книгах также встречается личное имя *Барак*, образованное от апеллятивного слова *barak*, означающего «собаку с лохматой и длинной шерстью, отличающуюся необычной стремительностью и ловкостью, считающуюся лучшей среди охотничьих собак» [171, с. 83]. Среди туркмен имя *Барак* является лякабным именем правителя Ташкента Навруза *Ахмета хана*. «У тюркских народов апеллятивное слово *Барак* известен как антропоним, этноним и топоним» [616, с. 132]. Следует отметить, что апеллятив *барак* сохранился в диалектах, говорах современного турецкого языка [610, с. 11], в исторических записках Марко Поло имя Барак известен как имя чагатайского завоевателя Туркменистана в 1269 – 1270 гг. [372, с. 318] вышеназванные имена сохранились в фамилиях *Кибяков, Кучугов, Бараков*.

В писцовых книгах отметили частотное употребление личных имен, сохраненные в современном именнике в фамилиях. К примеру, антропоним *Кудаш* образовано от древнетюркского слова *quda ~ qudaša* «сват», возможно, по мнению Н.А. Баскакова, «восходит к слову *qundaš*, которое означает «дети одного отца, от разных матерей < *qun* «кровь» + *-daš* аффикс, указывающий на принадлежность к одному источнику «брат по крови» [67, с. 56]. По такому же суффиксальному способу образовано имя *Кардаш*, которое претерпело следующие фонетические изменения *qardaš ~ qardeš ~ qardas ~ qaryndas ~ qaryndaš* и означает «брат, братишка», встречается в большинстве современных тюркских языках. Татарский ономотолог Г.Ф. Саттаров связывает этимологию личного имени *Кудаш* < *Кодаш*, зафиксированного также и в башкирском языке, от древнетюркского слова *кот* 1) душа, сила жизни; 2. счастье, успех [171, с. 471] + *-аш/-иш* «ребенок» [410, с. 115].

В писцовых памятниках имя *Чулпан* зафиксировано как мужское, тогда как в современном антропонимиконе это имя является бинарным, но чаще всего употребляется как женское. Ср.: *Чулпан Тенкеев, Чолпанко Айтуганов* и др.

В XVI – XVII вв. ислам способствовал регенерации общества, сохранению в нем элементов социальной и культурной традиции [322, с. 37]. Поэтому в

антропонимической системе татар конца XVI – начала XVII в. прослеживается тенденция активизации арабо-персидских имен. Как показывают данные писцовых книг, употребление имен арабо-персидского происхождения в татарской антропонимической системе в конце XVI – начале XVII в., по сравнению с антропонимическим реестром начала XVI в., возросло на 10%. Зафиксированы такие имена как *Бахтимер* < араб. Бахт ~ *бәхет* «счастье» + тат. *тимер* «железо»; *Дәүләт*, *Дәүләткилде* < араб. *дәүләт* «государство» + тат. *килде* «пришел»; *Аллабирде* < араб. Алла «бог» + тат. *бирде* «дал»; *Ходайбакты* < перс. *Ходай* «бог» + тат. *бакты* «посмотрел»; *Ходайбирде* < перс. *Ходай* + тат. *бирде* «дал»; *Ходайгол* < перс. *Ходай* + *гол* ~ *кол* «раб»; *Янбай* < перс. *ян* ~ *жан* «душа» + тат. *бай* «богатый, богач»; *Янбулат* < *ян* ~ *жан* + перс. *булат* «сталь»; *Янбакты* < *ян* ~ *жан* + тат. *бакты* «посмотрел» и. т. д.

В двусоставных именах редко встречается употребление двух АК (или АФ) с арабо-персидским происхождением. В двухсоставных личных именах первый компонент - тюркского происхождения, второй компонент арабо-персидского. Вместе с антропокомпонентом (или антропоформантом) арабского или персидского происхождения в антропонимическом реестре конца XVI – начала XVII в. функционируют и их эквиваленты тюркского происхождения. Ср. *Уразкилде* < тат. *ураз* «счастье» + *килде* «пришел»; *Бахткилде* < араб. *бахт* ~ *бәхет* «счастье» + тат. *килде* «пришел». Встречается также употребления АК (или АФ) персидского и его эквивалента арабского происхождения: *Ходайбирде* < перс. *Ходай* «бог» + тат. *бирде* «дал»; *Аллабирде* < Алла «бог» + тат. *бирде* «дал».

В истории татарского народа конец XVI – начало XVII в. был сложным этапом, который характеризуется изменением социального и национально-этнического состава населения. В это подготавливало условия вовлечения его в исторический процесс. Этот процесс привнес значительные изменения и в личные имена – изменения происходили путем перемены этнических личных имен на крестильные личные имена, адаптацией национальных имен к русскому языку. По материалам писцовых книг было установлено, что основная часть личных имен

конца XVI – начала XVII в. имеют тюркское происхождение. В имянаречении также прослеживается исконность и самобытность традиций.

§ 3.5. Татарские личные имена XVIII в.

Обретение исламом статуса «терпимой» конфессии в России юридически произошло в 1773 г. с принятием указа «О терпимости всех исповеданий ...», правительство свернуло кампанию христианизации мусульманских регионов [322, с. 70]. Подписание указа об учреждении «Оренбургского Духовного магометанского собрания» [3, с. 26] оказало значительное влияние на традиции именования и имянаречения татар, эта которых возлагалась на татарское духовенство. «Вторая половина XVIII в. характеризуется духовным возрождением татарского народа» [574, с. 70], которое проявляется в решении некоторых социально-религиозных вопросов построением мечетей, открытием при них школ, медресе, способствовавших укреплению ислама среди разных слоев населения. Татарские языковеды и историки утверждают, что духовное возрождение народа «было подготовлено всем ходом развития общества, но при этом было несколько предпосылок, способствовавших пробуждению татарского общества к духовной жизни» [236, с. 472 – 474]. В конце XVII – в начале XVIII вв. стала возрождаться локальная мусульманская ученость. Отдельные личности разными путями стали получать религиозное образование в таких традиционных мусульманских центрах, как Дагестан, Средняя Азия, Афганистан, Сирия, которые начинают обучать население и создавать медресе, становятся центрами классического мусульманского образования и суфизма, что способствовало дальнейшему национальному возрождению и подготовке новой прослойки мусульманского духовенства, научной и творческой элиты.

Ислам постепенно приобретает характер «народной религии» [322, с. 70], это отражается и на антропонимической системе народа, обусловленной широким распространением арабо-персидских заимствований. Личные имена этого периода

значительно отличаются от личных имен конца XVII в., ядром которых были тюркские имена, а мусульманские имена находились в периферии.

Наше исследование антропонимикона XVIII в. сосредоточилось на материалах «Ревизских сказок» о числах душ третьей ревизии Арской дороги Бакиловой, Тимофеева, Шариповой, Кульметьевой, Аптыковой, Абдулькаримова, Тимкиной, Бикеевой и других сотен 1762 г., а также «ревизских сказок» Малмыжского мещанского помещенства 1763 г. В ходе анализа выделены следующие данные 2367 человек – из них 1852 мужчины, 515 женщины.

Было установлено, что имена арабо-персидского происхождения составляют большую часть. Имена тюркского пласта в «Ревизских сказках» функционируют значительно реже, чем в материалах конца XVII века, в основном в антропокомпонентах: *Елбулды* тат. «родился в этом году», *Тимер* тат. «железо», *Тимербэк* < тат. *тимер* «железо; железный» + тат. *бэк* «бек, князь»; Терек тат. < тере «живой»; *Биктимер* < тат. *бик* ~ *бэк* «бек, князь» + тат. *тимер* «железо; железной»; *Миңлебай* < тат. *миңле* «с родинкой» + тат. *бай* «богатый»; *Миңтимер* < тат. *миң* «родинка» + тат. *тимер* «железо; железный», *Абзай* < тат. *абыз* «глава племени; опытный» + -*ай* флексия звательности; *Исәнкилде* < *исән* «живой» + *килде* «досл. явился»; *Исәнбирде* < тат. *исән* «живой» + тат. *бирде* «дал»; *Исәнгол* < тат. *исән* «живой» + тат. *гол* ~ *кол* «раб»; *Юлдаш* < тат. «спутник»; *Яшьалды* < тат. *яшь* «молодой» + тат. *алды* «взял», *Кышбулды* < тат. *кыш* «зима» + тат. *булды* «был» «в зиму родился»; *Ишкэй* < тат. *иш* «пара, спутник» + -*кэй* деминутивный суффикс; *Юзи* < тат. *юз* + *йөз* + *йөзле* перен. «счастливый» + -*и* выделительный суффикс «тот, который» и др. В личных именах тюркского пласта часто встречаются антропокомпоненты и антропоформанты *иш*, *миң*, *миңле*, *исән*, *бирде*, *булды*, *килде*, *туды*, *яшь* и др. Антропокомпоненты и антропоформанты тюркского пласта встречаются в составе личных имен *Калмэт* < *кал* тат. «останься» + араб. *мэт* ~ *мөхәммәт*; *Тимербулат* < тат. *тимер* «железо» + перс. *булат* «сталь»; *Котлыяр* < тат. *котлы* «счастливый» + перс. *яр* «сторона, половинка»; *Ишморат* < тат. *иш* «пара, спутник» + перс. *морат* «цель».

Татарские личные имена XVIII в с наиболее частотными антропокомпонентами и антропоформантами: АК *солтан*: жен. *Назсолтан*; муж. *Яшьсолтан*, *Биксолтан*, *Солтанай*, *Солтанбэк*, *Солтан*, *Солтанби*, *Хәлилсолтан* и др.; АК *тимер*: муж. *Тимери*, *Тимеркәй*, *Минтимер*, *Биктимер*, *Тимербулат*, *Тимергази* и др.; АФ *ала*: *Алакай*, *Алакош*, *Алашугур*, *Алатай* и др. АФ *ак*: *Акколла*, *Аккүбек*, *Акккол*, *Акмамыш*, *Акман*, *Аксолтан* и др. АФ *иш*: муж. *Ишбирде*, *Ишбулды*, *Ишкенә*, *Ишмамәт*, *Ишморза*, *Иштуган* и др.; АФ *бай*: муж. *Байтимер*, *Акбай*, *Байбахты*, *Байбулат* и др. Вместе с основным значением антропоформант *бай* «богатый» дает личному имени оттенок уважения; АФ *яшь*: муж. *Яшьсолтан*, *Яшьбулды*, *Яшькилде* и др.; АФ *ян / жән*: муж. *Жәнбакты*, *Янбатыр*, *Янбирде*, *Жәнибэк*, *Жәнбатыр* и др.; АФ *гөл*: жен. *Гөлсолтан*, *Гөлбакты*, *Гөлгыйзар*, *Гөлбагар*, *Гөлбар* и др.

В исследовании было выявлено употребление отглагольных АФ препозитивно: *Алдыбай*, *Килдебай*, *Алдыяр*; постпозитивно: *Байбахты*, *Гөлбакты*, *Алчинбакты*, *Байкилде* и др. Также мы выделили частотные отглагольные АФ: *бакты* «глянул», *килде* «явился», *бирде* «даровал», которые содержат аллосему «родился». К примеру, муж. *Исәнкилде* < *исән* «жив; живой» + *килде* «явился», т.е. родился здоровым; жен. *Гөлбакты* < *гөл* «цветочек» + *бакты* «глянул», т.е. цветок родился; муж. *Таңгелди* < *таң* «рассвет» + *гелди* ~ *келди / килде* «явился», т.е. «на заре явился» и т.п.

В отглагольных антропоформантах выделили функционирование в единичных случаях архаичных форм глагола огузского происхождения, в которых *-дык*, *-мыш* являются формами причастия прошедшего времени: *Сөендек* «счастливчик», *Туктамыш* «ждан» и др.,

В «Ревизских сказках» функционируют личные имена, антропокомпоненты которых являются глаголы *Үлмәс* «не должен умереть», *Үтәгән* «сделавший», *Бакты* «посмотрел» и др. В основном, имя *Үлмәс* встречается как женское имя, должное предотвращать смерть ребенка.

Апеллятивы в татарских мужских антропонимах связаны с символами храбрости, силы, энергичности, отваги, мужества, стойкости и др. Татарские

женские личные имена символизируют красоту, изящество, величие, горделивость, доброту, нежность и т.д.

В структурно-словообразовательном отношении к активным суффиксам образования антропонимов следует отнести суффиксы тюркского происхождения с деминутивной семантикой *-кай/-кэй*: *Ишкэй, Нуркай*; *-ай/-эй*: *Жанай, Карманай, Солтанай, Ибрай, Сабай, Иманай, Юанай, Балтай* и др.; *-юк*: *Абдюк, Нурюк* и др.

В «Ревизских сказках» употребляются вместе с личным именем и патронимы: *Карабаш Гали, Сабай Ишкенэ* и т.д., в которых *Карабаш, Сабай* выступают как патронимы.

В материалах «Ревизских сказок» татарские личные имена искажены и адаптированы к фонетико-грамматической структуре русского языка. В транслитерации личных имен прослеживаются следующие фонетико-грамматические погрешности: в ауслауте звук [и] транслитерирован суффиксом *-ей*: *Гали- Галей, Тимери – Тимерей*. В материалах личным именам характерно добавление патронимического суффикса *-ко*: *Юзейко (Юзи), Амирко (Эмир), Назирко (Назыр), Булатко (Булат)* и др. «В XVIII веке нормой официального стиля становится именование лиц полными именами независимо от сословий. Тогда как низведение форм типа *Ивашка, Петрушка* в неофициальную сферу общения и соответствующая переоценка их эмоциональных возможностей» [Суперанская, 2008: 316]. В конце XVIII в. имена с патронимическим суффиксом *-ко/-ка* в восприятии русского человека имели уничижительный оттенок, который был подробно описан в произведениях писателей и поэтов.

Итоги изменений численности и состава населения, о его движении подводились только по данным мужского пола, между тем как «сказки XVIII в., начиная с третьей ревизии, содержат соответствующие данные о женском поле» [371, с. 321]. В формулах именованья женщин дается информация имени мужа, имени женщины, имени отца женщины, информация о возрасте, месте прежнего жительства, национальности: *Монасина жена Салиха Хасанова 35 летов взята Казанского уезда издеревни Тонсар Татаринов дочь; Габделхаяра жена Салима Романчева 30 летов взята издеревни Морят Кряшинов дочь*. Также в формулах

именования в «ревизских сказках» содержится информация о социальном положении женщины: *Зубая жена Заяра Юсупова 30 летъ взята из деревни Терячи крестьянников дочь.*

В женской антропонимической системе содержатся имена арабо-персидского происхождения: *Гөлгыйзар, Ясмия, Халисә, Фатыйма, Сәхибә, Хәмида, Гөлбия, Мәслимә, Мәдина, Гамбар* и др. Отмечается частое употребление имен *Сандугач* «соловей», *Үлмәс* «не умрет» .

XVIII век для антропонимической системы татар является переломным моментом, характеризующимся сменой тюркских традиций и обычаев имянаречения мусульманскими, которое было обусловлено культурно-историческими предпосылками – единственным стержнем культурного возрождения становится религия, способствовавшая вытеснению личных имен тюркского пласта личными именами арабо-персидского происхождения, составляющими 98% всего реестра имен.

§ 3.6. Татарские личные имена XIX в.

XVI – XIX вв. стали периодом становления нового социально-политического и этнонационального самосознания татарского народа. На процесс становления влияли, с одной стороны, влияла политика царского правительства (христианизация, тяжелые экономические условия проживания татар), с другой – идеология зарождающейся татарской интеллектуальной элиты и представителей Нового времени [233]. Это время – своеобразный переломный момент в истории татарского народа, период когда постепенно исчезала средневековая раздробленность, активизировалась общественная жизнь, пробуждалось национальное самосознание татарского народа [234, с. 3]. XIX век становится веком реформации, просвещения, секуляризации общественной жизни, выработки новой парадигмы национального развития на культурной и мировоззренческой почве ислама [23, с.6], началом духовного возрождения татарского народа, в котором ведущую роль играло татарское духовенство, оказавшее заметное

воздействие на историческое самосознание народа, в том числе и на антропонимическую систему. В 1828 году издается указ Сената «О введении метрических книг по Оренбургскому Духовному Магометанскому управлению», так на Оренбургское духовное Магометанское управление возлагается обязанность ведения актов гражданского состояния. Таким образом, татарское духовенство становится главным сегментом в обрядовых действиях имянаречения и именованя ребенка. Так, 31 марта 1894 г. Оренбургским магометанским духовным управлением издается специальный циркуляр личных имен. Он направляется имамам, которые начинают активно пропагандировать мусульманские личные имена. В данном циркуляре даются специальные указания об основных моментах имянаречения новорожденных. Изданные в конце XIX века словари личных имен религиозного характера «Исме Аллаһе Тәгалә эл-Хәсәни» [646], «Авраде Фәтхия» [647] были составлены деятелями духовенства, которые вели пропаганду мусульманских личных имен. В них подчеркивается необходимость наречения детей мусульманскими именами по канонам ислама.

«В XIX в. в этнокультурном пространстве происходили явления отпадания от православия и возвращения в ислам некоторых крещеных татар» [191, с. 92]. Крещеные татары, отказываясь от христианских личных имен, начали возвращаться к мусульманским традициям именованя и имянаречения. Однако правительство детей «отпавших» крещеных татар приписывало к семье деда по материнской линии, фамилии давало по имени матерей, поэтому эти дети считались незаконнорожденными и не имеющими права на наследство.

Наши исследования показали, что в материалах «Ревизских сказок» Казанского уезда XIX в. общее количество мужских личных имен составляет 1302 единиц, репертуар имен 225 единиц. В первой половине XIX века распространенными именами являются: *Әмир, Әхмәт, Бикбай, Габделлатыф, Габдерәшит, Габдулла, Габидулла, Гали, Ибраһим, Исхак, Исмагыйль, Габделкәрим, Габделмәжит, Габит, Габдерәхим, Гобәйдулла, Хәсән, Хөсәен, Йосыф, Мостафа, Муса, Мөхәммәтгали, Мортаза, Мөхәммәт, Якуп, Мөхәммәтжан, Салих, Сөләйман, Мөхәммәтрәхим, Шаһигәрәй, Габделвали,*

Мөхәммәтсадык, Жәмил, Фәйзулла, Мөхәммәтвәли, Фәхрәтдин, Мәхмүт, Хисәметдин, Шәмсетдин, Габделгаффар, Давыт, Әхмәтҗан, Мөхәммәтиәриф, Миңлебай, Нигъмәтулла, Рәхмәтулла, Сәйфулла, Фәтхулла, Сәгыйть, Сәйфелмөлек, Таҗсетдин, Тимербулат, Халит, Хәмит, Хәбибулла и др. Среди распространенных женских личных имен следует выделить: *Банат, Бахрибану, Бәдига, Бәдерниса, Бәдигәл, Бибигайшә, Бибигалимә, Бибикәримә, Биби, Габидә, Гайниҗамал, Гайшә, Галимә, Гәфәифә, Гөлзаһидә, Гөлийөзем, Зөләйха, Зөһрә, Камайбану, Гөлсирә, Латыйфа, Маһирә, Мәгърифә, Мәдинә, Мәфтуха, Минвафа, Минниса, Мөхибҗамал, Сафура, Фатыйма* и др.

Во второй половине XIX в. широкое распространение получили мужские личные имена: *Баһавәтдин, Баязит, Бәдрәтдин, Бәшир, Бикбай, Биккенә, Биктимер, Габделлатыйф, Габделваһап, Габделвәли, Габделвахит, Габделгаффар, Габделкәрим, Габделмәҗит, Габделнасыр, Габдерәхим, Габдулла, Гайнулла, Гали, Галиәкбәр, Галимҗан, Гобәйдулла, Гомәр, Госман, Давыт, Әмир, Әхмәт, Әхмәтҗан, Исхак, Йосыф, Мәхмүт, Миңлебай, Мөхәммәтйосыф, Мөхәммәткәрим, Мөхәммәтлатыйф, Мөхәммәтрәхим, Мөхәммәтсадык, Мөхәммәтшаһ, Мөхәммәтиәриф, Муса, Нигъмәтҗан, Нигъмәтулла, Нурмөхәммәт, Рәхмәтулла, Садык, Салих, Сәгыйть, Сәйфәтдин, Сәйфулла, Сираҗсетдин, Сөләйман, Тимербулат, Фәйзулла, Фәтхулла, Фәхрәтдин.*

Среди татарских женских личных имен распространенными были: *Бибифатыйма, Бибифатыйха, Бибимаһирә, Бибимәрхүбә, Бибикәримә, Бибигафия, Бибигарифә, Бибигалимә, Бибигайшә, Бәдига, Бәдерниса, Гөлфия, Гайникамал, Гайниҗамал, Гайния, Гайниҗиһан, Сәхилә, Сәхибҗамал, Сәрбиҗамал, Сәлимә, Сәгыйдәбану, Сәгыйдәҗамал, Сафура, Сабира, Фатыйма, Таһира, Рәхимә, Разия*, и др.

В XIX веке в «Ревизских сказках» Казанского уезда зафиксированы в основном двусоставные личные имена. В начале и в конце века в основном преобладают личные имена с компонентом *Мухаммад*, который участвует в образовании 26 личных имён при количестве имяносителей – 300, это составляет

23%. На 144 носителей имен с компонентом *Мухаммад* приходится 17 разных имен. Однако к концу века наблюдается уменьшение употребления компонента *Мухаммад*.

Встречающиеся в начале века мужские личные имена *Батыр, Биккол, Бикмирсагыйть, Бикчэнтэй, Вэлит, Габбас, Габделбакир, Габделбашар, Габделгалим, Габделкэфил, Габделмэннэф, Габдесаттар, Габделсэлим, Габдерахман, Эсфэндияр, Гобэй, Галэветдин, Жаббар, Жаббаркол, Сэфэр, Сэфэргали, Солтанис, Ярми, Ногман, Туктар, Төхвэтулла* и др. в конце века не наблюдаются. Однако исследование показывает, что в начале XX века данные компоненты вновь появляются в реестре личных имен. Среди женских личных имен, встречающихся в начале XIX в., в конце века установлено исчезновение из реестра следующих имен: *Бэдигөлжамал, Гаидэ, Нэзира, Нэүбаһар, Нэүрүз, Рэхилэ, Сэмига, Сэрби, Сэрбиямал, Сэхилэ* и др.

К концу XIX в. усилился процесс образования обобщенных форм культуры, трансформировалась конфигурация народной культуры. На наш взгляд, в связи с этими явлениями в этнокультурном пространстве в татарской антропонимической системе происходят явные изменения состава и количества личных имен в сторону их структурного упрощения. В начале XIX века АФ *габд/габде/габдел* встречается в 35 разных именах (11,2 % от всех личных имен), однако к концу века наблюдается опущение АФ *габд/габде/габдел*. Во второй половине XIX в. 16 разных имен с данным АФ встречаются 29 раз, это составляет 4,2% всех личных имен.

В исследовании было установлено активное употребление в начале XIX в. компонентов *бэди, биби* в женских личных именах: *Бэдигөлжамал, Бэдигөл, Бэдигылжамал, Бэдига, Бэдерниса, Бэделхан, Бэдейрана, Бэдэр* и др.; *биби: Биби, Бибигайэ, Бибигаизэ, Бибигайшэ, Бибигалимэ, Бибигафа, Бибигафия, Бибижамал* и др., однако к концу века данные компоненты уже утрачивают употребительность. Если учесть то, что в исследовании наблюдалось опущение компонентов к концу XIX в., то следует предположить, что в антропонимиконе XX в. прослеживается тенденция заметного упрощения имен.

Статистический анализ личных имен в материалах «Ревизских сказок» 1870 – 1874 гг. Мамадышского уезда показал, что 534 новорожденным дано 162 разных имен. Самыми распространенными именами Мамадышского уезда являются: *Мөхәммәтвали*, *Әхмәтҗан*, *Мостафа*, *Мөхәммәтгали*, *Мөхәммәтзариф*, *Мөхәммәткәрим*, *Мөхәммәтшаһ*, *Мөхәммәтшакир*, *Мөхәммәтҗан*, *Мөхәммәтрахим*. Как видно из примеров, многие личные имена образованы с компонентом *Мөхәммәт*, который встречается в составе имен 164 новорожденных мальчиков 24 раза. В сравнении с Казанской губернией в Мамадышском уезде ЛИ с компонентом *Мухаммат* на 9% больше.

В Мамадышском уезде АФ *габд/габде/габдел* встречается 24 раза, в составе имен 52 новорожденных. По сравнению с Казанской губернией, ЛИ с данным АФ на 5,5% больше. На наш взгляд, отражение религиозной тематики в личных именах является явным доказательством заметного влияния религиозной идеологии в малонаселенных пунктах.

В исследовании было установлено, что в материалах «Ревизских сказок» Мамадышского уезда личные имена в основном арабского и персидского происхождения. Встречаются и компоненты тюркского происхождения: *Аблак*, *Ташмәрдән*, *Котлымөхәммәт*, *Тимергали*, *Биккена*, *Биктимер*, *Килмәмәт* и др. В Мамадышском уезде 98,1% ЛИ всего антропонимического состава арабского и персидского пласта. В материалах «Ревизских сказок» Казанской губернии зафиксировано 15 разных ЛИ тюркского происхождения. Значит, по статистическим данным в Казанской губернии 99,3% ЛИ арабского и персидского происхождения. По сравнению с антропонимиком Мамадышского уезда, в антропонимиконе Казанской губернии имен арабского и персидского происхождения на 1,2 % больше.

В структурно-словообразовательном отношении мужские личные имена второй половины XIX в. односоставные – 27%; двусоставные – 73% (по Казанской губернии); в Мамадышском уезде односоставные – 23%; двусоставные – 77%. Значит, в Мамадышском уезде по сравнению с Казанским уездом на 4% больше двусоставных имен. Несмотря на заметное упрощение антропонимикона

Казанского уезда, в Мамадышском уезде прослеживается совершенно иная картина, которая обуславливается стабильностью в употреблении двусоставных личных имен.

На наш взгляд, в локальных территориях именной состав заметно отличается, что обусловлено большей традиционностью антропонимической системы, сохранением обрядов, обычаев, традиционного уклада жизни.

Таким образом, изменения в общественно-политической, культурной жизни XIX в. в этнокультурном пространстве татарского народа отражаются в антропонимической картине татарского народа. В начале и в середине века прослеживается тенденция заметного увеличения мусульманских личных имен, связанная с доминирующей позицией татарского духовенства в жизни народа, которая к концу века постепенно ведет к упрощению как состава, так и структуры самого имени.

§ 3.7. Татарские личные имена XX в.

«Демократические свободы, данные российской властью в 1905 г., привели к ускоренному развитию национальной культуры» [191, с. 6]. «Поэтому начало XX века знаменуется повышенным интересом мировоззрения, рационализацией поведения людей, которая отодвинула замкнутость татарской общины, проявляющую в открытости к другим культурам и цивилизациям в целом» [191, с. 6; 124, с. 7]. Буржуазные реформы, затронувшие многие сферы жизни, движение за обновление ислама, возникновение мусульманских школ нового типа, появление среди татар особой социальной категории – светской интеллигенции, трансформация традиционной татарской общины – всё это привело к некоторым изменениям в функционировании и в составе именованного. Основным источником для исследования личных имен начала XX века до 1917 г. стали метрические книги – реестры гражданского состояния (рождения, браков, разводов и смертей). Метрические книги состояли из отдельных разделов, в первом из которых имам регистрировал рождение детей своего прихода

(записывалось имя ребенка, дата и место его рождения, имена и отчества родителей): *атасы солдат-крестьян Нигъмәт Вәли углы; анасы Нурдида Нурижан кызы; кыз углы: Бибикәримә, кыз углы: Бүләк; ир углы: Әхмәтгаләм* (отец крестьянин-солдат Нурулла сын Гали; мать Нурида дочь Мухамматзяна; дочь Бибикарима, дочь Буляк; сын Ахматгали) [Кн. мет., ф. 204, оп. 177, д.1389]. По данным метрических книг было установлено преобладание в этнокультурном пространстве языка следующих антропокомпонентов и антропоформантов: *дин* а. «вера» [319, с. 99]: *Минһажәтдин, Сәләхәтдин, Шәйхәтдин*; *алла / -улла* а.: *Насыйбулла, Нәбиулла, Сәгыйдулла, Зәйнулла*; *мөхәммәт* а. «хвалимый, прославляемый»: *Мөхәммәтшакир, Мөхәммәтгәрәй, Мөхәммәтзакир, Мөхәммәтвәли, Мөхәммәтнәжип*; *габд/габде/габдел-* а. «раб, слуга, служитель»: *Габделваһап, Габделвәдүт, Габделкаюм, Габделхак, Габдрахман*; *гали* а. «высший, могучий» [319, с. 48]: *Галижан, Галиәхмәт, Галиулла*; *нур* п. «луч, свет, сияние» [319, с. 189]: *Нургали, Нургаяз, Нурислам, Нурмөхәммәт*; *шаһ/шаһи* п. «шах, правитель» : *Шаһгалим, Шаһидулла, Шаһиморат*; *жан* п. «душа, жизнь» [319, с. 98]: *Галимжан, Галижан, Рәхимжан*; *миң/миңле* т.: *Миңлегата, Миңлегәрәй*; в женских личных именах: *миң/миңле* тюрк. «родинка, с родинкой, символ удачи»: *Миңлебаян, Миңсылу, Миңлехәят*; *ниса* а. «госпожа, дама» [319, с. 390]: *Хәерниса, Миңниса*; *жәмал* а. «красота, миловидность» [319, с. 341]: *Миңнежәмал, Бәдрижәмал*; *биби* п. «девушка, молодая женщина» [319, с. 320]: *Бибиәсма, Бибигазизә, Бибизарифа, Бибигазизә*; *руй* п. «лицо» [319, с. 402]: *Хәлимуруй, Махруй, Миңлеруй, Гашыйкруй, Галимуруй, Махруй*; *бану* п. «повелительница, госпожа» [319, с. 318]: *Хәдиябану, Нәсыйхәтбану, Зәкиябану* и др. Структурно-словообразовательный анализ имен, зафиксированных в метрических книгах 1900 – 1906 гг. показал, что в основной своей части преобладают имена двойные с двумя или более АК (*Мөхәммәтнәжип, Хәбибрахман, Бибимәръям* и др.), двусоставные имена в составе которых АК и АФ (*Жиһаншаһ, Зиннәтулла, Миңлехәят* и др.). Это связано, как нам кажется, во-первых, с этнокультурным пространством тюркских народов называть ребенка лечебно-защитными именами или именами-оберегами, во-вторых, с обычаем

называть ребенка «длинным именем» – долгой жизни ребенку, в-третьих, по исламскому обычаю личные имена эпитеты Аллаха, пророка *Мухаммада* следовало нарекать в сочетании с антропоформантами *габде-/ габд-/ габдел-* и др., поэтому мусульманские имена давались в сочетании с антропоформантами или антропокомпонентами.

В начале XX столетия (до революции 1917 г.) западноевропейские веяния преобладали почти во всех сферах жизнедеятельности татарского буржуазного общества [124], они проникали через русскую культуру. Знание русского языка и культуры в татарском обществе необходимо было для западных новаций. «Интерес к русскому языку был обусловлен как общей государственной политикой в отношении «инородцев», так и личным желанием молодого поколения татар конкурировать с русскоязычным населением в профессиональной сфере» [124, с. 44]. В именовании русские веяния стали доминировать в повседневной татарской жизни. Среди интеллигенции было «модно» переименование на русский лад татарских имен. Писатель Г.Кулахметов племянницу *Гайшу Апанаеву* иногда называл *Галей*. Происходило подражание русской культуре, которое отразилось не только в татарском языке, но и на общественной жизни народа. Татарский писатель Г.Исхаки в пьесе «Жан Баевич» высмеивает людей, которые переименовывают на русский лад свои имена либо упрощают двусложные личные имена, чтобы показать свою интеллигентность или якобы «образованность». К примеру, полное имя главного героя пьесы «Жан Баевич» *Шакиржан Минлебаевич*, чтобы казаться более образованным, он называет себя *Жан Баевичем*, свою жену *Сахибджамал – Софичкой*. Таким образом, писателем в пьесе описываются русские веяния начала XX века. Однако трансформация мировоззрения татарского народа вступала в противоречие с мусульманским мировосприятием. Поэтому в именнике татар до 1917 г. сохраняются личные имена арабо-персидского происхождения с религиозной семантикой. В свою очередь, реформаторские движения *джадидизма* стали активно культивировать русификацию, в связи с этим уже среди татарской светской интеллигенции появляются резкие высказывания по поводу личных

имен арабо-персидского происхождения. Так, известный татарский писатель Ф. Амирхан на страницах журнала «Мактап» («Школа») (1914 г.) в статье «К вопросу татаризации личных собственных имен (употребление и генезис личных имен у татар)» высказывает мнение о том, что «передовые семьи Казани стали давать истинно татарские имена», и считает, что это явление станет массовым, всенародным и начнут функционировать личные имена, близкие по духу. Он проводит мысль, что в тот период, когда вся информация была подражанием увиденному в Бухаре и вся наша культура – увиденному у сартов, наши имена испытывали бухарское и сартское влияние. «Вот поэтому, – пишет Ф. Амирхан, – арабские личные имена стали употребляться у нас не как у самих арабов, а на сартское и иранское подражание, например *Габдуллахан...*». Г. Тукай в известной статье «Об именах», пишет, что татарские личные имена составляют сокровищницу арабского языка. Татарский поэт утверждает, что арабский язык является одним из богатейших языков, и предлагает сочетать татарские имена с арабскими, обозначающими светско-бытовые понятия. «Арабский язык – богатейший из богатых. Пусть же среди татарских имен появляются *Талгаты* (красота), множатся *Фаики* (передовой, высший), побеждают *Фатихи* (завоеватель), вознесутся *Рафгаты* (величие) и т. д. Пусть наше воспитание станет национальным и мусульманским» [485]. Г. Тукай и Ф. Амирхан призывают называть детей красивыми татарскими именами, содержание которых мотивировало бы их носителей и было отдалено от непонятной арабской семантики.

Резкое изменение татарской антропонимической системы в целом происходит после общественно-политических и культурных событий 1917 г., которые заметно повлияли на развитие и формирование антропонимических систем татар в последующих десятилетиях. Декреты советского правительства об отделении религиозных учреждений от государства, школы от религии, мультикультурализм и глобализация затронули все национально-религиозные аспекты татарской жизни. Как отмечает историк Л. Габдрафикова, «начавшиеся буржуазные преобразования конца XIX – начала XX века, представляющие

собой сочетание традиций ислама и умеренную европеизацию, меняли психологию татар» [124, с. 4], в свою очередь, это подготавливало почву для изменений татарского этнокультурного пространства. «Антропонимическое половодье», связанное с активным процессом обновления именника славянским и западноевропейским пластом, происходит в основном после исторических преобразований революции 1917 г.

Состав татарских личных имен метрических книг 1917 г. заметно отличается от состава личных имен 1900 – 1906 гг., в структурно-словообразовательном уровне изменения происходят в возрастании количества односоставных имен: *Шифа, Кәшифа, Гайса, Хәдичә, Фатыйма, Зәһрә, Жәүһәр, Зиннәт, Нәфисә, Таифә, Харис, Исхак, Саимә, Әминә, Мәрьям, Госман, Фәһимә, Асия, Биби, Хәсән, Галия, Жәүдәт* и др. Хотя предпочтение отдается, как и прежде, именам двусоставным или двойным, но все же возрастает тенденция к упрощению имени.

По сравнению с реестром имен 1900 – 1906 гг., в составе личных имен 1917 г. выделяется частотное функционирование АФ *миң* «родинка» как в женских, так и в мужских именах: жен. *Миңлебанат, Миңлеруй, Миңлехәят, Миңсылу, Миңлезәйнәп*; муж. *Миңлегаяз, Миңлеһади, Миңлегабид, Миңлегали* и др. Наречение имени с этим АФ имеет несколько немалаважных аспектов, которые обусловлены, во-первых, физиологическими характеристиками человека, во-вторых, значение связано с народным поверьем. В татарских женских именах наблюдается частотное функционирование антропокомпонента *биби / бану*; АК *бану* встречается в постпозиции: жен. *Хәдиябану, Нәсыйхәтбану, Зәкиябану*; АК *биби* встречается только в препозиции: жен. *Бибисорурә, Бибибану, Бибинажия, Бибихажәр, Бибисара, Бибифатыйма, Бибизәйтүнә* и др.

В обряде имянаречения в 20 – 30 х гг. XX столетия также произошли некоторые изменения. Так, газета «Красная Татария» 22 июня 1924 г. по этому поводу опубликовала статью: «В клубе трамвайного парка состоялись октябрины новорожденной рабочего-татарина. Девочке дали имя Троцкино в честь вождя Красной Армии. Тов. Троцкому послана приветственная телеграмма. На вечере

была поставлена живая газета». Как отмечают этнографы, в 1930-е годы делались попытки проводить обряды имянаречения по-новому, они назывались «октябринами» и проходили в форме митинга, собрания, заседания, были насыщены речами-поздравлениями, нередко даже докладами [491, с. 132]. Так, в 30 – 40-х г. XX столетия в татарском журнале «Азат хатын» (1930, № 6) был опубликован перечень рекомендованных татарских личных имен: *Рафил, Марат, Фред, Ирек, Азат, Дамир, Вил, Рев, Ренад, Корыч, Эдвард, Альфред, Алмас, Илдус, Арслан, Ким, Марс, Баян, Карл, Марсель, Марлен, Тимер, Радик, Батыр, Ук, Лерон, Илгиз, Роберт, Сталь, Денам, Ялкын, Зирэк*; жен. *Роза, Клара, Флера, Гүзэл, Йолдыз, Рева, Рема, Гөлкэй, Кояш, Алсу, Ләлә, Ландыш, Марта, Бүләк, Луиза, Аида, Лера, Ариа, Майя, Иркә* и др. Как видно из списка, большинство рекомендованных личных имен западноевропейского и русского происхождения, заимствованных в основном через литературу, театр и кино. Татарский народ всегда стремился к учению, любил театр, кино. Поэтому подобные имена перешли на уровень имен-символов, существующих независимо от реальной жизни, становясь элементами нашего сознания и восприятия времени. Литературное имя, имя актера, музыканта начинает продолжать свое существование, становясь знаком этнокультурного пространства.

Второй особенностью данного списка являются личные имена, образованные от нарицательных слов: *Тимер, Ук, Батыр, Сталь, Ялкын, Зирэк, Йолдыз, Кояш, Бүләк, Иркә* и др., многие из которых являются атрибутами советской власти. Имена идеологического содержания (*Октябрина, Майя, Кэм* < коммунизм, электрификация, механизация, *Ким* < «коммунистический интернационал молодежи», *Ревмир* < «революция мировая») и имена-посвящения политическим идеалам (*Нинель* перевернутое имя Ленина, *Владлен* < Владимир Ленин) получили в начале 20-х гг. XX. века широкое распространение. Заимствования из немецкого языка *Маркс, Энгельс* (вариантные имена Энгель, Ингель, Марк) появляются в антропонимической системе татар после революционных событий начала XX века. Личное имя *Фридрих* двух компонентное: *fridy* «спокойствие, покой» + *ric* «богатый, знаменитый» [435, с.

263]; личное имя *Эрнест* «серьезный, строгий», связанное с его денотатом – немецким политическим деятелем *Эрнстом Тельманом*. В татарской именной системе функционируют несколько вариантов данного имени: *Эрнес, Эрнис, Ирнис*; варианты имени *Фердинанд* – личные имена *Фернан, Фирнад, Фернад* (в переводе с немецкого «смелый»).

В 20 – 30-х гг. XX века наиболее популярные личные имена западноевропейского пласта относятся к греческому и латинскому языкам. Родители, нарекая детей именами западноевропейского происхождения, отдают предпочтение благозвучности, преобладанию сонорных согласных, нейтральности личных имен к грамматической структуре имен татарского языка, нейотированное инициальное э, необычные сочетания (наличие сонорных, два гласных вместе, удвоение согласных), являющихся необычным для традиционного татарского именника. В антропонимиконе 20 – 30-х гг. появляются в реестре имена латинского происхождения: *Риман, Рубин, Флорис, Флорид, Фидель, Ринат, Рикс* и др. К примеру, начиная с 20-х гг. XX столетия, в синхронных срезах последующих десятилетий встречается личное имя *Ренат*, которое восходит к апеллятиву *renasor*, обозначающему в латинском «вновь рожденный, вернувшийся к жизни» [435, с. 285]. Однако некоторые исследователи связывают семантику имени со словами «*революция, наука и труд*». Как показывают статистические данные актов записей о рождении по г. Казани, личное имя *Ренат* стал активным в 20 – 30-х гг. XX века, активность в его функционировании прослеживается в десятилетнем синхронном срезе 1990 – 1999 гг.

Таблица 3. Статистические данные популярных татарских мужских личных имён (сравнительный анализ)

1930 – 1939					
Носители по г. Казани			Носители по г. Мамадыш		
Илдус		5,74	Рафаил	1	5,74
Рэшит		4,10	Илдус	7	3,34
Равил		3,89	Азат	6	2,87
Рэфкать		3,41	Ирек	6	2,87

Мансур		3,35	Илгиз	6	2,87
Рафаил		3,35	Наил	5	2,39
Әнвәр		3,21	Мансур	5	2,39
Наил		3,00	Рәфкать	5	2,3
Илдар		2,80	Марат	4	1,91
Шамил		2,53	Рәшит	4	1,91
Фәрит		2,39	Марсель	4	1,91
Илгизәр		2,32	Роберт	4	1,91
Камил		1,91	Марс	4	1,91
Мәхмүт		1,84	Рәүф	4	1,91
Фоат		1,84	Альберт	3	1,43
Габдулла		1,36	Равил	3	1,43
Гомәр		1,36	Алмаз	2	0,95
Ренат		1,23	Габдулла	2	0,95

Как видно из таблицы, составленной на основе материалов ЗАГСа, в начале 30-х гг. употребление личных имен западноевропейского и русского происхождения заметно убывает. По данным ЗАГСа г. Мамадыш, количество личных имен западноевропейского и славянского происхождения в сравнении с г. Казань больше на 13%. В исследовании проведен сплошной подсчет именника двух хронологических срезов: 1930 – 1939 гг. и 1990 – 1999 гг. По остальным промежуточным срезам подсчет делался выборочно. В 1930 – 1939 гг. в актовых записях было проанализированы 1312 мужских личных имен. За этот промежуток времени было дано 310 разных имен. По материалам 1990 – 1999 гг. было проанализировано 1378 актовых записей, по которым было установлено, что репертуар личных имен составляет 223. Значит, к концу века репертуар значительно уменьшается. В ЗАГСе г. Мамадыш в 1930 – 1939 гг. проанализировано 723 актовых записей по рождению мальчиков, по которому установлен репертуар имен, равный 127. В материалах ЗАГСа в 1990 – 1999 гг. проанализировано 812 актовых записей, по которым установлено функционирование 128 разных мужских личных имен. В первом хронологическом срезе по г. Казани (1930 – 1939 гг.) наиболее частотными оказались мужские личные имена *Илдус, Рәшит, Равил, Рәфкать, Мансур*; во втором хронологическом срезе (1990 – 1999 гг.): *Артур, Руслан, Тимур, Адел,*

Булат и др. Качественный состав в первой десятке мужского именника сильно изменен, обновился он практически полностью. В материалах ЗАГСа г. Мамадыш в анализируемом хронологическом срезе XX века «сквозными» именами, употребляемыми в каждом из срезов являются: *Алмаз, Азат, Альберт, Илгиз, Илдар, Илдус, Ирек, Камил, Ленар, Марат, Марсель, Наил, Равил, Раиф, Раил, Рамил, Рафаил, Рәшид, Ринад, Роберт, Рөстәм, Фәрит, Шамил, Эдуард* и др.

Появившиеся в начале XX века личные имена *Эрнест, Энгель, Энгельс, Эльбрус, Фрунзик, Франс, Феликс, Ренор, Рево, Радий, Равильт, Рабхат, Нил, Лунар, Магнаций, Линур, Леонард, Лерик, Имбель, Динамо, Вил, Вилдан, Амур* функционируют лишь в хронологическом срезе 1930 – 1939 гг., а в остальных хронологических срезах не встречаются. Как видно из последующих хронологических срезов, демонстративная инородность не приживается в татарском этнокультурном пространстве, личные имена данного типа остаются лишь курьезами татарской антропонимической системы.

Функционирующие в начале века двусоставные личные имена *Шәһинур, Шәйдулла, Хәлимжан, Фәйзулхак, Фәйзулхан, Тимергали, Нурулла, Нурмөхәммәт, Нурислам, Нуриэхмәт, Муллаян, Муллагаяз, Мөхәммәтсафа, Миңнегаян, Миңнеэхәт, Миңнеэхмәт, Миңнебай, Әхкәметдин, Кыяметдин, Караметдин, Габделсаттар, Габделиәкүр, Жамалетдин, Динмөхәммәд, Гадижан, Галимхан* – в последующих хронологических срезах не встречаются. Таким образом, происходит качественное изменение структурно-словообразовательного типа мужского имени, в котором практически исчезают двусоставные имена.

Таблица 4. Статистический анализ популярных татарских личных имён (1990 – 1999).

1990 – 1999 гг.					
Носители по г. Казани			Носители по г. Мамадыш		
Аргур	21	8,13	Айрат	20	2
Руслан	18	6,93	Илнур	18	2
Тимур	17	6,40	Рамил	17	2
Адел	14	5,42	Габдулла	17	2
Булат	99	3,73	Адел	16	2

Айрат	90	3,39	Айдар	16	2
Марат	70	2,63	Марат	16	2
Алмаз	70	2,63	Айнур	15	2
Рамил	66	2,48	Ришат	15	2
Айдар	64	2,41	Артур	14	2
Ренат	59	2,22	Рамил	14	2
Динар	59	2,22	Раил	12	1
Эмил	57	2,14	Илшат	12	1
Эдуард	57	2,14	Альберт	12	1
Данил	56	2,11	Рестэм	11	1
Альберт	54	2,03	Дамир	11	1

Семантика личного имени *Рамил*, встречающегося во всех хронологических срезах XX века, восходит к арабскому языку, имеет значение «гадание на песке». Как известно, на Востоке было широко распространено гадание (*геомантия*) по точкам и линиям на песке, свидетельствующим о тайнах земли, которые рассматривались как знаки, оставленные по воле Аллаха. На арабском языке геомантия звучит как *Хат Ар Рамл*. Однако А.И. Рыбакин предполагает происхождение данного личного имени от латинского, предположительно от древнегреческого языка, семантическое значение которого восходит к словам *rhome* «сила», возможно, а денотативное значение от имени легендарного основателя Древнего Рима Ромула [395, с. 170].

Появившееся в 30-х гг. XX века личное имя *Роберт*, денотатом которого является герой многочисленных французских рыцарских романов XIII в., происходит от английского слова *Hrodebert – Hruodpercht*, где *hrod, hruod* «слава» + *beraht* «яркий, блестящий», т.е. «блестящая слава».

Модное в 1990 – 1999 гг. личное имя *Артур* происходит от английского слова *Arthur (arth* «медведь»), денотативное значение которого восходит к имени легендарного короля Британии VI в. *Артура* и к британскому эпосу о нем, ставшим центральным персонажем большого цикла рыцарских романов [395, с. 40]. Однако историки не нашли доказательств исторического существования Артура, хотя многие допускают существование его исторического прототипа.

Однако самыми ранними источниками упоминания имени *Arthur* или *Artur* являются валлийские и ирландские источники VII в. Согласно другой точки зрения, это имя связано с валлийской формой «*Арторий*». Как утверждают исследователи, в контексте это имя означает, что человек, носивший его имя, принадлежал к потомкам римских переселенцев [341, с. 85].

Проникновение французских личных имен происходит в основном через литературу. Как известно, популяризация французских произведений, французских романов сыграла важную роль в пополнении татарского антропонимикона, семантика которого восходит к латинскому и греческому языкам. К примеру, личное имя *Альянс* французского происхождения означает «объединение»; *Арсенал* – имя, относящееся к апеллятиву военной лексики, в переводе с французского означает «склад военных боеприпасов»; личное имя *Идеал* на французском означает «совершенный, идеальный»; *Рафинад* с французского «маленькие частички сахара»; распространенное в татарском антропонимиконе личное имя *Ркайл* на французском означает «ракушка». Таким образом, все личные имена французского происхождения на возникли на базе апеллятивов.

В татарском антропонимиконе наречение исконно русскими именами – явление редкое, но часто встречающееся в смешанных браках. Личные имена русского происхождения образованы в основном от русских апеллятивов присоединением аффиксов (*Радик*, *Октябрин*), присоединением к аббревиатурам различных компонентов (*Вилнур*, *Вилдан*). В связи с различными социальными преобразованиями страны в начале XX столетия семантизацию получили личные имена: *Гертруда* – героиня труда, *Элина* – электрификация, индустриализация, *Эльмира* – электрификация мира, *Зарема* – за революцию мира. Так, особое место занимает имя *Светлана*, которое хоть и было известно ранее, но получило популярность не только среди русского населения, но и среди татар в 1920-х годах, в этот период объем семантики данного имени расширился. Большинство имен советского происхождения, превращаемых в собственные без какого-либо

формального изменения (*Авангард, Гений, Электрификация, Идея, Лира, Энергия, Маузер, Трактор, Ферма, Совет, Лемон*), использовались крайне редко и не прижились, оставшись скорее историко-лингвистическим курьезом этнокультурного пространства татарского языка. Как известно, многие носители «советских имен», достигнув совершеннолетия, подавали документы на изменение имени. Однако некоторые из этих имен *Ким, Кем, Владлен, Дамир, Элина, Роза* сохранились и получили достаточно широкую известность среди татар.

Таким образом, появившиеся на фоне «антропонимического половодья» в начале XX столетия личные имена западноевропейского и славянского пласта оказали на состав, на объем семантики имен и на мотив имянаречения, которые семантически и грамматически трансформировались и подчинились под функционирующие в живой системе татарского языка семантические модели традиционных татарских личных имен.

В хронологическом срезе 1990 – 1999 гг. появляются «новые» имена: *Айбулат, Айваз, Айзат, Айшат, Аяз, Ильдан, Дилүс, Илхан* и др. Одной из характерных тенденций развития России постсоветского периода является усиление значимости религии в жизни общества, обозначенное широким понятием «религиозное возрождение» [468, с. 4]. «Исламский» фактор в общественно-политической жизни Татарстана стал наиболее значимым явлением в конце 1980-х гг. Как отмечают историки, «первоначально это было связано не непосредственно с самим исламом, а с появлением национальных общественно-политических организаций, рассматривающих исламский фактор как важнейший компонент национального самосознания и необходимый атрибут в борьбе за суверенитет Татарстана [324, с. 7]. На фоне этого в татарской антропонимической системе происходит возрождение «старых» имен, которые функционировали в XIX веке: *Әмир, Әхмәт, Газиз, Ибраһим, Мөхәммәд, Нур, Рифкәт, Сәйдәш, Солтан, Хәбиб, Юныс, Жәмил, Закир* и др. В конце 1980-х гг. на волне подъема

этнонационального сознания еще больше расширяется практика совершения религиозных обрядов семейного цикла. Исследования 1989 – 1990 гг., проведенные на взлете советского периода истории нашей страны, показывают, что обряд имянаречения проводится среди 60 % татарского населения. Как нам кажется, трансляция религиозного самосознания в татарских личных именах проявляется в виде национально-культурной традиции, необходимого символа и маркера этнической идентичности. На определенных этапах развития этноса, особенно в условиях стремительной унификации, религия играет компенсаторную роль в растущем национальном сознании, а имена, отражающие религиозную семантику, начинают выполнять охранительную функцию, обеспечивая тем самым возрождение этноса.

В именнике 1990 – 1999 гг. встречаются личные имена, искусственно созданные родителями. Стремление родителей к экзотичности, к выделению из именника существующего в антропонимическом узусе, приводит к массовому созданию новообразованных имен. В антропонимическом реестре 1990 – 1999 гг. такими именами являются *Разат, Раназ, Риназ, Ренал, Ренальд, Рузалин, Фирназ* и т.п. Интересно отметить, что большинство таких имен создаются в соответствии с моделями реальных имен, а также с использованием формантов уже существующих в антропонимиконе. К примеру, *Риназ – Фирназ – Раназ* и др. созданы по модели личного имени *Илназ, Голназ* и др.

Подытоживая, следует сказать, что культурно-исторические события, происходившие в XX веке, наложили явный отпечаток на развитие и функционирование именника XX века. Дореволюционный, советский и постсоветские периоды развития татарского антропонимикона, как показал анализ, отличаются особенностями как состава, так и узуса антропонимической системы.

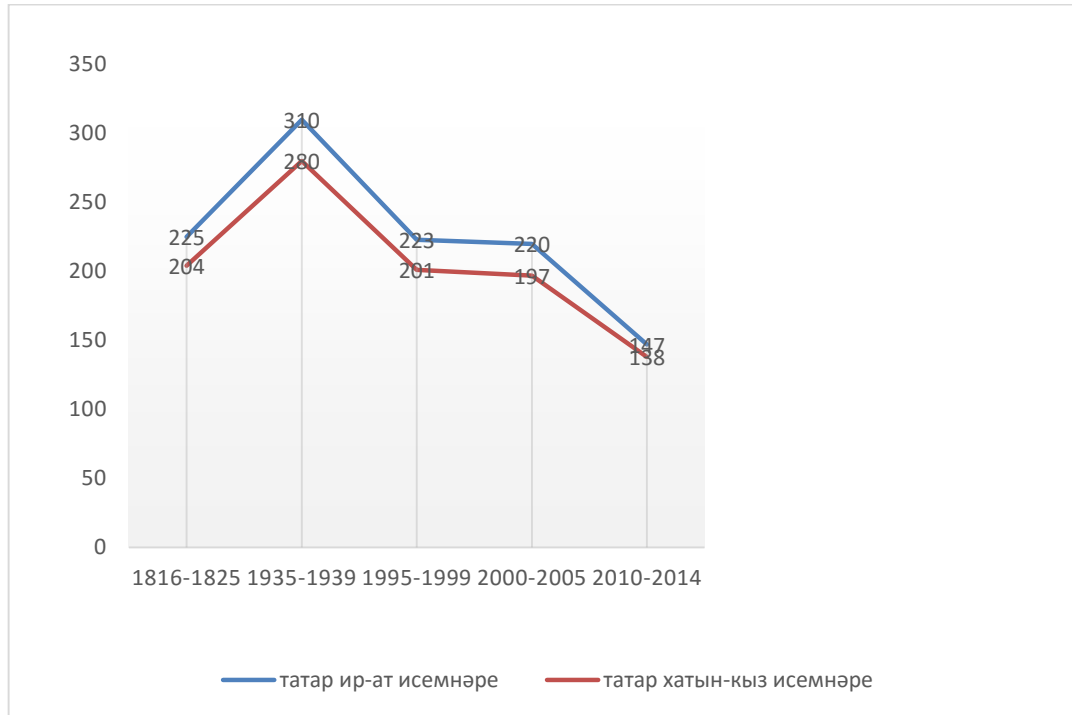
§ 3.8. Татарские личные имена XXI в.

В эпоху тесных экономических, дипломатических и культурных международных связей вырос интерес к прошлому татарского народа, его культуре. Анализ личных имен в этнокультурном аспекте определяет системные связи структурных компонентов (имен), их функционирование в определенный период времени, но и выявляет исторические тенденции развития личных имен. В работе был рассмотрен десятилетний синхронный срез, который позволил определить количественный состав особенностей изменения динамики именного реестра.

Нами были проанализированы данные за десятилетний хронологический срез (2005 - 2016 гг.) – 2851 записей о рождении детей, из которых 1325 записей о рождении мальчиков, 1345 записей о рождении девочек. В исследовании учитывались личные имена детей, рожденных только в татарских семьях. За это время мальчикам дали 160, а девочкам 142 разных имени. Анализ показал десять наиболее частотных имен мальчиков и девочек в 2005 – 2016 гг.: муж. *Әмир* (120), *Тимур* (111), *Артур* (101), *Кәрим* (98), *Аяз* (96), *Эмиль* (91), *Камил* (83), *Рүзәл* (79), *Булат* (72), *Адель* (68), *Азат* (65); жен. *Азалия* (98), *Камилла* (92), *Самира* (90), *Мәликә* (86), *Сабрина* (81), *Камиля* (76), *Милана* (72), *Ралина* (70), *Мәдинә* (62), *Карина* (60).

Сравнение антропонимикона показало резкое упрощение количественного состава личных имен конца XX – начала XXI в.. В материалах ЗАГСа за 1930 – 1940 гг. на 1312 новорожденных мальчиков нами было выявлено 310 мужских личных имен. За 1990-1999 гг. проанализированы 1378 актов записей, обслуживающих 223 мужских личных имени [511, с. 96]. Нами выделены «старые имена»: *Булат*, *Әмир*, *Азат*, входящие в десятку частотных личных имен всех синхронных срезов (1930 – 1939, 1990 -1999, 2005 – 2016 гг.), однако в женском именнике состав «старых имен» практически полностью обновился.

Таблица 5. Репертуар татарских личных имен

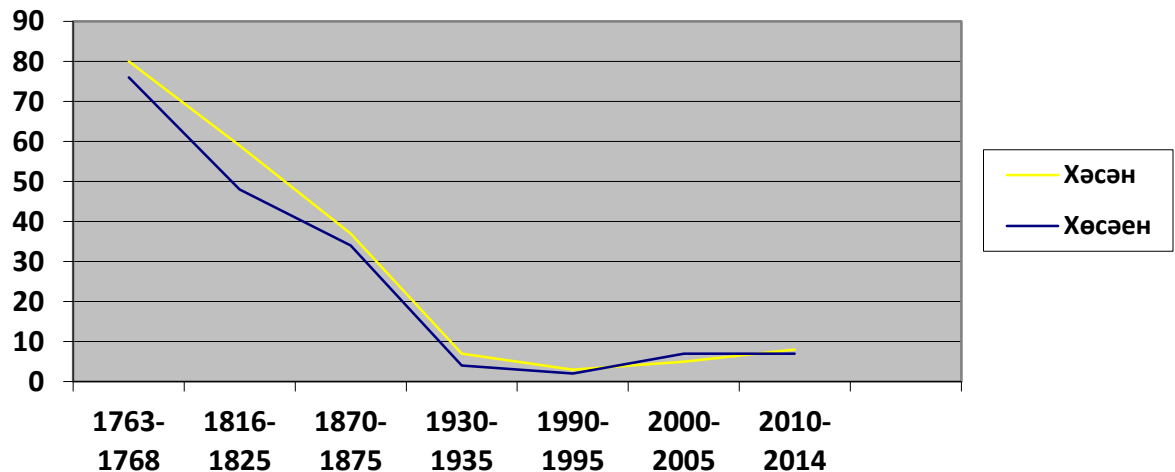

В современной татарской антропонимической системе характерными являются личные имена, дважды пережившие активацию в начале XXI века. Анализ показал, что в современной антропонимической системе функционируют традиционные имена, употребляемые в основном во все исследуемые нами периоды и связанные с исламской культурой: *Әмирхан* а. < *әмир* «правитель» + т. *хан* «правитель» [319, с. 42], *Ихсан* а < «благодетяние, добродетель» [319, с. 126], *Габделгазиз* а. < *габдел* «раб» + а. *газиз* «дорогой» [319, с. 19], *Сабирҗан* а. < *сабыр* «терпеливый» + п. *җан* «душа» [319, с. 208], *Аллаһбирде* а. < Аллах + т. бирде «дал» «дарованный Аллахом» [319, с. 40], *Нәсрәтулла* а. < *нәсрәт* «лучший» + а. *улла-алла* «бог, всевышний» [319, с. 191], *Сәгыйдә* а. < *сәгыйт* «счастье» + -а. / -ә показатель рода [319, с. 406], *Газизә* а. < *газиз* «дорогой, уважаемый, знаменитый» + -ә показатель рода [319, с. 306]. Данные личные имена нами зафиксированы частотными и в материалах «Ревизских сказок» конца XVIII века [513, с. 238]. Так, статистический анализ позволил выявить наиболее распространенные личные имена арабо-персидского пласта современного антропонимикона: *Әмир* а. «повелевающий» [319, с. 42], *Кәрим* а. – «великодушный, благородный, щедрый» [319, с. 135], *Камил* а. «совершенный,

полный, зрелый» [319, с. 133], *Булат* п. «сталь» [319, с. 71], *Адель* а. «справедливый» [319, с. 31], *Азат* п. «свободный» [319, с. 32]; *Самира* а. «собеседница» [319, с. 408], *Мәликә* а. «царица» [319, с. 371], *Камилә* а. «совершенная» [319, с. 361], *Мәдинә* а. «город» [319, с. 370] и др. Как удалось выяснить, внешняя и внутренняя форма являются важными факторами при выборе личного имени в татарских семьях. Благозвучность имени в сочетаемости с фамилией и отчеством – это внешняя форма. Мусульманская традиция, историческая традиция, наречение в честь исторических деятелей, мода, которая подчеркивает современность личного имени; семейная традиция – это внутренняя форма. В настоящее время выбор имени у татар сводится, с одной стороны, к традиционным тюрко-татарским личным именам, с другой – к модным, новым именам, навязанным массовой культурой западноевропейского типа. Модный феномен личных имен заслуживает особого внимания, так как в настоящее время мода занимает особое место. А.В. Суперанская отмечает: «Мода на имена объясняется сложным взаимодействием языковых и внеязыковых факторов, влияющих на выбор имен. При этом одного лишь языкового и внеязыкового «толчка» обычно бывает недостаточно для зарождения или прекращения моды. Важна вся совокупность факторов, порой не поддающихся прямому непосредственному наблюдению» [434, с. 42]. О.В. Врублевская различает в модных ономастических тенденциях номинативные ситуации, связанные с выбором имени и ситуации, связанные с изобретением имени собственного [123, с. 21]. Модные антропонимические тенденции динамики имен арабского и персидского происхождения обусловлены усилением национального самосознания, уровнем возрождения духовной культуры татарского народа, стержнем которого является ислам. Возрождение исламской культуры и распространение её атрибутов способствовало устойчивому укреплению в антропонимиконе татар арабских и персидских личных имен. Также исследование современной татарской именной системы показало, что промежуточные положения занимают традиционные имена с признаками модного имени, чья популярность носит волнообразный характер. Так, примером могут

быть личные имена, родившихся в 2008 г. мальчиков-двойняшек. «Хусейн и Хасан являются внуками пророка Мухаммада» [319, с. 16]. Данные имена были «модными» в материалах «Ревизских сказок» XIX века. Тенденции развития данных личных имен наглядно продемонстрированы в таблице 6.

Таблица 6. Статистический анализ личных имён *Хәсән*, *Хөсәен*.

В материалах книг 2008 года младенцев именовали *Хабил* и *Габил*, денотативное значение которых восходит к персонажам священных книг — Евангелия и Корана. В Евангелиях Каин и Авел дети-близнецы Адама и Евы [319, с. 123]. Как известно, мотивы имянаречения тесно связаны с мифологическими сюжетами из Корана, которые вошли в антропонимическую систему татар и стали символом братьев-двойняшек.

Антропонимическая система начала XXI века характеризуется тенденцией имятворчества, особенностью которой является демонстративность, которая связана с выбором редких имен. Редкими именами нарекают чаще девочек, чем мальчиков. Исследование демонстративности предполагает редкие и необычные имена, которые позволяют выявить модные тенденции в имятворчестве. Следует выделить татарские личные имена арабо-персидского происхождения, ставшие «новыми» только в начале XXI века: *Самир* а. — «рассказчик, собеседник» [319, с. 216], *Ясин* а. — от названия суры в Коране [319, с. 300], *Хади* а. — «руководитель, предводитель» [319, с. 260], *Самира* а. — «рассказчица,

собеседница» [319, с. 408], *Шаһмира* п. – шаһ «царь, правитель» + а. мир от эмир «правитель, достопочтенный» + -а (показатель рода) [319, с. 298], *Сәгъдәнә* а. – сагадат «счастье» [319, с. 405], *Сафина* а. - «большая лодка, корабль» [319, с. 409], *Рәйхана* а. – «базилик» [319, с. 389] и др. В материалах ЗАГСа зафиксированы случаи функционирования ттаарских личных имен арабского и персидского происхождения: *Гайбәт* – «сплетня», *Ихтыяр* – «воля», *Гамәл* – «дело, действие; средство», *Тарих* – «история» и т.д.

Подытоживая следует сказать, что в татарском именованослове важную роль играет восточная культура, которая способствует сокращению словоупотребления собственно тюркского пласта. В изучаемом синхронном срезе, по сравнению с именованословом 1990 – 1999 гг., уменьшается количественный состав тюркских личных имен. Тюркские антропокомпоненты и антропоформанты выступают в роли компонентов композитных личных имен (*Тимерхан* т. – тимер «железо» + т. хан «правитель» [319, с. 236], *Илсаф* тат.– ил «страна» + а. саф «чистый, непорочный» [319, с. 119], *Айнур* т.– ай «луна» + п. нур «луч» [319, с. 35], *Әмирхан* а. – эмир «правитель»+ т. хан «правитель» [319, с. 42], *Инсаф* т. – ин «самый» +а. саф «чистый» [319, с. 122], *Ирхан* т. – ир «мужчина» + т. хан «правитель» [319, с. 123], *Алсу* тат. – ал «розовая» + тат. су «вода» [319, с. 309], *Илназ* тат. – ил «страна» + п. наз «нежность» [319, с. 120]). В современной татарской именной системе имяобразующие антропокомпоненты и антропоформанты «ил» (тат. «страна»), «идел» (тат. «Волга»), «ай» (т. «луна»), «ал» (тат. «розовый»), относящиеся к тюркскому пласту, образуют личные имена с новой семантикой. Особенно выделяется антропокомпонент «ай» (тат. «луна»), который в начале XXI века является наиболее активным имяобразующим антропокомпонентом тюркского происхождения: муж. *Айрат, Айгиз, Айнур*; жен. *Айгәл, Айзилә, Айсылу, Айсинә, Айзат, Айбикә* и др. Стабильность популярности компонента *ай*, с одной стороны, отражает древнетюркскую основу этнокультуры и свидетельствует о тесной взаимосвязи с древнетюркской культурой, с другой – с течением времени имена с данным компонентом, утратив свое исходное анимистическое содержание, в современном употреблении переосмыслены и

ассоциативно наполнены новым содержанием. В современной именной системе личные имена потеряли связь с компонентом «ай», восходящим к различным верованиям, традициям древних тюрков. Изменив свое прежнее теофорное значение, личное имя *Айсылу* приобретает дезидеративное значение. Антропокомпонент «ай» выступает как мотив пожелания ребенку красоты, величия луны.

В исследовании было установлено, что с 2006 г. в антропонимической системе фиксируются личные имена тюркского происхождения *Чыңгыз*, *Чыңгызхан*, *Кубрат*, *Тамерлан*, *Тимерлан*. Этимология личного имени *Чыңгыз* восходит из общетюркского *чыңгыз-тыныр-таныр-тенри* – «всевышний бог» [Ахметьянов, 2001: 196]. Активности данных имен способствовали историческое влияние и возросший интерес народа к историческим деятелям. Антропоним *Чыңгыз* связан с его денотатом Чингисханом, собственное имя – *Тэмуджин*, *Темучжин*. *Тэмучжин* – это имя Чингисхана, данное ему при рождении. В легендах несколько раз объясняется история этого имени. По одной из легенд, во время рождения Чингисхана его отец *Есугай-Баатур* взял в плен несколько татар, по имени при рождении одного из них – по имени при рождении одного из них – Тимучин-Уге назвали Тмужчином и будущего Чингисхана. Монголы верили, что жизненная сила, энергия пленного врага вместе с именем переходили к ребенку. Возможно, это имя еще напоминало Есугаю о его победах.

В других легендах имя *Тимужчин* связывают со словом «*тимерче*», что означает «кузнец». У монголов и тюркских народов профессия кузнеца возвеличивается до уровня культа. Во главе тюрков всегда стоял *кузнец* [198, с. 162]. Историческим значение восходит к мотивации того, что родители хотят видеть в своем сыне такого великого человека, как *Чингисхан*, поэтому возрастает активность личного имени *Чыңгыз*, а личное имя *Чыңгызхан* менее активен.

Западноевропейский пласт личных имен зафиксирован нами в единичных случаях. Из имен западноевропейского пласта зарегистрированы: личное имя *Фернанда*, восходит от английского слова *fern* «папоротник», имя *Милана*,

образовано от названия города Итальянского города Милан [395, с. 146], *Стэлла* от латинского *Stella* – «звезда» [395, с. 417], *Эвелина* – уменьшительно-ласкательное от *Эва* [395, с. 376]. Личные имена славянского типа: *Ратмир* – имя древнерусского происхождения, от основ слов ратиться «воевать» + мир [435, с. 284], *Ленар* – русское сокращение, «ленинская армия», *Радил* – имя древнерусского происхождения: *Радимир*, *Радислав* [435, с. 213], *Милена* от *Милен* др.-рус. «милый» [435, с. 174]. Редкость выделяется в личных именах западного и славянского типа, однако из всех новых имен в антропонимическом реестре прочно закрепилось несколько имен: *Ренат* – русское сокращение «революция, наука, труд» [435, с. 312], *Данил* – др.-евр. букв. «бог мой судья» [435, с. 67] и др.

Таким образом, структурно-словообразовательный анализ современного антропонимикона показал, что основные изменения в структурном уровне личных имен происходят под воздействием языковых и экстралингвистических факторов. Татарские мужские личные имена подчинены к традиционным структурно-словообразовательным законам имянаречения. Что же касается женских личных имен, то они более подвергнуты интернационализации, в том числе и в структурно-словообразовательном плане.

В структурном уровне национальную антропонимическую модель представляют сложные имена, состоящие из антропокомпонента + антропоформанта или антропокомпонента + антропокомпонента. Например, АК + АФ: *Нәсрәтулла*, *Габдулла*, *Галиулла*, *Нәфисә* (Нәфис+ә), *Султана* (Султан+а); АК + АК: *Мөхәммәтйосыф*, *Мөхәммәтгали*, *Сәетгәрәй* и др. Большой арсенал специальных словообразовательных возможностей выявлен при анализе женского именника исследуемого антропонимикона: -а/ә, -ия: *Ясминә* (Ясмин+ә), *Гәлия* (Гәл+ия) и др. Путем присоединения к мужским личным именам АФ -а/ә, -ия образуются женские личные имена: *Данияр* – *Данияра*, *Әмир* – *Әмирә*, *Мәлик* – *Мәликә*, *Идел* – *Иделә* (*Иделия*), *Камил* – *Камилә*, *Руслан* – *Руслана*, *Самир* – *Самирә*, *Ренат* – *Рената*, *Эльнар* – *Эльнара*, *Ранэль* – *Ранэлия*, *Мөслим* – *Мөслимә*, *Султан* – *Султана*, *Жәмил* – *Жәмилә* и др. Данные имена являются

новыми для современного антропонимического реестра. Личные имена *Әмирә*, *Султана* появляются в реестре личных имен лишь в 2007 г. Некоторые имена образуются путем присоединения АФ к именам без выраженной грамматической категории: *Рәйхан – Рәйхана* и др. Примечательно, что частотность употребления мужских и женских личных имен, образованных путем аффиксации, одинакова.

В современных личных именах в структурном уровне прослеживается тенденция к упрощению, которая наиболее характерна для современных татарских женских личных имен, а в татарских же мужских именах, наоборот, выявлена устойчивость традиционных антропонимических моделей. Из этого следует, что в татарских мужских личных именах сохраняется традиционность мотивов и пожеланий имянаречений. Но в то же время в антропонимическом реестре 2005 -2016 гг. наблюдается интенсивное проникновение личных имен западного и восточного пластов. Изменения структурного уровня личных имен происходят под влиянием различных языковых, экстралингвистических факторов. Современные татарские мужские личные имена подчинены к традиционным структурно-словообразовательным законам имянаречения татар, однако в женских личных именах демонстрируется процесс интернационализации.

Этнокультурные взаимосвязи родственных и неродственных народов, мода, идеологические и политические процессы, происходящие в истории общества приводят к заимствованию и усвоению восточных и западных личных имен. Модные личные имена в современном татарском антропонимиконе активизируются в частотности или, наоборот, в редкости тех или иных личных имен. Редкость употребления татарских личных имен обусловлена направленностью на две модные тенденции: на восточные и мусульманские традиции.

Выводы к главе III

Самые первые тюркские письменные памятники, датированные VI – VIII вв. – орхонские и енисейские надписи, довольно полно отражающие не только древнетюркский период формирования антропонимической системы, но и духовную и материальную культуру Тюркского каганата – времени классического развития, формирования общетюркской культуры, в которой до принятия ислама доминирующей и полностью сформированной религией было *тенгрианство*. В исследовании выявлено, что древнетюркская антропонимическая обрядовая система формировалась на основе тенгрианства и поклонения различным культам, являлась общей для всех исследуемых z-, ŷ- язычных тюркских языков.

Сравнительно-исторический анализ показал, что в этнокультурное пространство тюркских народов с принятием ислама стали проникать языковые элементы арабо-мусульманского мира, которые впоследствии затронули всю лексическую систему языка. В этом отношении антропонимические системы тюркских народов, будучи сопряженными с исламским миром, полностью переформатировались, сохранив при этом в своей системе древнетюркскую структуру, состав имен и традиций именования. Принятие тюрками ислама, распространение вместе с ним арабской графики, исламских традиций и верований оказали сильное воздействие на распространение в антропонимической системе арабско-персидского пласта личных имен и формул, традиций именований.

Процессы консолидации, вызванные различными лингвистическими и экстралингвистическими факторами, от ареальной консолидации родственной группы тюркских языков до их последующего распада на западные и восточные тюркские языки, из процессов объединения в родоплеменные языки наречий болгар, огузов, кыпчаков послужили формированию и развитию среднетюркского пласта личных имен, в котором выявляются онимы и апеллятивы кыпчакского, огузского языков и субстратные элементы болгарских говоров.

После присоединения к России с 1552 г. Казанского ханства Иваном Грозным начинается политика русификации нерусского населения Среднего Поволжья, находившая наиболее полное выражение в христианизации, что заметно отразилось и в антропонимической системе. В материалах писцовых книг 1602 – 1603 гг. было выявлено, что христианизация антропонимической системы выражалась в замене национального имени на христианское или фонетической и грамматической адаптации имен к русскому языку.

XVIII век – переломный для татарской антропонимической системы, обусловленный заменой тюркских традиций на мусульманские традиции имянаречения. Единственный стержень культуры – ислам способствовал вытеснению имен тюркского происхождения именами арабо-персидского происхождения.

Изменения в общественно-политической, культурной жизни татарского народа, этапы становления татарского народа в XIX в. – все это оставило свой отпечаток на антропонимической картине татарского народа. В начале и в середине века прослеживается тенденция заметного увеличения мусульманских личных имен, связанная с доминирующей позицией татарского духовенства в жизни народа, что к концу века вело к упрощению как состава, так и структуры самого имени.

Современные татарские личные имена – результат многовекового опыта номинации, связанного с тюркскими к мусульманскими традициями и обычаями, в которых отпечатались надолго соответствующего этнокультурные и исторические процессы.

Заключение

В данной диссертации исследовались историко-генетические, семантико-структурные и функциональные особенности татарских личных имен в этнокультурном пространстве в сравнении с другими тюркскими антропонимами. Представляя собой довольно сложный этнокомпонент в триаде «этнос, культура и язык», существуя в пространственно-временном континууме, личное имя отражает стадии и различные уровни развития общества и фиксирует информацию, передающуюся из поколения в поколение. В решении задач использовался комплексный подход, при котором тюркские личные имена рассматривались как слова, имеющие семантику, отличающуюся от общеязыковой, и выполняющие в разных формах традиционной духовной культуры народа охранительную, лечебную и магическую функции, а также как этноидентифицирующие знаки, включающие общечеловеческие и этнокультурные ценности и образы мифопоэтической модели, реконструкция которых эксплицирует связь с этнокультурой народа. Совокупность лингвистических и этнокультурных факторов в тюркских личных именах образует особое этнокультурное пространство, которое охватывает ряд проблем, связанных с формированием и становлением антропонимической системы, с определением как состава, так и типологии антропонимических единиц в других тюркских языках.

Тюркская антропонимика располагает достаточно богатой исследовательской базой, которая сложилась в результате многолетнего изучения учеными прежде всего этнокультурных аспектов в башкирском [279; 136; 433; 537; 558; 559], алтайском [312], шорском [272; 474], чувашском [25; 174; 282; 498], казахском [179; 180; 181; 250; 252; 276], кыргызском [182; 183], узбекском [89; 169; 188], азербайджанском [595; 612; 613; 532; 533], турецком [586; 600; 603; 608; 607; 611; 630; 631; 632], татарском [17; 18; 410; 131; 558] языках. Однако результаты нашего исследования личных имен в этнокультурном пространстве языка позволили заключить, что изучение татарской антропонимической системы

представляется неполным без сравнительного анализа этнокультурной семантики, функционирования личных имен в русле истории языка, фольклора, диалектологии, истории языка, этнографии на фоне других тюркских антропонимиконов. В татарском языкознании нет отдельных работ по целенаправленному изучению этнокультурного пространства языка и функционирования в нем, в частности, антропонимической системы в аспекте сравнения с другими тюркскими антропонимическими системами, что собственно и вызвало необходимость создания данного труда. Татарская антропонимическая система находится в тесной связи и взаимозависимости с окружающим, внешним и внутренним миром, человека, социумом, объединенной общностью исторического происхождения, с духовной и материальной культурой народа – в широком понимании, а в узком смысле – с качественными и количественными особенностями вербального творчества татарского народа, всего богатства его речевой и языковой культуры.

Этнокультурное осмысление антропонимических единиц помогло взглянуть на них с позиции отражения действительности, учитывая связь с другими тюркскими антропонимами и показать, как в татарских личных именах репрезентируются в фольклорно-этнографическом, диалектальном и историческом контекстах, в диахронии и синхронии. Как было показано в исследовании, тюркские личные имена в этнокультурном пространстве языка хранят и передают ономастические знания об окружающем мире, в антропокомпонентах которых присутствует полная информация о человеке, социуме, желаниях предков, родителей, о пространственно-временном континууме. В итоге сделан вывод о том, что личные имена являются репрезентантами этнокультуры.

В результате предпринятого анализа выявлены факторы, обусловившие формирование национальной ономастической картины татар и проявление специфических семантических особенностей в других тюркских языках. Обращение к эпическим произведениям фольклора, к этнографии, к современным актовым записям, метрическим, писцовым книгам и к другим историческим

источникам позволило объемно рассмотреть системное развитие, динамику татарских личных имен в различных хронологических срезах, раскрыть семантические, структурные и функциональные особенности антропонимов в реконструируемой антропонимической системе. Как было установлено, без обращения к разножанровому материалу невозможно прояснить многие вопросы семантики, структуры и функций конкретных антропонимов.

Сравнительный анализ показал, что процесс имянаречения играет структурообразующую роль, обеспечивающую трансляцию мифопоэтической модели, которая служит для восстановления преемственности внутри этнокультурного пространства тюркских народов. Важнейший процесс включения новорожденного в «свое» или в «чужое» этнокультурное пространство – обычай имянаречения – представлен во всех тюркских языках. В татарском литературном языке обычай имянаречения называется *исем кушу*, *исем бирү*, *ат бирү*, *ат атау*, в локальных вариантах тюменского говора – *пәпә атату*, в среднем, мишарском и сибирском диалектах – *ат кушу*; в бастанском говоре – *ат кушма* (баст.), в касимовском говоре – *ат кушу*; в астраханском (хвалынском) говоре – *атын алату*, *ат кычкырту*; в чистопольском говоре – *ат кыцкырту*; в лямбирском – *ат кычкыру*; в нукратском говоре – *ат салу*, *исем салу*, *исем кистерү*; в пермском, сергачском говорах – *исем атау*, *исем кушу*; в мензелинском говоре – *исем кушу*; в красноуфимском говоре – *азанлашу*, *азан әйтү* и др. Общность имянаречения выделяется и в турецкой культуре, где оно именуется *at takma*, *ad verme*, *ad koyma*. В башкирском языке – *исем кушыу*. В личных именах отражаются этнокультурные языковые образы именуемого лица, имядателя и акта присвоения имени объекту, предметов, которые раскрываются в следующих лексико-семантических группах: обрядовые акты и комплексы, действия в татарском языке: *исем кушу*, *ат кушу*, *исем бирү*, *мин боздыру*, *исем алыштыру*; в турецком языке: *ad verme*, *ad koyma*, *ad takma*; в башкирском языке: *исем ататыу*, *исем кушууы*, *исем атау*, *исем йәрәшереү*, *исем һорау*, *исемгә буйһыныу*; участники обряда в татарском языке: *әби* (сред. д., миш. д.), *әби булuchy* (сев.-нрл; сев. к.т.), *бала түрәтүче әби* (мишар. д.), *бәбәй әбисе* (чст. дрож.), *инәкә*

эби, кендекче эби, кендегэе, мама, мамы, инэка мама (астрах.), *мулла* и др; в башкирском языке: *кендек инәһе, кендек карсык, кендек нәнәй, кендек инәй, кендек эбий, кендексе, кендекәй, кендекәй картыйы*; в турецком языке *göbek ebe, göbek nine, göbek anne*. В исследовании было доказано, что в обрядовых действиях имянаречения тюркских народов сохранены следы этнокультурных традиций общетюркской культуры, в которой обрядовая структура, символы, предметы тесно связаны с окружающим миром, человеком, социумом. Было показано, что в этнокультурном пространстве татар обычай имянаречения представлен сохранностью ритуальной семантики; общность с другими тюркскими антропонимами проявляется в концентрации нарративов, подвергшихся некоторой народной этимологизации, генетические истоки последних восходят к системе верований и взглядов древних тюрков на имена как на души человека, как на знаки предопределения. Сравнительное изучение ономастической экспликации обряда имянаречения и личного имени в татарском языке и в его локальных вариантах культуры, а также в привлечённых нами других тюркских языках, показывает, что тюркская антропонимия сохранила почти до наших дней отношение к имени, имянаречению и именованию, свойственное домусульманской мифопоэтической традиции, однако испытывала сильнейшее влияние мусульманской культуры, которое отражается как в словнике (составе, корпусе, набора) имен, так и в узусе. В традиционной культуре татар ряд обрядовых действий *исем алыштыру, исем бозу, миң бозу* (переименование), совершаемых с целью изгнания нечистых сил, выполняют лечебно-охранительную функцию. В турецкой, башкирской, татарской антропонимических системах, а также в локальных вариантах культуры татар идентичность семантической мотивации проявляется в останавливающих личных именах, образованных от отглагольных компонентов *тукта-* (остановись), *үлмәс-* (не умрет), *калсын-* (пусть останется), *яшәр-* (будет жить), *торсын-* (пусть живет): тат. *Туктар, Туктарбикә, Туктасын, Сатыбал, Туктамыш* и др.; башк. *Сатлык, Торсон, Туктар* и др.; тур. *Satılmış, Dursun, Durdu* и др. В культуре именовании проводится обрядовое действие «*мин боздыру*» - магическое средство от сглаза,

порчи, избавления от болезней, невзгод, в котором в состав личных имен добавляется компонент *мин*, символизирующий удачу, счастье; отражающий и внешние особенности ребенка, связанные с родимыми пятнами. Компонент *мин* функционирует и в современной турецкой и башкирской культуре.

Обычай табуирования личного имени, имеющий древние корни и связанный прежде всего с представлениями об опасности, известен всем тюркским народам и сохраняется в некоторых особенностях именования супругов в татарских диалектах. В тюркских языках табуирование личного имени, с целью запутать нечистые силы, связан с традиционно-патриархальным самосознанием тюрков, проявляющимся в чувстве племенной сплоченности, в уважительной памяти о предках. В антропонимической системе зафиксированы личные имена, образованные от терминов родства во всех исследуемых тюркских языках (тат. *Инэ, Инэка, Өннэка, Өннэш, Атач* и др.; башк. *Атый, Атай, Атабай, Атак; Бабакай, Бабакай, Бабак*; тур. *Anakız*). Сравнительный анализ обряда имянаречения, различных способов и действий, совершаемых с личным именем, показал, что в разных локальных вариантах татарской, турецкой и башкирской культуры именования семантическая мотивация личных имен в основном идентична, однако выбор конкретных способов и действий мотивации в разных микросистемах не всегда одинаков. Нам удалось выяснить, что это связано с различиями в восприятии окружающего пространства, внешнего и внутреннего мира самого человека, в способах мировидения социума.

В этнокультурном пространстве наименования окружающего мира отражаются в личных именах, образованных на основе представлений древнетюркского мира о небе, наземном мире, о подземном мире и составляют один из древних пластов лексики во всех тюркских языках. Животный мир в личных именах отражает стремление охарактеризовать свое поведение, чувства, состояния, внешность, поэтому человек прибегал к сравнению с тем, что ему было ближе всего.

Сравнительный анализ выявил значительное сходство тюркских личных имён в репрезентации внутреннего и внешнего мира человека на семантическом,

структурно-грамматическом и функциональном уровнях. Данный пласт личных имен довольно подробно описывает мировосприятие носителей данных этнокультур в своем этнокультурном пространстве и дает четкое моделирование окружающей действительности. Сравнительный анализ татарских личных имен с башкирскими и турецкими свидетельствует о том, что в этнокультурном пространстве личные имена, отражающие представления человека о его внешнем и внутреннем мире, содержат в себе полисемантические антропокомпоненты, раскрывающие не только физические приметы нарекаемого, но и ряд отвлеченных понятий, таких как мудрость, долгожительство носителя имени. Изучение компонентного состава личных имен позволило выявить наиболее характерные компоненты, отражающие внешний и внутренний мир человека в сравниваемых тюркских языках: «ак», «кара», «күк», «кызыл», «буз», «ал», «миң». Сходство компонентов личных имен, отражающих внешний и внутренний мир человека во всех тюркских языках свидетельствует об определенной общности ассоциотивно-образного мышления представителей разных этнокультур. В основном семантика сравниваемых тюркских личных имен показывает, что положительная характеристика человека сводится к соответствию с идеалом (*красивый, изящный, чистый, сильный, здоровый, ловкий, спорый, счастливый, удачливый, усердный, правдивый, благородный, вольный, свободный*). Личные имена, отражающие внешний и внутренний мир, как одна из лексических микросистем татарского, турецкого и башкирского языков, наглядно демонстрируют сознательную и целенаправленную объективацию человеком окружающего мира. Нами было установлено, что в привлечённых тюркских языках идеал человека представлен многочисленными и разнообразными антропокомпонентами (*ураз «счастье», бахет «счастье», гүзал «прекрасная, красивая», зифа «красивая, нарядная, украшенная», сылу «красивая, изящная, статная»; бай «богатый», дәүләт «государство»; арслан «лев», батыр «смелый», асыл «знатный», благородный «знатный, благородный», хөрмәт «уважение, почет» и др.*). Напутствия предков, родителей выражаются в личных именах как пожелания счастья, красоты, изящества, богатства, храбрости, ума, таланта и

других положительных качеств. Неодинаковость распределения отдельных антропокомпонентов и антропоформантов по некоторым группам следует отнести к чертам национальной специфичности.

Выяснилось, что своеобразие языкового употребления личных имен с компонентами времени связано с традициями и религией, культурно-историческими факторами, спецификой календаря древних тюрков. В результате сравнительного анализа материала и описания антропонимических единиц в татарском, башкирском и турецком языках нами было установлено, что личные имена репрезентуют циклическую и линейную модели описания времени. Представляется очевидным, что циклическое время, наиболее архаичная форма сознания временной абстракции, возникло и отражено в антропонимике на основе наблюдений повторяемости природных циклов, смены дня и ночи. В тюркском антропонимиконе согласно фольклорно-этнографическим и историческим источникам, в составе родословных сохранились исторические антропонимы, отражающие двенадцатилетний животный цикл: *Тычкан* «мышь», *Барс* «барс», *Куян* «заяц», *Елан* «змея» и др. Впоследствии принятия тюрками ислама привело к замене животного цикла мусульманским календарем – хиджрой, чьи названия месяцев отныне употребляют во всех тюркских культурах (*Нәурүз*, *Корбан*, *Гает*, *Рабига*, *Мәүлид* и т.д.). Типологическая общность отражена в личных именах с компонентами, образованными от названий периодичности повторения природных явлений; ср. *таң*: в татарском языке: *Таңсу*, *Таңсылу*, *Таңгөл*; в башкирском языке: *Таңбикә*, *Таңгөл*, *Таңзифа*; в турецком языке: *Tanaşan*, *Tanalır*, *Tanatmış*; *көн*: в татарском языке: *Көнбикә*, *Көнсылу*; в башкирском языке: *Көнбикә*, *Көнсолтан*, *Көнһылыу* и др.; в турецком языке: *Günçiçek*, *Gündemir*, *Gündoğan* и др. В личных именах линейное время отражает историко-культурную жизнь народа. В современном татарском антропонимиконе зафиксированы в единичных случаях имена *Заман* «время», *Гасыр* «век», *Вақыт* «эпоха». В результате опроса респондентов были выявлены мотивы наречения данными именами мальчиков, родившихся в 1990 г., в период провозглашения суверенитета Татарстана, выяснилось, их семантика дополнилась новым

коннотативным значением «новое счастливое время». Аналогичные имена встречаются и в турецком языке: *Zaman, Vakit*. Личное имя *Заман* употребляется в современном башкирском языке. В целом личные имена с компонентом времени позволяют дополнительно охарактеризовать особенности имянаречения, традиционную духовную жизнь народа в пространственно-временном континууме.

Сравнительный анализ показал, что репрезентация социальной модели в личных именах исследуемых языков отражает восприятие социальной действительности, эксплицированной в социальной семантике антропонимов с титулярными терминами (*солтан, хан, шах, тархан* и др.), этноантропонимами (тат. *Үзбәк, Башкорт, Тигтәр, Чирмеш, Чуваш* и др.; башк. *Сыуашбирзе, Аксыуаш, Казакбай, Ногаш*; тур. *Özbek, Oğuz, Nogay*), именами-посвящениями (тат., башк. *Вил, Ленар, Энгель*, тур. *Erdoğan, Menderes*). Употребление одинаковых детерминантов в составе личных имен, отражающих информацию о нормах и семейных ценностях, тесно взаимосвязанных с социальной структурой общества – распространенное явление в этнокультурном пространстве во всех исследуемых языках.

Как известно, созданные веками личные имена образуют реальный антропонимикон, переходя со временем в произведения народного творчества. Сравнительный анализ эпических жанров фольклора в исследуемых языках показал, что наречение именем в основном сводится к подчеркиванию исключительных свойств главного героя, при этом личное имя отождествляется с понятиями храбрости, отваги и отражается в компонентах (*алын, мәргән, батыр*); в женских личных именах подчеркиваются красота, изящество девушки (*сылу, бикә, жамал*). В эпическом жанре тюркского фольклора обычаю имянаречения и обрядовым действиям, совершаемым с личным именем, придается особое сюжетообразующее значение, однако это наблюдается не во всех татарских эпических произведениях. Установлено, что антропонимические коннотации в эпических жанрах татарского фольклора раскрываются в семантическом потенциале детерминированных и индетерминированных личных имен и

представляются важными в определении сущности этнокультурного пространства, а также в выявлении стереотипов и архетипических образов языковой личности (*Шомбай, Гали белән Вәли; Keloğlan*); как правило, соответствующие детерминированные антропонимы отражают этнокультурную информацию, восходят к определенным денотатам, представленным именами известных исторических личностей в этнокультурном пространстве татар, башкир, турков. Индетерминированные личные имена присваиваются произвольно, характеризуя представления о характере и ситуациях, а также распространяют качества, присущие личности, которые в некоторых случаях создают образ этнокультурной языковой личности (в татарском паремиологическом фонде вымышленные личные имена *Алапай белән Шалапай; Агыйль белән Тагыйль* – означают закадычных друзей, в данных изречениях информативный объем семантики шире, а также связан с ассоциативными и субъективными оценками денотата; тур. *Doğru Davut* – означает прямолинейного человека, однако информация о денотате распространена в турецком этнокультурном пространстве).

Татарский антропонимикон представляет собой единую систему, формирование которой определяется не только традиционными тенденциями развития личных имен на основе лексико-семантической системы татарского литературного языка, но и развитием локальных антропонимических процессов, отражающихся, в частности, на структурном, семантическом, функциональном и количественном уровне личного имени. Обращение к разножанровым историческим источникам, начиная с орхоно-енисейских памятников и заканчивая современными актовными записями, позволило определить ряд закономерностей возникновения, функционирования, становления, динамики отдельных антропонимических единиц с учетом исторических, социальных и этнокультурных особенностей во временном и территориальном планах. Комплексное исследование антропонимической системы в различных хронологических срезах продемонстрировало изменения в отдельных его

звеньях как в хронологическом, так и в качественно-количественном соотношениях.

Срнительно-исторический метод исследования орхоно-енисейских письменных памятников позволил установить, что семантика древнетюркских личных имен отличается многообразием компонентов, образованных от титулярных компонентов, которые в составе личного имени представляли сакральные функции государства и считались гарантом стабильности. Прозрачность семантики некоторых из них сохранилась и в современных антропонимических системах тюркских народов. Мифопоэтическое значение некоторых компонентов (*хан, каган*) в составе личного имени отождествлялось с единым божеством древних тюрков – *Тенгри*.

В этнокультурном пространстве исследуемых тюркских языков принятие ислама оказало непосредственное воздействие на поэтапное изменение древнетюркских традиций именования, на обновление состава личных имен путём замены на мусульманские, семантическая адаптация последних продолжалась в течение нескольких столетий. Вопреки идеологии, соответствующей новой феодальной общественно-экономической формации, мусульманская культура именования и именованности, мусульманские личные имена не смогли сразу искоренить многовековые тюркские традиции, отражающие культовые силы тенгрианства. Сравнительно-исторический анализ антропокомпонентов и антропоформантов арабо-персидского происхождения в исследуемых тюркских языках позволил установить общие компоненты, образованные от имен и имен-эпитетов Аллаха, пророков, при этом особо подчеркнуть, что во всех исследуемых тюркских языках отличается частотностью антропокомпонент *Мухаммад*, а антропоформантом является морфема со значением «раб Божий». Сходство компонентов персидского пласта исследуемых тюркских языков проявляется в личных именах, семантика которых связана в основном с эстетико-этическими идеалами, понятиями красоты и возвышенности: *жан, дил, яр, хуш, миш, рушан/раушан* и с титулярными терминами (*мирза/морза, мир, задэ, шаһ/ша/шэ*).

Вторжение мусульманских традиций именования и имянаречения в антропонимическую систему татар связано с универсализмом ислама, который, с одной стороны, позволил впитывать локальные местные традиции именования и имянаречения, с другой стороны, чуждый для народного сознания ислам не смог сразу вытеснить философию тенгрианства, поэтому арабизация татарского именника происходила поэтапно. Данные исторических источников, подвергнутые сравнительно-историческому анализу, показали, что сначала мусульманская культура именования и имянаречения осваивалась сознанием высшей знати, затем, постепенно усваиваясь, оказала непосредственное воздействие на именник народных масс. В Волжской Булгарии культово-обрядовые нормы ислама входили в быт и в сознание народа, переплетаясь с некоторыми устоявшимися доисламскими традициями и обычаями. Распространение среди местных беков мусульманских имен подтверждают монеты и надгробные памятники X в. Известные ученые, богословы Волжской Булгарии носили личные имена арабо-персидского происхождения, и в них прослеживается арабская культура именования. В период Золотой Орды, начиная с правления хана *Узбека*, который на монетах чеканил свое мусульманское имя *Султан Мухаммад Узбек хан*, все джучиды также имели, кроме тюркского, мусульманское имя (как известно, *Джанибек* (1379 – 1395) имел мусульманское имя *Султан Джалал ад-Дин Махмуд*, *Токтамыш* (1379 – 1395) – *Султан Насир ад-Дин* и др.). Однако исторические источники демонстрируют и актуальность употребления среди высших слоев населения личных имен, отражающих тотемный культ древних тюрков: *Борак* (джучид, сын *Абукана*, внук *Бату*); *Бука Тимур* (джучид, сын *Тимур Буки* и *Баялун*), *Көнчек*, *Биш Бука*, *Букай*, *Арык Буга*, *Арслан* и др.

В период Казанского ханства продолжают существовать мусульманские традиции именования, происходит поэтапное проникновение арабо-персидских компонентов, в именовании которых также сохраняются древнетюркские компоненты в составе личных имен. Сравнительно-исторический анализ

источников позволил определить, что в период Казанского ханства в антропонимической системе происходит полное структурное, семантическое подчинение арабской культуре именования. Однако функционирование выраженных языческих компонентов в составе личных имен трактуется как память национальной идентификации личности. Таким образом, мусульманские имена и традиции их наречения и именования, благодаря определенной трансформации в тюркском мире, постепенно определили новые грани распространения и внедрения нового семантического объема в антропонимическую систему этнокультурного пространства.

В этнокультурном пространстве татар конца XVI – начала XVII в., в результате изменения социального и этнического состава населения и в условиях вовлечения татар в российский исторический процесс, происходят значительные изменения и в татарской именной системе. В материалах писцовых книг конца XVI – начала XVII в. было установлено, что большая часть личных имен, функционировавших имеют тюркское происхождение, что прослеживается в исконности и самобытности традиций имянаречения. Материалы писцовых книг важны тем, что отражают наглядную картину христианизации антропонимикона татар, составившим со временем субэтнос, именуемый *крещеными татарами*. Политика русификации и христианизации нерусского населения Среднего Поволжья наиболее полно выражалась в прямом воздействии на традиции имянаречения и именования, ведущему к полной замене национального имени на христианское или хотя бы к фонетической и грамматической адаптации имен. В исследовании было установлено, что в локальных вариантах культуры личное имя, подверженное эмоционально-экспрессивной и стилистической окраске, отражалось в дифференциации суффиксов деминутивов, которые в русских исторических источниках транслировались частотным русским суффиксом *-ко* (*Айкай* < *Айко*, *Акко* < *Аккай*, *Ишэйко* < *Ишэй* и др.), коннотативно с уничижительным оттенком. В писцовых книгах зафиксировано использование татарских личных имен тюркского или арабского происхождения служилыми

татарами (*Якуш Иванов, Тохтар Иванов, Тойгилдин Московко, Уразлин Московко, Саботаев Московко* и др.). Среди военно-служилого сословия личные имена полностью заменялись христианскими, однако основы фамилий оказывались тюркскими по происхождению (*вахмистр князь Афанасий Енгалычев, поручик князь Борис Бабичев, князь Федор Кудашев, князь Андрей Еникеев* и др.).

С принятием в 1773 г. указа «О терпимости всех исповеданий ...», а также с подписанием в 1788 г. указа об учреждении «Оренбургского Духовного магометанского собрания», ислам в России приобретает статус «терпимой» конфессии, оказывает значительное влияние на культурные традиции именования и имянаречения татар, исполнение указов возлагается на татарское духовенство. В XVIII веке ислам приобретает характер «народной религии» и под воздействием татарского духовенства традиции именования и имянаречения проникают в антропонимическую систему народных масс. Татарские личные имена этого периода значительно отличаются от имен конца XVII в., когда ядром антропонимикона были тюркские имена, а мусульманские имена находились на периферии.

После введения в 1828 году указа Сената «О введении метрических книг» Оренбургскому духовному магометанскому управлению вменяется в обязанность ведения актов гражданского состояния, что дает право татарскому духовенству стать главным сегментом в обрядовых действиях имянаречения и именования ребенка. В результате, 31 марта 1894 г. Оренбургским магометанским духовным управлением издается специальный циркуляр личных имен, после чего начинается активная пропаганда мусульманских личных имен, приведшая к тенденции их заметного увеличения их употребления. В связи с названными событиями издаются словари мусульманских личных имён: «Исме Аллаһе Тәгалә әл-Хәсәни» [646], «Авраде Фәтхия» [647], *Ш.Т. Хамидуллина* «Исемнәрнең бәгъзеләрене дәрәс яззу» [644], словарь *Ахуна Бендукова* «Исем. Балаларга күркәм исем бирергә киңәш һәм укучы сабыларга һәдия кылырга муафыйкъ китап» [647] и др. К концу XIX в. усиление процесса образования обобщенных форм

культуры, трансформирование народной культуры привели к изменениям состава и количества татарских личных имен, ведущим в сторону их структурного упрощения. Статистический анализ показал количественную сторону тенденции. Так, в начале XIX века АФ *габд/габде/габдел* встречается 146 раз в 35 именах (11,2 % от всех личных имен), однако к концу века наблюдается опущение АФ *габд/габде/габдел*.

В конце 20-х гг. XX столетия в связи с существенными социально-экономическими переменами в России и с ростом числа антирелигиозных кампаний, происходит пересмотр устоявшихся духовных ценностей, результатом чего становится реформа антропонимической системы с ориентиром на европеизацию, сопровождаемую проникновением в татарскую и башкирскую антропонимические системы западноевропейского и славянского пласта имен. Тем не менее, как подчеркнуто в исследовании, в начале XX столетия основным ядром остаются личные имена арабо-персидского происхождения. В исследовании было установлено, что в начале XX века в антропонимической системе татар в арабо-персидском пласте имен происходит постепенное отхождение от религиозной семантики, родители начинают отдавать предпочтение личным именам с прозрачной отвлеченной семантикой. Развитие в начале XXI века литературы, искусства, современных средств массовой коммуникации все более углубляет процесс европеизации личных имен в этнокультурном пространстве языка; всевозрастающие темпы современного имянаречения – мода на определенные имена – оказывают существенное влияние на выбор личных имен для ребенка в условиях глобализации. Феномен моды на личные имена в XXI веке заслуживает пристального внимания, так как именно мода в современном обществе занимает особое конкурирующее место. Тенденция к имятворчеству в антропонимической системе татар начала XXI века тесно переплетена с демонстративностью, связанной с выбором редких имен. Статистический анализ современного татарского именослова показал, что редкими именами девочек нарекают чаще, чем мальчиков. Духовное обновление

общества на современном этапе развития проявляется в переосмыслении семантики некоторых личных имен. Однако в материалах ЗАГСа нами всё же были зафиксированы отдельные личные имена арабского и персидского происхождения (*Самир – Самира, Амал – Амала* и др.), чуждые для традиционной татарской антропонимической системы именования.

Статистический анализ именованности татар конца XX – начала XXI в. показал резкое сокращение количественного состава употребительных личных имен нового времени. Так по материалам ЗАГСа в 1930 – 1940 гг. на 1312 новорожденных мальчиков нами было выявлено 310 мужских личных имен. За 1990 – 1999 гг. нами просмотрены 1378 актовых записей, содержащих всего 223 мужских личных имен. Мы выделили «старые имена», которые входят в десятку частотных имен всех синхронных срезов (1930 – 1939, 1990 – 1999, 2005 – 2015 гг.). Это мужские имена *Булат, Әмир, Азат*. В женском именнике «старые имена» не наблюдаются, было установлено, что он практически полностью обновился. В последнее десятилетие выбор имени у татар сводится, с одной стороны, к традиционным классическим именам, с другой – к именам новым, навязанным модой, массовой культурой, в основном западноевропейского типа.

В качестве общего вывода, заключающего комплексное исследование татарских личных имен в сравнении с другими тюркскими антропонимами, следует сказать, что татарские личные имена содержат самодостаточный потенциал для дальнейшего самосовершенствования и выполнения возложенных этносоциумом функций именования личности с целями ее индивидуализации и идентификации в этнокультурном пространстве языка. Татарские личные имена являются этноидентифицирующими знаками в семиотической системе, заключающей общечеловеческие и этнокультурные ценности, мифопоэтические модели которых реконструируются в семантике, отличающейся от общеязыковой.

В перспективах дальнейшей разработки этнокультурного пространства языка в призме антропонимики этнолингвистическую ценность представляет проблема создания энциклопедического словаря антропонимов всех тюркских

народов и сравнительного исследования в границах тюркского мира. Не менее актуальным является составление атласа личных имен тюркских народов с определением изоглосс использования тех или иных антропокомпонентов и антропоформантов в определенных ареалах проживания соответствующих тюркских народностей и наций.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1) Названия диалектов и говоров

астр. – астраханский говор (Волгоградская и Астраханская области)

баст. – бастанский говор (Рязанская область)

брб. д. – барабинский диалект (Новосибирская область)

влгг. – волгоградский говор (Волгоградская и Астраханская области)

глз. – глазовский подговор нукратовского говора (Удмуртия)

злт – златоустовский говор (Башкортостан)

кас. – касимовский говор (Рязанская область)

кр.-уф. – красноуфимский говор (Свердловская область)

крш – говоры крещеных татар

лмб. – лямбирский говор (Мордовия)

менз. – мензелинский говор (Татарстан и Башкортостан)

миш. д. – мишарский диалект

перм. – пермский говор (Пермская область)

сев. крш. – подберезинский говор (Татарстан: Нагорная сторона)

сиб. д. – сибирские диалекты

ср. д. – средний диалект

тбл. – тобольский говор (Тюменская область)

том. д. – томский диалект (Томская, Кемеровская области)

тюм. – тюменский говор (Тюменская область)

хвл. – хвалынский говор (Ульяновская область)

чст. – чистопольский говор (Татарстан и Самарская область)

чст. крш. – чистопольско-кряшенский говор (Дрожжановский, частично Буинский районы Татарстана и Чувашии)

2) Названия терминов

АК – антропокомпонент

АФ – антропоформант

жен.– женские личные имена

МИ – мусульманские имена

муж. – мужские личные имена

3) Названия отдельных источников

Кн. м. – метрические книги

Кн. пох. – похоронные книги

Кн. пис. (1) – Писцовая книга Казанского уезда 1602 – 1603 годов / под науч. ред. И.П. Ермолаева, М.А. Усманова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1979. – 239 с.

Кн. пис. (2) – Писцовая книга Казанского уезда 1647 – 1656 годов: Публикация текста. – М.: Институт Российской истории РАН, 2001. – 541 с.

Кн. пис. (3) – Писцовые книги Казанского уезда 1685 – 1687 гг.: публикация описаний Зюрейской дороги / изд. подгот. Д. А. Мустафиной. – Казань: Казан. гос. ун-тет, 2009. – 425 с.

Кн. пис. (4) – Невоструев К. И. Список с писцовых книг по г. Казани с уездов / Издан Советом Казанской духовной академии к IV Археологическому съезду в Казани. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1877. – 88 с.

Кн. пис. (5) – Писцовое описание Казани и Казанского уезда 1565 – 1568 годов. Ред. М.А. Усманов. – Казань: Фэн, 2007. – 657 с.

РС – ревизские сказки

ТШ – татарские родословные

ИСТОЧНИКИ

1. Акты о рождении г. Казани Авиастроительного района (2003 – 2006). – Архив ЗАГСа Авиастроительного района г. Казани.
2. Акты о рождении г. Казани Кировского района (1922 – 2006). – Архив ЗАГСа Кировского района.
3. Акты о рождении г. Мамадыш (1930 – 2006). – Архив ЗАГСа г. Мамадыш.
4. Акты о рождении Сабинского района (2000 – 2006). – Архив ЗАГСа Сабы.
5. Акты о рождении Тюлячинского района (2000 – 2006). – Архив ЗАГСа г. Тюлячи.
6. Акты о рождении Чистопольского района (2000 – 2006). – Архив ЗАГСа г. Чистополь.
7. Акты о рождении Ютазинского района (2000 – 2006). – Архив ЗАГСа п. Ютазы.
8. Книга по учету прихода и расходов бланков свидетельств о государственной регистрации рождения Управления ЗАГС ИК МО г. Казани с 2000 по 2015 г.
9. Писцовая книга Казанского уезда 1647-1656 годов: Публикация текста. – М.: Институт Российской истории РАН, 2001. – 541 с.
10. Писцовые книги Казанского уезда 1685-1687 гг.: публикация описаний Зюрейской дороги / изд. подгот. Д. А. Мустафиной. – Казань: Казанский государственный университет, 2009. – 425 с.
11. Похозяйственная книга Бахигорского с/с Атнинского р-на ТАССР, ф. 4085, оп. 2, д. 46 за 1934 г.
12. Похозяйственная книга Глякеевского с/с Актанышского р-на ТАССР за 1934 г., ф.р.- 4800, оп. 1, д. 13.
13. Похозяйственная книга Базарно-Матаковского с/с Алькеевского р-на за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 1855.

14. Похозяйственная книга Базарно-Матакского с/с Алькеевского р-на ТАССР за 1938 г., ф.р. 4855, оп. 2, д. 110. 23 л.
15. Похозяйственная книга Базарно-Матакского с/с Алькеевского р-на ТАССР, ф. р-4855, оп. 2, д.109 за 1938 г.
16. Похозяйственная книга Норманского с/с Арского р-на, ф. 2, оп. 2, р-6182, оп. 1, д.13.
17. Похозяйственная книга Старо-Зимеевского с/с Актанышского р-на за 1936 г., ф. р-4799, оп.1, д.16.
18. Похозяйственная книга Субашы Атнинского с/с Арского р-на ТАССР за 1938-1939 г., ф. –р. - 5796, оп. 2, ед. хр. 26.
19. Похозяйственная книга Акзигитовского сельского Исполнительного совета Нурлатского р-на ТАССР, ф.-р - 6176, оп. 1, д. 3 – 43 л. за 1935 г.
20. Похозяйственная книга Каракашкинского с/с. Ютазинского р-на ТАССР за 1931 г., ф. -4527, оп. -1, д.1
21. Похозяйственная книга Чистопольского р-на Змиевский с/с за 1934-1935 г. , ф. р.-2055, оп. 1, ед. хр. 36, 37.
22. Похозяйственная книга Тетюшского р-на Алекино-Полянский с/с за 1934-35 гг., ф. р. - 2592, оп. 1, ед.хр. 41, 42-44, 47
23. Похозяйственная книга Тетюшского р-на Богдашкинского с/с. за 1934-39 гг. ф.р.- 2582, оп. 2, ед. хр. 17-30, оп. 4, ед. хр. 1, оп. 5, ед хр. 8.
24. Похозяйственная книга Тетюшского р-на Большебисяринский с/с за 1934 г., ф. р – 2578, оп. 1, ед.хр. 28 – 31.
25. Похозяйственная книга Тетюшского р-на Большетарханского с/с за 1935-1942 гг., ф.р.-2591, оп. 1, ед.хр. 4, 7 – 16, 18 – 21, 26, 27, 36, 37 , 44, 45.
26. Похозяйственные книги Мамадышского р-на Букмышынского с/с. за 1934-35 гг. ф. № р. – 1826, оп. 2, ед.хр. 1 – 4 , 5 – 12
27. Похозяйственные книги Мамадышского р-на Большеарташского с/с, ф. р. – 5321, оп. 2, ед.хр. 2,3 – 14, 15, 18 – 24, 30-33, 37.
28. Ревизская сказка г. Елабуги о купцах за 1811 г., ф.3, оп. 2, №449.
29. Ревизская сказка г. Мамадыш за 1834 г., ф.3, оп.2, 54.

30. Ревизская сказка г. Чистополя за 1858 г., ф.3, оп. 2, №389.
31. Ревизская сказка Елабужского и Сарапульского уезда за 1816 г., ф.3, оп. 2, № 4.
32. Ревизская сказка Елабужского уезда Большеучинской волости за 1811 г., ф. 3, оп. 2, №456.
33. Ревизская сказка Елабужского уезда Граховской волости за 1850 г., ф.3, оп. 2, №285 а.
34. Ревизская сказка Елабужского уезда за 1811, ф.3, оп. 2, №450
35. Ревизская сказка Елабужского уезда за 1816. ф.3, оп. 2, №498
36. Ревизская сказка Елабужского уезда Сарсак-Омгинской волости за 1850 г., ф.3, оп. 2, № 285 в.
37. Ревизская сказка Елабужского уезда Сосновой волости, ф. 3, оп. 2, №463.
38. Ревизская сказка Елабужского уезда Хлыстовской волости за 1850 г., ф.3. оп. 2, №285.
39. Ревизская сказка Малмыжского помещанского поместья 1763 г. ф. 3, оп. 2, д.№438.
40. Ревизская сказка Мамадышского уезда Ядыгерской волости за 1834 г., ф.3. оп. 2, №71.
41. Ревизская сказка Мамадышского уезда Старо-Икшурминской волости за 1834 г., оп. 2, ф. 3, №65.
42. Ревизская сказка Мамадышского уезда Ермовской волости за 1834, ф. 3, оп. 2, №56.
43. Ревизская сказка Мамадышского уезда Ершовской волости за 1834 г. , ф.3, оп.2, №57.
44. Ревизская сказка Мамадышского уезда Ключицянской волости за 1834 г., ф.3, оп. 2, №59.
45. Ревизская сказка Мамадышского уезда о помещичьих крестьянах и дворовых за 1834 г., ф.3, оп. 2, №55.

46. Ревизская сказка Мамадышского уезда Покровской волости за 1834 г. ф. 3, оп. 2, №66.
47. Ревизская сказка Мамадышского уезда Покровской волости за 1834 г. , ф. 3, оп. 2, №66.
48. Ревизская сказка Мамадышского уезда Старо-Ошминской волости за 1834 г., ф.3, оп. 2, №69.
49. Ревизская сказка Мамадышского уезда Тавельской волости, 1834 г., ф.3, оп. 2, №71.
50. Ревизская сказка о купцах мещанах и цеховых г. Казани русского и татарского сословиях (1891 – 1879) – ЦГА РТ, ф. 3, оп. 2.
51. Ревизская сказка о купцах мещанах Мамадышского уезда татарского общества (1870 – 1879). – ЦГА РТ, ф.3, оп. 2.
52. Ревизская сказка о числах душ третьей ревизии Арской дороги Бакиловой, Тимофеева, Шариповой, Кульметьевой, Аптыковой, Абдулькаримова, Тимкиной, Бикеевой и прочих сотен 1762 г., ф. 3., оп. 2., д.№434.
53. Ревизская сказка Чистопольского духовного правления за 1850 г., ф. 3, оп. 2, №260.
54. Ревизская сказка Чистопольского и Казанского уездов за 1834 г., ф. 3, оп. 2, №140.
55. Ревизская сказка Чистопольского уезда 1858 г., ф. 3, оп. 2, №387.
56. Ревизская сказка Чистопольского уезда за 1815 г. , ф.3, оп. 2, № 476.
57. Ревизская сказка Чистопольского уезда за 1816 г., ф.3, оп. 2, № 483.
58. Ревизская сказка Чистопольского уезда за 1816 г., ф.3, оп. 2, № 484.
59. Ревизская сказка Чистопольского уезда за 1834 г., ф.3, оп. 2, № 525.
60. Ревизская сказка Чистопольского уезда за 1858 г., ф.3, оп. 2, № 389.
61. Ревизская сказка Чистопольского уезда за 1858 г., ф.3, оп. 2, № 391.
62. Ревизская сказка Чистопольского уезда за 1858 г., ф.3, оп. 2, № 396.
63. Ревизская сказка Чистопольского уезда за 1858 г., ф.3. оп. 2, №388.
64. Ревизская сказка Чистопольского уезда Касинской волости за 1850 г., ф.3, оп. 2, №262.

65. Ревизская сказка Чистопольского уезда Новошешминской волости 1834 г., ф.3, оп. 2, № 141.
66. Ревизская сказка Чистопольского уезда о купцах и мещанах 1834 г., ф. 3, оп. 2, №138.
67. Ревизская сказка Чистопольского уезда о помещичьих крестьянах, 1850 г., ф. 3, оп. 2, №259.
68. Ревизская сказка Чистопольского уезда о помещичьих крестьянах 1834 г., ф. 3, оп. 2, № 139.
69. Ревизская сказка Чистопольского уезда Старошешминской волости за 1850 г., ф. 3, оп. 2, №265.
70. Ревизская сказка Чистопольского уезда Степнобилярозерской волости за 1850 г., ф.3, оп. 2, №267.
71. Ревизские сказки на 1762 г., ф. 3, оп. 2, д. 432
72. Ревизские сказки на 1762 г., ф.3, оп. 2, д. 427
73. Невоструев К. И. Список с писцовых книг по г. Казани с уездов / Издан Советом Казанской духовной академии к IV археологическому съезду в Казани. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1877. – 88 с.
74. Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266 – 1359 гг.). – Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. – 438 с.
75. Һадиев, И., Мәрдәнов, Р. Мамадыш төбәгенең ташъязма истәлекләре / И. Һадиев, Р. Мәрдәнов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2015. – 199 б.

ЛИТЕРАТУРА

на кириллице:

1. Агапкина, Т. А. Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении: Сюжетика и образ мира. / Т. А. Агапкина. – М.: Индрик, 2010. – 824 с.
2. Агапкина, Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл / Т. А. Агапкина. – М.: Индрик, 2002. – 818 с.
3. Азаматов, Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание XVIII – XIX вв. / Д. Д. Азаматов. – Уфа: Гилем, 1999. – 194 с.
4. Айдаров, Г. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII в. / Г. Айдаров. – Алма-Ата: Наука, 1971. – 376 с.
5. Айтбаева, Л. Х. Историко-лингвистическое исследование антропонимии татар междуречья нижней Оби и Иртыша (XX век): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Айтбаева Лилия Хамитовна. – Тюмень, 2004. – 24 с.
6. Алефиренко, Н. Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии. / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта, 2014. – 344 с.
7. Алефиренко, Н. Ф. Картина мира и этнокультурная специфика слова / Н. Ф. Алефиренко // Научные ведомости. – № 14 (69). – 2009. – С. 5 – 9.
8. Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие / Н. Ф. Алефиренко. – 5-е изд., стер. – М.: Флинта; Наука, 2016. – 282 с.
9. Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Флинта; Наука, 2010. – 288 с.
10. Алефиренко, Н. Ф. Современные проблемы науки о языке: учебное пособие / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Флинта; Наука, 2005. – 416 с.
11. Алефиренко, Н. Ф. Современные проблемы науки о языке: учебное пособие / Н. Ф. Алефиренко. – 5-е изд., стер. – М.: Флинта: Наука, 2016. – 412 с.
12. Алефиренко, Н. Ф. Стереотипы и прототипы в этнокультурном пространстве / Н. Ф. Алефиренко // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. – 2010. – № 24. – Вып. 9. – С. 5 – 11.

13. Алефиренко, Н. Ф. Языковые стереотипы русского этнокультурного пространства / Н. Ф. Алефиренко // *Przegląd Wschodnioeuropejski*, 2010. – С. 405 – 424.

14. Алещенко, Е. И. Этноязыковая картина мира в текстах русского фольклора: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Алещенко Елена Ивановна. – Волгоград, 2008. – 54 с.

15. Алиев, Г. Р. Лингвистические и экстралингвистические факторы в антропонимии (на материале тюркских языков: азербайджанского, узбекского, казахского, киргизского, татарского, башкирского): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Г. Р. Алиев. – Алма-Ата, 1989. – 48 с.

16. Алишев, С. Древний тюркский мир / С. Алишев. – Казань: Форт-диалог 2000. – 72 с.

17. Алишина, Х. Ч. Ономастикон сибирских татар (на материале Тюменской области) / Х. Ч. Алишина. – Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 1999. – Ч. 2. – 216 с.

18. Алишина, Х. Ч. Ономастикон сибирских татар (на материале Тюменской области) / Х. Ч. Алишина. – Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 1999. – Ч 1. – 238 с.

19. Алишина, Х. Ч. Историко-лингвистическое исследование ономастикона сибирских татар (на материале Тюменской области): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.02 / Алишина Ханиса Чавдатовна. – Казань, 1999. – 48 с.

20. Алишина, Х. Ч. Тоболо-иртышский диалект языка сибирских татар / Х. Г. Алишина. – Казань: КГПИ, 1994. – 119 с.

21. Алфавитный указатель собственных имен, встречающихся в первом томе Образцов народной литературы тюркских племен, собранных В. В. Радловым / Сост. Н. Ф. Катанов. – СПб., 1888. – 35 с.

22. Аминова, Ф. С. Лексика питания в башкирском языке: этнолингвистическое исследование / Ф. С. Аминова. – Уфа: БИРО, 2003. – 152 с.

23. Амирханов, Р. М. Ислам в татарской общественной мысли: история и современность / Р. М. Амирханов // Ислам в истории и культуре татарского народа. – Казань: Изд-во Ин-та Истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2000. – С. 6 – 24.
24. Англо-русский словарь / под ред. О. С. Ахмановой. – М.: Лист Нью, 2004. – 978 с.
25. Андреев, И. А. Ыын ячӑсем / И. А. Андреев. – Шупашкар: Чӑваш кӑнеке издательствӑи, 1983. – 62 с.
26. Аннаклычев, Ш. Мотивы выбора имен у туркмен / Ш. Аннаклычев // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. – М.: Наука, 1970. – С. 201 – 206.
27. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Том I. Лексическая семантика (синонимические средства языка) / Ю. Д. Апресян. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 464 с.
28. Аристов, Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности / Н. А. Аристов. – СПб.: Тип. С.Н. Худякова, 1897. – 182 с.
29. Аронов, К. Г. Этнолингвистическая природа народных космонимов в казахском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.06 / Аронов Куслан Гумарович. – Алма-Ата, 1992. – 24 с.
30. Арсланов, Л. Ш. Татары Нижнего Поволжья и Ставрополья. Язык. Фольклор / Л. Ш. Арсланов. – Наб.Челны: КАМАЗ, 1995. – 192 с.
31. Арсланов, Л. Ш. Формирование и развитие островных языков и диалектов (на материале тюркских языков и диалектов Волгоградской, Астраханской областей, Ставропольского края и Калмыцкой АССР): автореф. ... д-ра филол. наук: 10.02.06 / Арсланов Леонид Шайсултанович. – Алма-Ата, 1982. – 39 с.
32. Атлас татарских народных говоров / отв. ред.: Д. Б. Рамазанова, Т.Х. Хайрутдинова. – Казань: ИЯЛИ, 2015. – 632 с.
33. Афанасьев, А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов / А. Н. Афанасьев:

в 3-х т. – М.: Современный писатель, 1865. – Т. 1. – 804 с.; Т. 2., 1868 – 733 с.; Т. 3., 1869. – 851 с.

34. Афлетунов, А. Ш. Языковые особенности татар западного и юго-западной части БАССР: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / А. Ш. Афлетунов. – Казань, 1961. – 17 с.

35. Ахатов, Г. Х. Диалект западносибирских татар: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.02 / Ахатов Габдулхай Хурамович: – Ташкент, 1965. – 35 с.

36. Ахатов, Г. Х. Татарская диалектология / Г. Х. Ахатов. – Казань: ТКИ, 1984. – 115 с.

37. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: Советская энцикл., 1969. – 607 с.

38. Ахмеров, Г. Избранные труды / Г. Ахмеров. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1998. – 237 с.

39. Ахметзянов, М. И. Татарские шеджере. Исследование татарских шеджере в источниковедческом и лингвистическом аспектах по спискам XIX – XX вв. / М. И. Ахметзянов. – Казань: Татар. кн. из-во, 1991. – 152 с.

40. Ахметьянов, Р. Г. Лексика говора мордвы-каратаев в сравнительном освещении / Р. Г. Ахметьянов // Мордва-каратаи: язык и фольклор. – Казань, ИЯЛИ, 1991. – С. 39 – 57.

41. Ахметьянов, Р. Г. Некоторые варианты диалектных слов и фразеологизмов в сергачском говоре / Р. Г. Ахметьянов // Некоторые вопросы татарского языкознания. – Казань: ИЯЛИ, 1987. – С. 32 – 40.

42. Ахметьянов, Р. Г. Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья / Р. Г. Ахметьянов. – М.: Наука, 1989. – 200 с.

43. Ахунзянов, Э. М. Русские заимствования в татарском языке / Э. М. Ахунзянов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1968. – 367 с.

44. Ашмарин, Н.Г. Материалы по исследованию чувашского языка / Н. Г. Ашмарин. – Казань: Типо-литограф. Имп. ун-та, 1898. – 392 с.

45. Әхмәтҗанов, М. И. XVII – XVIII гасыр татар ташбилгеләре / М. И. Әхмәтҗанов. – Казан, 2011. – 260 б.

46. Әхмәтҗанов, М. И. Татар шәҗәрәләре. 2 том. / М. И. Әхмәтҗанов. – Казан: Яз нәшр.; ТР ФА Г.Ибраһимов ис. Тел, әдәбият һәм сәнгать институты, 2013. – 372 б.
47. Әхмәтҗанов, М. И. Татар шәҗәрәләре: Ике томда / М. И. Әхмәтҗанов. – 1 том. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2014. – 239 б.
48. Әхмәтъянов, Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлеге. 1 том (А – Л). – Казан: Вакыт, Мәгариф, 2015. – 543 с.
49. Әхмәтъянов, Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: 2 том (М-Я). – Казан: Мәгариф – Вакыт, 2015. – 567 с.
50. Әхтәмов, М. Х. Башкорт халык мәкәлдәре һәм әйтемдәре һүзлеге / М. Х. Әхтәмов. – Өфө. – Зәйнәб Бишшева ис. «Китап» нәшр., 2008. – 776 б.
51. Байбурин, А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А. К. Байбурин. – СПб.: Наука, 1993. – 240 с.
52. Бакиров, М. Х. Дренетюркская поэзия: неразгаданные тайны устного и письменного поэтического творчества наших предков / М. Х. Бакиров. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2014. – 390 с.
53. Бакиров, М. Х. Татар фольклоры: югары уку йортлары өчен дәреслек / М. Х. Бакиров. – Казан: Мәгариф, 2008. – 360 б.
54. Бакиров, М. Х. Татарский фольклор / М. Х. Бакиров. – Казань: Ихлас, 2012. – 400 с.
55. Бакиров, М. Х. Шигърият бишеге. Гомумтөрки поэзиянең яралуы һәм иң борынгы формалары / М. Х. Бакиров. – Казан: Мәгариф, 2008. – 360 б.
56. Баранов, Х. К. Большой арабско-русский словарь / Х. К. Баранов. – М.: Живой язык, 2011, Т. 2. – 926 с.
57. Баранов, Х. К. Большой арабско-русский словарь / Х. К. Баранов. В 2-х т. – М.: Живой язык, 2006. – Т. 1. – 934 с.
58. Барсукова, Р. С. Заболотный говор тоболо-иртышского диалекта татарского языка в сравнительном освещении: автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Барсукова Рамсия Сахиатулловна. – Казань, 2002. – 23 с.

59. Бартминьский Ежи. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / Е. Бартминьский. Перевод с польского / Сост. и отв. ред. С. М. Толстая. – М.: Индрик, 2005. – 527 с.
60. Бартольд, В.В. Сочинения / В. В. Бартольд. V том. – М.: Наука, 1968. – 789 с.
61. Бартольд, В. В. Тюрки. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии / В. В. Бартольд. – Алма-Аты: Жалын, 1998. – 194 с.
62. Баскаков Н. А. Алтайская семья языков и ее изучение / Н. А. Баскаков – М.: Наука, 1981. – 135 с.
63. Баскаков Н. А. Имена половцев и названия половецких племен в русских летописях / Н. А. Баскаков // Тюркская ономастика. – Алма-Ата: Наука, 1984. – С. 48–76.
64. Баскаков Н. А. Модели тюркских этнонимов и их типологическая классификация / Н. А. Баскаков // Ономастика Востока. – М.: Наука, 1980. – С. 199 – 207.
65. Баскаков Н. А. Титулы и звания в социальной структуре бывшего Хивинского ханства / Н. А. Баскаков // Советская тюркология. – 1989.– № 1. – С. 63–70.
66. Баскаков, Н. А. Имена собственные гуннов, болгар, хазаров, сабиров и аваров в исторических источниках / Н. А. Баскаков // Советская Тюркология, 1985. – № 4. – С. 29–36.
67. Баскаков, Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения / Н. А. Баскаков.– М.: Наука, 1979. – 280 с.
68. Баскаков, Н. А. Собственные имена древних тюрков Восточной Европы (Стратификация болгарских, огузских и кыпчакских элементов) / Н. А. Баскаков // Ономастика, типология, стратификация. – М.: Наука, 1988. – С. 120–127.
69. Батдалова Л. М. Роль личного имени в русских, татарских и английских пословицах и поговорках [Электронный ресурс] / Л. М. Батдалова // Альманах современной науки и образования. 2011. №2. URL:

<http://cyberleninka.ru/article/n/rol-lichnogo-imeni-v-russkih-tatarskih-i-angliyskih-poslovitsah-i-pogovorkah> (дата обращения: 10.04.2016)

70. Батманов, И. А. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности / И. А. Батманов. – Фрунзе: Изд-во Академии наук Киргизской ССР, 1959. – 219 с.

71. Баш Хайдар. Милость для миров – Мухаммад (СВА). Нравственность Посланника и его сподвижников / Баш Хайдар. – Казань: Мастер-Лайн. 2002. – 120 с.

72. Башкорт халык ижады. 7-сы том. Язма кисса һәм дастандар. – Өфө: Китап, 2004. – 624 б.

73. Башкорт халык ижады. 8-сы том. Эпос: Иртәктәр һәм эпик кобайырзар. – Өфө: Китап, 2006. – 492 б.

74. Башкорт халык ижады. 9-сы том. Йомактар. – Өфө: Китап, 2007. – 416 б.

75. Баязитова, Ф. С. Аш-су һәм халык традицияләре лексикасы / Ф. С. Баязитова. – Казан: Матбугат йорты, 2007. – 480 б.

76. Баязитова, Ф. С. Говоры татар-кряшен в сравнительном освещении / Ф. С. Баязитова. – М.: Наука, 1986. – 248 с.

77. Баязитова, Ф. С. Нократ сөйләше. Рухи мирас: гаилә-көнкүреш һәм йола терминологиясе, фольклор / Ф. С. Баязитова. – Казан: Дом печати, 2006. – 240 б.

78. Баязитова, Ф. С. Себер ареалы татар диалектларында этнокультур лексика (йола һәм мифология текстлары яссылыгында) / Ф. С. Баязитова. – Казан, 2009. – 736 б.

79. Баязитова, Ф. С. Татар халкының бәйрәм һәм көнкүреш йолалары / Ф.С. Баязитова. – Казан: Татар. китап нәшр., 1995. – 156 б.

80. Баязитова, Ф. С. Татар-мишәр рухи мирасы: гаилә-көнкүреш, йола терминологиясе һәм фольклор / Ф. С. Баязитова. – Саранск: Татарская газета, 2003. – 288 б.

81. Баязитова, Ф. С. Татарские говоры Нижнего Прикамья: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Баязитова Флера Саидовна. – Казань, 1973. – 29 с.

82. Баязитова, Ф. С. Урта Урал (Свердовск өлкәсе) татарлары: рухи мирас: гаилә-көнкуреш һәм йола терминологиясе, фольклор / Ф. С. Баязитова. – Казан: Фикер, 2002. – 416 б.

83. Баязитова, Ф. С. Халык традицияләре лексикасы: бирнә һәм киём-салымнар (этнолингвистик, культурологик, диалектологик концептлар) / Ф. С. Баязитова. – Казань, 2009. – 412 б.

84. Баязитова, Ф. С. Халык традицияләре лексикасы: бишек туге (йола һәм фольклор текстлары яссылыгында) / Ф. С. Баязитова. – Казан: ИЯЛИ, 2012. – 331 б.

85. Баязитова, Ф. С. Лексика обрядов имянаречения в татарском языке (по материалам диалектологических экспедиций) / Ф. С. Баязитова, Г. С. Хазиева-Демирбаш // Вестник Санкт Петербургского университета. Филология. Востоковедение. Журналистика. – Сер. 9. – Вып. 2. – 2016. – С. 99 – 112.

86. Баязитова, Ф. С. Гомернең өч туге / Ф. С. Баязитова. – Казан: Татарстан китап нәшр., 1992. – 295 б.

87. Бегматов, Э. А. Антропонимика узбекского языка / Э. Бегматов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Э. Бегматов – Ташкент, 1965. – 25 с.

88. Бегматов, Э. А. Ўзбек исмлари маъноси (изохли луғат) / Э. А. Бегматов. – Тошкент: Ўзбекистон миллий энциклопедияси (луғат), 2007. – 608 с.

89. Бегматов, Э. А. Узбекские имена / Э. А. Бегматов. – Ташкент, 1991. – 206 с.

90. Белова, О. В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции / О. В. Белова. – М.: Индрик, 2005. – 409 с.

91. Бердяев, Н. Ф. Истина и откровение / Н. Ф. Бердяев. – СПб.: Изд-во Рус. Христ. гуманит. ин-та, 1996. – 155 с.

92. Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек / Е. Л. Березович. – М.: Либроком, 2009. – 328 с.

93. Березович Е. Л. Топонимия Русского Севера: Этнолингвистические исследования. / Е. Л. Березович. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1998. – 338 с.

94. Березович, Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция / Е. Л. Березович. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014. – 488 с.
95. Березович, Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Мифопоэтический образ пространства / под. ред. А. К. Матвеева. – М.: КомКнига, 2016. – 240 с.
96. Березович, Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Е. Л. Березович. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. университета, 1998. – 461 с.
97. Биктимирова, А. Р. Лингвистическая и ономастическая поэтика татарских народных песен: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Биктимирова Айгуль Ринатовна. – Казань, 2003. – 25 с.
98. Благова, Г. Ф. К характеристике типов раннетюркских антропонимов / Г.Ф. Благова // Вопросы языкознания. – 1998. – №4. – С. 180–191.
99. Благова, Г. Ф. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Г. Ф. Благова. – М.: Наука, 2006. – С. 751–765.
100. Боас, Ф. Ум первобытного человека / Ф. Боас. – М.; Л., 1926. – 151 с.
101. Богатырев, П. Г., Якобсон, Р. О. Фольклор как особая форма творчества [Электронный ресурс] // Богатырев П. Г. Вопросы народного творчества. – М., 1971. – С. 369 – 383__(<http://www.ruthenia.ru/folklore/jacobson1.htm>).
102. Бондалетов, В. Д. Русская ономастика / В. Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1986. – 223 с.
103. Борисова, Л. В. Язык как миропостижение / Л. В. Борисова: монография: в 2-х т. – Чебоксары: Изд-во Чувашского ун-та, 2013 – 2014. – Т. 1. Триада «этнос – язык – культура» в отечественной и зарубежной науке. – 2013. – 238 с.; Т. 2. Базовые архетипы и стереотипы этнической культуры в языковой репрезентации (на материале русского и чувашского языков). – 2014. – 714 с.

104. Бромберже, К. К антропологическому анализу антропонимов / К. Бромберже // Вопросы ономастики. – 2012. – №1. – С. 116 – 146.
105. Бубнова, Н. В. Региональные ономастические фоновые знания современных смолян / Н. В. Бубнова. – Смоленск: Смолен. гор. тип, 2013. – 245 с.
106. Булатова, М. Р. Курмантауский говор среднего диалекта татарского языка (в этнолингвистическом аспекте) / М. Р. Булатова. – Казань: Магариф – Вакыт, 2016. – 384 с.
107. Бурганова, Н. Б. О системе народного праздника джиен у казанских татар (исследование и приложение) / Н. Б. Бурганова // Исследования по исторической диалектологии татарского языка (материалы и исследования). – Казань, 1982. – С. 20 – 67.
108. Буслаев, Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства: в 2-х т.: Т. 1. [Русская народная поэзия] / Ф.И. Буслаев. – СПб.: Типогр. товарищества «Общественная польза», 1861. – 643 с.; Т. 2. [Древнерусская народная литература и искусство]. – СПб.: Типогр. товарищества «Общественная польза», 1861. – 429 с.
109. Бухарова, Г. Х. Башкирский народный эпос «Урал – батыр»: когнитивно-дискурсивный и концептуальный анализ: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.02 / Бухарова Гульнур Харуновна. – Уфа, 2009. – 54 с.
110. Вагапова, Ф. Г. Историко-лингвистический анализ личных имен нижегородских татар XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Вагапова Фирдаус Габдуллазяновна. – Казань, 2002. – 20 с.
111. Васильева, Н. В. Собственное имя в мире текста / Н. В. Васильева. – М.: Акад. гуманитар. исслед., 2005. – 224 с.
112. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1997. – 411 с.
113. Вельяминов-Зернов, В. К. Исследование о Касимовских царях и царевичах / В. К. Вельяминов-Зернов. – СПб.: Тип. имп. Акад. наук, ч. 1, 1863. – 558 с.; ч. 2, 1864. – 498 с.; ч. 3, 1866. – 502 с.; ч. 4, 1887. – 178 с.

114. Верещагин, Е. М. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: Индрик, 2005. – 1035 с.
115. Веселовский, А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – М.: Высшая школа, 1989. – 408 с.
116. Вәлиева, М. З. Татар хатын-кыз исемнәре: тарихи-лингвистик анализ / М. З. Вәлиева. – Казан, 2011. – 259 б.
117. Виноградова, Л. Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян / Л. Н. Виноградова. – М.: Индрик, 2000. – 432 с.
118. Волощенко, О. В. Языковые основы фольклора в свете явлений традиционной народной культуры: на материале русской волшебной сказки: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Волощенко Ольга Владимировна. – Воронеж, 2006. – 25 с.
119. Вопросы антропонимии: сборник статей / Сост. и ред. А. И. Назаров. – Алматы, 2005. – 100 с.
120. Вопросы ономастики. Собственные имена в системе языка: сборник статей – Свердловск: Уральский гос. ун-т., 1980. – 158 с.
121. Вороничев, О. Е. Об устаревших фактах ономастики / О. Е. Вороничев // Русский язык в школе. – 2000. – №1. – С.70 – 73.
122. Воскресенский, А. Русско-татарский словарь с предисловием о произношении и этимологических изменениях татарских слов / А. Воскресенский. – Казань, 1894. – 374 с.
123. Врублевская, О. В. Имена собственные и языковая мода / О. В. Врублевская // Ономастика Поволжья: материалы XV Международной научной конференции (Арзамас, 13 – 16 сентября 2016 г.). – Арзамас. – Саров: Интерконтакт, 2016. – С. 20 – 24.
124. Габдрафикова, Л. Татарское буржуазное общество: стиль жизни в эпоху перемен (вторая половина XIX – начало XX века) / Л. Габдрафикова. – Казан: Татар. кн. изд-во, 2015. – 367 с.

125. Габишева, Л. Л. Слово в контексте мифопоэтической картины / Л. Л. Габишева. – М.: РГГУ, 2003. – 192 с.
126. Гаджиева, Н. З. Словосочетание как объект сравнительно-исторической грамматики тюркских языков / Н. З. Гаджиева // Структура и история тюркских языков. – М.: Наука, 1971. – С.209 – 222.
127. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М.: Школа Языки русской культуры, 1998. – 768 с.
128. Галиуллина, Г. Р. Антропонимия татар г. Казани в XX веке (на материале личных имен): автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Галиуллина Гульшат Раисовна. – Казань, 1999. – 19 с.
129. Галиуллина, Г. Р. Личные имена татар в XX веке / Г. Р. Галиуллина. – Казань: Матбугат йорты, 2000. – 112 с.
130. Галиуллина, Г. Р. Татарская антропонимия в лингвокультурологическом аспекте: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.02. / Галиуллина Гульшат Раисовна, Казань, 2009. – 43 с.
131. Галиуллина, Г. Р. Татарские личные имена в контексте лингвокультурных традиций / Г. Р. Галиуллина. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. – 352 с.
132. Ганиева, Г. Р. Фразеологические единицы с компонентом именем собственным в английском, русском и татарском языках / Г. Р. Ганиева. – Нижнекамск: Нижнекамский химико-технологический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «КНИТУ», 2012. – 109 с.
133. Гарагуля, С. И. Имя личное в англоязычном культурно-историческом пространстве / С.И. Гарагуля, Т. А. Комова. – М.: Либерком, 2012. – 162 с.
134. Гарагуля, С. И. Антропонимия в лингвокультурном и историческом аспектах. На материале английских личных имен / С. И. Гарагуля. – М.: Либерком, 2010. – 138 с.
135. Гарагуля, С. И. Языковая личность: Индивид и его имя в иноязычной среде / С. И. Гарагуля. – М.: Либерком. 2012. – 160 с.

136. Гарипов, Т. М. О древних кипчакских именах в антропонимии башкир / Т. М. Гарипов // Ономастика Поволжья. – Уфа. – 1973. – Вып.3. – С.52 – 54.
137. Гарипова, Н. Д. Персидские элементы в именах башкир / Н. Д. Гарипова // Ономастика Поволжья. – Уфа, 1973. – С.81 – 85.
138. Гарипова, Ф. Г. Авылларны сөям жаным-тәнем белән / Ф. Г. Гарипова. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1994. – 142 б.
139. Гарипова, Ф. Г. Гидронимия Заказанья Татарской АССР (бассейнов рек Ашит, Казанки, Меши, Шошмы): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Гарипова Фирдаус Гариповна. – Казань, 1975. – 35 с.
140. Гарипова, Ф. Г. Татарстан гидронимнар сүзлеге / Ф. Г. Гарипова. – 2 китап. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1990. – 349 б.
141. Гарипова, Ф. Исемнәрдә – ил тарихы / Ф. Г. Гарипова. – Казан: Татар. кит. нәшр. 1994. – 263 б.
142. Гарипова, Ф. Г. Елгалар дөнъясына сәяхәт / Ф. Г. Гарипова. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1992. – 61 б.
143. Гарипова, Ф. Г. Татарстан гидронимнары сүзлеге / Ф. Г. Гарипова. – Казань, 1984. – 225 б.
144. Гарипова-Хасаншина, В. М. Поэтическая ономастика прозы Гумера Баширова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Гарипова-Хасаншина Венера Макмуновна. – Казань, 2004. – 25 с.
145. Гариф, Н. Тарихи чыганаclarда төрки-татар исемнәре һәм географик атамалар. – Казан: ТФА, Тарих институты басмаханәсе, 2011. – 240 б.
146. Гасимова, С. И. Историко-лингвистический анализ татарских прозвищ: автореф. дис. ... канд. филол. н.: 10.02.02 / Гасимова Светлана Иргизовна. – Казань, 2006. – 25 с.
147. Гафуров, А. Имя и история / А.Гафуров. – М.: Наука, 1987. – 220 с.
148. Гафуров, А. Лев и Кипарис (о восточных именах) / А. Гафуров. – М.: Наука, 1971. – 238 с.
149. Герд, А. С. Введение в этнолингвистику. Курс лекций и хрестоматия / А. С. Герд. – СПб: Изд-во СПб. ун-та, 2005. – 457 с.

150. Гиганов, И. Словарь российско-татарский, собранный в Тобольском главном народном училище учителем татарского языка И. Гигановым и муллами юртовскими / И. Гиганов. – СПб.: Имп. АН, 1804. – 627 с.
151. Гильфанова, Ф. Х. Антропонимия сибирских татар в этнолингвистическом аспекте: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.02 / Ф.Х. Гильфанова. – Казань, 2010.– 370 с.
152. Гильфанова, Ф. Х. Антропонимия тобольских и тюменских татар середины XVIII – XIX вв. (к проблеме этнической истории) / Ф.Х. Гильфанова. – Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 2005. – 115 с.
153. Головина, Л. С. Этнокультурная семантика имени собственного и ее лексикографическая репрезентация иноязычному адресату: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Головина Любовь Сергеевна. – Волгоград, 2013. – 45 с.
154. Голомидова, М. В. Искусственная номинация в русской ономастике / М. В. Голомидова. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 1998. – 232 с.
155. Горбачева, О. Г. Ономастическое пространство русских народных и авторских сказок: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Горбачева Ольга Геннадьевна. – Брянск, 2008. – 25 с.
156. Гордлевский, В. А. Избранные сочинения / В. А. Гордлевский. – М.: Наука, 1968. – Т.4. – 609 с.
157. Гречко, В. А. Теория языкознания: учеб. пособие / В. А. Гречко. – М.: Высш. школа, 2003. – 372 с.
158. Гумбольд, В. Избранные труды по языкознанию. Пер. Г. В. Рамишвили / В. Гумбольд. – М.: Прогресс, 2000. – 397 с.
159. Гумилев, Л. Древние тюрки / Лев Гумилев. – М.: Наука, 1967. – 501 с.
160. Гура, А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика / А. В. Гура. – М.: Индрик, 2012. – 936 с.
161. Гура, А. В. Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. – М.: Индрик, 1997. – 912 с.

162. Давлетшин, Г. Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа (истоки, становление и развитие) / Г. Давлетшин. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2004. – 431 с.
163. Дарзаманова, Г. З. Фразеологические единицы и паремии с антропонимами в русском, татарском и английском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Дарзаманова Гульназ Заудатовна. – Казань, 2002. – 21 с.
164. Дашеева, В. В. Ономастические универсалии: на материале монгольских и китайских антропонимов / В. В. Дашеев; ред. Е. В. Сундуева. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 2015. – 189 с.
165. Дәүләтшин Г. Тәрки-татар рухи мәдәнияте тарихы / Г. Дәүләтшин. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1999. – 512 б.
166. Дини текстларга гарәпчә-татарча сүзлек / төз. Ринат Сәфәр. – Казан, 2016. – 652 б.
167. Добродомов, И. Г. Из болгарского вклада в славянскую антропонию (к этимологии имени Борис) / И. Г. Добродомов // Антропонимика. Сб. статей / Ред. В.А. Никонов и А. В. Суперанская. – М.: Наука, 1970. – С.229 – 236.
168. Добродомов, И. Г. Из половецкой ономастики (Тазь Бонякъ) / И.Г. Добродомов // Известия ОРЯС АН СССР Серия литературы и языка. – М.: Наука, 1964. – Вып.3. – С. 256 – 258.
169. Доспанова, Д. У. Специфика системы и функционирования антропонимов в узбекском и каракалпакском языках / Д. У. Доспанова // Молодой ученый. – 2015. – №2. – С. 582 – 585.
170. Дранникова, Н. В. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре: функциональность, жанровая система, этнопоэтика Русского Севера: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.09 / Дранникова Наталья Васильевна. – Архангельск, 2005. – 56 с.
171. Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 675 с.

172. Дыбо, А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. Пратюркский период / А. В. Дыбо – М.: Вост. лит-ра, 2007. – 223 с.
173. Дыбо, А. В. Хронология тюркских языков и лингвистические контакты ранних тюрков / А. В. Дыбо // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. – М.: Наука, 2006. – С. 766 – 817.
174. Егоров, Н. И. Женские личные имена низовых чувашей-язычников / Н. И. Егоров // Вопросы фонетики, грамматики и ономастики чувашского языка. – Чебоксары, 1987. – С. 54 – 71.
175. Егоров, Н. И. Избранные труды. Этимология. Этноглоттогенез. Этнолингвокультурология / Н. И. Егоров. – Чебоксары: Новое время, 2009. – 854 с.
176. Ерленбаева, Н. В. Бытовая лексика алтайского языка (этнолингвистический аспект) / Н. В. Ерленбаева. – Саарбрюхен, 2014. – 183 с.
177. Жаненова З. Р. Историко-лингвистический анализ казахского антропонимикона 40 – 90-х годов XX столетия: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / З. Р. Жаненова. – Казань, 1994. – 17 с.
178. Жанпеисов, Е. Этнокультурная лексика казахского языка / Е. Жанпеисов. – Алма-Ата, 1989. – 361 с.
179. Жанузак, Т. Есімдер сыры / Т. Жанузак. – Алматы, 2004. – 208 б.
180. Жанузаков, Т. Ж. Лично-собственные имена в казахском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Жанузаков Тельхопса Жанузакович. – Алма-Ата, 1960. – 18 с.
181. Жанузаков, Т. Ж. Обычаи и традиции в казахской антропонимике / Т. Ж. Жанузаков // Этнография имен. – М., 1971. – С.100 – 103.
182. Жапаров, Ш. Адам аттары – эл байлыгы / Ш. Жапаров. – Бишкек, 2009. – 343 б.
183. Жапаров, Ш. Кыргызская антропонимия / Ш. Жапаров. – Бишкек: Илим, 1992. – 188 с.

184. Жирмунский, В. М. Тюркский героический эпос / В. М. Жирмунский. – Л.: Наука, 1974. – 727 с.
185. Журавлев, А. Ф. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» / А. Ф. Журавлев. – М.: Индрик, 2005. – 1006 с.
186. Журавлев, А. П. Фонетическое значение / А. П. Журавлев. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1974. – 158 с.
187. Журавлев, А. Ф. Домашний скот в поверьях и магии восточных славян / А. Ф. Журавлев. – М.: Индрик, 1994 – 256 с.
188. Жураева, И. А. Антропонимические формулы в английском, узбекском и русском языках и специфика их функционирования / И. А. Жураева. – Ташкент: НУУз, 2012. – 80 с.
189. Жамалетдинов, Л. Татар әкиятләрен барлау юлында / Л.Жамалетдинов. – Казан: ТӘҺСИ, 2015. – 264 б.
190. Жамалетдинов, Р. Р. Татар теленен этнокультура лексикасы: Сүзлек-белешмә / Р. Р. Жамалетдинов. – Казан: Алма-лит, 2003. – 144 б.
191. Загидуллин, И. К. Татарское национальное движение в 1860 – 1905 гг. / И. К. Загидуллин. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2014. – 421 с.
192. Загирова, З. Р. Лексико-семантические и функциональные параметры антропонима в составе фразеологической единицы в английском языке: в сопоставлении с французским, русским и татарским: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / З. Р. Загирова. – Уфа, 2003. – 25 с.
193. Закиев, М. З. Древнетюркская ономастика и ее морфонология / М. З. Закиев. – Астана: ТОО «Prosper Print», 2013. – 416 с.
194. Закиев, М. З. История татарского народа. Этнические корни, формирование и развитие / М. З. Закиев. – М.: Инсан, 2008. – 560 с.
195. Закиров, Р. Р. Фразеологические единицы с компонентом цветообозначения в английском, русском и татарском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Закиров Рафис Рафаелевич . – Казань, 2003. – 25 с.

196. Закирова, Г. К. Историко-лингвистический анализ ойконимии Казанского ханства: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Закирова Гульназ Камилевна. – Казань, 1998. – 25 с.
197. Закирова, И. Г. Болгар чоры халык ижаты / И. Г. Закирова. – Казан: Фикер, 2003. – 144 б.
198. Закирова, И. Г. Эпическое творчество периода Золотой Орды: мифологические и исторические основы / И.Г. Закирова. – Казань, 2011. – 268 с.
199. Залевская, А. А. Национально-культурная специфика картины мира и различные подходы к ее исследованию / А. А. Залевская // Языковое сознание и образ мира: сб. ст. / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М., 2000. – 320 с.
200. Залялиева, М. А. Историко-лингвистическое исследование татарских личных имен русского и западноевропейского происхождения / М. А. Залялиева // Ономастика Татарии. – Казань, 1989. – 120 с.
201. Замалетдинов, Р. Р. Внутренний и внешний мир носителей татарской культуры через призму языка / Р. Р. Замалетдинов. – Казань: Изд-во КГУ, 2003. – 192 с.
202. Замалетдинов, Р. Р. Татарская культура в языковом отражении / Р. Р. Замалетдинов. – М: ВЛАДОС; Казань: Магариф, 2004. – 239 с.
203. Замалетдинов, Р. Р. Теоретические и прикладные аспекты татарской лингвокультурологии / Р. Р. Замалетдинов. – Казань: Магариф, 2009. – 351 с.
204. Зейналова, С. К. Антропонимы в малых жанрах азербайджанского фольклора: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.06 / С. К. Зейналова. – Баку, 1989. – 24 с.
205. Зеленин, Д. К. Восточнославянская этнография / Д. К. Зеленин. – М.: Наука, 1991. – 511 с.
206. Зәкиев, М. Татар теленең барлыкка килүе / М.З. Зәкиев. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1977. – 207 б.
207. Зәкиев, М. Төрки-татар этногенезы / М. З. Зәкиев. – Казан: Фикер; Мәскәү: Инсан, 1998. – 624 с.

208. Зиннатуллина, Г. Х. Поэтическая ономастика прозы Амирхана Еники: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Зиннатуллина Гульшат Хабировна. – Казань, 2005. – 25 с.
209. Золотницкий, Н. И. Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и др. / Н.И. Золотницкий. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1875. – 279 с.
210. Зубкова, Л. И. Своеобразие и типы антропонимической коннотации / Л.И. Зубкова // Филологические науки. – 2009. – №1 – 65 – 73 с.
211. Ибраһимова, Л. Х. Төрки халыклар ижатында «Чура батыр» дастаны / Л.Х. Ибраһимова. – Казан: Фикер, 2002. – 192 б.
212. Иванов, В. В. Славянские языковые моделирующие семиотические системы / В. В. Иванов, В. Н. Топоров. – М.: Наука, 1965. – 251 с.
213. Иванова, А. М. Собственные имена чувашского языка в аспекте теории агнонимов / А. М. Иванова // Сборник научных трудов молодых ученых и специалистов. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2013. – С. 178–182.
214. Иванова, А. М. Поэтонимы в контексте чувашской письменной культуры / Фомин Э. В., Иванова А. М. // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 4. – С. 250–255.
215. Иванова, А. М. Антропонимы в составе абсолютных агнонимов чувашского языка / А. М. Иванова // Тюркский текст в смысловом пространстве литературы и культуры: сборник статей по материалам Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. (Стерлитамак, 14–16 октября 2015 г.) / Отв. ред. Г.М. Ибатуллина; отв. за выпуск Л.В. Басманова. – Стерлитамак: СФ БашГУ, 2015. – С. 62–69.
216. Иванова, А. М. Ретроспективный толковый словарь чувашского языка / Э.В. Фомин, А. М. Иванова; Чуваш. ун-т. – Чебоксары, 2009. – 146 с.
217. Иванова, А. М. Урбонимы в чувашском фольклоре / А. М. Иванова // Сборник статей по региональной научно-практической конференции: «Село: История, современность и перспективы развития». – Чебоксары, 2009.

218. Иванова, А. М. Чувашские фраземы с агнонимичными компонентами в номинациях радуги / А. М. Иванова // Актуальные проблемы развития национальных языков и культур народов Среднего Поволжья и Приуралья: сборник материалов Всерос. конф., Чебоксары, 24 октября 2013 г.). – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2013. С. 61-63.
219. Иванова, А. М., Фомин, Э. В. Чăваш поэтонимĕсен пуххи: словарь / Э. В. Фомин, А. М. Иванова. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. – 84 с.
220. Измайлов, И. Л. Волжская Булгария в IX – первой трети XIII века: становление социальной, религиозной и этнополитической структуры общества: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Измайлов Искандер Лерунович. – Казань, 2013. – 67 с.
221. Измайлов, И. Л. Ислам в Золотой Орде / И. Л. Измайлов, Б. Хамидуллин. – Казань: Татар. кн. изд.-во, 2008. – 63 с.
222. Имаева, Г. З. Типологические сближения в восточнославянских и тюркоязычных сказках / Г. З. Имаева. – Казань: ИЯЛИ, 2009. – 216 с.
223. Исаев, М. И. Словарь этнолингвистических понятий и терминов / М. И. Исаев. – М.: Флинта; Наука, 2003. – 200 с.
224. Ислаев Ф. Г. Ислам и православие в Поволжье XVIII столетия: от конфронтации к терпимости / Ф. Г. Ислаев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – 220 с.
225. Ислам на Европейском Востоке. Энциклопедический словарь. – Казань: Магариф, 2004. – 383 с.
226. Ислам. Энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1991. – 315 с.
227. Ислам: иллюстрированная энциклопедия / Авт.-сост. М. Магомерзаев. – М.: Эксмо, 2010. – 640 с.
228. Исмагулова, Б. Х. Ономастическое пространство казахского фольклора / Б. Х. Исмагулова, С. Ж. Баяндина // Материалы международного конгресса «Актуальные проблемы комплексного исследования алтаистики и тюркологии. – Кокшетау, 2009. – С. 187-192

229. Исме Әгъзам китабы. Аллаһы Тәгаләнең күркәм исемнәре. – Казан: Тын, 2005. – 111 б.
230. История татар. Том III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV вв. – Казань: Институт истории АН РТ, 2009. – 1056 с.
231. История татар. Том I. Народы степной Евразии в древности. – Казань: Рухият, 2002. – 552 с.
232. История татар. Том II. Волжская Булгария и Великая Степь. – Казань: РухИЛ, 2006. – 960 с.
233. История татар. Том V. Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI – XVIII вв.). – Казань: Институт истории АН РТ, 2014. – 1032 с.
234. История татар. Том VI. Формирование татарской нации. XIX – начало XX вв. – Казань: Институт истории АН РТ, 2013. – 1172 с.
235. История татар. Том VII. Татары и Татарстан в XX – начале XXI в. – Казань: Институт истории АН РТ, 2013. – 1008 с.
236. История татарского литературного языка (XIII – пер. четверть XX вв.) / Сост. и отв. ред. Х. Курбатов. – Казань: ИЯЛИ, Фикер, 2003. – 654 с.
237. Исхаков, Д. М. Измайлов, И. Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.) / Д. М. Исхаков, И. Л. Измайлов. – Казань: РИЦ «Школа», 2007. – 356 с.
238. Исхаков, Д. М. Родословные и эпические произведения как источник изучения сословий Улуса Джучи и татарских ханств / Д. М. Исхаков // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотая Орда): от кальки до Астрахани 1226 – 1556. – Казань, 2002. – С. 329 – 360.
239. Исхаков, Д. М. Тюрко-татарские государства XV – XVI вв. / Д. М. Исхаков – Казань: Татар. кн. изд-во, 2009. – 142 с.
240. Исхакова, Х. Ф. Сопоставительная грамматика татарских и русских собственных имен / Х. Ф. Исхакова. – М.: Наука, 2000. – 110 с.

241. Казанская лингвистическая школа: Кн. 1: Казанская тюркская лингвистическая школа / сост. М. З. Закиев. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. – 424 с.
242. Казарин, Ю. В. Филологический анализ поэтического текста: учебник для вузов / Ю. В. Казарин. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. – 432 с.
243. Калинин, В. М. Поэтика онима / В. М. Калинин. – Донецк: Юго-Восток, 1999. – 408 с
244. Карабаев, М. И. Башкорт ономастикаһы: антропонимия, микропонимия, урбанонимия. – Стәрлетамак: БДУ-ның Стәрлетамак фил., 2013. – 118 б.
245. Касимов, Э. С. Сатира и юмор в татарских народных сказках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.09 / Э. С. Касимов. –Казань, 1966. –26 с.
246. Катанов, Н. Ф. Алфавитный указатель собственных имен, встречающихся в первом томе Образцов народной литературы тюркских племен, собранных В. В. Радловым: Представлено Акад. в заседании Ист.-филол. отд. 22 сент. 1887 г. / Сост. Н. Ф. Катанов. – СПб : Тип. Имп. Акад. наук, 1888. – 34 с.
247. Катанов, Н. Ф. Эпиграфический памятник Волжской Булгарии. – Казань: Тип. Имп. Ун-та, 1905. – 8 с.
248. Кацюба, Л. Б. Ономастический аспект исследования субъекта в паремиях / Л.Б. Кацюба // Ономастика Поволжья. – Уфа, 2006. – С.280 – 285
249. Кемпер, М. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане. Исламский дискурс под русским господством / пер. с нем. / М. Кемпер. – Казань: Рос. исламский ун-т, 2008. – 675 с.
250. Керимбаев, Д. М. Состав и этнолингвистическая характеристика собственных имен казахского фольклора: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Керимбаев Даурен Маратович. – Алматы, 2004. – 28 с.
251. Керимбаев, Е. А. Этнокультурные основы номинации и функционирования казахских собственных имен: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Керимбаев Есенгельды Ауельбекович. – Алматы, 1992. – 63 с.

252. Керимбаева, С. Е. Ономастическая экспликация мифологической модели мира в казахском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Керимбаева Сания Есенгельдиевна – Алматы, 2004. – 28 с.

253. Климович, Л. И. Книга о Коране, его происхождении и мифологии / Л.И. Климович. – М.: Изд-во полит. лит., 1986. – 270 с.

254. Кляшторный, С. Г. Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей / С. Г. Кляшторный. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. – 328 с.

255. Кляшторный, С. Г. Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках / С. Г. Кляшторный // Тюркологический сборник. – М.: Наука: Изд-во вост. лит, 1981. – С. 115 – 138.

256. Кныш, А. Суфизм как место встречи творческих соображений / А. Кныш // Ислам в мультикультурном мире: Мусульманские движения и механизмы воспроизводства идеологии ислама в современном информационном пространстве: сб. ст. / отв. ред. Д. В. Брилев. – Казань: Казан. ун-т, 2014. – С. 154-189.

257. Коблов, Я. Д. Религиозные обряды и обычаи татар магометан (при наречении имени новорожденному, свадебные обряды и похоронные) / Я. Г. Коблов. – Казань: Тип. ун-та, 1908. – 50 с.

258. Ковалев, Г. Ф. Избранное. Литературная ономастика / Г. Ф. Ковалев; Воронежский гос. ун-т, Каф. славянской филологии. – Воронеж: Науч. кн., 2014. – 447 с.

259. Кондратьева, Т. Н. Собственные имена в месяцесловах, пословицах, поговорках, загадках, заговорах и сказках русского народа / Т. Н. Кондратьева. – Казань, 2004. – 340 с.

260. Кондратьева, Т. Н. Метаморфозы собственного имени / Т. Н. Кондратьева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1983. – 109 с.

261. Кондратьева, Т. Н. Русские словари личных собственных имен как ономастический источник / Т. Н. Кондратьева. – Казань, 1969. – 63 с.

262. Кондратьева, Т. Н. Собственные имена в русском эпосе / Т. Н. Кондратьева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1967. – 244 с.
263. Копыленко, М. М. Основы этнолингвистики / М. М. Копыленко. – Алматы: Евразия, 1995. – 178 с.
264. Кормушин И. В. Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология / И. В. Кормушин. – М.: Наука, 2008. – 342 с.
265. Корнилов, Г. Е. Этнотопонимия республик Поволжья (Башкортостан, Коми, Марий Эль, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия) / Г. Е. Корнилов // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. – № 4 – 2016. – С. 211 – 219.
266. Корнилов, Г. Е. Этнотопонимия республик Поволжья (Башкортостан, Коми, Марий Эль, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия) / Г. Е. Корнилов // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. – № 2 – 2016. – С. 119 – 126.
267. Корнилов, Г. Е. Инверсионный «Алфавит чувашских мужских языческих имен» / Г. Е. Корнилов, А.А. Леонтьева, 2002. – 100 с.
268. Корнилов, Г. Е. К вопросу об участии отдельных башкирских родов в этногенезе смежных с ними народов / Г. Е. Корнилов // Сборник Археология и этнография Башкирии. – Том IV. – Уфа: ОИБФ АН СССР. – 1971. – С. 298 – 230
269. Корнилов, Г. Е. Опыт исследования по чувашской диалектологии и болгаро - чувашской топонимике: автореф. дис. канд. филол. наук / Корнилов Геннадий Емельянович. – Ленинград, 1966. – 18 с.
270. Корнилов, Г. Е. Этимология. Лингвистические исследования, критика и обобщения / Г. Е. Корнилов. – Чебоксары, 2010. – 167 с.
271. Корнилов, Г. Е. Исторический словарь топонимов Симбирской губернии (1859 – 1913) / Г. Е. Корнилов, М. Е. Молниева, А.А. Обжогин. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. – 288 с.
272. Косточков, Г. В. Историко-лингвистическое исследование шорской антропонимии: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Косточков Геннадий Васильевич. – Казань: Казан. гос. ун-т, 1995. – 21 с.

273. Кривоножкина, Е. Г. Сельское население Татарской АССР накануне и в годы Великой отечественной войны (1937-1945 гг.) / Е. Г. Кривоножкина, И. И. Ханипова. – Казань: Центр инновационных технологий, 2011. – 464 с.
274. Кузеев, Р. Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения / Р. Г. Кузеев. – М., 1974. – 572 с.
275. Кузнецов, А. В. Речевой этикет народов Волго-Уралья / А. В. Кузнецов. – Чебоксары: ЧГИГН, 2008. – 320 с.
276. Кульдеева, Г. И. Антропонимическая система современного казахского языка / Г. И. Кульдеева. – Казань: Изд-во «ДАС», 2001. – 239 с.
277. Кульпинов, Ю. А. Этнолингвистический анализ ономастикона, демонологии и обрядности станиц Изобильненского района Ставропольского края: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. А. Кульпинов. – Ставрополь, 2010. – 20 с.
278. Курьшжанов, А. К. Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII в. – «Тюрко-арабский словарь» / А. К. Курьшжанов. – Алма-Ата: Наука, 1970. – 232 с.
279. Кусимова, Т. Башкорт исемдәре / Башкирские имена / Т. Кусимова, С. Бикколова. – Өфө: Башкорт. кит. нәшр., 2005. – 224 б.
280. Кусимова, Т. Х. Древнебашкирские антропонимы: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. Х. Кусимова. – Уфа, 1975. – 19 с.
281. Кычанов, Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров / Е. И. Кычанов. – М.: Вост. лит-ра РАН, 1997. – 320 с.
282. Леонтьева, А. А. Русские личные имена в чувашском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Леонтьева Анна Антоновна. – Чебоксары, 2006. – 25 с.
283. Лепехин, И. И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 гг. / И. И. Лепехин. – Спб., 1771. Ч. 1 – 2.
284. Лечебная и охранительная магия башкир. Тексты / Сост. и подготовка текстов Ф. Г. Хисамитдиновой. – Уфа, 2009. – 340 с.

285. Магницкий, В. К. Чувашские языческие имена / В. К. Магницкий. – Казань: Тип. ун-та, 1905. – 101 с.
286. Малов, С. Е. Памятники древнетюркской письменности: тексты и исследования / С. Е. Малов. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. – 451 с.
287. Матвеев, А. К. Ономатология / А. К. Матвеев. – М.: Наука, 2006. – 292 с.
288. Материалы к идеографическому словарю диалектов татарского языка / авт. Сост. А. Г. Шайхулов, Л. У. Бикмаева, З. Р. Садыкова. – Т.1. – Ч. 1. – Уфа: РИО БашГУ, 2005. – 512 с.
289. Материалы к идеографическому словарю диалектов татарского языка / авт. сост. А. Г. Шайхуллов, Л. У. Бикмаева, З. Р. Садыкова. – Т.1. – Ч. 2. – Уфа: РИО БашГУ, 2005. – 506 с.
290. Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов): в 3-х т. / пер. с араб. А. Р. Рустамова, под ред. И. В. Кормушина, прим. И. В. Кормушина, Е. А. Поцелуевского, А.Р. Рустамова; Институт востоковедения РАН: Институт языкознания РАН. – М.: Вост. лит. – Т.1. – 2010. – 461 с.
291. Махмутов Х. Ш. Татарские народные загадки: автореф. ... дис. канд. филол. наук: 10.01.09 / Махмутов Хузиахмет Шагиахметович. – Казань, 1966. – 31 с.
292. Махмутов, Х. Ш. Афористические жанры татарского фольклора: диссер. ... д-ра филол. наук / Махмутов Хузиахмет Шагиахметович. – Казань, 1995. – 102 с.
293. Махмутова, Л. Т. Опыт исследования тюркских диалектов / Л.Т. Махмутова. – М.: Наука, 1978. – 269 с.
294. Махпиров, В. У. Древнетюркская ономастика / В.У. Махпиров. – Алма-Ата: Гылым, 1990. – 158 с.
295. Мәхмүтов, Х. Борынгылар әйткән сүзләр (VIII – XVII йөз төрки-татар ядкәрләрендә афоризмнар) / Х. Мәхмүтов. – Казан: Фикер, 2002. – 256 б.

296. Мәхмүтов, М. И. Гарәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлегә / М. И. Мәхмүтов, К. З. Хәмзин, Г. Ш. Сәйфуллин. Ике томда. – Казан: Иман, 1993. – Т. 1. – 448 с.
297. Мәхмүтов, М. И. Гарәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлегә / М. И. Мәхмүтов, К. З. Хәмзин, Г. Ш. Сәйфуллин. – Казан: Иман, 1993. – Т. 2. – 854 б.
298. Мәхмүтов, Х. Изге китаплар кайтавазы: Аятьләр һәм хәдисләр ңирлегеннән туган тәкъбирләр / Х. Мәхмүтов. – Казан, 2012. – 224 б.
299. Мәхмүтов, Х. Ш. Гыйбарәләр тарихыннан сәхифәләр (Этимологик эзләнүләр) / Х. Ш. Мәхмүтов. – Казан, 2008. – 464 б.
300. Миллер, Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов: черемис, чуваш и вотяков / Г. Ф. Миллер. – СПб., 1791. – 131 с.
301. Милли-мәдәни мирасыбыз: Актаныш. – Казан, 2010. – 415 б.
302. Милли-мәдәни мирасыбыз: Апас. – Казан, 2011. – 422 б.
303. Милли-мәдәни мирасыбыз: Мари Эль татарлары. Бәрәңгә. – Казан, 2012. – 376 б.
304. Милли-мәдәни мирасыбыз: Омск өлкәсе татарлары. – Казан, 2015. – 460 б.
305. Милли-мәдәни мирасыбыз: Түбән Новгород. – Казан – Түбән Новгород – Мәскәү: «Мәдинә» нәшрият йорты, 2011. – 400 б.
306. Милли-мәдәни мирасыбыз: Удмуртия татарлары. – Казан, 2013. – 384 б.
307. Миннуллин, К. М. Басма сүз һәм татар җырлары / К. М. Миннуллин. – Казан: Мәгариф, 2000. – 157 б.
308. Миннуллин, К. М. һәр чорның үз җыры / К. М. Миннуллин. – Казан: Мәгариф, 2003. – 400 б.
309. Миннуллин, К. М. Песня как искусство слова: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.01.09, 10.01.02 / Миннуллин Ким Мугаллимович. – Казань, 2001. – 56 с.
310. Миннуллин, К. М. Шигърият һәм җыр / К. М. Миннуллин. – Казан: Мәгариф, 1998. – 287 б.

311. Митрошкина, А. Г. Бурятская антропонимия / А. Г. Митрошкина. – Новосибирск: Наука, 1987. – 220 с.
312. Молчанова, О. Т. Мотивированные личные имена у алтайцев / О. Т. Молчанова // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. – М.: Наука, 1970. – С. 189 – 194.
313. Монгольско-русский словарь. – М.: ГИС, 1957. – 715 с.
314. Мөслими, Х. «Рисаләи тәварихы Болгария» фи зикри мәүләнә хазрәте Аксактимер вә харәбе шәһәре Болгар / Х. Мөслими. – Казан: Хәмзин, 1286 һ. – 76 б.
315. Муллонен, И. И. Топонимия Заонежья: словарь с историко-культурными комментариями / И. И. Муллонен. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2008. – 242 с.
316. Муллонен, И. И. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования / И. И. Муллонен. – Петрозаводск: ПетрГУ, 2002. – 356 с.
317. Мусаев, К. М. Тюрко-иранские языковые связи / К. М. Мусаев // Советская тюркология. – 1989. – №1. – С.26 – 35.
318. Мусаев, К. М. Тюркская лексикология / К. М. Мусаев. – М.: Наука, 1984. – 228 с.
319. Мусульманские имена. Словарь-справочник. – СПб.: Диля, 2007. – 448 с.
320. Мухаметзянова, Л. Х. Татарский эпос: книжные дастаны / Л.Х. Мухаметзянова. – Казань, 2014. – 380 с.
321. Мухаметшин, Д. Г. Эпиграфические памятники татар Поволжья и Приуралья. Региональные особенности и этнокультурные варианты: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Мухаметшин Джамиль Габдрахимович. – Казань, 2004. – 25 с.
322. Мухаметшин, Р. История ислама / Р. Мухаметшин. – Наб. Челны: Духовно-деловой центр «Ислам Нуры», 2012. – 104 с.
323. Мухаметшин, Р. Татары и ислам в XX в. (Ислам в общественной и политической жизни и Татарстана) / Р. Мухаметшин. – Казань: Фэн, 2003. – 303 с.

324. Мухаметшин, Р. М. Ислам в общественно-политической жизни постсоветского Татарстана // Татары и ислам в регионах Российской Федерации: религиозное возрождение и этничность. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; Изд-во «Артифакт», 2014. – 348 с.
325. Мухаметшин, Р. М. Ислам в Татарстане / Р.М. Мухаметшин. – М.: Логос, 2007. – 104 с.
326. Мухаметшина, А. В. Ислам в Среднем Поволжье: общее и особенное / А. В. Мухаметшина. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2014. – 247 с.
327. Насибуллина, А. Х. Лексика тоболо-иртышского диалекта сибирских татар (в семантическом и генетическом аспектах): автореф. ... дис. канд. филол. наук: 10.02.06 / Насибуллина Афузания Хайретдиновна.– Казань , 2000. – 22 с.
328. Насилов, В. М. Язык орхоно-енисейских памятников / В. М. Насилов. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1960. – 88 с.
329. Насипов, И. С. Древнетюркский лексический пласт диалектной лексики мензелинского говора татарского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02;10.02.20 / Насипов Ильшат Сахиатуллович. – Казань, 1994. – 22 с.
330. Насипов, И. С. Опыт систематизации финно-угорских заимствований в татарском языке / И. С. Насипов. – Казань, 2009. – 233 с.
331. Насыйри, К. Сайланма эсэрләр / К. Насыйри. – Ике томда. Беренче том. Казан: Татар. кит. нәшр., 1974. – 339 б.
332. Невоструев К. И. Список с писцовых книг по г. Казани с уездов / Издан Советом Казанской духовной академии к IV Археологическому съезду в Казани. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1877. – 88 с.
333. Нигматуллов, М. М. О некоторые кыпчакских и огузских элементах в топонимике и антропонимике / М. М. Нигматуллов // Ономастика Поволжья. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2006. – С.154–157.
334. Ниетбайтеги, К. Концепт «время» в казахской антропонимии // Фәнни язмалар – 2004. – Казан: РИЦ «Школа», 2005. – С. 195 – 202.

335. Ниетбайтеги, К. Концепт «пространство» в казахской антропонимии / К. Ниетбайтеги // Фәнни язмалар – 2004. – Казан: РИЦ «Школа», 2005. – С. 202-207.
336. Никитин, О. В. Проблемы этнолингвистического изучения памятников деловой письменности / О. В. Никитин. – М.: Флинта; Наука, 2011. – 204 с.
337. Никитина, С. Е. Устная народная культура и языковое сознание / С. Е. Никитина. – М.: Наука, 1993. – 189 с.
338. Никитина, С. Е. Человек и социум в народных конфессиональных текстах (лексикографический аспект) / С. Н. Никитина. – М.: Ин-т языкозн. РАН, 2009. – 353 с.
339. Никонов, В. А. Имя и общество / В. А. Никонов. – М.: Наука, 1974. – 278 с.
340. Новикова, О. Н. Об одном имени в башкирском именнике / О. Н. Новикова // Ономастика Поволжья. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2006. – С. 85 – 86.
341. Нуриева, Ф. Ш. Формирование и функционирование тюрко-татарского литературного языка периода Золотой Орды: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук / Нуриева Фануза Шакуровна. – Казань, 2004. – 45 с.
342. Һадиев, И. Мамадыш төбәгенең ташъязма истәлекләре / И. Һадиев, Р. Мәрҙәнов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2015. – 199 б.
343. Ономастика и общество: язык и культура: материалы первой Всероссийской научной конференции (14 – 15 окт. 2010 г.): к 80-летию Института филологии Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2010. – 222 с.
344. Ономастика Поволжья: материалы I Поволжской конференции по ономастике. – Ульяновск, 1969. – 280 с.
345. Ономастика Поволжья: материалы II Поволжской конференции по ономастике. – Горький, 1971. – 373 с.
346. Ономастика Поволжья: материалы III конференции по ономастике Поволжья / Отв. ред. Р. Г. Кузеев и В. А. Никонов. – Уфа, 1973. – 431 с.

347. Ономастика Поволжья: материалы IV Поволжской конференции по ономастике / Отв. ред.: В. А. Никонов, Н. Ф. Мокшин. – Саранск, 1976. – 353 с.

348. Ономастика Поволжья: материалы IX международной конференции по ономастике Поволжья (Волгоград, 9 – 12 сент. 2002 г.) / отв. ред. Р. Ш. Джарылгасинова, В. И. Супрун. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2004. – 274 с.

349. Ономастика Поволжья: материалы VII конференции поволжских ономатологов (Волгоград, 26 – 28 сент. 1995 г.) / Отв. ред. В. И. Супрун.- Волгоград: Перемена, 1995. – 88 с.

350. Ономастика Поволжья: материалы VIII конференции по ономастике Поволжья (Волгоград, 8 – 11 сент. 1998 г.) / Отв. ред.: Р. Ш. Джарылгасинова, В. И. Супрун. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2001. – 350 с.

351. Ономастика Поволжья: материалы X международной конференции (Уфа, 12 – 14 сентября 2006 г.) / редкол.: Е. А. Яковлева (отв. ред.) и др. – Уфа: Изд-во Башк. гос. пед. ун-та, 2006. – 371 с.

352. Ономастика Поволжья: материалы XI международной научной конференции (Йошкар-Ола, 16 – 18 сентября 2008 г.) / отв. ред. А. Н. Куклин. – Йошкар-Ола: МарГУ, 2008. – 307 с.

353. Ономастика Поволжья: материалы XII международной научной конференции (Казань, 14 – 16 сентября 2010 г.) / под общ. ред. И. А. Гилязова. – Казань, 2010. – 443 с.

354. Ономастика Поволжья: материалы XIII международной научной конференции (Ярославль, 13 – 14 сентября 2012 г.) / редкол.: Р. В. Разумов, В. И. Супрун (отв. редакторы) и др. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2012. – 423 с.

355. Ономастика Поволжья: материалы XIV Международной научной конференции (Тверь, 10 – 12 сентября 2014 года) / под ред. И. М. Ганжиной, В. И. Супруна. – Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2014. – 357 с.

356. Ономастика Поволжья: материалы XV международной научной конференции (Арзамас, 13 – 16 сентября 2016 г.) / под ред. Л. А. Климковой,

В.И. Супруна; Арзамасский филиал ННГУ. – Арзамас – Саров: Интерконтакт, 2016. – 529 с.

357. Остроумов, Н.П. Первый опыт словаря народно-татарского языка по выговору крещенных татар Казанской губернии / Н. П. Остроумов. – Казань, 1876. – 145 с.

358. Парфенова, Н. Н. Источниковедческий аспект исследования антропонимии Зауралья XVI–XVII вв. / Н. Н. Парфенова // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XXV. Ономастика. Ч. 1. Имя и культура. – М., 1993. – С. 91–100

359. Пенская, И. Е. Имена собственные в русских народных сказках и способы их передачи на английский языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Пенская Ирина Евгеньевна. – М., 2008. – 25 с.

360. Персидско-русский словарь / под ред. Ю. А. Рубинчика. – М.: Сов. энцикл., 1970. – Т.2. – 848 с.

361. Персидско-русский словарь / под ред. Ю. А. Рубинчика. – М.: Сов. энцикл., 1970. – Т.1. – 782 с.

362. Писцовая книга Казанского уезда 1602 – 1603 годов / под науч. ред. И. П. Ермолаева, М. А. Усманова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1979. – 239 с.

363. Писцовая книга Казанского уезда 1647 – 1656 годов: публикация текста. – М.: Ин-т Российской истории РАН, 2001. – 541 с.

364. Писцовое описание Казани и Казанского уезда 1565 – 1568 годов / Ред. М. А. Усманов. – Казань: Фэн, 2007. – 657 с.

365. Писцовые книги Казанского уезда 1685 – 1687 гг.: публикация описаний Зюрейской дороги / изд. подгот. Д. А. Мустафиной. – Казань: Казан. гос. ун-тет, 2009. – 425 с.

366. Плахова, О. А. Английские сказки в этнолингвистическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Плахова Ольга Александровна. – Нижний Новгород, 2007. – 25 с.

367. Плотникова, А. А. Южные славяне в балканском и общеславянском контексте: Этнолингвистические очерки / А. А. Плотникова. – М.: ИСл РАН, 2013. – 384 с.
368. Плотникова, А. А. Словари и народная культура: Очерки славянской лексикографии / А. А. Плотникова. – М.: Ин-т славяноведения РАН. 2000. – 209 с.
369. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М.: Наука, 1988. – 135 с.
370. Подъяпольская, Е.П. Ревизские сказки как исторический источник / Е. П. Подъяпольская // Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. Сборник статей. – М.: Наука, 1952. – С. 311 – 332.
371. Поло, М. Книга о разнообразии мира / М. Поло. – С.-П.: Амфора, 1999. – 381 с.
372. Поповичева, И. В. Социальная картина мира русского крестьянства и ее репрезентация в диалектном дискурсе [Электронный ресурс] / И. В. Поповичева // Язык и культура. – 2014. – №13. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-kartina-mira-russkogo-krestyanstva-i-eyo-representatsiya-v-dialektnom-diskurse> (дата обращения: 16.04.2016).
373. Потебня, А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. – Киев: СИНТО, 1993. – 192 с.
374. Потебня, А. А. Символ и миф в народной культуре / А. А. Потебня. – М.: Лабиринт, 2000. – 480 с.
375. Поэзия тюрков VI – VIII веков / гл. ред. И. В. Стеблева. – М.: Наука, 1965. – 140 с.
376. Природина, У. П. Этнокультурное пространство антропонимов в языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Природина Ульяна Петровна. – М., 2012. – 25 с.
377. Проблемы общей и региональной ономастики: материалы VII международной научной конференции. – Майкоп: Адыгейский гос. ун-т, 2010. – 375 с.

378. Проблемы общей и региональной ономастики: материалы VIII международной научной конференции. – Майкоп: Адыгейский гос. ун-т, 2012. – 285 с.

379. Проблемы общей и региональной ономастики: материалы X международной научной конференции, посвященной юбилею Заслуженного деятеля науки Адыгеи и Кубани, доктора филологических наук, профессора АГУ Розы Юсуфовны Намитоковой. – Майкоп: Адыгейский гос. ун-тет, 2016. – 255 с.

380. Пропп, В. П. Морфология сказки / В. П. Пропп. – М.: Наука, 1969. – 167 с.

381. Радлов, В. В. Опыт словаря тюркских наречий / В. В. Радлов. – М., 1963. – Т.1. Ч.2. – 969 с.

382. Рамазанова, Д. Б. Атамаларда туганлык һәм гаилә мөнәсәбәтләре / Д. Б. Рамазанова. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2014. – 287 б.

383. Рамазанова, Д. Б. К истории формирования говора пермских татар / Д. Б. Рамазанова. – Казань: ИЯЛИ, 1996. – 236 с.

384. Рамазанова, Д. Б. Татар тарихи лексикологиясенә материаллар / Д. Б. Рамазанова. – Казан: Школа, 2016. – 412 б.

385. Рамазанова, Д. Б. Татар телендә кешегә бәйләнешле лексика / Д. Б. Рамазанова. – Казан, 2013. – 364 с.

386. Ратникова, И. Э. Имя собственное: от культурной семантики к языковой / И. Э. Ратникова. – Минск: БГУ, 2003. – 214 с.

387. Рахимова, А. Р. Промысловая и хозяйственная лексика диалектов сибирских татар: автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Рахимова Асия Ризвановна. – Казань, 1998. – 23 с.

388. Рәхимова, Р. К. Татар теленең һөнәрчелек лексикасы / Р. К. Рәхимова. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1983. – 159 б.

389. Руденко, Е. Н. Этнолингвистика без границ. Введение в лингвистическую антропологию / Е. Н. Руденко. – Минск: БГУ, 2014. – 192 с.

390. Русско-немецкий, немецко-русский словарь. – М.: Сухар Ида Андреевна, 2000. – 543 с.

391. Русско-татарский словарь. – Казань: тип. ун-та, 1894. – 374 с.
392. Русско-французкий словарь / сост. Л. Р. Щерба и др. – М.: АСТ: Астрель, 2003. – 800 с.
393. Рут, М.Э. Образная номинация в русском языке / М. Э. Рут. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1992. – 148 с.
394. Рыбакин, А. И. Словарь английских личных имен / А. И. Рыбакин. – М.: Астрель: АСТ, 2000. – 224 с.
395. Рылов, Ю. А. Имена собственные в европейских языках. Романская и русская антропонимика: курс лекций по межкультурной коммуникации / Ю. А. Рылов. – М.: АСТ, 2006. – 311 с.
396. Садыкова, А. Х. XII – XX гасыр башы татар эдэбиятында дини фольклор / А. Х. Садыкова. – Казан: ИЯЛИ, 2014. – 308 б.
397. Салахова, Э. К. Метрические книги как источник знаний о татарском обществе XIX – начала XX века / Э. К. Салахова // Тюркомусульманский мир: идентичность, наследие и перспективы изучения. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. – С. 294 – 300.
398. Салимзянова, Ф. С. Историко-лингвистический анализ татарской антропонимической системы Нагорной стороны РТ: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Салимзянова Флюра Сабирзяновна. – Казань, 2002. – 25 с.
399. Салимов, Х. Х. Фонетические значения антропонимов / Х. Х. Салимов, Л. Ф. Осипова // Ономастика Поволжья. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2006. – С.333 – 336.
400. Самойлович, А. Н. К вопросу о наречении имен у турецких племен / А. Н. Самойлович // Живая старина. – 1911. – вып. 11. – С. 289 – 299
401. Санжеева, Л. Ц. Ономастика эпоса «Гэсэр»: дис. ... канд. филол. наук / Л. Ц. Санжеева. – Улан-Удэ, 2000. – 185 с.
402. Саттар-Муллиле, Г. Татар исемнэре ни сөйли? / Г. С. Саттар-Муллиле. – Казан: Раннур, 1998. – 486 б.
403. Саттар-Муллиле, Г. Исемен матур, кемнэр куйган? – Казан: Академия познания, 2006. – 544 б.

404. Саттаров, Г. Ф. Антропотопонимия Татарской АССР: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.02 / Саттаров Гумар Фаизович. – Казань, 1975. – 90 с.
405. Саттаров, Г. Ф. Бөек Октябрьдән соң татар ономастикасы үсешенен кайбер тенденцияләре / Г. Ф. Саттаров // Вопросы тюркологии. – Казан, 1970. – 283 б.
406. Саттаров, Г. Ф. Булгарский пласт топонимии и антропонимии казанских татар / Г. Ф. Саттаров // Ономастика Татарии. – Казань, 1989. – С. 5 – 28.
407. Саттаров, Г. Ф. Категория ласкательности в татарских личных именах / Г. Ф. Саттаров // Антропонимика. – М.: Наука, 1970. – С.211–218.
408. Саттаров, Г. Ф. Отглагольные антропонимы в татарском языке / Г. Ф. Саттаров // Ономастика Поволжья (материалы III конференции по ономастике Поволжья). – Вып. 3. –Уфа. – 1973. – С.41 – 48.
409. Саттаров, Г. Ф. Основные компоненты сложных личных имен в татарском языке / Г. Ф. Саттаров, Р. Х. Субаева // Ономастика Поволжья. – 1976. – Вып. 4. – 356 с.
410. Саттаров, Г. Ф. Татар антропонимикасы / Г. Ф. Саттаров. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1990. – 276 б.
411. Саттаров, Г. Ф. Татарская антропонимия и этнолингвистические связи / Г. Ф. Саттаров // Советская тюркология. – 1978. – № 3. – С. 22 – 32.
412. Саттаров, Г.Ф. Татарская ономастика и вопросы этногенеза / Г. Ф. Саттаров // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. – М.: Инсан, 1997. – Т.1. – С. 85 – 88.
413. Саттаров, Г. Ф. Этнолингвистические пласты татарского именника / Г. Ф. Саттаров // Советская тюркология. – 1982. – № 3. – С.23 – 29.
414. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на гласные) / Э. В. Севортян. – М.: Наука, 1974. – 767 с.
415. Седакова И. А. Балканские мотивы в языке и культуре болгар. Родинный текст / И. А. Седакова. – М.: Индрик, 2007. – 432 с.

416. Селищев, А. М. Труды по русскому языку. Т. 1. Язык и общество / Сост. Б. А. Успенский, О. В. Никитин. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 632 с.
417. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: Прогресс; Универс, 1993. – 656 с.
418. Сэгыйтова, А. М. Татар телендә агач архитектурасы лексика / А. М. Сэгыйтова. – Казан: Фикер, 2004. – 160 б.
419. Сиразиев, И. И. Арабский пласт современного литературного языка: дис. ... канд. филол. наук / И. И. Сиразиев. – Казань, 2002. – 177 с.
420. Сироткина, Т. А. Личное имя в фольклорном тексте / Т. А. Сироткина // Фольклорный текст – 98. – Пермь, 1998. – С. 84 – 87.
421. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. С. М. Толстой. – М.: Международные отношения, 1995 – 2012. – Т.1. 1995; Т. 2 1999; Т.3. 2004; Т.4. 2009; Т. 5. 2012.
422. Смольников С. Н. Функциональные аспекты исторической антропонимики (на материале деловой письменности) Русского Севера XVI – XVII веков) / Смольников Сергей Николаевич: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. – Санкт-Петербург, 2005. – 426 с.
423. Сорочяну, Е. С. Гагаузская календарная обрядность. Этнолингвистическое исследование / Е. С. Сорочяну. – Кишинев, 2006. – 258 с.
424. Справочник личных имен народов РСФСР / под ред. Н. А. Баскакова и др. – М., 1965. – 254 с.
425. Справочник личных имен народов РСФСР: рек. Министерством юстиции РСФСР в качестве практического пособия для работников органов записи актов гражданского состояния РСФСР / под. ред. А. В. Суперанской, Ю. М. Гусева. – М: Рус. Яз., 1987. – 656 с., доп.: 1989. – 656 с.
426. Справочник татарских личных имен / под ред. Г. С. Сабирзянова. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1973. – 99 с.

427. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина тюркского этноса по данным языка / отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. – М.: Наука, 2006. – 908 с.
428. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: в 2-х т. – Л.: Наука. – 1977. – Т.2. – 922 с.
429. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: в 2-х т. – Л.: Наука. – 1975. – Т. 1. – 672 с.
430. Субракова, О. В. Собственные имена персонажей в хакасском героическом эпосе / О. В. Субракова // Вопросы хакасской филологии. – Абакан, 1977. – С. 117 – 123.
431. Сулейманова, Л. Р. Сулейманов, Ф. М. Ласынов, Н. А. Антропонимы арабского происхождения с религиозной семантикой в башкирских шежере / Л. Р. Сулейманов, Ф. М. Сулейманов, Н. А. Ласынов // Вопросы ономастики. – 2016. – Т. 13. – №1. – С. 117 – 128.
432. Сулейманова, Р. А. Антропонимия современного башкирского языка и тенденции их развития: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Сулейманова Резида Ахметьяновна. – Уфа, 2006. – 25 с.
433. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М.: ЛКИ, 2007. – 368 с.
434. Суперанская, А. В. Словарь русских личных имен / А. В. Суперанская. – М.: Эксмо, 2005. – 448 с.
435. Супрун, В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал / В. И. Супрун. – Волгоград: Перемена, 2000. – 172 с.
436. Сулова, А. В. О русских именах / А. В. Сулова, А. В. Суперанская. – М.: Лениздат, 1991. – 219 с.
437. Сыдыков, С. Собственные имена в орхоно-енисейских памятниках / С. Сыдыков // Тюркологические исследования. – Фрунзе, 1985. – С. 47 – 567.
438. Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266 – 1359 гг.). – Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. – 438 с.

439. Тартарика. Этнография. – Казань; Москва: Феория, 2008. – 863 с.
440. Татар мифологиясе. Энциклопедик сүзлек: 3 томда. 1 т. (А –Г) / төз. Фатих Урманче. – Казан: Мәгариф, 2009. – 302 б.
441. Татар мифологиясе. Энциклопедик сүзлек: 3 томда. 2 т. (Д –С) / төз. Фатих Урманче. – Казан: Мәгариф, 2009. – 332 б.
442. Татар теленең зур диалектологик сүзлеге / төз.: Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыйкова, Т. Х. Хәйретдинова. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. – 836 с.
443. Татар халык ижаты. Дастаннар / Ред. Ф. Урманчеев. – Казан: Татар. кит нәшр., 1984. – 384 с.
444. Татар халык мәкальләре: 3 томда. Т. 1. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2010. – 623 б.
445. Татар халык мәкальләре 3 томда. Т. 3. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2010. – 749 б.
446. Татар халык мәкальләре 3 томда. Т. 4. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2010. – 799 б.
447. Татар халык табышмаклары / Төз. Н. Исәнбәт. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1970. – 566 б.
448. Татар халык табышмаклары. / Төз. Х.Мәхмүтов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1977. – 270 б.
449. Татар грамматикасы. Өч томда. – М.: Инсан; Казан: Фикер. – 1998. – Т.1. – 512 б.
450. Татар грамматикасы. Өч томда. – М.: Инсан; Казан: Фикер. – 2002. – Т.2. – 448 б.
451. Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр – XX йөз башы) / И. Б. Бәширова, Ф. Ш. Нуриева, Э. Х. Кадырова; фәнни ред. Ф.М. Хисамова. – Казан: ТӘҺСИ, 2015. – Т. 1.: Фонетика. Графика: язма традицияләр, норма һәм вариантлылык. – 696 б.

452. Татар лексикологиясе: өч томда / авт.: М. З. Зәкиев, Г. Р. Галиуллина, Р. Ф. Фәттахова, Ә. К. Булатова / проект жит. М. З. Зәкиев; ред. Г. Р. Галиуллина. – Казан: ТӘҺСИ, 2015. – Т. I. – 352 б.
453. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. – Казан: «Матбугат йорты» нәшр., 2005. – 848 б.
454. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Т. 1: А-В. – Казан: ТӘҺСИ, 2015. – 712 б.
455. Татар теленең этномәдәният сүзлеге: матди мәдәният лексикасы (ризык һәм савыт-саба атамалары) / Төз. авторлар: Р. Р. Жамалетдинов, Ә. Ш. Юсупова, Г. Ф. Жамалетдинова, Р. С. Нурмөхәммәтова, М. Р. Саттарова, Г. Н. Хөснуллина / Тәржемәчеләр: А. Х. Әшрәпова, Л. Р. Мөхәммәтжанова, Л. Р. Мөхәрләмова, Л. Х. Шәяхмәтова. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 2015. – 280 б.
456. Татар халык ижаты: Риваятьләр һәм легендалар / Томны төзүче, кереш мәкалә һәм искәртмәләрне язучы С. М. Гыйләжетдинов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1987.
457. Татар халык сөйләшләре: Ике китапта: Беренче китап / Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, Т. Х. Хәйретдинова һ.б. – Казан: Мәгариф, 2008. – 463 б.
458. Татар халык сөйләшләре: Ике китапта: Икенче китап / Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, Т. Х. Хәйретдинова һ.б. – Казан: Мәгариф, 2008. – 493 б.
459. Татар эпосы. Дастаннар / Төз. Ф. Урманчеев. – Казан: Раннур, 2004. – 640 б.
460. Татарская энциклопедия / гл. ред. М. Х. Хасанов, ответ. ред. Г. С. Сабирзянов. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2008. – Т.4: М – П. – 768 с.
461. Татарская энциклопедия: в 6 т. / гл. ред. М.Х. Хасанов, ответ. ред. Г. С. Сабирзянов. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2006. – Т. 3: К – Л. – 664 с.

462. Татарское народное творчество. Т. 1. Сказки о животных и волшебные сказки. – Казань: Раннур, 1999. – 350 с.
463. Татарское народное творчество. Т. 2. Волшебные сказки. – Казань: Раннур, 2001. – 400 с.
464. Татарско-русский словарь / Под ред. проф. Ф. А. Ганиева. – Казань: Тат. кн. изд-во., 1988. – 462 с.
465. Татарско-русский словарь личных имен и фамилий / авт.-сост. Г. Ф. Саттаров, Р. Г. Ахметьянов, Ф. А. Ганиев и др. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2006. – 375 с.
466. Татарско-русский словарь: в 2-х т. Т. 1 (А – Л.). – Казань, Алма-Лит, 2007. – 727 с.
467. Татары и ислам в регионах Российской Федерации: религиозное возрождение и этничность: сб. ст. / рук. проекта и отв. ред. Р. Н. Мусина. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ; Изд-во «Артифакт», 2014. – 348 с.
468. Телия, В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 141 с.
469. Тенишев, Э. Р. О методах и источниках сравнительно-исторических исследований тюркских языков / Э. Р. Тенишев // Советская тюркология. – 1973. – № 5. – С. 119 – 125.
470. Тимирханова, Г. С. Историко-лингвистический анализ личных имен татар г. Набережные Челны РТ в XX веке (на примере личных имен и фамилий): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Г. С. Тимирханова. – Казань, 2002. – 23 с.
471. Тимканова, Г. Ф. Историко-лингвистический анализ личных имен татар г. Тюмени XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Г. Ф. Тимканова. – Казань, 2005. – 23 с.
472. Токмашев, Д. М. Теоретические проблемы фольклорной ономастики [Электронный ресурс] / Д. М. Токмашев // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2011. – № 9. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-problemy-folklornoy-onomastiki-na-materiale-shorskogo-folklora>

473. Токмашев, Д. М. Антропонимы в героическом эпосе: сравнительно-исторический аспект / Д. М. Токмашев. – Новокузнецк, 2005. – 220 с.
474. Толстая, С. М. Полесский народный календарь / С. М. Толстая. – М.: Индрик, 2005. – 600 с.
475. Толстая, С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе / С. М. Толстая. – М.: Индрик, 2008. – 527 с.
476. Толстая, С. М. Семантические категории языка и культуры. Очерки по славянской этнолингвистике / С. М. Толстая – М.: Либроком, 2010. – 368 с.
477. Толстой, Н. И., Толстая, С. М. Славянская этнолингвистика: вопросы теории / Н. И. Толстой, С. М. Толстая. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2013. – 240 с.
478. Толстой, Н. И. Избранные труды. Славянская лексикология и семасиология / Н. И. Толстой. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 522 с.
479. Толстой, Н. И. Некоторые проблемы и перспективы славянской и общей этнолингвистики / Н. И. Толстой // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1982. – № 5. – С. 397 – 409.
480. Топорков, А. Л. Заговоры в русской рукописной традиции XV – XIX вв.: История, символика, поэтика / А. Л. Топорков. – М., 2005. – 478 с.
481. Топоров, В. Н. Исследования в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов / В. Н. Топоров. – М.: Наука, 1974. – 342 с.
482. Топорова, Т. В. Язык в зеркале культуры: древнегерманские двучленные имена собственные / Т. В. Топорова. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 253 с.
483. Тугушева, Л. Ю. Тюркские рунические письменные памятники из Монголии / Л. Ю. Тугушева. – М.: Инсан, 2008. – 192 с.
484. Тукай, Г. Избранное / Габдулла Тукай. – М.: Сов. Россия, 1975. – С. 96 – 101.

485. Тумашева, Д. Г. Диалекты сибирских татар в отношении татарскому и другим тюркским языкам: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Тумашева Диляра Гарифовна. – М., 1969. – 50 с.
486. Тумашева, Д. Г. Көнбатыш Себер татарлары теле / Д. Г. Тумашева. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1961. – 239 б.
487. Тумашева, Д. Г. Словарь диалектов сибирских татар / Д. Г. Тумашева. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1992. – 251 с.
488. Тумашева, Д. Г. Словарь диалектной лексики татарских говоров Тюменской области / Д. Г. Тумашева, А. Х. Насибуллина. – Тюмень, 2000. – 170 с.
489. Уорф, Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б. Л. Уорф // Новое в лингвистике. – Вып. 1. – М., 1960.
490. Уразманова, Р. К. Праздничная культура и культура праздников татар. XIX – нач. XXI вв. Историко-этнографические очерки / Р. К. Уразманова. – Наб. Челны: Ислам Нуры. – 2013. – 189 с.
491. Уразманова, Р. К. Современные обряды татарского народа. Историко-этнографическое исследование / Р. К. Уразманова. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1984. – 144 с.
492. Ураксин, З. Г. Башкирские антропонимы из этнонимов / З. Г. Ураксин // Ономастика Поволжья. – Уфа. – 1973. – № 3. – С. 86 – 89.
493. Урманчеев, Ф. Имя эпического героя / Ф. И. Урманчеев // Советская тюркология. – 1986. – №4. – С.22–34.
494. Урманчеев, Ф. И. Тюркский героический эпос / Ф. И. Урманчеев. – Казань: ИЯЛИ, 2015. – 448 с.
495. Усачева, В. В. Магия слова и действия в народной культуре славян / В. В. Усачева – М.: Институт славяноведения РАН, 2008. – 368 с.
496. Фаизов, С. Ф. Ислам в Поволжье. VIII – XX вв. / С. Ф. Фаизов. – М.: Спутник, 1999. – 76 с.
497. Федотов, М. Р. Словарь чувашских нехристианских личных имен. Тёне кёмен чăвашсен ячĕсем / М. Р. Федотов. – Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1998. – 148 с.

498. Филиппова, Н. И. Собственные имена персонажей в якутском эпосе олонхо: структура и семантика: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.06 / Филиппова Нина Игнатьевна. – Якутск, 2000. – 21 с.
499. Философский словарь / Под. ред. И. Т. Фролова.– М.: Республика, 2001. – 719 с.
500. Флоренский, П. Философия культа / П. Флоренский. – М.: Мысль, 2004. – 686 с.
501. Фонякова, О. И. Имя собственное в художественном тексте / О. И. Фонякова. – Л.: ЛГУ, 1990. – 103 с.
502. Фрейденберг, О. М. Миф и литература древности / О.М. Фрейденберг. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит-ры, 1978. – 605 с.
503. Фролов, Н. К. Избранные работы по языкознанию: в 2-х т. Т.1. Антропонимика. Русский язык и культура речи / Н. К. Фролов. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2005. – 512 с.
504. Фролова, О. Е. Прецедентный антропоним в функции семантического предиката / О. Е. Фролова // Вопросы ономастики. – 2006. – №3. – С. 27 – 32.
505. Фукс, К. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. Сочинение действительного статского советника К. Фукса / К. Фукс. – Казань: Университетская типография, 1844. – 131 с.
506. Хадиева, Г. К. Изучение тюрко-татарских собственных имен в этнокультурном аспекте / Г. К. Хадиева // Тюркская филология в свете современных достижений: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной Году литературы в РФ и БР, 75-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Д. С. Тикеева (Стерлитамак, 11 декабря 2015 г.) – Стерлитамак, 2015. – С. 307 – 311.
507. Хадиева, Г. К. Тюрко-татарские антропоэконимы Республики Татарстан (по материалам писцовых книг XVI – XVII вв.) [Электронный ресурс] / Г. К. Хадиева // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2; Дата публикации 09.07.2015; URL: www.science-education.ru/122-20389

508. Хадиева, Г. К. Тел белемендә этнолингвистик юнәлеш: нәзари һәм гамәли аспект / Г. К. Хадиева, Х. Х. Кузьмина. – Казань: Изд-во МО и Н РТ, 2012. – 176 б.

509. Хадыева, Р. Х. Этнокультурное значение лексики башкирского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Хадыева Раиса Нуримановна. – Уфа, 2003. – 24 с.

510. Хажиева, Г. Татар ир-ат исемнәре. – М.: Россия дәүләт ун-ты нәшр., 2008. – 160 б.

511. Хазиев, Р. И. Историко-лингвистический анализ ойконимии Юго-Восточного Закамья Татарстана: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.06 / Хазиев Ринал Исмагилович. – Казань, 2000. – 25 с.

512. Хазиева, Г. С. Ревизская сказка как источник сведений о личных именах татар XVIII в. (по материалам «ревизских сказок» 1762 – 1763 гг. / Г. С. Хазиева // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. – 2010. – № 1. – 238 – 241 с.

513. Хазиева-Демирбаш, Г. С. Этнокультурное пространство имен-пожеланий в татарской антропонимике / Г. С. Хазиева-Демирбаш // Вестник Томского государственного педагогического университета (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). – 2016. – Вып. 2 (167). – С. 72 – 75.

514. Хазиева-Демирбаш, Г. С. Татарские мужские личные имена конца XVI – начала XVII в. в диахроническом аспекте (1602 – 1603, 1647 – 1656 гг.) / Г. С. Хазиева-Демирбаш // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2010. – Т. 152. – Кн. 6. – С. 52 – 60.

515. Хазиева-Демирбаш, Г. С. Антропонимическое пространство татарских и турецких загадок / Г. С. Хазиева-Демирбаш // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 3. – С. 128 – 130.

516. Хазиева-Демирбаш, Г. С. Изучение онимов в тюркской фольклорной ономастике / Г. С. Хазиева-Демирбаш // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 6. – Ч. 1. – С. 174 – 176.

517. Хазиева-Демирбаш, Г. С. О некоторых особенностях функционирования современных татарских личных имен (по материалам ЗАГСа г. Казани 2002–2012 гг.) / Г. С. Хазиева-Демирбаш // Вопросы ономастики. – 2014. – № 2 (17). – 93 – 99 с.

518. Хазиева-Демирбаш, Г. С. Основные тенденции развития современных татарских личных имен начала XXI века / Г. С. Хазиева-Демирбаш // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2014. – Т. 156 – Кн. 5. – С. 177 – 187.

519. Хазиева-Демирбаш, Г. С. Репрезентация категории времени в татарской антропонимике / Г. С. Хазиева-Демирбаш // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Лингвистика. – Том 12. – № 4 (2015). – С. 12 – 16.

520. Хазиева-Демирбаш, Г. С., Личные имена в татарских и турецких пословицах и поговорках / Г. С. Хазиева-Демирбаш, З.А. Биктагирова // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. – 2012. – № 2 (40). – С. 271 – 274.

521. Хазиева-Демирбаш, Г. С. Татарские личные имена в этнокультурном пространстве языка / Г. С. Хазиева-Демирбаш. – Казань: Магариф – Вакыт, 2017. – 444 с.

522. Хайруллина, Р. Х. Фразеологическая картина мира (от мировидения к миропониманию) / Р. Х. Хайруллина. – Уфа, 2000. – 285 с.

523. Хайруллина, Р. Х. Картина мира в русской фразеологии / Р. Х. Хайруллина. – М.: Прометей, 1996. – 147 с.

524. Хайрутдинова, Т. Х. Бытовая лексика татарского языка / Т. Х. Хайрутдинова. – Казань: Фикер, 2000. – 128 с.

525. Хайрутдинова, Т. Х. Народные названия растений в татарском языке / Т. Х. Хайрутдинова. – Казань: Фикер, 2004. – 224 с.

526. Хакимзянов, Ф. С. Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык / Ф. С. Хакимзянов. – М.: Наука, 1987. – 191 с.

527. Хаков, В. Тел – тарих көзгесе / В. Хаков. – Казан: Татарстан китап нәшр., 2003. – 295 б.
528. Хаков, В. Х. Татар әдәби теле тарихы / В. Х. Хаков. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1993. – 325 б.
529. Халиков, А. Х. Татар халкының килеп чыгышы / А. Х. Халиков. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1974. – 127 б.
530. Халикова, М. В. Этнокультурные антропонимические образы образы в семантическом пространстве немецкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Халикова Мария Вячеславовна. – Тамбов, 2013. – 25 с.
531. Халыгов, Ф. Р. Фольклорная ономастика азербайджанского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.06 / Халыгов Фикрет Рамазан оглы. – Баку, 2004. – 55 с.
532. Халыгова, Р. Ф. Пути развития современной азербайджанской антропонимии (в социолингвистическом аспекте): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.06 / Халыгова Рена Фаррух кызы. – Баку, 1992. – 22 с.
533. Хамаева, Е. А. Антропонимы в ономастической системе мифологического типа: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Хамаев Елена Алексеевна. – Иркутск, 2012. – 22 с.
534. Хисамитдинова, Ф. Г. Отражение мифологическхи воззрений в антропонимической системе башкир (на материале «Формулярного списка о службе чиновников и урядников 9-го башкирского кантона за 1837 год») / Ф. Г. Хисамитдинова // Вопросы ономастики. – 2016. – № 2. – С. 112 – 125.
535. Хисамитдинова, Ф. Г. Башкирская мифология. Словарь-справочник. / Ф. Г. Хисамитдинова. – Уфа: Гилем, 2002. – 125 с.
536. Хисамитдинова, Ф. Г. Башкирская ойконимия XVI – XIX вв. / Ф. Г. Хисамитдинова. – Уфа: Башкнигоиздат, 1991. – 300 с.
537. Хисамитдинова, Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка / Ф. Г. Хисамитдинова. – М.: Наука, 2010. – 456 с.
538. Хисамитдинова, Ф. Г. Башкирские имена тюркского происхождения / Ф. Г. Хисамитдинова, С. Х. Тупеев. – Уфа: Китап, 2006. – 120 с.

539. Хисамов, О. Р. Антропонимнарга нисбәтле ойконимнар / О. Р. Хисамов // Татар теле һәм әдәбиятының актуаль проблемалары: Фәнни-методик мәкаләләр жыйнагы. – Стәрлетамак: Стәрлетамак дәүләт педагогия академиясе, 2004. – 291 б.

540. Хисамов, О. Р. Историко-лингвистический анализ ойконимии Западного Закамья Татарстана: автореф. ... дис. канд. филол. наук: 10.02.02 / Хисамов Олег Ришатович. – Казань, 2001. – 25 с.

541. Хисамова, Ф. М. XVIII йөздәге татарча эш кәгазьләренә тел үзенчәлекләре (Е. Пугачев житәкчелегендәге крестьяннар сугышына кагылышлы материаллар буенча) / Ф. М. Хисамова. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1981. – 164 б.

542. Хөснуллин К. Мөнәжәтләр һәм бәетләр. – Казан: Раннур, 2001. – 723 с.

543. Хроленко, А. Т. Лингвофольклористика. Листая годы и страницы / А. Т. Хроленко. – Курск: Изд-во Курского ун-та., 2008. – 229 с.

544. Хроленко, А. Т. Основы лингвокультурологии / А. Т. Хроленко. – М.: Флинта; Наука, 2008. – 181 с.

545. Хузин, Ф. Ш. Исследования по болгаро-татарской археологии Ф. Ш. Хузин. – Казань: Фолиант; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. – 468 с.

546. Хуснуллина, З. М. Историко-лингвистический анализ татарских фамилий г. Казани: автореф. ... дис. канд. филол. наук: 10.02.02 / Хуснуллина Зилина Магфуровна. – Казань, 2006. – 25 с.

547. Цивьян, Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы / Т. В. Цивьян. – М.: КомКнига, 2006. – 280 с.

548. Чанышева, З. З. Этнокультурные основания лексической семантики: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Чанышева Зульфира Закиевна. – Уфа, 2006. – 44 с.

549. Чанышева, З. З. Этнокультурные основания лексической семантики: монография / З. З. Чанышева. – Уфа: РИО БашГУ, 2004. – 256 с.

550. Чичагов, В. К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий / В. К. Чичагов, М.: Учпедгиз, 1959. – 129 с.
551. Чобанов, М. Н. Основы азербайджанской антропонимики: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.02 / М. Н. Чобанов. – Баку, 1992. – 54 с.
552. Шагеев, Р. Ш. Отражение татарской ментальности в цветомикротопонимах Закамья Татарстана [Электронный ресурс] / Р. Ш. Шагеев // Альманах современной науки и образования. – 2009. – № 2-3. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-tatarskoj-mentalnosti-v-tsvetomikrotoponimah-zakamya-tatarstana> (дата обращения: 08.04.2016).
553. Шагеев, Р. Ш. Историко-лингвистический анализ микротопонимии Юго-Восточного Закамья Татарстана: автореф. дис. .. канд. филол. наук: 10.02.02 / Шагеев Рафкать Шириязданович. – Казань, 2001. – 25 с.
554. Шайхуллин, Т. А. Русские и арабские паремии с компонентом-наименованием родственных отношений: концептуально-семантический и этнокультурные аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Шайхуллин Тимур Акзамович. – Казань, 2012. – 47 с.
555. Шайхулов, А. Г. Историческая и диалектная лексика тюркоязычных народов Волго-Камско-Уральского региона (аспекты системной характеристики): учеб. пособие по спецкурсу / А. Г. Шайхулов. – Уфа: БГУ, 1988. – 70 с.
556. Шайхулов, А. Г. Лексические взаимосвязи кыпчакских языков Урало-Поволжья в свете их историко-культурной общности (аспекты идеографической характеристики в общетюркском фоне) / А. Г. Шайхулов. – Уфа: БГУ, 1999. – 228 с.
557. Шайхулов, А. Г. Татарские и башкирские личные имена тюркского происхождения / А. Г. Шайхулов. – Уфа, 1983. – 72 с.
558. Шайхулов, А. Г., Раемгужина З. М. Башкирские и татарские личные имена тюркского происхождения / А. Г. Шайхулов, З. М. Раемгужина. – Уфа, 2006. – 72 с.
559. Шакуров, Р. З. Рифмование имен у башкир / Р. З. Шакуров // Ономастика Востока. – М.: Наука, 1980. – С. 43 – 48.

560. Шатинова, Н. И. Рифмование личных имен у алтайцев / Н. И. Шатинова // Ономастика Востока. – М.: Наука, 1980. – С. 9 – 15.
561. Шойбонова, С. В. Имена собственные в эпическом произведении [Электронный ресурс] / С. В. Шойбонова // Олонхо в контексте эпического наследия народов мира. – Якутск, 2000. <http://www.sakha.ru/sakha/confa/thesis/thesru/shojbonovar.htm>
562. Шулежкова, С. Г. История лингвистических учений: учеб. пособие / С. Г. Шулежкова. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 408 с.
563. Щербак, А.С. Когнитивные основы региональной ономастики / А. С. Щербак. – Тамбов : Изд-во ТГУ, 2012. – 318 с.
564. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2-х т. / А. Н. Тихонов, Р. И. Хашимов, Г. С. Журавлева и др. / под общ. ред. А. Н. Тихонова, Р. И. Хашимова. – Т. 1 – М.: Флинта; Наука, 2008. – 820 с.
565. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2-х т. / А. Н. Тихонов, Р. И. Хашимов, Г. С. Журавлева и др. / под общ. ред. А. Н. Тихонова, Р. И. Хашимова. – Т. 2 – М.: Флинта; Наука, 2008. – 816 с.
566. Этническая ономастика. – М.: Наука, 1984. – 191 с.
567. Этнография имен. – М.: Гл. ред. Вост. лит-ры изд-ва «Наука», 1971. – 263 с.
568. Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы III Международной научной конференции, 7 – 11 сентября 2015 г. – Екатеринбург: Изд-во Ураль. ун-та, 2015. – 315 с.
569. Юдин, А. В. Ономастикон восточнославянских загадок / А. В. Юдин. – М.: ОГИ, 2007. – 120 с.
570. Юдин, А. В. Ономастикон русских заговоров. Имена собственные в русском магическом фольклоре / А. В. Юдин. – М.: МОНФ, 1997. – 319 с.
571. Юдин, А. В. Русская народная духовная культура / А. В. Юдин. – М.: Высш. шк., 1999. – 331 с.

572. Юзеев, А. Н. Просветительская мысль татарского народа / А. Н. Юзеев. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2014. – 415 с.
573. Юзеев, А. Н. Татарская религиозно-реформаторская мысль (XIX – начало XX вв.) / А.Н. Юзеев. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2012. – 287 с.
574. Юзеев, А. Н. Философская мысль татарского народа / А.Н. Юзеев. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. – 214 с.
575. Юсупов, Г. В. Антропонимы в болгаро-татарской эпиграфике / Г. В. Юсупов // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. – М.: Наука, 1970. – С. 248 – 252.
576. Юсупов, Г. В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику / Г. В. Юсупов. – М.: Наука, 1960. – 165 с.
577. Юсупов, Ф. Ю. Сафакул татарлары: тарих, тел, халык ижаты / Ф. Ю. Юсупов. – Казан, 2006. – 607 б.
578. Юсупова, А. Ш. Двухязычная лексикография татарского языка XIX века / А. Ш. Юсупова. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2008. – 410 с.
579. Ююкина, Л. В. Ономастический генезис дескрипции как имени собственного: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ююкина Людмила Викторовна. – Абакан, 2013. – 26 с.
580. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцева / М.: Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2000. – 688 с.
581. Яковлева, Е. С. О некоторых моделях пространства в русской языковой картине мира / Е. С. Яковлева // Вопросы языкознания. – 1993. – № 4. – С. 48 – 63.
582. Яковлева, Е. С. Языковое отражение циклической модели времени // Вопросы языкознания. – 1994. – №4. – С. 73 – 90.
583. Ярми, Х. Татар халкының поэтик ижаты / Х. Ярми. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1967. – 52 б.
584. Яхин, Ф. Татар шигъриятендә дини мистика һәм мифология / Ф. Яхин. – Казан: Татар. дәүләт гуманитар ин-ты, 2000. – 286 б.

Литература на латинице

585. Akalın, Ş. Türk kişi adlarının kaynakları / Ş. Akalın // Tarih. – İstanbul. – 1998. – № 6. – S. 15.
586. Aksoy, Ö. A. Ata sözleri ve deyimler sözlüğü / Ö. A. Aksoy. Deyimler sözlüğü. – 2 cilt. – İstanbul: İnkilabkitapevi, 1994. – 1205 s.
587. Aksoy, Ö. A. Ata sözleri ve deyimler sözlüğü. Ata sözleri sözlüğü / Ö. A. Aksoy. – 1 cilt. – İstanbul: İnkilab kitap evi, 1994. – 486 s.
588. Albayrak, N. Ansiklopedik Halk Edebiyatı Sözlüğü / N. Albayrak. – İstanbul: Kapı Yayınları, 2010. – 590 s.
589. Alfontso, M. E. Onomastika. – Vitoria-Gasteiz: Servicio Central de Publicaciones del Gobierno Vasco, 2005. – 85 p.
590. Alford, R. D. Naming and Identity: A Cross-Cultural Study of Personal Naming Practices. – New Haven: HRAT Press, 1998. – 190 p.
591. Aydın Abi Aydın. Türk mənəşli şəxs adları sözlüyü. – Bakı: Nurlan, 2007. – 464 s.
592. Baskakov, N. Oghuz, oghuz-kaghan – etimologici üzerine // İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Türk dili ve edebiyati dergisi. – İstanbul, 1986. – S. 35–37.
593. Calp, M. Kişi Adları Üzerine Dilbilimsel Bir Çalışma (Ağrı ili örneği) // A. Ü. Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü Dergisi-52. – Erzurum, 2014. – S. 27 – 49.
594. Çobanov, M. N. Azərbaycan kişi adları. – Erzurum: Atatürk Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü, 1993. – 88 s.
595. Çopuroğlu, F. Öz Türk Adları. – İzmir: Yeni Matbaa, 1933. – 31 s.
596. Çoruhlu, Y. Türk Mitolojisinin Ana Hatları / Y. Çoruhlu. – İstanbul: Kabalcı Yayıncılık, 2011. – 260 c.
597. Dilçin, Ç. Adlar Sözlüğü. – İstanbul, Kültür Yayınları, 2014. – 440 s.
598. Elçin, Ş. Halk edebiyatına Giriş / Ş. Elçin. – Ankara: Feryal Matbaası, 1998. – 762 s.
599. Erol, A. Adlarımız / A. Erol. – İstanbul: Turan Kültür Vakfı, 1999. – 610 s.
600. Farhad Javadi. Glossary of Turkish names. – Orogmen, 2001. – 310 p.

601. Gençosman, K.Z. Ansiklopedik Türk İsimler Sözlüğü. – İstanbul: Hürriyet Ofset, 1975. – 234 s.
602. Gülensoy, T. XXI. Yüzyılda Türkiye Kişi Adlarına bir Bakış / T. Gülensoy // İDİL. – 2012. – Cilt 1. – Sayı 5. – S. 1 – 7.
603. Huschka, Denis, Wagner Gert G. Statistical Problems and Solutions in Onomastic Research Exemplified by a Comparison of Given Name Distributions in Germany throughout the 20th Century / Huschka Denis, Wagner Gert G. // Onoma Volume 47, 2012. – P. 329 – 365.
604. Karadavut, Z. Kırgızlarda Ad Verme Geleneği / Z. Karadavut // Türk Edebiyatı İncelemeleri. Saim Sakaoğlu Aramağanı. Ed. Dr. Metin Ergin. – Ankara: Türk Kültür Araştırma Enstitüsü, 2013. – S. 277 – 288.
605. Karaoğuz, A. Öz Türk Adları Kılavuzu / A. Karaoğuz. – Zonguldak: Karaelmas Matbaası, 1935. – 80 s.
606. Kaya, N. Çocuk isimleri ansiklopedisi / N. Kaya. – İstanbul: Laleli, 2000. – 536 s.
607. Kaya, N. Çocuklarımız ve İsimlerimiz / N. Kaya. – İstanbul: Nizam Yayınev, 1992. – 500 s.
608. Kazak Türklerinde kişi adları / T.J. Januzaqov, K.S. Esbayeva; aktaran Nurettin Aksu. – Ankara: Türk Dil Kurumu, 2003. – 102 s.
609. Kemal Zeki Gencosman. Türk isimleri sözlüğü. – İstanbul: Hürriyet Yayınları, 1975. – 234 s.
610. Kibar, O. Türk kültüründe ad verme: kişi adları üzerine bir tasnif denemesi / Osman Kibar. – Ankara: Akçağ Basım Yayım Pazarlama A.Ş., 2005. – 239 s.
611. Kurbanov, A. Onomastiğin Esasları / A. Kurbanov. –Ankara: Türk Dil Kurumu. 1 Cilt., 2014. – 440 s.
612. Kurbanov, A. Onomastiğin Esasları / A.Kurbanov. – Ankara: Türk Dil Kurumu. 2 Cilt., 2014. – 414 s.
613. Kutlu, Ş. Türkçe Kadın ve Erkek Adları / Ş. Kutlu. – Ankara: Ankara Üniversitesi Basımevi. – 107 s.

614. Langendonck Willy van. Theory and typology of proper names. Berlin, New York Mouton de Gruyter, 2007. – 341 c.
615. Lezina, L. N., Superanskaya, A. V. Bütün Türk halkları / L. Lezina, A. Superanskaya. – İstanbul: Selenge Yayınları, 2009. – 579 s.
616. Morarasu, N., Druga, L. Projecting the Ethnic Identity of Romanian Gypsies/Roma through Contemporary First Name-giving Practices // Onoma. Vol. 46, 2011. – P. 77 – 93.
617. Məmmədov, I. Azərbaycan dilinin etnografik leksikası / I. Məmmədov. – Baku, 2006. – 200 s.
618. Nuessel, F. H. The Study of Names: A Guide to the Principles and Topics. – Westport, Connecticut, L.: Greenwood Press, 1992. – 154 p.
619. Orbay, K. Ş. Öz Türkçe Adları ve Sözləri. – İstanbul: Marifet matbası, 1935. – 80 s.
620. Orozbakoğlu Sagınbay. Kırgız Destanları VI. Manas Destanı. – Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 2007. – 528 s.
621. Paşayeva, M. Azərbaycanlıların ailə mərasımında etnik ənənələri. – Baku, 2008. – 324 s.
622. Püsküllüoğlu, A. Seçilmiş Çocuk Adları Sözlüğü. – Ankara: Maya Matbaacılık Yayıncılık Limited Şirketi, 1996. – 132 s.
623. Rásonyi, L. Kuman isimler // Türk Kültürü Araştırmaları. – Ankara: TKA Enstitüsü yayınları, 1966 – 1969. – S.141 – 144.
624. Rásonyi, L. Onomasticon Turcicum. – T. 2. – Indiana University Denis Sinor Institute for Inner Asian Studies, 2007. – 492 p.
625. Rasonyi, L. Onomasticon Turcicum. – Bloomington: Indiana University and Denis Sinor Institute for Inner Asian Studies, 2007. – 836 p.
626. Rásonyi, L. Türk Kadın İsimleri / L. Rásonyi // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı-Belleten, 1963, Ankara. – S. 63– 87.
627. Reichel, K. Türk Boylarının destanları. Çev. Metin Ekici. – Ankara: Türk Dil Kurumu, 2002. – 441 s.
628. Saffet, M. Cavit-O. Türk Adları. – Muğla: Halk Matbaası, 1934. – 18 s.

629. Şahin, İ. Adbilim (Çerçeve, Terim, Yöntem ve Sınıflandırmalarıyla) / I. Şahin. – Ankara: Pigem Akademi, 2015. – 144 s.
630. Şahin, İ. Adbilim (Çerçeve, Terim, Yöntem ve Sınıflandırmalarıyla) / I. Şahin. – Ankara: Pigem Akademi, 2016. – 155 s.
631. Sakaoglu, S. Türk Ad Bilimi / S. Sakaoglu. – Ankara: Türk Dil Kurumu, 2001. – 156 s.
632. Sakallı, E. New Trends in Name-Giving in Turkey / Sakallı E // Voprosy onomastiki. – 2016. – Vol. 13. – Issue 1. – 171 – 177 pp.
633. Sanater, E. Soyadı Kanunu ve Öz Türkçe Adlar / E. Sanater. – İstanbul: Bozkurt Matbaası, 1935. – 12 s.
634. Şevki, A.I. Öz Türkçe Adları. – Balıkesir: Vilayet Matbaası, 1934. – 56 s.
635. Tekin, T. Orhon Yazıtları / T. Tekin. – Ankara: Türk Dil Kurumu, 2008. – 200 s.
636. The Oxford Handbook of Names and Naming Front Cover Carole Hough. – United Kingdom Oxford University Press, 2016. – 832 p.
637. Tuncay, A. Türk Adları Klavuzu / A.Tuncay. – Ankara: Bilgi Yayınevi, 2010. – 175 s.
638. Ülkütaşır, M. Türküye Türklerinde Ad Verme İle İlgili Gelenek ve İnançlar / M. Ülkütaşır // I Uluslararası Türk Folkloru Kongresi Bildirileri. Gelenek-Görenek ve İnançlar IV Çilt. – Ankara, 1976. – S.369–370.
639. Useev, N. Yenisey Yazıtlarındaki Erkek Kişi adlarında Geçen kelimelere Göre Eski Türk Erkeği / N. Useev // Uluslararası Türkçe Edebiyat Kültür Eğitim Dergisi. – Sayı: 4/1. – 2015. – S. 25 – 38.
640. Vural, M. Zeki Öz Türkçe Kadın ve Erkek Adlar. – İstanbul: Şirketi Mürettibiye Basımevi, 1934. – 16 s.
641. Yalçın, Toker. Türk isimleri (anlamlar) / Y. Toker. – İstanbul: Toker Yayınları, 1995. – 263 s.
642. Əsgərov, H. Azərbaycan dilində maddi mədəniyyət leksikası / H. Əsgərov. – Bakı, 2006. – 90 s.

643. Caferoğlu, A. Türk onomastiğinde 'köpek' kültü / A. Caferoğlu // Türk dili araştırmaları yıllığı. Belleten. – Ankara, 1962. – S. 1 – 11.

на арабском шрифте

644. ان بر احمد اسملى. – Казань: Типография Б. Л. Домбровского, 1908. – 8 с.

645. هذا كتاب فى بيان اون بر احمد اسملى. – С.-П.: Типография, 1896. – 10 с.

646. اسم. بالاغه كوركم اسم بيوروكه كيكاش هم اوقوجى صبيلرغه هديه قيلورغه موافق كتاب. – С.-П.: Типография Б. Л. Домбровского, 1899. – 8 с.

ИНДЕКС ТАТАРСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН

ТАТАРСКИЕ МУЖСКИЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА

Абак < Абак Магницкий, 1, 24

Абакай < Абакай Магницкий, 1, 24

Абдук < Абдук Магницкий, 10, 24

Абдул < Абдул Кн.пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 85.

Абдулат < Абдулатко Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 гг.

Абдулхан < Абдулхан Кн.п. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855

Абдыш < Абдыш Р С Казан. губ. Старолашманского уезда за 1834 г.

Абзай < Абзай РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438

Аби МК

Аблак < Аблак РС Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2

Абрек < Абрек мат.Загса г. Казани 1930-1939

Агай < Агай Магницкий, 65, 24

Адабай < Адабай Магницкий, 85, 24

Адель 2000 – 2010

Аднагол < Аднагул РС. за 1762 год, ф. 3, оп. 2, д. 432; РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС. Чист. за 1816 г. ф. 3, оп.2, ед.хр. 483

Аднакул < Аднакуль Магницкий, 120, 25

Адольф мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Азак < Азак МК

Азамат < Азамат РС. Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. №438; 2000-2010; Маг., 140, 25

Азат мат.загса г. Казани 1930 – 1939, 2000 – 2010, 2010 – 2015

Азей Маг. 150, 25

Ази Маг. 160, 25

Айас МК

Айбикә < Акбекей Маг. 170, 25

Айбулат < Айбулат Маг. 170, 25; мат. ЗАГСa 2010 – 2015

Айгиз < Айгиз 2000 – 2010, мат. ЗАГСa 2010 – 2015

Айдай < Айдай Маг. 175, 25.

Айдан мат. ЗАГСa 2010 – 2015

Айдар < Айдар Кн. пох. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 63; Маг. 175, 25.; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939, 2000 – 2010, 2010 – 2015

Айден мат. ЗАГСa 2010 – 2015

Айдул < Айдул Маг. 185, 25.

Айзат мат. ЗАГСa 2010 – 2015

Айкай < Айкей Кн. пох. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 177

Айкибәк < Айкибек Маг. 185, 25.

Аймәмәт < Аймаметко Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 г.

Айназ мат. ЗАГСa 2010 – 2015

Айнур мат. ЗАГСa 2000 – 2010, 2010 – 2015

Айтирәк < Айдерек Маг. 195, 25

Айтуган < Айдуган Кн. пох. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 43; Маг. 195, 25; <Айтуганко Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 гг.

Акбай < Ахпайко Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 гг.

Акбай РС за 1762 год, ф. 3, оп. 2, д. 432

Акиш < Агиш Кн.пис. Казанского уезда 1647-1656 гг.

Аккай < Аккайко Кн.пис. Казанского уезда 1647-1656 гг.

Акморза < Акмурза Маг. 270, 25

Аксабай < Аксабай Маг. 235, 25

Аксубай < Аксубай Маг. 240, 26

Акташ < Акташ Маг. 245, 26

Акчура < Акчура Кн. пох. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 175

Алабай < Алабай Маг. 260, 26

Алакай < Алакай Маг. 260, 26

- Алан мат. ЗАГСa 2010-2015
- Албай <Албай Маг. 265, 26
- Албатыр < Албатыр Маг. 270, 26
- Алгабай < Алгабай Маг. 280, 26
- Алгәрәй < Алгерей Маг. 300, 26
- Алдубай < Адубай Маг. 325, 26
- Алдыбай < Алдыбай РС за 1762 г., ф. 3, оп. 2, д. 432
- Алигөлжан < Алигульджан Кн. пох. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 88
- Алим < Алим мат.Загса г. Казани 1930 – 1939, 2010 – 2015
- Алимбәк < Алимбек мат.Загса г. Казани 1930-1939
- Алишер 2000-2010
- Аллабирде < Аллабирдей Маг. 260, 26; ТШ
- Алмаз мат.загса г. Казани 1930 – 1939, 2000 – 2010, 2010 – 2015
- Алмай < Алмай Кн. п. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 127
- Алмакай < Алмакай Маг. 400, 27
- Алмамәт < Алмамет Маг. 400, 27
- Алл Айа МК
- Алл Тегин МК
- Алпер МК
- Алсарай < Алсарй Маг. 440, 27
- Алтуган < Алтуган Маг. 455, 27
- Альберт мат.Загса г. Казани 1930 – 1939, 2000 – 2010, 2010 – 2015
- Альбит мат.Загса г. Казани 1930 – 1939
- Альмир мат. ЗАГСa 2010 – 2015
- Альфред мат.Загса г. Казани 1930 – 1 939
- Амалы <Амалычко Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 гг.
- Амур мат.Загса г. Казани 1930 – 1939
- Анель мат. ЗАГСa 2000 – 2010
- Ант мат.Загса г. Казани 1930 – 1939
- Аракай <Аракайко Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 гг.

- Арасхан <Арасхан РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138
- Ардуган < Ардуган Маг. 680, 20
- Арзулла < Арзулла Кн.пох. Ногшанского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф.Р-6182, оп.2, д. 13
- Арсен 2000-2010
- Арслан <Урслан Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 гг. < Арслан РС за 1762 г., ф. 3, оп. 2, д. 432; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939 , 2000-2010, мат. ЗАГСа 2010 – 2015.
- Арсланбэк < Арсланбек РС Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138
- Артур < мат . ЗАГСа 2000 – 2010, 2010 – 2015
- Арык< Арык Кн. пох. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 65
- Арысхан < Арысхан мат. ЗАГСа 2010-2015
- Асан < Асан РС. Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138
- Аскар мат. ЗАГСа 2010 – 2015
- Аслай < Аслай РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138
- Аслан мат. ЗАГСа 2010 – 2015
- Асман мат. ЗАГСа 2010 – 2015
- Асылгэрэй ТШ
- Атыш МК
- Ауак ТШ
- Афзал < Авзал РС. Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438; Кн.пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г., ф. Р-4799, оп.1, д.16.
- Ахияр < Ахияр РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438
- Ахман <Ахманко Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 г.
- Ахунжан < Ахунзян РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879
- Ачуак ТШ
- Аюк Маг. 1000, 31.
- Аяз < мат. ЗАГСа 2000 – 2010 , 2010 – 2015
- Әбди < Абдей РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438
- Әбдри < Абдрей РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Әбдүш < Абдюш РС Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС за 1762 г., ф. 3, оп. 2, д. 432; РС Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2

Әбекәй < Абекей РС Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Әбелкасым ТШ

Әбелхан < Абелхан Кн.пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855

Әбжаббар < Абджаппар РС. Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Әбжәлил < Абджалил РС. г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Әбрәр < Абрар Кн.м. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; Кн.пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-на за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855

Әбсәләм < Абсалям РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438

Әбүбәкер < Абубекир РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС. Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС Мамадыш. за 1870-1879, ф. 3, оп.2; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; РС г. Казани за 1816-1825, 1870-1879; РС Каз. губ. Старолашманского уезда за 1834 г.

Әбүвәли < Абували Кн.м. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177

Әбүдәр < Абудар Кн.пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-на за 1936 г., ф. Р-4799, оп.1, д.16

Әбүжаббар < Абуджаппар РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Әбүзәр < Абузар РС Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Әбүрахман < Абурахман РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483

Әбүсафиян Абусафиян РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Әбүтәй < Абутей РС. Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Әгъзам < Акзам мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; Кн.п Акзигитовского с/с Нурлатского района за 1935 г., ф. –Р - 6176, оп. 1, д. 3. – 45 л; Кн.пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г., ф. Р-4799, оп.1, д.16

Әгъләм < Аклям мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Әгълиулла < Аглиулла РС Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Әдам < мат. ЗАГСа 2000 – 2010

Әдгәм < Адгам Кн.м. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177

Әдип мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Әдһәм < Әдгем мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; Кн.пох. Ногшанского с/с Арского рай-на за 1934 г., ф.Р-6182, оп.2, д. 13

Әкрәм < Йәкрәм мат.Загса г. Казани 1930-1939; 2000-2010; Маг. 275, 25

Әкрәметдин мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; Кн.п. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-она за 1936 г., ф. Р-4799, оп.1, д.16.

Әлмәмәт ТШ

Әлмәт Маг. 425, 27; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Әлмеш Маг. 425, 27

Әлмөхәммәт < Альмухаммад РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС. Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Әлтерәк < Алтеряк Маг. 450, 27

Әльфис мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Әмин < Аминь РС. Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438; РС. Чист. за 1816 г. ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; 2000 – 2010

Әмир < Амир РС. за 1762 г., ф. 3, оп. 2, д. 432; РС. г. Казани за 1816 -1825, 1870 – 1879; мат.Загса г. Казани 1930-1939; 2010-2015

Әмиржан < Амирджан Кн.п. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-на за 1936 г., ф. Р-4799, оп.1, д.16.

Әмирхан мат. ЗАГСа 2000-2010; 2010-2015

Әмирша ТШ

Әнәс < Анас Кн.пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского район аза 1938 г., ф. – Р-4855, оп.2, д.109; мат.Загса г. Казани 1930-1939

Әнвәр < Анвар Кн.пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; 2010-2015; ТШ

Әнвәрбәк мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Әнгурчи < Ангурчи Кн. п. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 97

Эндэс Кн.пох . Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г., ф. Р-4799, оп.1, д.16.

Энкилдеиш < Ангильдиш Кн. п. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 45

Эпсэлэм < Апсалям РС. г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; РС Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; Кн.пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского район за 1938 г., ф. – Р-4855, оп.2, д.109

Эсәдулла < Асадулла РС. Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; Кн.п. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-на за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855

Эскәр < Аскар РС Мамадыш. За 1870-1879, ф.3, оп.2; Кн.п. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского район аза 1938 г., ф. – Р-4855, оп.2, д.109

Эссиярсафа < Ассирсафа РС Мамадыш. за1870-1879, ф.3, оп.2.

Эсфән мат.Загса г. Казани 1930-1939

Эсфәндияр < Асфандияр РС г. Казани за 1816-1825, 1870-1879

Эсфәр Кн.п. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-на за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855.

Эсхәт < Асхад РС. Казан. губ. Старолашманского уезда за 1834 г.; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; 2000 – 2010

Эсхибжан < Асхибджан РС. Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Эфкәть мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Эфләтүн < Афлятун РС. г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Эхәт Кн.пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-на за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Эхкәметдин мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Эхмәд ТШ

Эхмәдвәли ТШ

Эхмәдгази ТШ

Эхмәдгали ТШ

Эхмәдгәрәй ТШ

Эхмәджан ТШ

Эхмәдзәки ТШ

Әхмәди < Ахмади РС. Чист. за 1816 г. ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС. Каз. губ. Старолашманского уезда за 1834 г.; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879;

ТШ

Әхмәдиша ТШ

Әхмәдишаһ ТШ

Әхмәдкәрим ТШ

Әхмәдулла < Ахмадулла МК Чист. уезда за 1903 г.; Кн.пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского района за 1938 г., ф. – Р-4855, оп.2, д.109

Әхмәдхажи ТШ

Әхмәдхан ТШ

Әхмәдхәбиб ТШ

Әхмәдхәлим ТШ

Әхмәдхужа ТШ

Әхмәдшаһ ТШ

Әхмәдшәриф ТШ

Әхмәдшәһид ТШ

Әхмәр Ахмер РС. Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438; РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Әхмәрша Ахмерша РС. Каз. губ. Старолашманской губ. за 1834 г.

Әхмәт Ахметь РС. Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС. Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2.; Кн.м. Чист. уезда за 1903 г.; РС. Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; 2000 – 2010

Әхмәтвафа < Ахметьвафа МК Чистополь. уезда за 1903 г.

Әхмәтвәли < Ахметьвали РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2.

Әхмәтгали < Ахметьгали РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Әхмәтжан < Ахметьджан РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС. Казан. губ. Старолашманского уезда. за 1834 г.; РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; Кн.м Чист. уезда за 1903 г.;

МК Тетюшинского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; Кн.пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855

Әхмәтжаффар < Ахметьджафар Кн.пох. Бахтиязовского с/с Атнинского рай-она за 1934 г., ф. 4086, оп.2, д.46

Әхмәтзакир ТШ

Әхмәтзариф < *Ахметзариф* РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Әхмәтсадык < *Ахметсадык* РС. Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; РС. г. Казани за 1816-1825, 1870-1879; Кн.м. Чистополь. уезда за 1903 г.

Әхмәтсафа < Ахметсафа РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; Кн.пох. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-она за 1936 г., ф. р-4799, оп.1, д.16.

Әхмәтсәгыйть ТШ

Әхмәтфатых Кн.мет. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г. ф. 204, оп. 177

Әхмәтхан < Ахметьхан РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; Кн.пох. Бахтиязовского с/с Атнинского рай-на за 1934 г., ф. 4086, оп.2, д.46

Әхмәтхәсәен < Ахметьхусейн РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870-1879

Әхмәтша < Ахметша РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Әхмәтшакир < Ахметшакир РС Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2.

Әхмәтшаһ < Ахметшах РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; Кн.м. Тетюшинский уезда Казан. губ. за 1915 г. ф. 204, оп. 177.

Әхмәтшәрип < Ахмедшариб РС. Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Әхмәтъян < Ахмедян РС Казан. губ. Старолашманского уезда. за 1834 г.

Әхсән < Ахсан РС Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Әхтәм < Ахтям РС. Казан. губ. Старолашманского уезда. за 1834 г.; РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; Кн.пох. Каракашкинского с/с Ютазинского района за 1934 г., ф-4527, оп.1, д.1

Әхтәмжан < Ахтемьян Кн.м. Чист. уезда за 1903 г.

Әшрәфвәли < Ашрафвали Кн.м. Казанского уезда Казан. губ. за 1915 г. ф. 204, оп. 177.

Әюп < Аюб РС. Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; Кн.м. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г. ф. 204, оп. 177; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Багыш ТШ

Бадахшан ТШ

Бадрук МК

Бай < Бай Кн. п. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 51

Байазид ТШ

Байарслан < Байарслан Маг. 1255, 33

Байбакты < Байбахты РС. за 1762 г., ф. 3, оп. 2, д. 432

Байбарс < Байбарс Маг. 1075, 32

Байбатыр < Байбатыр Маг. 1075, 32

Байбула < Байбула Маг. 1080, 32

Байбулат < Байбулат Маг. 1080, 32

Байгол < Байгол Кн. п. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 88

Байдулла < Байдулла Маг. 1115, 32

Байкәй < Байкай Кн. п. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 134

Байкенә < Байкене РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438

Байкил < Байгилко Кн. пис. Казанского уезда 1647 – 1656 гг.:

Байморза < Баймурза Маг. 1440, 32

Баймулла < Баймулла Маг. 1135, 32

Байтимер < Байдемир Маг. 1105, 32

Байтимер < Байтимер РС. Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438

Байтирәк < Байдерәк Маг. 1110

Байчура < Байчура Кн. п. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 133; Маг. 1280. 33

Бакир < Бакир РС. Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; мат. ЗАГСа 2010 – 2015

Бакиш < Багиш Кн. п. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 39

Бакый < Баки РС. Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Балай < Балай Маг. 1175, 32

- Балта < Болтайко Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 гг.
- Балтаби < Балтаби РС. Малмыж. за 1763 год, ф. 3, оп.2, д. №438
- Балтач < Балтач Кн. п. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 195
- Бари < Бари Кн. пох.Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855
- Барил мат.Загса г. Казани 1930 – 1939
- Барман МК
- Барс < Барс Маг. 1250, 33; МК
- Барсган МК
- Басыйр мат.Загса г. Казани 1930 – 1939
- Батый < Батый Маг. 1265, 33
- Батыр < Батыр Маг. 1265, 33; РС. Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879
- Батырлан мат. ЗАГСа 2010 – 2015
- Батырша < Батырша РС. Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438; РС Чист. за 1816 г. , ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС. г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; Кн.пох. Акзигитовского с/с Нурлатского района за 1935 г., ф. -Р-6176, оп. 1, д. 3. -45 л.
- Бахар < Бахарко РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438
- Бахтерәк < Бахдерек РС. за 1762 год, ф. 3, оп. 2, д. 432
- Бахты < Бахды Кн. п. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 144
- Баһаветдин < Бахаветдин РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; РС. Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; МК Чист. уезда за 1903 г.; ТШ
- Баһман ТШ
- Баязит < Баязид РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438; РС. Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939
- Баян < Баян мат.Загса г. Казани 1930 – 1939
- Бәди < Бади РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Бәдретдин < Бадретдин РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; Кн.м. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; мат. Загса г. Казани 1930 – 1939; ТШ

Бәдри < Бадри РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Бәйкилде < Бийгилде Кн. п. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 127

Бәйрәм Кн. пох. Бахтиязовского с/с Атнинского рай-на за 1934 г., ф. 4086, оп.2, д.46

Бәйрәмгали < Байрамгалей ТШ; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 -1879

Бәйчура < Бийчура Маг. 1315, 33

Бәкбулат < Бекбулат Маг. 1295, 33

Бәрәкәй < Баракай Маг. 1305, 33

Бәхтей < Бахтей Кн. п. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 51

Бәхти < Бахти Маг.1275

Бәхтирәк < Бахтиряк Маг. 1275, 33

Бәхтияр < Бахтияр РС Старолашманского уезда Казан. губ.. за 1834 г.; мат. ЗАГСа 2010-2015

Бәшәр < Башар РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438

Бәшир < Башир РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Беги МК

Беглен МК

Бектур МК

Бетмәч < Бетмечко Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 гг.

Бибарс < Бибарс Маг. 1315, 33

Бибул < Бибул Маг. 1320, 33

Бигиш < Бугиш Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 гг.

Бикбай < Бикбай РС Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Бикбулат < Бекбулат Кн.пис. Казанского уезда 1647 - 1656 гг.; < Бикбулат РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Биқиш < Биқиш Кн. п. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 191

Биккэй < Бегейко Кн. пис. Казанского уезда 1647 – 1656 г.

Биккенья < Биккенә РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС Старолашманского уезда Казан. уезда. за 1834 г.; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Биккол < Биккол РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Биклән МК

Бикмәмәт < Бикмаметь РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483

Бикмирахметь < Бикмирәхмәт РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Бикмирсәгыйть < Бикмирсагить РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 -1879

Бикморза < Бикмурза РС. Каз. губ. Старолашманской губ. за 1834 г.

Бикмөхәммәт < Бикмухаммед РС. Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС. Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС Старолашманской Казан. губ. за 1834 г.

Бикмулла < Бикмулла РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Бикмурат < Бикмурат РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Биксолтан < Биксултан РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438

Биктаһир ТШ

Бикташ < Бикташ РС за 1834 г., оп. 2, ф. 3, 139; РС. Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Биктимер < Биктемер РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438; РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г., РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; РС. Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2. мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Биктуган < Биктуган РС Чист. за 1816 г. ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2.

Бикчәнтәй < Бикчантей РС. г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; РС. Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Билал < Билал РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 483; РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Билалетдин < Билаледдин РС Чист. за 1816 г. ф. 3, оп.2, ед.хр. 483

Билан < Билан РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 133

Билге Бег МК

Билгус мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Бичура < Бичура Кн. п. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 14 < Бичюра Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 гг.

Болуч МК

Борхан Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855; Кн.пох Базарно-Матаковского с/с Алькеевского район аза 1938 г., ф. – Р-4855, оп.2, д.109

Бүзэк <Бозяк Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 гг.

Бүзэч < Бозячко Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 гг.

Бүке МК

Бүләк < Буляк РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; ТШ

Буграч МК

Булат < Булат Маг. 1445, 34; РС. Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. №438; РС. г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; мат.Загса г. Казани 1930-1939, 2000-2010, 2010-2015

Булгак МК

Буран < Буран РС Старолашского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Вагыйз мат.Загса г. Казани 1930 – 1939, 2010 – 2015

Вазут мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Вазыйх мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Ваккас ТШ

Вакыйф мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Ванилт мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Варис мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Васыйл мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Вахид Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского района за 1934 г., ф-4527, оп.1, д.1

Вәгыйзь Кн.пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855

Вәис мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Вәкил мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Вәли < Валей Кн. м. Чист. уезда за 1903 г.; мат. загса г. Казани 1930 – 1939; ТШ; Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского района за 1934 г., ф-4527, оп.1, д.1

Вәлиәхмәд < Валейахмедь ТШ; Кн.м. Чистополь. уезда за 1903 г.; Кн.м. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177

Вәлибикмөхәммәт < Валейбекмухаммад РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Вәлимәрдән Кн.пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855

Вәлимөхәммәт Кн.м. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177.

Вәлит < Валид РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Вәлиулла Кн.м. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; мат. Загса г. Казани 1930 – 1939; ТШ

Вәлихан Кн.пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г., ф. Р-4799, оп.1, д.16.

Вәрис Кн.пох. Каракашлинского с/с Ютазинского рай-она за 1934 г., ф-4527, оп.1, д.1.

Венер мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Вил мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Вилдан мат. ЗАГСа 2000 – 2010; 2010 – 2015; ТШ

Вилдар мат. ЗАГСа 2010-2015

Габбас < Габбас РС г. Казани за 1816 - 1825, 1870 – 1879; РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939 ; Кн.пох Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-на за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855; ТШ .

Габдегали < Габделгалей РС. г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Габделатыйф < Габделатиф РС. г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; РС Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2

Габделәхәт < Габделахад РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; Кн.пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского района за 1938 г., ф. – Р-4855, оп.2, д.109

Габделбазикъ ТШ

Габделбакир < Габделбакир РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Габделбарый Кн.м. Казанского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939 ; Кн.м. Тетюшинский уезда Казан. губ. за 1915 г. ф. 204, оп. 177.

Габделбәдыйк ТШ

Габделбәр Кн.пох. Ногшанского с/с Арского рай-на за 1934 г., ф. Р-6182, оп.2, д. 13

Габделбәшәр < Габделбашар РС Чист. за 1816 г. ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС. г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Габделбәшир < Габделбашир РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 -1879

Габделвахит < Абделвахид РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; РС. Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; ТШ

Габделваһап < Абделвагап РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Габделваһид Кн.м. Казанского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177

Габделвәгыйз ТШ

Габделвәдүт Кн.м. Тетюшинский уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177

Габделвәли < Абделвалей РС. Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС. Мамадыш. за 1870-1879, ф.3, оп.2; ТШ; Кн.пох. Бахтиязовского с/с Атнинского рай-на за 1934 г., ф. 4086, оп.2, д.46

Габделгази < Абделгазиз РС. Малмыж. за 1763 год, ф. 3, оп.2, д. №438; РС. Чист. за 1816 г. ф. 3, оп.2, ед.хр. 483 ; РС. г. Казани за 1816-1825, 1870-1879; РС. Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; МК Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; МК Чист. уезда за 1903 г.; ТШ

Габделгали < Абделгалей РС. г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; РС. Мамадыш за 1870-1879, ф.3, оп.2; Кн.м. Казанского уезда Казан. губ. за 1915 г. ф. 204, оп. 177; ТШ

Габделгалим <Абделгалим РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 –1879; ТШ; Кн.м. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г. ф. 204, оп. 177; Кн.м. Чистоп. уезда за 1903 г.

Габделгаллэм < Абделгалям РС Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2.

Габделгани < Абделгани РС Старолашманского уезда Казан. губ . за 1834 г.; Кн.м. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; РС. Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; ТШ

Габделгафур < Абделгафур РС Чист. за 1816 г. ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Габделгаффар < Абделгаффар РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 -1879; РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; ТШ

Габделжаббар < Абделджаффар РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; РС. г. Казани за 1816 -1825, 1870 – 1879; ТШ

Габделжан < Абделджан РС Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Габделжаффар ТШ

Габделжәмил < Абделджамил РС Малмыж. за 1763 год, ф. 3, оп.2, д. 438; ТШ

Габделзахир < Абделзахир РС Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2.

Габделихсан ТШ

Габделкабир < Абделкабир РС Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; Кн.м. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177.

Габделкадыйр < Абделкадир РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС. г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Габделкадыйршаһ < Абделкадиршах РС Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Габделкасыым ТШ

Габделкаһир < Абделкаһир ТШ; РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Габделкаюм < Абделкаюм РС Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; Кн.м. Тетюшинский уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177

Габделкәбир < Абделкабир РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; ТШ

Габделкәрим < Абделкарим РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438; РС. Чист. за 1816 г. ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС. Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС. Мамадыш. за 1870-1879, ф.3, оп.2; Кн.м. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; ТШ

Габделкәфил < Абделкафил РС. г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Габделкотдус < Абделкотдус Кн.м. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г. ф. 204, оп. 177

Габделкыйб ТШ

Габделлатыф < Абделатиф РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438; РС. Чист. за 1816 г. ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС. Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС. г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; РС Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2

Габделмалик мат.Загса г. Казани 1930-1939

Габделмәжит < Абделмазит РС. г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; РС Малмыж. за 1763 г. , ф. 3, оп.2, д. 438; ТШ

Габделмән < Абделман РС Старолашманского уезда за 1834 г.; ТШ

Габделмәннәф < Абделманаф РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 -1879; ТШ

Габделмөгыйн < Абделмугин РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Габделнасыр < Абделнасир РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС. г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; РС Мамадыш. за 1870 -1879, ф.3, оп.2; РС Старолашманского уезда Каз. губ.. за 1834 г.

Габделнэгийм ТШ

Габделнэзир ТШ

Габделнэфигъ ТШ

Габделнэфыйк < Абделнафик РС. Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138;

ТШ

Габделрәүф мат. ЗАГСа 2000-2010

Габделрәхим < Абделрахим РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Габделрәшит < Абделрашид РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС
г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Габделсабир < Абделсабир РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; ТШ

Габделсаттар < Абделсаттар РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС
г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138;
мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; ТШ

Габделсаттар < Абделсатдар РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Габделсәлам < Абделсалям РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. №438

Габделсәлим < Абделсалям РС. г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Габделситдыйк < Абделситдик РС. Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483

Габделтаһир < Абделтахир РС. Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2.

Габделфаттах < Абделфаттах РС. Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2.

Габделхак Кн.м. Казанского уезда Казан. губ. за 1915 г. , ф. 204, оп. 177;
Кн.м. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177. мат. ЗАГСа г.
Казани 1930-1939; ТШ

Габделхалик < Абделхалик РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; РС
Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; ТШ; РС Старолашманского уезда Казан.
губ. за 1834 г.

Габделхалит < Абделхалит РС. г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Габделхатим мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Габделхафиз Кн.м. Тетюшинский уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп.

177

Габделхәбир < Абделхабир РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 -1879; ТШ

Габделхэй Кн.м. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; ТШ; Кн.пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855

Габделхәким < Абделхаким РС.- г. Казани за 1816 – 1825, 1870 -1879; РС Казан. губ. Старолашманского уезда. за 1834 г.; РС. Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; ТШ

Габделхәлим Кн.м. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; ТШ

Габделхәнәф < Абделханаф РС Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Габделхәсэн < Абделхасан РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2.

Габделһади ТШ

Габделшәкүр мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; ТШ

Габделшәрип < Абделшариб РС. Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438

Габделянар < Абделянар РС Казан. губ. Старолашманского уезда за 1834 г.

Габденасыр < Абделнасир РС. Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2.

Габдерахман < Абдрахман ТШ; РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; мат. ЗАГСа 2010 – 2015

Габдерәкыйп < Абдракиб РС за 1834 г. , оп. 2, ф. 3, 139; РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Габдерәсүл ТШ

Габдерәүф Кн.м. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; мат.ЗАГСа г. Казани 1930-1939

Габдерәфыйкъ ТШ

Габдерәхиб Абдрахиб РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Габдерәхим < Абдрахим РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; Кн. мет. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; ТШ

Габдерәшит < Абдрашид РС за 1762 г., ф. 3, оп. 2, д. 432; РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; мат. Загса г.

Казани 1930 – 1939; Кн. мет. Чист. уезда за 1903 г. ; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; ТШ

Габдесаттар < Абдсаттар РС г. Казани за 1816 - 1825, 1870 – 1879; ТШ

Габдесәгыйрь < Абдсагир РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Габдесәлим < Абдсалим РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Габди < Абди РС. Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2.

Габдлесаттар < Абдсаттар РС Чист. за 1816 г. ф. 3, оп.2, ед.хр. 483

Габдрахман < Абдрахман РС Малмыж. за 1763 год, ф. 3, оп.2, д. №438; РС. Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС г. Казани за 1816-1825, 1870 – 1879; РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; Кн.мет. Казанского уезда Казан. губ. за 1915 г. ф. 204, оп. 177; Кн.м. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; мат. Загса г. Казани 1930 -1939; ТШ; Кн.пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855

Гадрәхим < Абдрахим РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2.

Гадрәшит < Абдрашид РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438

Габдул мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Габдулла < Абдла Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 гг.

Габдулла < Абдулла РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; РС Чист. за 1834 г. , ф. 3, оп. 2, ед.хр. 139; Кн. м. Казанского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; мат. ЗАГСа 2010-2015; 1930-1939; РС. Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; ТШ

Габдуллажан Кн.м. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Габдулласәлим <Абдулласалим РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 -1879

Габдуллатыйф < Абдулатиф РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2.

Габдулсаттар < Абдулсаттар РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Габдулхак мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Габдулхалик < Абдулхалик РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Габдулхан мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Габелсаттар < Габелсаттар РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Габидулла < Габидулла РС Чист. за 1816 г. ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; Кн.м. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г. ф. 204, оп. 177; ТШ

Габит < Габид РС. г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879 ; РС Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Габсаттар ТШ

Гадел мат. ЗАГСa 2010 – 2015

Гаделжан мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Гаделша < Гаделша РС. Каз. губ. Старолашманской губ. за 1834 г.; РС. Мамадыш. За 1870-1879, ф.3, оп.2; Кн.пох. Каракашлинского с/с Ютазинского район аза 1934 г., ф-4527, оп.1, д.1.

Гаделшаһ ТШ

Гадижан мат.Загса г. Казани 1930-1939

Гадилша < Гадилша РС. Каз. губ. Старолашманской губ. за 1834 г.

Гадиятулла < Гатиатулла РС. Каз. губ. Старолашманской губ. за 1834 г.

Гази < Гази Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского района за 1934 г., ф-4527, оп.1, д.1.

Газиз < Газиз Кн.м. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; Кн.пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского района за 1938 г., ф. – Р-4855, оп.2, д.109; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; 2010 – 2015

Газизжан < Газизян Кн.м. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; Кн.м. Чист. уезда за 1903 г.; мат.Загса г. Казани 1930 -1939

Газизулла < Газизула Кн.м Тетюшинский уезда Казан. губ. за 1915 г. ф. 204, оп. 177; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939 ; ТШ

Газим < Газим Кн.пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского район аза 1938 г., ф. – Р-4855, оп.2, д.109

Газимжан < Газимзян Кн.м. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г. ф. 204, оп. 177.

Газиф < Газиф РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483

Газифжан < Газифзян Кн.пох. Акзигитовского с/с Нурлатского района за 1935 г., ф. -Р-6176, оп. 1, д.№3. -45 л.

Газымбэй ТШ

Гайнан ТШ

Гайнетдин < Гайнеддин РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС. Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС. г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; РС Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; Кн. м. Тетюшинский уезда Казан. губ. за 1915 г. ф. 204, оп. 177; Кн.м. Тетюшинский уезда Казан. губ. за 1915 г. ф. 204, оп. 177

Гайнулла < Гайнулла РС Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879 ; РС. Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2

Гайса < Гайса РС Малмыж. за 1763 г. , ф. 3, оп.2, д. 438; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; РС Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Гайфулла < Гайса РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; мат.Загса г. Казани 1930-1939

Гакыйм ТШ

Галәветдин < Галяветдин РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; Кн.м. Казанского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177.

Гали < Галей РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438; РС Чист. за 1816 г. ф. 3, оп.2, ед.хр. 483 ; РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; Кн.м.. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939 ; РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; Кн.пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-на за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855; Кн.пох. Каракашлинского с/с Ютазинского рай-она гэза 1934 г., ф-4527, оп.1, д.1.

Галиәкбәр < Галейакбер РС. г. Казани за 1816-1825, 1870-1879; РС. Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС. Каз. губ. Старолашманской губ. за 1834 г.

Галиәсгар ТШ

Галиәхмәт < Галейахмед РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; Кн.м. Казанского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; Кн. пох. Бахтиязовского с/с Атнинского рай-она за 1934 г., ф. 4086, оп.2, д.46

Галибәк < Галейбек РС Чист. за 1816 г. ф. 3, оп.2, ед.хр. 483

Галим ТШ; РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Галимбик < Галимбик РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Галимжан < Галимзян РС. г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; Кн.м. Чист. уезда за 1903 г.; Кн.м. Казанского уезда Казан. губ. за 1915 г. ф. 204, оп. 177; Кн.пох. Каракашкинского с/с Ютазинского район аза 1934 г., ф-4527, оп.1, д.1; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; 2010 – 2015; ТШ

Галимөхәммәт < Галеймухаммед РС. г. Казани за 1816 – 1825, 1870-1879

Галимулла мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Галимхан мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Галиулла < Галиулла РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; РС . Старолашманского уеза Казан. губ. за 1834 г.; мат. Загса г. Казани 1930-1939; ТШ; Кн.пох. Ногшанского с/с Арского рай-на за 1934 г., ф.Р-6182, оп.2, д. 13

Галләм < Галлям РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф. 3, оп.2; ТШ; Кн.пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855

Гамбәр мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Гамил Кн.пох. Акзигитовского с/с Нурлатского района за 1935 г., ф. -Р-6176, оп. 1, д.№3. -45 л.

Гамлет мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Ганиятулла < Ганиатулла РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Гарабжан мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Гарәпша Кн.пох. Ногшанского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф.Р-6182, оп.2, д. 13

Гарәфетдин Кн.м. Казанского уезда Казан. губ. за 1915 г. ф. 204, оп. 177

Гариф Кн.м Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; Кн.м Чист. уезда за 1903 г., мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; ТШ; Кн.пох. Акзигитовского с/с Нурлатского района за 1935 г., ф. -Р-6176, оп. 1, д.№3. -45 л.

Гарифжан < Гарифзян РС. г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; ТШ

Гарифулла Кн.м Казанского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; Кн.м. Чист. уезда за 1903 г.; Кн.пох. Ногшанского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф.Р-6182, оп.2, д. 13; Кн.пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855.

Гата Кн.пох. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-она за 1936 г., ф. Р-4799, оп.1, д. 16.

Гатаулла < Гатаулла РС Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС. Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; Кн.м. Казанского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177.

Гафиатулла < Гафиатула РС Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Гафур < Гафур РС Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС г. Казани за 1816-1825, 1870-1879; РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Гаффар < Гафар РС г. Казани за 1816-1825, 1870-1879; РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Гашахетдин < Гашахетдин РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Гаяз мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; Кн. пис. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского района за 1938 г., ф. – Р-4855, оп.2, д.109

Гәбделвәли < Аделвали РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Гәбделгазиз Кн.м. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177.

Гәбделжаббар < Абделджапар РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Гәбделкәрим < Абделкарим РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Гәбделлатыф < Абделлатиф РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Гәбделсаттар < Абделсаттар РС. Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Гәбделхәбир мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Гәбделхәяр <Абделхаяр РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438

Гәбдерәүф мат. ЗАГСа 2010-2015

Гәйнетдин < Айнетдин РС. Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Гәрәй Кн.м. Казанского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177

Гәрәйша ТШ

Гәрәйшаһ ТШ

Герман мат.Загса г. Казани 1930-1939

Гибәтулла < Гибатулла РС Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2

Гил мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Гилдиян мат.Загса г. Казани 1930-1939

Гиниятулла Кн.м Казанского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177;
Кн.м. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177

Гобәй < Губай РС. Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; Кн.м. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855

Гобәйдулла < Губайдулла РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС. г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; ТШ; Кн.пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855

Гомәр < Гумар РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; РС. Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2., мат. Загса 2000-2010; 1930-1939; Кн.м. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г. ф. 204, оп. 177

Гомәрхан Кн.пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г., ф. Р-4799, оп.1, д.16

Госман < Гусман РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438; Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; Кн. мет. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177. мат.загса г. Казани 1930-1939; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879 ; РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; ТШ; Кн.пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855.

Гөлбакты < Гульбахты РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438

Гөлбия < Гульбия РС Малмыж. за 1763 г. , ф. 3, оп.2, д. 438

Гөлшәрәф < Гульшараф РС за 1834 г. , оп. 2, ф. 3, 139

Гыйбадулла < Гибадулла РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.; МК Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г. ф. 204, оп. 177.

Гыйззәтулла < Гизатулла РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879 ; РС. Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; РС. Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; Кн.м. Чистоп. уезда за 1903 г; ТШ

Гыйләж Кн.п. Ногшанского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф.Р-6182, оп.2, д. 13

Гыйләжетдин < Гиляжетдин РС за 1834 г., оп. 2, ф. 3, 139; Кн.м Чистоп. уезда за 1903 г., мат.Загса г. Казани 1930-1939

Гыйлемша < Гилемшах РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Гыйльман < Гильман РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Гыйльман < Гильман РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; ТШ

Гыйльметдин < Гильметдин Кн. мет. Казанского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Гыйльми < Гильми РС. Каз. губ. Старолашманской губ. за 1834 г.

Гыйльмижан < Гильмизян ПК. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-на за 1936 г., ф. Р-4799, оп.1, д.16.

Гыйльмизадә < Гильмизадә РС за 1834 г. , оп. 2, ф. 3, №139.

Гыйльмисафа Кн.пох. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-на за 1936 г., ф. Р-499, оп.1, д.16.

Гыйльфан < Гильфан РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; Кн.м. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; ТШ

Гыймадетдин ТШ

Гыйматдин < Гыйматдин РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Гыймран < Гимран РС Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС.. Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Гыйндулла < Гиндулла РС за 1834 г. , оп. 2, ф. 3, 139.

Гыйният мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Гыйниятулла мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Гыйрфан ТШ

Гыйсмәтулла ТШ

Гыйфран Кн.м. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177

Гыният Кн.пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855.

Гыниятулла Кн.м. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177

Давид мат. ЗАГСа 2000-2010

Давыт < Давыт РС Малмыж. за 1763 г. , ф. 3, оп.2, д. 438

Дамбул мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Дамир мат.Загса г. Казани 1930 – 1939 ; 2010 – 2015

Даниас мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Даниель мат. ЗАГСа 2010 – 2015

Даниил мат. ЗАГСа 2000-2010

Данил мат.Загса г. Казани 1930 – 1939 ; 2000 – 2010

Данис мат. ЗАГСа 2000 – 2010; 2010 – 2015

Даниэль мат. ЗАГСа 2000 – 2010

Данияз мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; 2000 – 2010

Данияр мат. ЗАГСа 2000 – 2010; 2010 – 2015

Дарифулла мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Даһизулла мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Дәмин < Дамин РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Дәүләкәй < Девлеткей Кн. п. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 200; Маг. 1700, 36

Дәүләт мат. ЗАГСа 2000 – 2010

Дәүләтбай ТШ

Дәүләткилде < Девлетгелдей с. 51

Дәүләтхан Кн.пох.Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г., ф. Р-4799, оп.1, д.16.

Дәүләтша < Девлетша РС Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; ТШ; Кн.пох Базарно-Матаковского с/с Алькеевского района за 1938 г., ф. – Р-4855, оп.2, д.109

Дәүләтшаһ < Девлетшах РС Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; Кн.м. Тетюшинский уезда Казан. губ. за 1915 г. ф. 204, оп. 177; Кн.м. Чист. уезда за 1903 г.; ТШ

Дәүли < Девли Кн. п. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 96

Декабрист мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Денмөхәммәт < Динмухаммед РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Диас мат. ЗАГСа 2000 – 2010; 2010 – 2015

Динамо мат. Загса г. Казани 1930-1939

Динар мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; 2000 – 2010; 2010-2015

Динмөхәммәт < Динмухаммед РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; РС Мамадыш. за 1870 -1879, ф.3, оп.2; МК Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Дөлхидә Кн.пох Каракашлинского с/с Ютазинского района за 1934 г., ф-4527, оп.1, д.1.

Дусай Кн. п. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 188

Дусил мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Дускай < Доскей Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 г.

Елбула < Елбула РС. Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438

Елбулды < Елбуды РС. Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438

Еликәй < Еликай Кн. п. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 45

Енжіһан < Ензиган Кн. п. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 93

Ештыбай < Ештыбай РС. за 1762 г., ф. 3, оп. 2, д. 432

Жаббар < Джаббар РС. Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС. г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Жаббаркол < Джаббаркол РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Жамал < Джамал РС. г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Жан < Жан Кн. п. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 54

Жанбай < Янбайко Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 г

Жанбулат ТШ

Жанбулды < Янболды Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 г.

Жангали < Еналейко Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 г.

Жанегет < Яндигитко . Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 г.

Жарулла Кн.м Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177

Жафәр Кн.пох. Ногшанского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф.Р-6182, оп.2,
д.13

Жәбир < Джабир РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Жәгьфәр Кн.м. Тетюшинский уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177

Жәләй мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Жәләл < Джаләл РС. г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Жәләлетдин Кн.м. Чистополь. уезда за 1903 г.; Кн.м Тетюшского уезда
Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; ТШ

Жәмил Кн.пох. Акзигитовского с/с Нурлатского района за 1935 г., ф. -Р-
6176, оп. 1, д.№3. -45 л; мат. ЗАГСа 2010 – 2015

Жәмилдин < Джамильдин РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Жәүдәт Кн.м. Тетюшинский уезда Казан. губ. за 1915 г. ф. 204, оп. 177;
мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Жәүһәр ТШ

Жиһан < Зиган РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Жиһангәрәй Кн.м Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г. ф. 204, оп. 177.

Жиһаннур Кн.м Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г. ф. 204, оп. 177.

Жиһанша < Зиганша РС Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС.
Мамадыш. за 1870-1879, ф.3, оп.2; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; Кн.м
Чист. уезда за 1903 г.

Жиһаншаһ < Зиганшах Кн. мет. Казанского уезда Казан. губ. за 1915 г. ф.
204, оп. 177.

Закир < Закир Кн.м. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г. ф. 204, оп. 177.; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; ТШ; Кн.пох. Акзигитовского с/с Нурлатского района за 1935 г., ф. -Р-6176, оп. 1, д. 3. -45 л. Кн.пох. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-на за 1936 г., ф. Р-4799, оп.1, д.16; Кн.пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855.

Закиржан Кн.м. Чист. уезда за 1903 г.

Зариф < Зариф РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; Кн.м. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Заһид Кн.пох. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-она за 1936 г., ф. Р-4799, оп.1, д.16.

Заһидулла < Загидула РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Заһир < Загир РС Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; Кн.пох. Акзигитовского с/с Нурлатского района за 1935 г., ф. -Р-6176, оп. 1, д. 3. -45 л.

Заһретдин Кн.м. Тетюшинский уезда Казан. губ. за 1915 г. ф. 204, оп. 177.

Заяфетдин < Заяфетдин РС. Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Зәбир < Забир РС. г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Зәйдулла ТШ

Зәйнел < Зайнел РС. г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Зәйнелгабдин < Зайнелгабдин РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Зәйнетдин < Зайнетдин РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138, РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; Кн.м. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; Кн.пох. Акзигитовского с/с Нурлатского района за 1935 г., ф. -Р-6176, оп. 1, д. 3. -45 л.

Зәйнияр < Зайнияр РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438

Зәйнулла < Зайнулла РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС, Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 -1879; РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; Кн.м. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915

г., ф. 204, оп. 177; Кн.мет. Чистоп. уезда за 1903 г.; ТШ; Кн.пох. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-она за 1936 г., ф. Р-4799, оп.1, д.16

Зэйхетдин < Зайхетдин РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Зэки ТШ; Кн.пох. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-она за 1936 г., ф. Р-4799, оп.1, д.16.

Зэкижан Кн.пох. Акзигитовского с/с Нурлатского района за 1935 г., ф. -Р-6176, оп. 1, д.3, -45 л.

Зиннэт Кн.м. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г. ф. 204, оп. 177; ТШ; Кн.пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского района за 1938 г., ф. – Р-4855, оп.2, д.109

Зиннәтулла < Зиннатула РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; Кн.м. Казанского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; Кн.м. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; мат.загса г. Казани 1930-1939

Зиннур < Зинур РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; РС Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; Кн.м. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; Кн.пох. Каракашклинского с/с Ютазинского района за 1934 г., ф-4527, оп.1, д.1; мат.Загса г. Казани 1930-1939; 2010-2015

Зөбәер ТШ

Зөбәй < Зобай РС Малмыж. за 1763 г. , ф. 3, оп.2, д. 438; РС Чист. за 1816 г. ф. 3, оп.2, ед.хр. 483

Зөлфәр мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Зөфәр мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; Кн.пох. Ногшанского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф.Р-6182, оп.2, д. 13; Кн. пох. Акзигитовского с/с Нурлатского района за 1935 г., ф. -Р-6176, оп. 1, д. 3. -45 л.

Зыя Кн.пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855.

Зыятдин Кн.м. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177.

Ибайгол Кн. п. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 114

Ибәтулла < Ибатула РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС .
 Старолашманского уезда губ. за 1834 г.; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 -1879;
 РС Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС Мамадыш. за 1870 -1879, ф.3, оп.2.

Ибләмин < Ибляммин РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Иблиәмин < Иблиамин РС Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2.

Ибрай < Ибрай РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438; РС Чист. за 1834
 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.; РС
 Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870-1876

Ибраһим < Ибрахим РС Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС Мамадыш.
 за 1870 – 1879, Кн. мет. Чистоп. уезда за 1903 г.; Кн. мет. Казанского уезда Казан.
 губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; Кн. мет. Чистополь. уезда за 1903 г. ф.3,
 оп.2.мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; 2000 – 2010; 2010 – 2015

Игътисам ТШ

Игътисан ТШ

Иделәй Маг. 2295, 41

Иделкичә Маг. 2290, 41

Идрис < Идрис РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438; РС Чист. за 1816
 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; мат.Загса г.
 Казани 1930 – 1939

Изил мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Иксан < Иксан РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Илбак < Илбак Маг. 2470, 42

Илбарс < Илбарс Маг. 2475, 42

Илбатыр < Илбатыр Маг. 2475, 421

Илбизәр мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Илбирде < Илбирде РС за 1762 г., ф. 3, оп. 2, д. 432

Илбулат < Илбулат Маг. 2475, 42

Илгәрәй < Илгарай Маг. 2500, 42

Илгиз мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Илгизәр мат.Загса г. Казани 1930 - 1939

- Илдан мат. ЗАГСa 2010 – 2015
- Илдар мат.Загса г. Казани 1930 – 1939
- Илдус мат.Загса г. Казани 1930 – 1939
- Илимбик мат.Загса г. Казани 1930 – 1939
- Илман < Илман РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879
- Илмәмәт < Ильмаметко Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 г.
- Илми < Илмей Маг. 2690
- Илморза < Илмурза РС Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; Маг. 2690, 44
- Илназ мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; 2000 - 2010, 2010 – 2015
- Илнар мат. ЗАГСa 2010 – 2015
- Илнур мат. ЗАГСa 2000 – 2010; 2010 – 2015
- Илсаф мат. ЗАГСa 2000 – 2010
- Илсур мат.Загса г. Казани 1930 – 1939
- Илтазар < Илтазар РС Малмыж. за 1763 г. , ф. 3, оп.2, д. 438
- Илтимер < Илтимер РС за 1762 г. , ф. 3, оп. 2, д.432
- Илтөзәр мат.Загса г. Казани 1930 – 1939
- Илтуган < Илтуган РС Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138
- Илхужа < Илхузя РС Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138
- Илһам мат. ЗАГСa 2010 – 2015
- Илшат мат.Загса г. Казани 1930 – 1939
- Ильдар мат. ЗАГСa 2010 – 2015
- Ильмар мат.Загса г. Казани 1930 – 1939
- Ильфрит мат.Загса г. Казани 1930 – 1939
- Ильяс< Ильяс РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; Кн.пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855; 2000 – 2010; мат. ЗАГСa 2010 – 2015; ТШ
- Имам < Имам Кн. п. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855.

Имаметдин Кн. м. Тетюшский уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177;

ТШ

Имангол < Имангол РС. Малмыж. за 1763 г. , ф. 3, оп.2, д. 438; РС. Чист. за 1816 г. ф. 3, оп.2, ед.хр. 483

Имбель мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Инал МК

Инанч Бег МК

Индуc мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Инсаф Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского района за 1934 г., ф-4527, оп.1, д.1; мат. ЗАГСа 2000 – 2010; 2010 – 2015

Ирек мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; 2010 – 2015

Ирмас < Ирмас РС. Малмыж. за 1763 г. , ф. 3, оп.2, д. 438

Ирмөхәммәт < Ирмухаммад РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483

Ирсубай Маг. 3010, 46

Иршат мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Исәкәй < Исакай Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 84

Исәнбирде < Исанбирде РС. Малмыж. за 1763 г. , ф. 3, оп.2, д. 438

Исәнгилде Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 177

Исәнгол < Исангол РС. Малмыж. за 1763 г. , ф. 3, оп.2, д. 438; РС. Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Исәнкилде < Исангилде РС. Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438; Маг. 3065, 46

Искәндәр мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; 2000 – 2010; 2010 – 2015

Ислам < Ислам РС за 1762 г. , ф. 3, оп. 2, д.432; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.; Кн. пох. Акзигитовского с/с Нурлатского района за 1935 г., ф. -Р-6176, оп. 1, д.3; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; 2000 – 2010; 2010 -2015

Исламетдин < Исламетдин Кн. мет. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177

Исламжан мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Ислан < Ислан Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 45

Исмай < Исмай Маг. 3085, 46; ТШ

Исмэгыйль < Исмагил РС. Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438; РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; Кн. пох. Ногшанского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф.Р-6182, оп.2, д.13; РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; МК Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177, Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855; мат.Загса г. Казани 1930-1939; ТШ

Исрафил < Исрафил РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Исхак < Исхак РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438; РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; Кн. мет. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; мат.ЗАГСа г. Казани 1930 – 1939; 2010 -2015; Кн. мет. Чист. уезда за 1903 г.; Кн. мет. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г. ф. 204, оп. 177; ТШ

Исхаккол < Исхаккол РС. Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Ихсан < Ихсан РС. Чист. за 1816 г. ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС. г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; мат. ЗАГСа 2010 -2015; ТШ

Ишамайка ТШ

Ишэй < Ишай Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. < Ишейко Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 г.

Ишэйбай < Ишайбай Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 144

Ишэмир < Ишамир Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 107

Ишбай < Ишпайко Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 г.

Ишби < Ишбей РС. за 1762 г., ф. 3, оп. 2, д. 432

Ишбулат < Ишбулат Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 124

Ишбулды < Ишполды РС за 1762 г. , ф. 3, оп. 2, д. 432

Ишим < Ишим Маг. 3225, 48

Ишкэй < Ишкей РС за 1762 г. , ф. 3, оп. 2, д. 432

Ишкил < Ишкил Маг. 323, 45

Ишмәмәт < Ишмамет Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 188; Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 гг, РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438; РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; Маг. 3255

Ишмәт < Ишмат РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438; ТШ

Ишми < Ишмей РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438

Ишморат < Ишмурат РС. Малмыж. за 1763 г. , ф. 3, оп.2, д. 438; РС. г. Казани за 1816-1825, 1870-1879

Ишмөхәммәт < Ишмухамад РС. Чист. за 1816 г. ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС. Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г., РС. г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Ишмулла < Ишмолла Маг. 3265, 45

Ишмурат < Ишмурат Маг. 3265, 48

Иштәш < Иштычко Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 гг.

Иштирәк < Иштерек Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 гг.

Иштуган < Иштуган Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 143; < Иштуганко Кн.пис. Казанского уезда 1647 - 1656 г. Маг. 3325, 48; РС. за 1762 г. , ф. 3, оп. 2, д. 432

Ишчура < Ишчюра Маг. 3355, 45

Йомагол < Юмагул РС за 1762 г. , ф. 3, оп. 2, д. 432; РС Малмыж. за 1763 г. , ф. 3, оп.2, д. 438; РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС. Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС за 1834 г., оп. 2, ф. 3, 139.

Йосыф < Юсуф РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; РС Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; Кн.мет. Казанского уезда Казан. губ. за 1915 г. ф. 204, оп. 177; мат.Загса г. Казани 1930-1939; 2000-2010; мат. ЗАГСа 2010-2015; ТШ

Йосыфсадыйк < Юсуфсадыйк РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Йөзмән < Юзмен РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438

Йылдыбай < Елдыбай РС. Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438

Кабир ТШ

Кавшут МК

Кадер ТШ

Кадрэч <Кадречко Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 г.; ТШ

Кадыйр мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; ТШ

Кадыр Хан МК

Кадырмэт < Кадирметь РС Малмыж. за 1763 г. , ф. 3, оп.2, д. 438

Кадыш < Кадышко Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 г.

Казан < Казан Маг.3405, 48

Казанбай < Казанбай Маг. 3405

Казыбай < Казыбай Маг. 3425

Казый Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского района за 1934 г., ф-4527, оп.1, д.1.

Кайбул < Кайбулко Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 г.

Кайбула < Кайбула Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 56

Кайчура < Кайчюра РС. Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438

Кайыг МК

Калагнай < Калангай Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 59

Калэхмэт Маг. 3445

Калмэт < Калметь РС. Малмыж. за 1763 г. , ф. 3, оп.2, д. 438

Калморза < Калмурза Маг. 3475, 48

Калтуган < Калтуган Маг. 3480, 48

Камай < Камай Маг. 3490, 48; Кн. пох. Каракашкинского с/с Ютазинского район аза 1934 г., ф-4527, оп.1, д.1.

Камал < Камал РС. Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС. Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; мат. ЗАГСа 2000 – 2010; 2010-2015; Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского района за 1934 г., ф-4527, оп.1, д.1; Кн. пох. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-она за 1936 г., ф. Р-4799, оп.1, д.16.

Камалетдин < Камалетдин РС. г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; РС. Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС. Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2,

МК Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; Кн. мет. Чист. уезда за 1903 г.; ТШ

Камали < Камали РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Камил < Камиль мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; Кн. пох. Ногшанского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф.Р-6182, оп.2, д.1; мат. ЗАГСа 2000 – 2010; 2010 – 2015; ТШ

Карабай < Карабай Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 130

Карабаш < Карабаш РС Малмыж. за 1763 г. , ф. 3, оп.2, д. 438

Карагол < Карагол Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с.88

Карагол ТШ

Карай < Карай Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 39

Караман < Караман РС. Малмыж. за 1763 г. , ф. 3, оп.2, д. №438

Карасай мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Карача < Карача Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 50

Карачура < Карачура Маг. 3535, 50

Кармэмэт < Кармаметь РС за 1762 г. , ф. 3, оп. 2, д.432

Кармыш < Кармыш Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 47

Кармыш <Кармышко Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 г.

Касыйм < Касим Кн. мет. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г. ф. 204, оп. 177; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; ТШ

Касыймхан мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Касюк < Касюк РС. Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Катмыш МК

Качкын ТШ

Кашаф < Кашаф мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855

Кашафетдин < Кашафетдин РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; ТШ

Каюм мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; 2010 – 2015

Кэбир < Кабир РС Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС Каз. губ. Старолашманской губ. за 1834 г.

Кәлимулла Кн. мет. Чист. уезда за 1903 г.; ТШ

Кәраметдин мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Кәрәм < Карам Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-на за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855

Кәрим < Карим РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438; РС. Каз. губ. Старолашманской губ. за 1834 г.; РС. Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; Кн. пох Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855; мат. ЗАГСа 2000 – 2010; 2010 – 2015

Кәримулла < Каримула РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; Кн. мет. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1938 г., ф. – Р-4855, оп.2, д.109

Кәшәфетдин Кн. мет. Чистоп. уезда за 1903 г.

Кәшип мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Кәшиф мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Кәшфи мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Кәшшафетдин ТШ

Кем мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Кечеби < Кечебей РС. за 1762 г., ф. 3, оп. 2, д. 432

Килбарс < Килбарс Маг. 3655, 51

Килбәй < Килбей Маг. 3655, 51

Килде < Килде Маг. 3690, 51

Килдебәк < Килдебек Маг. 3690, 51

Килдеяр < Килдеяр Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 г. Маг. 3670, 51

Килмәмәт < Килмамед РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Килмөхәммәт < Кельмаметко Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 г.

Килсарай < Килсарай Маг. 3705, 51

Ким мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Кимәт < Киметь РС. за 1762 г., ф. 3, оп. 2, д. 432

Кинжәгол ТШ

Кирам мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского района за 1938 г., ф. – Р-4855, оп.2, д.109

Колиш < Кулиш Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг., с. 184

Колчура < Кулчюра Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 172

Конук МК

Корамша < Курамша РС Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2.

Корбан < Курбан Кн. пох. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-на за 1936 г., ф. Р-4799, оп.1, д.16; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского района за 1938 г., ф. – Р-4855, оп.2, д.109;

Корбанай ТШ

Корбангали < Курбангалей РС. Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС. г. Казани за 1816 - 1825, 1870 – 1879; РС. Мамадыш. за 1870 -1879, ф.3, оп.2; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; ТШ

Корманай < Курмантай Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 182

Корманай < Курманай РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438

Корманай < Курманайко Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 г.

Кормаш < Курмаш Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 45

Котлыбулат <Кутлубултко Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 г.

Котлыкадим < Кутлукадим РС. Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Котлымөхәммәт < Кутлумухаммад РС. Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2.

Котлыяр < Кутлуяр Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 124; РС. за 1762 г., ф. 3, оп. 2, д. 432

Көбәк < Кубек Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 138

Көбәч <Кубеч Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 гг.

Көмеш МК

Көнчек < Кюнчюк Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг., с. 65

Көчек < Кючук Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг., с. 47

Крымчай < Крымчай Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг., с. 189

Күгәй < Кюгей Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг., с. 130

Күч Тигин МК

Куаметдин < Куамеддин РС за 1834 г. , оп. 2, ф. 3, 139; РС Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Кудаш < Кудаш Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 39

Кулай < Кулай Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 гг.

Кулмәмәт <Кулмаметко Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 г.

Кулуш < Кулуш Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 127

Кумук МК

Кутлуг Тегин МК

КЫЗЫЛБАЙ < КЫЗЫЛБАЙ Маг. 4110, 54

КЫЛЫЧ Хан МК

КЫНЫК МК

Кыяметдин мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Леор мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Латифулла ТШ

Латыйп < Латип РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483

Латыйф < Латиф РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.; РС. г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского район аза 1934 г., ф-4527, оп.1, д.1

Ленар мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; 2000 – 2010

Леонард мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; 2000 – 2010

Лерик мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Лерун мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Линар мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Линур мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Листар мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Локман Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г., ф. Р-4799, оп.1, д.16; мат. ЗАГСа 2000 – 2010; 2010 – 2015

Лотфулла ТШ

Лунар мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Малик ТШ; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Мамай < Мамай РС. Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438

Мөхәммәтгали < Мамеделейко Кн.пис. Казанского уезда 1647-1656 г.

Мамәтулла < Маматула РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС. г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Маннаф < Манаф РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438

Мансур < Мансур РС. Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; Кн. пох. Ногшанского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф.Р-6182, оп.2, д. 13; мат. ЗАГСа 2000 – 2010; 2010 – 2015;

Манфрит мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Марат мат.Загса г. Казани 1930 – 1939, 2000 – 2010; 2010 – 2015

Мариль мат. ЗАГСа 2000 – 2010

Марк мат ЗАГСа 2000 – 2010

Марлен мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Марс мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Марсель мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; 2000 – 2010; 2010 – 2015

Маһиәхмәт < Магиахметь РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС. Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Мәвләви мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Мәгьсүм < Магсум РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; Кн. мет. Чист. уезда за 1903 г., мат. Загса г. Казани 1930 – 1939; Кн. пох. Акзигитовского с/с Нурлатского района за 1935 г., ф. -Р-6176, оп. 1, д.3. -45 л.

Мәдрәс < Мадрас РС Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 139; РС за 1834 г. , оп. 2, ф. 3, 139.

Мәдьяр РС < Мадьяр Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438

Мәжит < Мазит РС. Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Мәжүт < Маджуд Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского района за 1938 г., ф. – Р-4855, оп.2, д.109

Мәмәтали ТШ

Мәмәтелша < Маматлшах Маг. 4405, 56

Мәннаф < Манаф РС. г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Мәнфәгать мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Мәрхәбә < Мархаба Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского района за 1934 г., ф-4527, оп.1, д.1; Кн. пох. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-она за 1936 г., ф. Р-4799, оп.1, д.16.

Мәсгутъ < Масгутъ РС за 1762 г. , ф. 3, оп. 2, д. 432; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879 мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Мәснәви мат.Загса г. Казани 1930-1939

Мәүләбирде ТШ

Мәүлетдин < Мавлетдин Кн. пох. Бахтиязовского с/с Атнинского рай-на за 1934 г., ф. 4086, оп.2, д.46

Мәүли< Мавлей РС Малмыж. за 1763 г. , ф. 3, оп.2, д. 438; РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Мәхмүджан ТШ

Мәхмүт < Махмуд РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; ТШ; Кн. пох. Акзигитовского с/с Нурлатского района за 1935 г., ф. -Р-6176, оп. 1, д.№3. -45 л; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855; Кн. пох. Бахтиязовского с/с Атнинского рай-она за 1934 г., ф. 4086, оп.2, д.46; Кн.пох Ногшанского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф.Р-6182, оп.2, д. 13

Мәхмүтсолтан < Махмудсултан РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Мәһди < Магдей РС Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Мидхәд < Мидхәть Кн. пох. Акзигитовского с/с Нурлатского района за 1935 г., ф. -Р-6176, оп. 1, д.№3. -45 л; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; Кн. пох. Ногшанского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф.Р-6182, оп.2, д. 13; Кн. пох Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-она за 1936 г., ф. Р-4799, оп.1, д.16

Мидхәтжан мат. ЗАГСа 2000 – 2010

Мизаж < Мизяж Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-на за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855.

Минбулат < Минбулат РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Мингали мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-на за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855.

Мингаяз мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Мингэрэй < Мингарей Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855

Миндүбэк < Миндубак РС. Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483

Миндубай < Миндубай РС. Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС. Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2

Минкасым мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Минкач < Минкач РС за 1834 г., оп. 2, ф. 3, 139; РС. Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Минкэбир мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Миннеэхэт мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Миннебай мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Миннегаян мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Миннегол мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Минхарис Кн. пох. Ногшанского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф.Р-6182, оп.2, д. 13

Минһаж Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855.

Минһажоетдин Кн. м. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г. ф. 204, оп. 177; ТШ

Миңкэй < Минкей РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Миңлеэхмэт < Минахмет РС Старолашманского уезда Казан губ. за 1834 г.; МК Чистоп. уезда за 1903 г.; Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г., ф. Р-4799, оп.1, д.16.

Миңлебай < Минлибай РС. Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. №438; РС. г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; ТШ; РС. за 1762 г., ф. 3, оп. 2, д. 432

Миңлебах < Минлибах РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438

Миңлевафа < Минлисафа РС за 1834 г. , оп. 2, ф. 3, №139; РС Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Миңлевәли < Минливалей РС Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Миңлегабид Кн. мет. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г. ф. 204, оп. 177.

Миңлегабидулла Кн. мет. Чист. уезда за 1903 г.

Миңлегали Минлейгалией РС Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Миңлегалим Кн. мет. Чист. уезда за 1903 г.; ТШ

Миңлегәрәй Кн. мет. Чист. уезда за 1903 г.

Миңлегөл < Минлегуль РС. Чист. за 1816 г. ф. 3, оп.2, ед.хр. 483

Миңлежиһан Кн. мет. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177.

Миңлезакир Кн. мет. Чист. уезда за 1903 г.

Миңлезаһид ТШ

Миңлекасыйм Кн. пох Акзигитовского с/с Нурлатского района за 1935 г., ф. -Р-6176, оп. 1, д.3. -45 л.

Миңлекәй < Минлекей РС. Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Миңлесадык ТШ

Миңлесафа < Минлейсафа РС Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; МК Чистополь. уезда за 1903 г.

Миңлетөхитулла < Минлейтухитула РС. за 1834 г., оп. 2, ф. 3, 139; РС Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Миңлехан < Минлейхан РС. Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Миңлехатып < Минлейхатип РС. за 1834 г. , оп. 2, ф. 3, 139.

Миңлехәйдәр Кн. мет. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г. ф. 204, оп. 177.

Миңлехәниф ТШ

Миңлешаһид Кн. пох. Акзигитовского с/с Нурлатского района за 1935 г., ф. -Р-6176, оп. 1, д.№3. -45 л.

Миңнеәхәт < Минлеахад РС Чист. за 1816 г. ф. 3, оп.2, ед.хр. 483

Мицнебай Кн. мет Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177;

ТШ

Мицнегали Кн. мет. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177;

ТШ

Мицнегалим ТШ

Мицнегаяс Кн. мет. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г. ф. 204, оп. 177.

Мицнегөл < Минегуль РС Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Мицнехан Кн. пох. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-она за 1936 г., ф. Р-4799, оп.1, д.16.

Мицнехәйдәр Кн. мет. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г. ф. 204, оп. 177.

Мицнехәниф ТШ

Мицнеһади Кн. мет. Тетюшскогог уезда Казан. губ. за 1915 г. ф. 204, оп. 177.

Мицнулла < Минулла РС. Чист. за 1816 г. ф. 3, оп.2, ед.хр. 483

Мицнур < Минур РС Чист. за 1816 г. ф. 3, оп.2, ед.хр. 483

Мицтимер Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г., ф. Р-4799, оп.1, д.16.

Мирас ТШ

Миргазиз Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского район аза 1938 г., ф. – Р-4855, оп.2, д.109

Миргаләветдин < Миргаляведдин РС Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Миргали Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского района за 1934 г., ф-4527, оп.1, д.1.

Миргалим Кн. пох Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г., ф. Р-4799, оп.1, д.16.

Миргасим ТШ

Миргаяз ТШ

Мирзабәй Маг. 4435, 56

Мирзавәли Кн. пох. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-она за 1936 г., ф. Р-4799, оп.1, д.16.

Мирзажан Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского район аза 1938 г., ф. – Р-4855, оп.2, д.109

Мирсәгыйт ТШ ; Кн. пох. Акзигитовского с/с Нурлатского района за 1935 г., ф. -Р-6176, оп. 1, д.№3. -45 л.

Мирсәед ТШ

Мирсәяф Кн. пох. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-она за 1936 г., ф. Р-4799, оп.1, д.16.

Мирхәбиб ТШ

Мирхәт Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского района за 1934 г., ф-4527, оп.1, д.1.

Мифтах Кн. пох Каракашлинского с/с Ютазинского района за 1934 г., ф-4527, оп.1, д.1.

Мифтахетдин < Мифтахуддин РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС Мамадыш за 1870 – 1 879, ф.3, оп.2; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870-1879

Мияссәр < Мияссар РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Могыйн < Мугин РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Мозаффар < Музаффар РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС. г. Казани за 1816-1825, 1870-1879; РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; ТШ

Монасыйп < Мунасиб РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438 ; РС. Чист. за 1816 г. ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС. г. Казани за 1816 – 1825, 1870 -1879; РС. Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Монаш < Монаш Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 130

Морадин < Мурадин РС за 1834 г. , оп. 2, ф. 3, 139; РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Морадым < Мурадым РС Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Морат < Мурад РС Мамадыш. за1870-1879, ф.3, оп.2; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855.

Мораткәрим < Мурадкарим РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Моратхан < Мурадхан РС. Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Моратша ТШ

Морза < Мурзачко Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 гг.

Морзагол ТШ

Морзакилде < Мурзагелди Маг. 4815, 5 <Мурзагелдейко Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 гг.

Мортаза < Мортаза < Муртаза РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. №438; РС. Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483 РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС. Каз. губ. Старолашманской губ. за 1834 г.; РС Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; ТШ; Кн. пох. Бахтиязовского с/с Атнинского рай-на за 1934 г., ф. 4086, оп.2, д.46

Мостай < Мустай РС. за 1762 г., ф. 3, оп. 2, д.432; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Мостафа < Мустафа РС Малмыж. за 1763 год, ф. 3, оп.2, д. №438; РС. Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2.; мат. ЗАГСa 2010 – 2015; ТШ

Мотыйг Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского района за 1934 г., ф-4527, оп.1, д.1.

Мотыйгулла < Мутыйгулла мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского района за 1938 г., ф. – Р-4855, оп.2, д.109

Мохтар < Мухтар РС. Чист. за 1816 г. ф. 3, оп.2, ед.хр. 489; «РС» Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Мөбәрәк < Мубарак мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; Кн. пох. Каракашкинского с/с Ютазинского района за 1934 г., ф-4527, оп.1, д.1; Кн. пох. Ногшанского с/с Арского рай-на за 1934 г., ф.Р-6182, оп.2, д. 13

Мөбәрәкжан < Мубаракзян Кн.мет. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г. ф. 204, оп. 177; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского район аза 1938 г., ф. – Р-4855, оп.2, д.109

Мөбәрәкша Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855; Кн пох. Ногшанского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф.Р-6182, оп.2, д.13

Мөбәрәкша Кн. мет. Тетюшинский уезда Казан. губ. за 1915 г. ф. 204, оп. 177.

Мөдәррис мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; Кн. пох. Каракашкинского с/с Ютазинского района за 1934 г., ф-4527, оп.1, д.1.

Мөжәһит мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; ТШ

Мөжит < Музит Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского района за 1938 г., ф. – Р-4855, оп.2, д.109

Мөйәссәр ТШ

Мөкадир Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855

Мөкәддәсә Кн. пох. Каракашкинского с/с Ютазинского района за 1934 г., ф-4527, оп.1, д.1

Мөкмин ТШ

Мөлек < Мулюк РС. Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Мөнир мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Мөсавир < Мусавир Кн. пох. Акзигитовского с/с Нурлатского района за 1935 г., ф. -Р-6176, оп. 1, д.№3. -45 л.

Мөсәгыйт < Мусагит РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438; РС. г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Мөслим < Муслим РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Мөстәкыйм < Мустахим РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; ТШ; РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Мөфаззал ТШ

Мөфтахетдин ТШ

Мөхәдвәли ТШ

Мөхәммәдәмин ТШ

Мөхәммәдбасыйр ТШ

Мөхәммәдвәли ТШ

Мөхәммәдгали ТШ

Мөхәммәдгалим ТШ

Мөхәммәдгариф ТШ

Мөхәммәдгәрәй ТШ

Мөхәммәджан ТШ

Мөхәммәдзакир ТШ

Мөхәммәдзариф ТШ

Мөхәммәдзәки ТШ

Мөхәммәди < Мухаммади РС Мамадыш. за 1870 – 1 879, ф.3, оп.2; ТШ

Мөхәммәдйәр ТШ

Мөхәммәдкәрим ТШ

Мөхәммәдкол ТШ

Мөхәммәдлатыф ТШ

Мөхәммәдрәхим ТШ

Мөхәммәдсабир ТШ

Мөхәммәдсадыйк ТШ

Мөхәммәдсалих ТШ

Мөхәммәдсәлим ТШ

Мөхәммәдхажи ТШ

Мөхәммәдхан ТШ

Мөхәммәдхарис ТШ

Мөхәммәдхафиз ТШ

Мөхәммәдхәбиб ТШ

Мөхәммәдхәниф ТШ

Мөхәммәдхәсэн ТШ

Мөхәммәдшакир ТШ

Мөхәммәдшәриф ТШ

Мөхәммәдшәфигъ ТШ

Мөхәммәдъяр < Мухаммедъяр РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138;
РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Мөхәммәт < Мухаммад < Мухаммед < Мамет Кн.пис. Казанского уезда
1647 – 1656 г., Маг. 4856, 60; РС. Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438; РС Чист.
за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС Мамадыш за 1870 -1 879, ф.3, оп.2. мат.Загса
г. Казани 1930 – 1939; 2000 – 2010; 2010 – 2015

Мөхәммәтәмин < Мухаммадамин РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 -1879;
РС Мамадыш за 1870 – 1 879, ф.3, оп.2; мат. ЗАГСа 2010 – 2015

Мөхәммәтәхмәт < Мухаммадахмад РС. г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Мөхәммәтвәһап < Мухаммадвахаб РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Мөхәммәтвәли < Мухаммадвалей РС. Мамадыш. за 1870-1879, ф.3, оп.2;
РС. Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; МК Чистополь. уезда за 1903 г.; Кн.
мет. Казанского уезда Казан. губ. за 1915 г. ф. 204, оп. 177.

Мөхәммәтгали < Мухаммадгалей РС. Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр.
138; РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.; РС. Мамадыш за 1870 –
1879, ф.3, оп.2., мат. ЗАГСа 2010 – 2015 г.

Мөхәммәтгалим < Мухаммагалим РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 -1879

Мөхәммәтгариф < Мухаммадгариф РС Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3,
оп.2; Кн. пис. Ногшанского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф.Р-6182, оп.2, д.№13

Мөхәммәтгата < Мухаммадгата Кн. мет. Чистополь. уезда за 1903 г.

Мөхәммәтгашыйм < Мухаммадгашим РС. Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр.
138

Мөхәммәтгәрәй < Мухаммадгарай Кн. мет Чист. уезда за 1903 г.; Кн. мет.
Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855

Мөхәммәтдәмин < Мухаммадамин РС. за 1834 г. , оп. 2, ф. 3, 139.

Мөхәммәтдин < Мухамеддин РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Мөхәммәтҗан < Мухамедзян РС Чист. за 1816 г. ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС
Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС Мамадыш за 1870-1879, ф.3, оп.2;
мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Мөхәммәтжәмил < Мухамедзямилъ РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Мөхәммәтзакир < Мухаммадзакир РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; Кн. мет. Чист. уезда за 1903 г.

Мөхәммәтзари́ф < Мухаммадзари́ф РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; РС. Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2

Мөхәммәтзәки < Мухаммадзакией РС г. Казани за 1816 - 1825, 1870 – 1879

Мөхәммәтйосы́ф < Мухамматюсу́ф РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2

Мөхәммәткасы́йм < Мухамматкасим Кн. мет. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177

Мөхәммәткаша́ф < Мухаммадкаша́ф РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Мөхәммәткәри́м < Мухаммадкарим РС. Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г., РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; Кн. мет. Чист. уезда за 1903 г.

Мөхәммәтлаты́ф < Мухаммадлати́ф РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2

Мөхәммәтнәжи́п < Мухаммаднаджи́б Кн. мет. Казанского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177

Мөхәммәтрәхи́м < Мухаммадрахи́м РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2

Мөхәммәтсады́к < Мухаммадсади́к РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; Кн. мет. Чист. уезда за 1903 г.

Мөхәммәтсали́х < Мухаммадсали́х Кн. мет. Казанского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; Кн. мет. Чист. уезда за 1903 г., мат. ЗАГСа 2010 – 2015

Мөхәммәтсафа < Мухаммадсафа РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; РС Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Мөхәммәтситдик < Мухамедсидик РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2

Мөхәммәтфазыл < Мухаммадфазил РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Мөхәммәтфатыйх < Мухаммадфатих РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2, МК Казанского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; МК Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177

Мөхәммәтхан Кн. пох. Бахтиязовского с/с Атнинского рай-она за 1934 г., ф. 4086, оп.2, д 13

Мөхәммәтхатыйп Кн. мет. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177

Мөхәммәтхафиз Кн. мет. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177

Мөхәммәтхәнәви < Мухаммадханави РС за 1834 г., оп. 2, ф. 3, 139; РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Мөхәммәтхәсән < Мухаммадхасан РС Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2

Мөхәммәтхәсәен < Мухаммадхусаен РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2

Мөхәммәтһади Кн. мет. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177

Мөхәммәтша < Мухаммедша РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС г. Казани за 1816 -1825, 1870 – 1879; РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; Кн. пох. Ногшанского с/с Арского рай-на за 1934 г., ф.Р-6182, оп.2, д.13

Мөхәммәтшакир < Мухаммадшакир РС Каз. губ. Старолашманской губ. за 1834 г.; Кн. мет. Чист. уезда за 1903 г.; РС Мамадыш за 1870 -1 879, ф.3, оп.2

Мөхәммәтшамил < Мухаммадшамиль РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2.

Мөхәммәтшаһ < Мухаммадшах РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483;
РС Старолашманского уезда Казан. губ.. за 1834 г., РС г. Казани за 1816 – 1825,
1870 – 1879; Кн. мет. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177;
Кн. мет. Чист. уезда за 1903 г.

Мөхәммәтшәрип < Мухаммадшариб РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр.
138; РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2.

Мөхәммәтъян < Мухаммедьян РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Мөхәммәтъяр < Мухамедьяр РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483

Мөхәммәтйонысжан < Мухаммедйонусзян РС Мамадыш за 1870 -1879, ф.3,
оп.2

Мөхәррәм < Мухарям РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; мат.Загса
г. Казани 1930 – 1939

Мөхәтдин < Мухутдин РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС г.
Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; Кн.
пох. Ногшанского с/с Арского рай-на за 1934 г., ф.Р-6182, оп.2, д.13

Мөхи Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского район аза 1934 г., ф-4527,
оп.1, д.1.

Мөхсин < Мухсин РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Мөштәри < Муштари Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского
район аза 1938 г., ф. – Р-4855, оп.2, д.109

Муллағали Кн. пох. Ногшанского с/с Арского рай-на за 1934 г., ф.Р-6182,
оп.2, д.13

Муллағаяз мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Мулланур мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; Кн.пох. Старо-Зимеевской с/с
Актанышского рай-на за 1936 г., ф. Р-4799, оп.1, д.16.

Мулласәед < Молласеид Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 гг.

Муллахажи < Муллахази Кн. пох. Бахтиязовского с/с Атнинского рай-на за
1934 г., ф. 4086, оп.2, д.46

Муллаяң мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Мурат мат ЗАГСа мат. ЗАГСа 2000 – 2010; 2010 – 2015

Мурзабэк < Мурзабек Маг. 4835, 59

Мурзакилде < Мурзагелди Маг. 4820, 59

Муса < Муса Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 43; РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438; ТШ; РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.; РС Мамадыш за 1870 -1879, ф.3, оп.2; мат. ЗАГСа 2000 – 2010; 2010 – 2015

Муса < Мусайко РС. Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438

Мустафа ТШ.

Муфтаретдин < Муфтареддин РС. Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Муянак < Муянак РС за 1762 г. , ф. 3, оп. 2, д.432

Надирбэк мат. ЗАГСа 2010 – 2015

Назарбай < Назарбай РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438

Назим мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Назир < Назир < Назирко РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; ТШ; РС за 1762 г. , ф. 3, оп. 2, д. 432

Наил мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; 2000 – 2010; 2010 – 2015

Нариман мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; 2010 – 2015

Насретдин < Насредин РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп., ед.хр. 483; РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Насыйбулла < Насибулла РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; МК Чист. уезда за 1903 г.; ТШ; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского район аза 1938 г., ф. – Р-4855, оп.2, д.109

Насыйр < Насир РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; ТШ

Начачура < Начачюра Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 58

Нэби < Набей РС. за 1762 г., ф. 3, оп. 2, д. 43; Кн. пох. Акзигитовского с/с Нурлатского района за 1935 г., ф. -Р-6176, оп. 1, д. 3; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского район аза 1938 г., ф. – Р-4855, оп.2, д.109

Нәбиулла < Набиулла РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; МК Чист. уезда за 1903 г.; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; ТШ

Нәгыйм < Нагим Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-на за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855

Нәдерша ТШ

Нәжип < Назиб Кн.пох. Бахтиязовского с/с Атнинского рай-она за 1934 г., ф. 4086, оп.2, д.46; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Нәжметдин < Назмеддин РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; РС Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2

Нәкыйп < Накиб РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Нәргиз мат. ЗАГСа 2010 – 2015

Нәсих Кн. пох. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-она за 1936 г., ф. Р-4799, оп.1, д.16

Нәүширбан ТШ

Нәфыйк Кн. пох. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-она за 1936 г., ф. Р-4799, оп.1, д.16

Нигъмәт ТШ

Нигъмәтдин < Нигмеддин РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Нигъмәтжан < Нигметдзян РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; РС Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; Кн. м. Казанского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855

Нигъмәтулла < Нигметулла РС. Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр.; РС. г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; Кн. мет. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483

Нидшат ма. ЗАГСа 2000 – 2010

Низаметдин < Низамеддин РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Низук мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Нил мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Нияз мат.Загса г. Казани 1930 – 1939 ; 2000 – 2010; 2010 – 2015; ТШ

Ниязмөхәммәд ТШ

Ногай < Ногай Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 45

Ногман < Нугман РС. Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.; РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Нәсрәтулла < Нусратула РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; мат. ЗАГСа 2000 – 2010; Кн.пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855

Нургазиз Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского района за 1938 г., ф. – Р-4855, оп.2, д.109

Нургали < Нургалей Кн. мет Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского района за 1938 г., ф. – Р-4855, оп.2, д.109

Нургаян Кн. мет. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177. мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Нургаян Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855

Нурелгата < Нурелгата РС за 1834 г., оп. 2, ф. 3, 139

Нуретдин < Нуреддин РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; МК Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177.; Кн. пох. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-она за 1936 г., ф. Р-4799, оп.1, д.16; мат ЗАГСа 2000 – 2010; 1930 – 1939

Нури Кн. пох. Акзигитовского с/с Нурлатского района за 1935 г., ф. -Р-6176, оп. 1, д.№3. -45 л

Нуриәхмәт мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Нурижан Кн. мет. Чист. уезда за 1903 г.

Нурислам Кн. мет. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; мат. ЗАГСа 2010 – 2015: мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; ТШ; Кн. пис. Ногшанского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф.Р-6182, оп.2, д. 13

Нурихан Кн. пох. Ногшанского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф.Р-6182, оп.2, д. 13

Нуркай Кн. пох. Каракашкинского с/с Ютазинского района за 1934 г., ф-4527, оп.1, д.1

Нурлан мат. ЗАГСа 2010 – 2015

Нурмөхәммәт < Нурмухаммед РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 139; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2.; Кн. мет. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177.; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; Кн. пох. Бахтиязовского с/с Атнинского рай-она за 1934 г., ф. 4086, оп.2, д.46

Нурмөхәммәт < Нурмухаммед РС Старолашманского уезад Казан. губ. за 1834 г.

Нурмөхәммәтгали < Нурмухаммедгалей РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Нурмый < Нурмый РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Нурсабах мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Нурулла Кн. мет. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; Кн. мет. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855

Нурылбәйән ТШ

Нурылхан Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855

Орбай < Орбай Маг. 5180, 62

Оргалды < Оргалды Маг. 5180, 62

Оргали < Оргалей Маг. 5185, 62

Отмыш МК

Равил мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; 2000 – 2010; 2010 – 2015; ТШ

- Радель мат. ЗАГСа 2000 – 2010; 2010 – 2015
- Радий мат.Загса г. Казани 1930 – 1939
- Радик мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; 2010 – 2015
- Радим мат. ЗАГСа 2000 – 2010
- Радмир мат. ЗАГСа 2000 – 2010; 2010 – 2015
- Разаль мат. ЗАГСа 2000 – 2010
- Разил мат. ЗАГСа 2000 – 2010; 2010 – 2015
- Раил мат. ЗАГСа 2010 – 2015
- Рамаз мат. ЗАГСа 2010 – 2015
- Рамазан Кн. пох. Ногшанского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф.Р-6182, оп.2, д.13; мат. ЗАГСа 2000 – 2010; 2010 – 2015
- Рамзан мат. Загса 2000 – 2010; 2010 – 2015
- Рамил мат. ЗАГСа 2000-2010; 2010 – 2015
- Рамир мат. ЗАГСа 2010 – 2015
- Ранас мат.Загса г. Казани 1930 – 1939
- Ранель 2000-2010, мат. ЗАГСа 2010 – 2015
- Ранис мат. ЗАГСа 2010 – 2015
- Расил мат. ЗАГСа 2010 – 2015
- Ратмир мат. ЗАГСа 2000 – 2010
- Рауль мат. ЗАГСа 2000 – 2010
- Рафаил Кн. пох. Ногшанского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф.Р-6182, оп.2, д.13; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; мат. ЗАГСа 2010 – 2015
- Рафил Кн. пох. Бахтиязовского с/с Атнинского рай-она за 1934 г., ф. 4086, оп.2, д.46
- Рафис мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; 2000 – 2010
- Рафыйк < Рафик РС. Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 - 1879; РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2, мат.Загса г. Казани 1930 – 1939
- Рахманкол < Рахманкул РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; РС. Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Рашад мат.Загса г. Казани 1930 – 1939, 2010 – 2015

Раяз мат. ЗАГС а 2010 – 2015

Раян мат. ЗАГС а 2000 – 2010

Рәжәп < Реджеб РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Рәис мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; ТШ; Кн. пох. Ногшанского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф.Р-6182, оп.2, д.13; Кн. пох. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-она за 1936 г., ф. Р-4799, оп.1, д.16

Рәйан ТШ

Рәкип мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Рәкыйп Кн. пох. Бахтиязовского с/с Атнинского рай-она за 1934 г., ф. 4086, оп.2, д.46

Рәсим мат. ЗАГС а 2010 – 2015

Рәсүл мат. ЗАГС а 2000 – 2010

Рәүф мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Рәфил < Рафил РС. Чист. за 1816 г. ф. 3, оп.2, ед.хр. 483

Рәфкәт мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; Кн.пох. Бахтиязовского с/с Атнинского рай-она за 1934 г., ф. 4086, оп.2, д.46

Рәфсил < Рафсил РС за 1834 г. , оп. 2, ф. 3, 139

Рәфыйк < Рафик РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Рәхим Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855; мат. ЗАГС а 2010 – 2015

Рәхимжан Кн. пох. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-на за 1936 г., ф. Р-4799, оп.1, д.16.

Рәхимкол < Рахимкул РС Чист. за 1816 г. ф. 3, оп.2, ед.хр. 483

Рәхимулла Кн. мет. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177

Рәхиятулла < Рахиятулла РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Рәхманкол < Рахманкул РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Рәхмәтулла < Рахматулла РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438; РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС . Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.; РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС г. Казани за 1816 – 1825,

1870 – 1879; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 -1879; Кн. мет. Казанского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; ТШ; Кн. пох. Ногшанского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф.Р-6182, оп.2, д.13

Рәшит мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; 2000 – 2010; Кн. кох. Акзигитовского с/с Нурлатского района за 1935 г., ф. -Р-6176, оп. 1, д.3; Кн. пох. Каракашкинского с/с Ютазинского района за 1934 г., ф-4527, оп.1, д.1

Рев мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Рево мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Рем мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Ренат мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Ренор мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Риаз мат. ЗАГСа 2010 – 2015

Ригат мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Риза Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-на за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855

Ризван < Ризван РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; 2000 – 2010; 2010 – 2015

Римбәк мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Риназ мат. ЗАГса 2000 – 2010

Ринал мат. ЗАГСа 2010 – 2015

Ринар мат. ЗАГСа 2010 – 2015

Ринат мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; 2000 – 2010; 2010 – 2015

Риф Кн. пох. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-она за 1936 г., ф. Р-4799, оп.1, д.16; 2000 – 2010

Рифат мат. 2000 – 2010

Рифгятьдин ТШ

Рифкать мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; Кн. пох. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-на за 1936 г., ф. Р-4799, оп.1, д.16

Ришад Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855

Ришат мат. ЗАГСа 2000 – 2010

Роберт мат. ЗАГСа 2000 – 2010; 2010 – 2015; 1930 – 1939

Ронав мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Рөстәм мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; 2000 – 2010; 2010 – 2015

Рүзэл мат. ЗАГСа 2000 – 2010; 2010 – 2015

Рубин мат ЗАГса 2000 – 2010

Рудольф мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Руслан мат. ЗАГСа 2010 – 2015

Рушан мат. ЗАГСа 2000 – 2010; 2010 – 2015

Сабай < Сабай РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Сабака < Сабака Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 44

Сабакай < Сабакай Маг. 6300, 68 < Сабакайко Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 гг.

Сабакан < Сабакан Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 176

Сабанай < Сабанай Маг. 6305, 68

Сабанчай < Сабанчейко Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 гг .

Сабаханул < Сабанул РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. №438

Сабир < Сабир РС Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 139; Кн. пох. Ногшанского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф.Р-6182, оп.2, д. 13; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855; мат. ЗАГСа 2010 – 2015; ТШ

Сабиржан < Сабирзян Кн. мет. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г. ф. 204, оп. 177; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-на за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855

Сабит < Сабит РС Чист. за 1816 г. ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; РС Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; мат. Загса г. Казани 1930 – 1939; ТШ

Сагын МК

Садрелислам ТШ

Садретдин < Садредин РС Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского района за 1938 г., ф. – Р-4855, оп.2, д.109

Садри < Садри РС. Чист. за 1816 г. ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; Кн. мет. Казанского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177.

Садыйк < Садыйк РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; Кн. мет. Чист. уезда за 1903 г.; РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Садыршәһид ТШ

Сает ТШ

Саиткол ТШ

Саймәт < Саймат Маг. 6515, 72

Сайморза < Сайморза Маг. 6515

Салабай < Салабай Маг. 6520, 72

Салават мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; 2000 – 2010; 2010 – 2015

Салаватулла < Салаватулла Кн. мет. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г. ф. 204, оп. 177

Саланти < Саланти РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438

Салим мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Салих < Салих РС. Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; МК Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; ТШ; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; 2010 – 2015; Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского района за 1934 г., ф.4527, оп.1, д.1; Кн. пох. Ногшанского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф.Р-6182, оп.2, д. 13; Кн. пох. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-она за 1936 г., ф. Р-4799, оп.1, д.16.

Салихгәрәй МК Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177

Салихжан мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; ТШ; Кн. пох. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-она за 1936 г., ф. Р-4799, оп.1, д.16

Салтанай < Салтанай РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438

- Салтанай Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 45
- Салтыш Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 53
- Самат Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; 2000 – 2010; 2010 – 2015
- Самигулла ТШ
- Самир мат. ЗАГСа 2000 – 2010; 2010 – 2015
- Санибэк < Санибек Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 113
- Санигол < Санигул РС. Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138
- Сара < Сара Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 г.
- Сарбай Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 84
- Сарбалта < Сарбалта Маг. 6730, 73
- Саркай < Саркай Маг. 6745, 73
- Сарман < Сарман Маг. 6745, 73
- Сармантай < Сармантай РС. Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438
- Сармат мат. ЗАГС а 2000 – 2010
- Сары < Сары Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 165
- Сарыкул < Сарыгуль Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 84
- Сарын < Сарын РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438
- Сатморза < Сатморза Маг. 6780, 73
- Саттай < Саттай РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879
- Саттар < Саттар РС Старолашманского Казан. губ. за 1834 г.; Кн. пох. Ногшанского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф.Р – 6182, оп.2, д. 13
- Сатыш <Сатышко Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 гг.
- Сафа < Сафа РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; Кн. пох. Бахтиязовского с/с Атнинского рай-она за 1934 г., ф. 4086, оп.2, д.46; Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского района за 1934 г., ф – 4527, оп.1, д.1.
- Сафагәрәй < Сафагирей РС. Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138
- Сафи < Сафи Кн.пох. Ногшанского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф.Р-6182, оп.2, д. 13
- Сафийан ТШ

Сафиулла < Сафиулла Кн. мет. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; ТШ; РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855

Сафназ мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Саяр мат. ЗАГСа 2000 – 2010

Сәвиджан Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г., ф. Р-4799, оп.1, д.16.

Сәгадәт Кн. мет. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп.177

Сәгатдин < Сагадин РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Сәгыйдулла Кн. мет. Чист. уезда за 1903 г.

Сәгыйтдин < Сагиддин РС Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Сәгыйть < Сагить РС Малмыж. за 1763 г. , ф. 3, оп.2, д. 438; ТШ; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879 ; РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г., ф. Р-4799, оп.1, д.16; Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского района за 1934 г., ф-4527, оп.1, д.1

Сәгыйтьборһан < Сагитьбурган РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Сәедбаттал ТШ

Сәедгаффар ТШ

Сәедгәрәй ТШ

Сәет < Саид РС Чист. за 1816 г. ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; 2000 – 2010

Сәетборһан < Саидбурган РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС Чист. за 1834 г, ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Сәетгәрәй < Саидгирей Кн. мет. Чист. уезда за 1903 г., 2000 – 2010; МК Казан. уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177

Сәетзадә Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855

Сәйлун ТШ

Сәйфелмөлек < Сайфульмулюк РС Чист. за 1834 г. ф.3, оп. 2, ед.хр. 138; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Сәйфетдин < Сайфутдин РС. Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; РС Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; МК Чист. уезда за 1903 г.; МК Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177

Сәйфулла < Сайфулла РС. Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438; РС. Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 -1879; РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2

Сәлахетдин Кн. мет Чист. уезда за 1903 г.; ТШ; МК Казанского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; Кн. мет. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177

Сәләх < Сәлях Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского района за 1934 г., ф-4527, оп.1, д.1; Кн. пох. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-она за 1936 г., ф. Р-4799, оп.1, д.16

Сәләхетдин мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; 2010 – 2015

Сәлим < Селим РС. Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438; РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2.; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; РС. г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855; мат. ЗАГСа 2010 – 2015; ТШ

Сәлимгәрәй ТШ

Сәлимжан < Селимзян РС. за 1762 г., ф. 3, оп. 2, д.432; РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.; Кн. мет. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; 2000 – 2010

Сәлимулла Кн. мет. Чист. уезда за 1903 г., Кн. мет. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г. ф. 204, оп. 177

Сәлмән ТШ

Сәмигулла ТШ; Кн. пох. Ногшанского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф.Р-6182, оп.2, д. 13

Сэфәр < Сафар РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483

Сэфәрғали < Сафарали РС. Каз. губ. Старолашманской губ. за 1834 г. ; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Сэфәргәрәй < Сафагирей РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Сэхәби < Сахаби Кн. пох. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-на за 1936 г., ф. Р-4799, оп.1, д.16.

Сэхәветдин < Сахаветдин РС. г. Казани за 1816 - 1825, 1870 – 1879; МК Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г. , ф. 204, оп. 177.

Сәхибгәрәй ТШ

Сәяр мат. ЗАГСа 2010 – 2015

Сәярүлла < Саярүлла РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438

Селчук МК

Сибгат Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855

Сибгатулла < Сибгатулла РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; МК Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177

Сингатулла < Сингатула РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Сираж Кн. пох. Ногшанского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф.Р-6182, оп.2, д. 13

Сиражетдин < Сиразеддин РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед. хр. 483; РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Сиражи < Сирази РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Сирин ТШ

Ситдик < Ситдик РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2

Солтан < Султан РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского района за 1938 г., ф. – Р-4855, оп.2, д.10; Кн.пох. Каракашлинского с/с Ютазинского района за 1934 г., ф-4527, оп.1, д.1; Кн. пох. Ногшанского с/с Арского рай-она за

1934 г., ф.Р-6182, оп.2, д.13; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; 2000 – 2010; 2010 – 2015

Солтанай < Султанай РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп. 2, д. 438; Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского района за 1934 г., ф-4527, оп.1, д.1.

Солтанэхмэт Кн. пох. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г. ф. 204, оп. 177.

Солтанбай < Султанбай РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483

Солтанбэй < Султанбей РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438

Солтанбэк < Султанбек РС г. Казани за 1816 - 1825, 1870 – 1879; ТШ

Солтангали < Султангалей РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; ТШ

Солтангэрэй ТШ; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-на за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855

Солтанис < Солтанис РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Солтанморат < Султанмурат РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Солтанхэмид ТШ

Сөбханкол < Субханкул РС за 1834 г., оп. 2, ф. 3, 139; РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Сөбханулла < Субханулла РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483

Сөөндөк < Сююндюк РС за 1762 г., ф. 3, оп. 2, д. 432

Сөөнчэк < Сюенчек Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 127

Сөлэйман < Сулейман РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438; РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; 2010 – 2015; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-на за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855

Сөнэгать Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского района за 1938 г., ф. – Р-4855, оп.2, д.109

Сөнгатулла ТШ

Сөнчэлэй < Сунчалейко Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 гг.

Сүнгүс МК

Сули МК

Тажетдин < Тазетдин РС. Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; РС. г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; ТШ

Тажимөхәммәд ТШ

Таир мат. ЗАГСа 2000 – 2010

Тайбарс < Тайбар РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Тайбарыш < Тайбарыш РС. за 1762 г., ф. 3, оп. 2, д. 432

Тайморза < Таймурза РС. Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Тайпулат < Тайпулат РС. за 1762 г., ф. 3, оп. 2, д. 432

Тамерлан мат. ЗАГСа 2010 – 2015

Тансара < Тансара Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 54

Таңатар < Таңгатар Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 гг.

Таңкилде < Танкелди РС за 1762 г., ф. 3, оп. 2, д. 432

Таңчулпан < Танчолпанко Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 гг.

Тарих мат.Загса г. Казани 1930-1939

Тархан МК

Таһир < Тагир РС. за 1762 год, ф. 3, оп. 2, д.№432; РС. г. Казани за 1816-1825, 1870-1879; РС. Каз. губ. Старолашманской губ. за 1834 г.; мат.Загса г. Казани 1930-1939; 2000-2010; мат. ЗАГСа 2010-2015; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-на за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855.

Таһиржан Кн. мет. Тетюшинский уезда Казан. губ. за 1915 г. ф. 204, оп. 177

Ташмәрдән < Ташмардан РС Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2

Тәкәй < Текей Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 45

Тәлгат мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Тәтигәч < Татигеч Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 63

Тәүкил < Тавкел Кн. пис. Казанского уезда 1602 - 1603 гг. с. 104; Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 гг.

Тәхәветдин ТШ

Текиш МК

Теләүкәй <Тлевкеко Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656г г.

- Теребай < Теребай Маг. 778, 81
- Теребирде < Тереберде Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 45
- Терегол < Терегол Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 105
- Терекэй < Терекяй Маг. 7785, 81
- Тимер < Темер Кн. пис. Казанского уезда 1602-1603 гг. с. 94; РС. Малмыж. за 1763 год, ф. 3, оп.2, д. №438
- Тимербай < Темербай РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.
- Тимербэк < Темербяк РС Чист. за 1834 г. , ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138
- Тимербулат < Темерблат РС Малмыж. за 1763 г. , ф. 3, оп.2, д. 438; РС Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939
- Тимергали < Темергалей РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; МК Чист. уезда за 1903 г.
- Тимери < Темерей РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438
- Тимеркэй < Темеркяй РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.
- Тимерлан мат. ЗАГСа 2000 – 2010; 2010 – 2015
- Тимерхан мат. ЗАГСа 2000 – 2010
- Тимур мат. ЗАГСа 2000 – 2010; 2010 – 2015
- Тинбай < Тинбай Маг. 7920, 82
- Тинбар < Тинбар Маг. 7920, 82
- Тинбарс < Тинбарс Маг. 7920, 82
- Тинбэй < Тинбей Маг. 7925, 82
- Тинбик < Тинбек Маг. 7925, 82
- Тиңбулат < Тинбулат Маг. 7930, 83
- Тиңкилде < Тинкелди Маг. 7930, 83
- Тиңмөхәммәт < Тинмаметко Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 гг.
- Тойбак < Тойбак Маг. 8095, 83
- Тойбарс < Тойбарс Маг. 8100, 83
- Тойбатыр < Тойбатыр Маг. 8100, 83
- Тойбула < Тойбула Маг. 8105, 83

Тойбулат < Тойбулат Маг. 8105, 83

Тойгилде < Тойгелди Маг. 8110, 83; Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 47

Токыш МК

Тонга МК

Торымтай МК

Тохтыш < Тохтыш Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 105

Төхфәт Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г., ф. Р-4799, оп.1, д.16

Төхфәтулла < Тухватула РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.; РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС г. Казани за 1816 - 1825, 1870 – 1879; РС. Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; ТШ

Туганай < Туганай Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 179

Туйчы < Туйчы Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 126

Тукай < Токайко Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 гг.

Туктагол < Туктагол РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Туктай < Токтайко Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 г.

Туктамыш < Тухтамыш Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 92; РС за 1762 г., ф. 3, оп. 2, д.№432; РС. Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438; РС . Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Туктар < Туктар РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС. г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879 <Тохтарко Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 гг.

Тулбай < Тулбай Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 гг.

Тулыбәй < Тулубей Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 173

Тумак < Тумак Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 118

Тутук МК

Тутуш МК

Туыш Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 173

Үзәкәй < Узекей Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 192

Үзбәк < Узбьяк Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 185; мат.Загса
г. Казани 1930 – 1939

Үзебәк < Узбек Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 53

Үлмәс < Улмяс РС. за 1762 г., ф. 3, оп. 2, д. 433; РС. Чист. за 1834 г. ф. 3,
оп. 2, ед.хр. 138

Үлмәскамал < Улмяскамал РС за 1834 г. , оп. 2, ф. 3, 139.

Үлмәскол < Улмяскол РС за 1834 г. , оп. 2, ф. 3, 139; РС Чист. за 1834 г. ф.
3, оп. 2, ед.хр. 138

Үмәч < Умячко Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 г.

Үрмәт < Урмат Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 г.

Үтәгән < Утягян РС. за 1762 г. ф. 3, оп. 2, д. 432

Үтәй < Утейко Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 г.

Үтәш < Утяш Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 192

Умар мат. ЗАГСа 2000 – 2010

Умаржан мат. ЗАГСа 2000 – 2010

Уразай < Уразай РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438; РС
Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Уразбай < Уразбай РС за 1762 г., ф. 3, оп. 2, д. 432

Уразгилде < Уразгилде Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 140

Уразкорман < Уразкорман Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 60

Уразла < Уразлеко Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 г.; Кн. пис.
Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 140

Уразлы < Уразлы Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 196

Уразман < Уразман РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438

Уразмәмәт < Уразмаметко Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656г г.

Уразмәт < Уразметко РС Малмыж. за 1763 г. , ф. 3, оп.2, д. 438

Ураучы Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 60

Урмәмәт < Урмаметко Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 г.

Усай < Усай РС за 1762 г., ф. 3, оп. 2, д. 432

Утар МК

Утуш МК

Фаварис Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855.

Фазыл < Фазыл РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г. мат. ЗАГСа 2000 – 2010

Фаил < Фаил Кн. пох. Ногшанского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф.Р-6182, оп.2, д. 13; мат. ЗАГСа 2000 – 2010

Фаис мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Файзулла ТШ

Факил мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Фарук мат. ЗАГСа 2000 – 2010; 2010 – 2015

Фатих Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855

Фатихжан < Фатихян РС Чист. за 1834 г. , ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Фатыйх мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Фәез Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855

Фәезхан ТШ

Фәйзелхак Кн. мет. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177

Фәйзетдин Кн. мет. Чист. уезда за 1903 г.

Фәйзетдин РС. Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483

Фәйзи Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855

Фәйзрахман Кн. мет. Казанского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177

Фәйзул < Файзул РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Фәйзулла < Файзулла ТШ; РС Чист. за 1816 г. , ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.; РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; Кн. мет. Чист. уезда за 1903 г.

Фәйзулхан мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Фэйруз ТШ

Фэйрузшаһ ТШ

Фэлэх Кн. мет. Казанского уезда Казан. губ. за 1915 г. ф. 204, оп. 177; Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г., ф. Р-4799, оп.1, д.16

Фәнил Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-на за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855

Фәннур мат. ЗАГСа 2010 – 2015

Фәрит мат.Загса г. Казани 1930 - 1939; Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского района за 1934 г., ф-4527, оп.1, д.1; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855

Фәрраһетдин ТШ

Фәрраһшаһ Кн. мет. Чист. уезда за 1903 г.

Фәррух мат. ЗАГСа 2000 – 2010

Фәрукша ТШ

Фәрхат мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Фәрхетдин Кн. пох. Акзигитовского с/с Нурлатского района за 1935 г., ф. - Р-6176, оп. 1, д.3 -45 л

Фәсих Кн. пох. Каракашкинского с/с Ютазинского район аза 1934 г., ф-4527, оп.1, д.1

Фәссәһетдин < Фассаһетдин РС за 1834 г., оп. 2, ф. 3, №139; МК Чист. уезда за 1903 г.

Фәсхетдин < Фасхетдин РС. Чист. за 1834 г. , ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Фәтһаһетдин ТШ

Фәтһераһман Кн. мет. Казанского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177.

Фәтхетдин < Фатхетдин РС. г. Казани за 1816-1825, 1870-1879; ТШ

Фәтхи < Фатхи РС. Чист. за 1816 г. ф. 3, оп.2, ед.хр. 483

Фәтхулла < Фатхулла РС. Чист. за 1816 г. ф. 3, оп.2, ед.хр. 483

Фәтхулла < Фатхулла РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.; РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; РС Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; Кн. мет. Чист. уезда за 1903 г.; ТШ

Фәхрази ТШ

Фәхрелислам ТШ

Фәхретдин РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; Кн. мет. Тетюшинского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; ТШ

Фәхрижан Кн. мет. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г. ф. 204, оп. 177

Фәһим Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского района за 1934 г., ф-4527, оп.1, д.1

Феликс мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Фердинант мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Фидан мат. ЗАГСа 2010 – 2015

Фирдәвес мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Фоат мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского района за 1934 г., ф-4527, оп.1, д.1.

Франс мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Фрид мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Хабит < Хабит РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Хажы Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского района за 1938 г., ф. – Р-4855, оп.2, д.109

Хажыәхмәт ТШ

Хажимөхәммәд ТШ

Хазар Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855

Хазма < Хазма РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2

Хайбулла < Хайбулла РС. г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Халик < Халик РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Халит < Халит РС Чист. за 1816 г. ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС. Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; мат.Загса г. Казани 1930-1939; ТШ

Халитжан Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855

Харис Кн. мет. Тетюшинский уезда Казан. губ. за 1915 г. ф. 204, оп. 177; Кн. мет. Чист. уезда за 1903 г., мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; Кн. пох. Ногшанского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф.Р-6182, оп.2, д. 13; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского района за 1938 г., ф. – Р-4855, оп.2, д.109

Харисетдин ТШ

Харрас Кн. пох. Акзигитовского с/с Нурлатского района за 1935 г., ф. -Р-6176, оп. 1, д.3. -45 л

Харрасетдин ТШ

Хасиэхмэт Кн. пох. Бахтиязовского с/с Атнинского рай-она за 1934 г., ф. 4086, оп.2, д.46

Хасият Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского района за 1938 г., ф. – Р-4855, оп.2, д.109

Хатип Кн. мет. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского района за 1934 г., ф-4527, оп.1, д.1; Кн. пох. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-она за 1936 г., ф. Р-4799, оп.1, д.16.

Хатиф мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Хатиян мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Хафиз Кн. мет.Чист. уезда за 1903 г. мат. Загса г. Казани 1930 – 1939; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855; Кн. пох. Ногшанского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф.Р-6182, оп.2, д.13

Хафизжан Кн. мет. Тетюшинский уезда Казан. губ. за 1915 г. ф. 204, оп. 177.

Хафизулла < Хафизула РС. Каз. губ. Старолашманской губ. за 1834 г.

Хафис Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855.

Хәбиб < Хабиб РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС. г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; Кн. пох. Бахтиязовского с/с Атнинского рай-она за 1934 г., ф. 4086, оп.2, д.46

Хәбибжан < Хабибзян РС. Чист. за 1816 г. ф. 3, оп.2, ед.хр. 483

Хәбибрахман < Хабибрахман Кн. мет. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; ТШ; Кн.пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855

Хәбибулла < Хабибулла РС. Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; МК Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; МК Чист. уезда за 1903 г.;ТШ

Хәерелислам ТШ

Хэй Кн. пох. Каракашкинского с/с Ютазинского района за 1934 г., ф-4527, оп.1, д.1

Хэйбулла < Хайбулла РС. Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС. Каз. губ. Старолашманской губ. за 1834 г.

Хәйдәр мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; 2000 – 2010, 2010 – 2015; ТШ; Кн.пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855.

Хәйретдин < Хайрутдин РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; МК Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; ТШ; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского района за 1938 г., ф. – Р-4855, оп.2, д.109

Хәйрулла < Хайрулла РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; РС. Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; Кн. мет. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г. ф. 204, оп. 177.

Хәким < Хаким РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.; РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; мат. ЗАГСа 2010 – 2015; Кн. пох. Акзигитовского с/с Нурлатского района за 1935 г., ф. -Р-6176, оп. 1, д.3; Кн. пох. Ногшанского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф.Р-6182, оп.2, д. 13

Хәкимжан < Хакимзян Кн. мет. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Хәкимулла < Хакимула РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; Кн. мет. Казанского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; Кн. пох. Ногшанского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф.Р-6182, оп.2, д. 13

Хәләл < Хәлял РС. Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438

Хәләфетдин ТШ

Хәлил < Халил РС. г. Казани за 1816-1825, 1870-1879; Кн. пох. Бахтиязовского с/с Атнинского рай-она за 1934 г., ф. 4086, оп.2, д.46

Хәлилжан < Халилзян РС за 1834 г., оп. 2, ф. 3, 139; РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Хәлилулла ТШ

Хәлим Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-на за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 85

Хәлим мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Хәлимжан < Халимзян РС за 1834 г., оп. 2, ф. 3, 139

Хәлимулла Кн. пох. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-она за 1936 г., ф. Р-4799, оп.1, д.16

Хәлиулла ТШ

Хәмди Кн. пох. Бахтиязовского с/с Атнинского рай-она за 1934 г., ф. 4086, оп.2, д.46

Хәмзә < Хамзя РС Малмыж. за 1763 год, ф. 3, оп.2, д. 438; РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 -1879; мат. ЗАГСа 2010 – 2015; 1930 – 1939

Хәмидулла < Хамидула РС. Каз. губ. Старолашманской губ. за 1834 г.; РС. г. Казани за 1816-1825, 1870-1879; РС. Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС. Мамадыш. за 1870-1879, ф.3, оп.2; ТШ

Хәмит < Хамит РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438; РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; 2010 - 2015;

ТШ; Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г., ф. Р-4799, оп.1, д.16

Хәмитзәки Кн. пох. Ногшанского с/с Арского рай-на за 1934 г., ф.Р-6182, оп.2, д. 13

Хәмитсадыйк < Хамитсадик РС Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Хәнәфи < Ханафи РС Чист. за 1816 г. ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС. Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; Кн. пох. Ногшанского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф.Р-6182, оп.2, д.13

Хәниф ТШ

Хәсән < Хасан РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2.; РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; 2000 – 2010; РС. Чист. за 1816 г. ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского района за 1934 г., ф-4527, оп.1, д.1

Хәсәнбәй мат. ЗАГСа 2010 – 2015

Хәсәнғали мат. ЗАГСа 2010 – 2015

Хәсәнәтдин < Хасанәтдин РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2.

Хәсәнҗан < Хасанҗан РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Хәсәнша < Хасанша РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Хәсәншаһ < Хасаншаһ Кн. мет. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; ТШ

Хәсим < Хасим РС. Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Хикмәт < Хикмет Кн. пох. Акзигитовского с/с Нурлатского района за 1935 г., ф. -Р-6176, оп. 1, д. 3. -45 л.

Хисаметдин < Хисамеддин РС. Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г; РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; Кн. мет. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; ТШ

Хисмәт < Хисметь РС. г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Хисмәтулла < Хисметула РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.; РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; Кн. мет. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177.

Хисми< Хисмей РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Ходабахты < Ходабахты Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 147

Ходайбирде < Ходайбирде Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 157

Ходайгол < Ходайгол Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 183

Хозбулла < Хозбулла РС. за 1834 г. , оп. 2, ф. 3, №139; РС. Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Хөбетдин < Хубуддин РС. Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Хөрмәт Кн. пох. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-она за 1936 г., ф. Р-4799, оп.1, д.16

Хөсәен < Хусейн РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.; РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; мат. Загса г. Казани 1930 -1 1939; 2010 – 2015; ТШ

Хөсне < Хусни РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2.

Хөсетдин < Хуснедин РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г., РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС г. Казани за 1816 -1825, 1870 – 1879; РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; ТШ

Хөнисаттар Кн. пох. Ногшанского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф.Р-6182, оп.2, д. 13

Хөсниян < Хусниян РС Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Хөснулла Кн. Каракашлинского с/с Ютазинского района за 1934 г., ф-4527, оп.1, д.1; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского района за 1938 г., ф. – Р-4855, оп.2, д.109

Хужа Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг., с .100

Хужаэхмәт < Хузяхметь РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; РС. г. Казани за 1816-1825, 1870-1879; Кн. пох. Ногшанского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф.Р-6182, оп.2, д. 13

Хужагол < Хузягол Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 113

Нади Кн. мет. Чистополь. уезда за 1903 г.; мат. Загса г. Казани 1930 – 1939

Надиулла мат. Загса г. Казани 1930 – 1939

Индиятулла Кн. мет. Казанского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177.

Чава МК

Чагры Бег МК

Чагры Тегин МК

Чанбатыр < Чанбатыр Маг. 9395, 93

Чанбулат < Чанбулат Маг. 9165, 91

Чанкэй < Чанкей Маг. 9170, 91

Чирмэнтай < Чирментай Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 61

Чүкэй < Чюкейко Кн. пис. Казанского уезда 1647 – 1656 г

Чувашай < Чувашай Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 48

Чуглан МК

Чулпан < Чулпан Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 48

Чурабай < Чурабай Маг. 9520, 94

Чурабатыр < Чурабатыр Маг. 9520, 94

Чурай < Чурай Маг. 9520; < Чюрайко Кн. пис. Казанского уезда 1647 – 1656

г.

Чурали < Чурали Маг. 9530, 94

Чурачэк < Чурачак Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 192

Чуричэй < Чюрючей Кн. пис. Казанского уезда 1647 – 1656 г.

Чыңгыз мат. ЗАГСа 2000 – 2010, 2010 – 2015

Шабай < Шабай РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп. 2, ед. хр. 483; РС Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед. хр. 138

Шабан < Шабан РС. Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед. хр. 138

Шагай < Шагай Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 45

Шайбакты < Шайбакты РС. за 1762 г., ф. 3, оп. 2, д. 432

Шайман < Шайман Маг. 9575, 94

Шаймурза < Шаймурза Маг. 9575

Шакир < Шакир РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; ТШ; Кн. мет. Казанского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; Кн. мет. Чистоп. уезда за 1903 г.; РС. Старолашманского Казан. губ. за 1834 г.; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855

Шакиржан < Шакирзян ТШ; Кн. пох. Акзигитовского с/с Нурлатского района за 1935 г., ф. – Р – 6176, оп. 1, д. 3; Кн. пох. Бахтиязовского с/с Атнинского рай-она за 1934 г., ф. 4086, оп.2, д.46

Шалкай < Шалкай Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 188

Шамәрдан < Шамардан Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 195

Шамил мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; 2000 – 2010; мат. ЗАГСа 2010 – 2015; ТШ; Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского района за 1934 г., ф-4527, оп.1, д.1; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855

Шамсетдин ТШ

Шангали < Шангалей РС. Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438

Шангәрэй < Шангерей РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855

Шанханнан < Шанханнан РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2

Шафик < Шафик РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Шаһвәли < Шахвалей РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; Кн. мет. Чист. уезда за 1903 г.; ТШ

Шаһгали < Шигали Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 162

Шаһгали ТШ

Шаһзан < Шахзан Кн. мет. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177.

Шаһиәхмәт < Шахиахмед РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483

Шаһиәхмәт < Шахиахмед РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2

Шаһигәрәй Шахигарай РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Шаһид < Шахид Кн. мет Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855

Шаһидулла Шахидулла Кн. мет. Казанского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; Кн. пох. Бахтиязовского с/с Атнинского рай-она за 1934 г., ф. 4086, оп.2, д.46

Шаһимансур ТШ

Шаһимәрдан < Шахимерден РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2

Шаһимөхәммәд ТШ

Шаһимулла < Шахимулла Кн. пох. Бахтиязовского с/с Атнинского рай-она за 1934 г., ф. 4086, оп.2, д.46

Шаһинур мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Шаһмөхәммәд ТШ

Шаһназ мат. ЗАГСа 2000 – 2010

Шаһнигъмәт мат. ЗАГСа 2000 – 2010, 2010 – 2015

Шәвәли Кн. пох. Ногшанского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф.Р-6182, оп.2, д. 13

Шәех Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского района за 1934 г., ф-4527, оп.1, д.1

Шәехвәли ТШ

Шәехгали ТШ

Шәехжан Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г., ф. Р-4799, оп.1, д.16.

Шәйәхмәд ТШ

Шәйбирде < Шайберде Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 108

Шәйхелислам ТШ

Шәйхетдин Кн. мет. Казанского уезда Казан. губ. за 1915 г. ф. 204, оп. 177; Кн. мет. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; ТШ

Шэйхи Кн. пох. Акзигитовского с/с Нурлатского района за 1935 г., ф. -Р-6176, оп. 1, д. 3; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855

Шэйхулла < Шайхула РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; Кн. мет. Казанского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; Кн. мет. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г. ф. 204, оп. 177

Шэкүр < Шакур РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Шэмардан < Шамардан РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-на за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855

Шэмгун < Шамгун РС Каз. губ. Старолашманской губ. за 1834 г.

Шэмсевэли Кн. мет. Тетюшинский уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177

Шэмсесамат Кн. пох. Акзигитовского с/с Нурлатского района за 1935 г., ф. -Р-6176, оп. 1, д. 3. -45 л.

Шэмсетдин < Шамсуддин РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.; РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; Кн. мет. Казанского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; Кн. мет. Чист. уезда за 1903 г.; ТШ

Шэмси Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского района за 1934 г., ф-4527, оп.1, д.1

Шэмсиэхмэд ТШ

Шэмсимөхэммет мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Шэрэф < Шараф РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Шэрэфетдин < Шарафуддин РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; РС Мамадыш. за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; ТШ; Кн. мет. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; Кн. мет. Чист. уезда за 1903 г.

Шәрип < Шарип РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.; РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Шәриф < Шариф РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.; Кн. пох. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-на за 1936 г., ф. Р-4799, оп.1, д.16

Шәрифжан < Шарифзян РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; МК Тетюшинский уезда Казан. губ. за 1915 г. ф. 204, оп. 177; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Шәрифүлла Кн. мет. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; ТШ; Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского района за 1934 г., ф-4527, оп.1, д.1.; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855

Шәүвәл < Шаваль РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Шәүкәт мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; ТШ

Шәфи < Шафи РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2.

Шәфигулла Кн. мет. Чист. уезда за 1903 г. ; Кн. мет. Казанского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177.

Шәфижан Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855

Шәфыйк Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп. 2, д. 855

Шәхид Кн. мет. Чистополь. уезда за 1903 г.; Кн. пох. Каракашкинского с/с Ютазинского район аза 1934 г., ф-4527, оп.1, д.1.

Шәяхмәт < Шаяхметь РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879 ; ТШ; Кн. пох. Бахтиязовского с/с Атнинского рай-она за 1934 г., ф. 4086, оп.2, д.46

Шигәй < Шигайко Кн.пис. Казанского уезда 1647 - 1656 г.

Ширинад РС. Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483

Ширияздан Кн.пох. Акзигитовского с/с Нурлатского района за 1935 г., ф. - Р-6176, оп. 1, д. 3. -45 л.

Шиһабгали < Шихабали РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2.

Шиһабетдин < Шигабеддин РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; РС Мамадыш за 1 870 -1879, ф.3, оп.2; РС. Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Шиһапгәрәй < Шигабгерей РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Эдвард мат. ЗАГСа 2000 – 2010

Эдгар мат. ЗАГСа 2000 – 2010

Эдуард мат. ЗАГСа 2010 – 2015; 1930 – 1939

Эльбрус мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Эльвир мат. ЗАГСа 2000 – 2010

Эльдар мат. ЗАГСа 2000 – 2010, 2010 – 2015

Эльмарис мат. ЗАГСа 2000 – 2010

Эльмир мат. ЗАГСа 2000 – 2010

Эмиль мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; 2000 – 2010; 2010 – 2015

Эмир мат. ЗАГСа 2010 – 2015

Энгель мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Эрик мат. ЗАГСа 2000-2010; 2010 – 2015

Эрнест мат.Загса г. Казани 1930 – 1939

Юванай РС за 1762 г., ф. 3, оп. 2, д.432; Маг. 9785

Ювашморза Маг. 9785

Юзи < Юзей РС. г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; РС Чист. за 1816 г. , ф. 3, оп.2, ед.хр. 483

Юлгуш < Юлгуш Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 147

Юлдаш < Юлдаш РС. за 1762 г., ф. 3, оп. 2, д.№432; РС Малмыж. за 1763 год, ф. 3, оп.2, д. 438

Юлжиһан Кн. пох. Бахтиязовского с/с Атнинского рай-она за 1934 г., ф. 4086, оп.2, д.46

Юныс < Юнус РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; Кн. мет. Тетюшского уезда Казан. губ. за 1915 г., ф. 204, оп. 177; мат.Загса г. Казани 1930 – 1939; 2000 – 2010; 2010-2015; Кн.пох. Ногшанского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф.Р-6182, оп.2, д. 13

Ябгай Кн. пох. Бахтиязовского с/с Атнинского рай-на за 1934 г., ф. 4086, оп.2, д.46

Яваш < Яваш 9850, 96; РС за 1762 г. , ф. 3, оп. 2, д. 432

Яган Тегин МК

Ягъфәр < Ягфар РС Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879

Ядгәр < Ядгар РС Малмыж. за 1763 г. , ф. 3, оп.2, д. 438; РС г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879; < Ядигяр Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 59

Яджәр < Едигерко Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 г.

Якуп < Якуп РС Чист. за 1816 г., ф. 3, оп.2, ед.хр. 483; РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; ТШ; МК Чист. уезда за 1903 г. ; Кн. пох. Бахтиязовского с/с Атнинского рай-она за 1934 г., ф. 4086, оп.2, д.46

Якуш < Якуш Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 40

Ялалетдин < Ялалетдин РС. Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Ямал < Ямал РС за 1762 г. , ф. 3, оп. 2, д. 432

Ямалетдин < Ямалетдин РС. Мамадыш. за 1870-1879, ф.3, оп.2; РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Яман Маг. 005, 97

Ямантай Маг., 010, 97

Яманчура Маг. 10, 97

Янак < Янак Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 137

Янар < Янар РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Янбай < Жанбай Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 г.

- Янбакты < Янбахтин Кн. пис. Казанского уезда 1647 – 1656 г.
- Янбатыр < Янбатыр РС за 1762 г. , ф. 3, оп. 2, д. 432
- Янбахта < Янбахта Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 49
- Янбирде < Янбердей РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438
- Янгэрэй < Янгарай Маг.
- Янгул Маг.
- Янжегет < Янджигит Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 187
- Янибэк < Янибак Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 137
- Янкилде < Янгелдей РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; Маг.
- Янкылыч < Янклычко Кн. пис. Казанского уезда 1647 – 1656 г.
- Янморза < Янмурза РС. Чист. за 1834 г. ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138
- Янсар < Янсар Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 49
- Янсар < Янсар Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 137
- Янсәет < Янсаид Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 124
- Янтимер < Янтемер Маг.
- Янтуган < Янтуган РС. за 1762 г. , ф. 3, оп. 2, д. 432
- Яныш Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 160
- Ярми < Ярмей РС. г. Казани за 1816 – 1825, 1870 – 1879
- Ярмөхәммәт < Ярмухаммед РС Малмыж. за 1763 г. , ф. 3, оп.2, д.438; РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.
- Ярулла < Йарулла РС Мамадыш за 1870 – 1879, ф.3, оп.2; МК Чистополь. уезда за 1903 г.
- Ясикәй < Янкай Кн. пис. Казанского уезда 1602 – 1603 гг. с. 95
- Ясин < Ясин мат. ЗАГСа 2000 – 2010; 2010 – 2015
- Яугилде < Яугелдей РС за 1762 год, ф. 3, оп. 2, д. 432
- Яхья < Йахия РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438; РС. Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138; РС. г. Казани за 1816 – 1825, 1870-1879
- Яшьалды < Йашалды РС Малмыж. за 1763 г. , ф. 3, оп.2, д. 438
- Яшьбатыр Маг.
- Яшьбулды < Йашбулды РС Малмыж. за 1763 г., ф. 3, оп.2, д. 438

Яшькилде < Яшгеледей РС Малмыж. за 1763 г. ф. 3, оп.2, д. 438

Яшькилдедин Маг.

Яшьморат < Йашмурат РС Малмыж. за 1763 год, ф. 3, оп.2, д. 438

Яшьморза < Йашмурза РС Чист. за 1834 г., ф. 3, оп. 2, ед.хр. 138

Яшьмулла < Йашмулла Маг.

Яшьтирэк < Яшьтерек Кн.пис. Казанского уезда 1647 – 1656 гг.

Яшьтуган < Яштоган Маг.

ТАТАРСКИЕ ЖЕНСКИЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА

Авелина Мат. ЗАГСa 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

Агата Мат. ЗАГСa 2000 – 2010 гг.

Аделина Мат. ЗАГСa 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

Аделия Мат. ЗАГСa 2010 – 2015 гг.

Аделя Мат. ЗАГСa 2000 – 2010 гг.

Адия < Адия РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Азалия Мат. ЗАГСa 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

Аида Мат. ЗАГСa 2000 – 2010 гг.

Айа Мат. ЗАГСa 2010 – 2015 гг.

Айбикә Мат. ЗАГСa 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

Айгөл Мат. ЗАГСa 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

Айда Мат. ЗАГСa 2010 – 2015 гг.

Айза Мат. ЗАГСa 2010 – 2015 гг.

Айзилә Мат. ЗАГСa 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

Айли Мат. ЗАГСa 2010 – 2015 гг.

Айназ Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г. ,
ф.-Р-4799, оп. 1, д.16.

Айсель Мат. ЗАГСa 2000 – 2010 гг.

Айсинә Мат. ЗАГСa 2000 – 2010 гг.

Айсылу Мат. ЗАГСa 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

- Алина Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.
- Алиса Мат. ЗАГСа 2010 – 2015 гг.
- Алисия Мат. ЗАГСа 2010-2015 гг.
- Алия Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 г.; 2010 – 2015 гг.
- Алсу Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.
- Альмира Мат. ЗАГСа 2010 – 2015 гг.
- Амалия Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.
- Амаль Мат. ЗАГСа 2010 – 2015 гг.
- Амелия Мат. ЗАГСа 2010 – 2015 гг.
- Анель Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.
- Арина Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.
- Арнелла Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.
- Асель Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.; 2010 - 2015 гг.
- Асия Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16; мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.
- Ассоль Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.
- Атнабикэ < Атнабикя РС Чист. уезда за 1816 г., ф.3, оп.2, 483
- Әдәбия Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16
- Әдибә Кн. пох. Каракашкинского с/с Ютазинского рай-она за 1931 г., ф. - 4527, оп.1, д.1
- Әдкамал Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16
- Әлфия Кн. пох. Каракашкинского с/с Ютазинского рай-она за 1931 г., ф. - 4527, оп.1, д.1; мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.
- Әминә Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д 1355; Кн. мет Казанской губ. Мамадышского уезда за 1865 г., ф. 204, оп. 177; Кн. пох. Ногманского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф. -Р-6182, оп. 1, д.13; Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16

Әмирә Мат. ЗАГСә 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

Әнисә Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16; мат. ЗАГСә 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

Әсма Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп.2, д.855.

Әсмәгәл Кн. пох. Ногманского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф. -Р-6182, оп. 1, д.13

Әсхәб < Асхәб РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Әсхәбжамал < Асхәбжамал РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Әшрәфруй Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д 135

Бәдихур < Бәдихур РС Старолашманского уезд. Казан. губ. за 1834 г.

Банат < Банат РС Чист. уезда за 1858 г.; ф.3, оп. 2, ед. хр. 388; Кн. пох. Ногманского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф. -Р-6182, оп. 1, д.13

Бану Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии за 1906 г., ф. 204, оп. 177, д 1355; Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16

Бахрибану < Бахрибану РС Чист. уезда за 1816 г., ф.3, оп.2, 483

Баһар < Бахар РС Старолашманского уезд. Казан. губ. за 1834 г.

Бәдәр < Бәдер Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16

Бәдейрана < Бәдерана РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Бәделхан Кн.пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16

Бәдерниса < Бәдерниса РС Чист. уезда за 1858 г. ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Бәдига < Бәдига РС Чист. уезда за 1858 г. ф.3, оп. 2, ед. хр. 388; РС Каз. губ. Старолашманской уезд. за 1834 г.

Бәдигәл < Бәдигуль РС. Чист. уезда за 1816 г., ф.3, оп.2, 48; РС Чистопол. уезда за 1858 г. ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Бәдигәлжамал < Бәдигульзямал РС Чист. уезда, ф.3, оп. 2, ед. Хр. 388

Бәдигөлжан < Бадигульзян РС Чист. уезда, ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Бәдигылжамал < Бадигыйлзамал Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д 1355

Бәдигылкамал < Бадигылкамал Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского рай-она за 1931 г., ф. -4527, оп.1, д.1.

Бәдрәйша < Бадрайшах РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Бәдри Кн. пох Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп.2, д.855; Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского рай-она за 1931 г., ф. - 4527, оп.1, д.1

Бәдригөляман < Бадригульяман РС. Чист. уезда, ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Бәдрижамал < Бадриязмал Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д 1355

Бәдрисафа < Бадрисафа РС Чист. уезда, ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Бәдришаһ < Бадришах РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Биби < Биби РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.; РС Чист. уезда за 1858 г., ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Бибиәсма Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д 1355

Бибигазизә Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д 1355

Бибигайә < Бибигайа РС Чист. уезда, ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Бибигайшә < Бибигайша Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии за 1906 г., ф. 204, оп. 177, д 1355; РС Чист. уезда за 1858 г., ф.3, оп. 2, ед. хр. 388; Кн. пох. Акзигитовского с/с Нурлатского рай-на за 1935 г., ф.- Р-6176, оп.1, д.№3. 43 л

Бибигалимә Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д 1355; РС Чист. уезда, ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Бибигарифә < Бибигарифе РС Чист. уезда, ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Бибигафа < Бибигафа РС Чист. уезда, ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Бибигафия < Бибигафия РС Чист. уезда, ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Бибижамал Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии за 1906 г., ф. 204, оп. 177, д 1355; Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского рай-она за 1931 г., ф. -4527, оп.1, д.1

Бибизарифа Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д. 1355

Бибизэйнэп Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д. 1355

Бибизэйтүнэ Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д. 1355

Бибикамал Кн. пох. Ногманского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф. -Р-6182, оп. 1, д.13; Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16

Бибикәримэ < Бибикарима РС Чист. уезда за 1858 г. ф.3, оп. 2, ед. хр. 388; Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии за 1906 г. , ф. 204, оп. 177, д 135

Бибилатыйфа Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д 1355

Бибимаһирэ < Бибимахирия РС Чист. уезда за 1858 г.ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Бибимәрхүбә < Бибимархуба РС Чист. уезда за 1858 г. ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Бибимәрьям Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д 1355

Бибиназ Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16.

Бибинур Кн. пох. Акзигитовского с/с Нурлатского рай-она за 1935 г., ф.- Р-6176, оп.1, д.3. 43 л

Бибисара Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии за 1906 г., ф. 204, оп. 177, д 1355; Кн. пох. Ногманского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф. -Р-6182, оп. 1, д.13

Бибифатыйма< Бибифатима Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д 1355; РС Чист. уезда за 1858 г. ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

- Бибифатыйха < Бибифатиха РС Чист. уезда за 1858 г., ф.3, оп. 2, ед. хр. 388
- Бибифэрига < Бибифарига РС Чист. уезда за 1858 г., ф.3, оп. 2, ед. хр. 388
- Бибифэридэ < Бибифарида Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д 1355; РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388
- Бибифэрукжамал < Бибифарукзямал РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388
- Бибихатияр < Бибихатияр РС. Чистопол. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388
- Бибихэсилэ Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д 1355
- Бибихэтимэ Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д 1355
- Бикэ Кн. мет. Казанской губ. Мамадышского уезда за 1865 г., ф. 204, оп. 177, д.1; Кн. пох. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16
- Бүләк Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д 1355; Кн. мет. Казанской губ. Мамадышского уезда за 1865 г., ф. 204, оп. 177, д.1
- Вафа < Вафа РС Старолашманского уезд. Казан. губ. за 1834 г.
- Ваһибэ < Вахиба РС. Чистопол. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388
- Венера Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.
- Габделлатыйфа < Абделлатифа РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388
- Габидэ < Габиде РС. Чист. уезда за 1816 г., ф.3, оп.2, №483; Кн. мет. Казанской губ. Мамадышского уезда за 1865 г., ф. 204, оп. 177, д.1; РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388; Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г., ф.-Р-4799, оп. 1, д.16
- Гаделбану < Габделбану РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388
- Гадибану < Гадибану РС Чист. уезда за 1816 г., ф.3, оп.2, 483
- Гадилэ < Гадиля РС Чистопол. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388
- Гадилбану < Гадилбану РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.
- Газелниса Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д 1355

Газизэ Кн. пох. Ногманского с/с Арского рай-на за 1934 г., ф. -Р-6182, оп. 1, д.13; Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

Гайдэ < Гаида РС Чист. уезда за 1816 г., ф.3, оп.2, 483

Гайнижамал < Айнизямал РС Чист. уезда за 1858 г. ф.3, оп. 2, ед. хр. 388
ПК» Ногманского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф. -Р-6182, оп. 1, д.13

Гайнижиһан < Айнизиган РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Гайникамал < Айникамал РС Чист. уезда за 1858 г., ф.3, оп. 2, ед. хр. 388;
Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского рай-на за 1931 г., ф. -4527, оп.1, д.1

Гайния < Гайния РС Чист. уезда за 1858 г., ф.3, оп. 2, ед. хр. 388; Кн. пох.
Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16.

Гайниямал < Гайниямал РС Старолашманского уезд. Казан. губ. за 1834 г.

Гайсэ < Гайса РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Гайшэ < Гайша РС. Чист. уезда за 1816 г., ф.3, оп.2, 83; Кн. мет. мечетей
Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д 1355 ; Кн. мет.
Казанской губ. Мамадышского уезда за 1865 г., ф. 204, оп. 177, д.; Мат. ЗАГСа
2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

Гайшэбикэ Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии за 1906
г., ф. 204, оп. 177, д 1355; Кн. пох. Акзигитовского с/с Нурлатского рай-на за
1935 г., ф.- Р-6176, оп.1, д. 3. 43 л.;Кн. пох. Ногманского с/с Арского рай-на за
1934 г., ф. -Р-6182, оп. 1, д.13

Галибэ Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г. ,
ф.-Р-4799, оп. 1, д.16

Галимэ <Галимя РС Чист. уезда за 1816 г., ф.3, оп.2, 483; РС
Старолашманского уезд. Казан. губ. за 1834 г.; Кн. мет. мечетей Казанского уезда
Казанской губернии за 1906 г. , ф. 204, оп. 177, д. 1355

Галимэбану < Галимябану РС Чист. уезда за 1858 г., ф.3, оп. 2, ед. хр. 388;
Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии за 1906 г., ф. 204, оп. 177,
д 1355

Галимбану < Галимбану РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Галимруй Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д. 1355

Галия Кн. пох. Казанской губ. Мамадышского уезда за 1865 г., ф. 204, оп. 177, д.1; Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского рай-она за 1931 г., ф. -4527, оп.1, д.1; мат. ЗАГС за 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

Гамбэрия Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г., ф.-Р-4799, оп. 1, д.16

Гарифэ < Гарифя РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г. Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии за 1906 г., ф. 204, оп. 177, д. 1355

Гатия < Гатия РС. Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Гафизэ < Газифя РС. Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Гафифэ < Гафифя Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии за 1906 г., ф. 204, оп. 177, д. 1355; РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388; РС Чист. уезда за 1816 г., ф.3, оп.2, 483

Гафия < Гафия РС Старолашманского уезд. Казан. губ за 1834 г.; РС Чист. уезда за 1858 г. ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Гашира < Гашира РС. Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Гашыйкруй Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д. 1355

Гэзизэ Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д. 1355

Гәүһәр < Гавхар РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Гәүһәрбикә < Гавхарбикя РС. Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Гобэйбикә < Губейбикя РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Гобәйдә Губейда РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Гөләйхана Гулехана РС Чистопол. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Гөлэрия Кн. пох. Ногманского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф. -Р-6182, оп. 1, д.13

Гөлбагар Кн. мет. Казанской губ. Мамадышского уезда за 1865 г., ф. 204, оп. 177, д.1

Гөлбакты Кн. мет. Казанской губернии Чистопольского уезда за 1909 г.

Гөлбар Кн. мет. Казанской губернии Чистопольского уезда за 1909 г.

Гөлбахар < Гюльбахар РС Старолашманского уезд. Казан. губ за 1834 г.

Гөлбәжидә < Гюлбазида РС Старолашманского уезд. Казан. губ за 1834 г.

Гөлбостан < Гюлбостан РС Чист. уезда за 1816 г., ф.3, оп.2, 483; РС Старолашманского уезд. Казан. губ за 1834 г.

Гөлгазар Кн. мет. Казанской губернии Чистопольского уезда за 1909 г.

Гөлгенә < Гюлгина РС Старолашманского уезд. Казан. губ. за 1834 г.; РС Чист. уезда за 1858 г., ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Гөлгыйзар Кн. мет. Казанской губернии Чистопольского уезда за 1909 г.

Гөлжамал < Гюлжамал РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Гөлжиһан Кн. пох. Акзигитовского с/с Нурлатского рай-она за 1935 г., ф.- Р-6176, оп.1, д.3. 43 л.; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп.2, д.855.

Гөлзафара < Гульзафара РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Гөлзахидә < Гюлзагида РС Чист. уезда за 1816 г., ф.3, оп.2, 483

Гөлзәрә < Гюлзара РС. Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Гөлзифа < Гюльзифа РС. Чист. уезда за 1858 г. ф.3, оп. 2, ед. хр. 388; Кн. пох. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16.

Гөлия Кн. мет. Казанской губернии Чистопольского уезда за 1909 г.

Гөлийөзем < Гюльюзюм РС Чист. уезда за 1816 г., ф.3, оп.2, 483; Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского рай-она за 1931 г., ф. -4527, оп.1, д.1.

Гөлминач < Гюлминач РС Чист. уезда за 1816 г., ф.3, оп.2, 483

Гөлмира < Гюльмира РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Гөлназ Кн. мт. Казанской губернии Чистопольского уезда за 1909 г.; Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.

Гөлназа < Гулназа РС. Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Гөлнара Мат. ЗАГСa 2010 – 2015 гг.

Гөлрәбига < Гулрабига РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Гөлсәгыйдә < Гулсагида РС Чист. уезда за 1816 г., ф.3, оп.2, 483 ; РС Чист. уезда за 1858 г., ф.3, оп. 2, ед. хр. 388; РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Гөлсем Кн. пох. Акзигитовского с/с Нурлатского рай-она за 1935 г., ф.-Р-6176, оп.1, д.3. 43 л

Гөлсирә < Гульсира РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Гөлсирин < Гульсирин РС Чист. уезда за 1816 г., ф.3, оп.2, 483

Гөлсылу Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского рай-она за 1931 г., ф. -4527, оп.1, д.1

Гөлфәния Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г., ф.-Р-4799, оп. 1, д.16

Гөлфиза Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского рай-она за 1931 г., ф. -4527, оп.1, д.1

Гөлфинә Кн. пох. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16

Гөлфия < Гульфия РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Гөлхан < Гульхан РС. Чист. уезда за 1816 г., ф.3, оп.2, 483

Гөлчәчәк Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского рай-она за 1931 г., ф. -4527, оп.1, д.1

Гөлшакир < Гульшакир РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Гөлшат Мат. ЗАГСa 2010 – 2015 гг.

Гөлшаһ Кн. мет. Казанской губернии Чистопольского уезда за 1909 г.

Гөлшәкәр Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского рай-она за 1931 г., ф. -4527, оп.1, д.1.

Гөлшәфига < Гөлшәфига РС. Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Гөлшифа < Гулшифа РС. Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Гөлъяр < Гульяр РС. Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Гүзәл Мат. ЗАГСa 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

Гүзәлия Мат. ЗАГСa 2010 – 2015 гг.

Гуйбүзәр < Гуйбузяр РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Гыйззәтбану < Гиззетбану РС Чист. уезда за 1816 г., ф.3, оп.2, 483 ;РС.
Чист. уезда за 1858 г., ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Гыйззәтҗамал < Гиззетҗамал РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Гыйзкамал Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии за 1906 г., ф. 204, оп. 177, д 1355; Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16.

Гыйлемзадә < Гилемзадя РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Гыйлемкамал < Гилемкамал Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д 1355

Гыйльми < Гильми РС Старолашманского уезд. Казан. губ. за 1834 г.

Гыйльмиҗиһан Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16

Далиха Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16

Дания Мат. ЗАГСa 2010 – 2015 гг.

Дарина Мат. ЗАГСa 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

Диана Мат. ЗАГСa 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

Дилә Мат. ЗАГСa 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

Диләнур < Дилянур РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Диләрә Мат. ЗАГСa 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

Диләфруз Кн. пох. Ногманского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф. -Р-6182, оп. 1, д.13

Дилбәр Мат. ЗАГСa 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

Дилия Мат. ЗАГСa 2000 – 2010 гг

Дилшат Мат. ЗАГСa 2000 – 2010 гг.

Дина Мат. ЗАГСa 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

Динә Кн. пох. Акзигитовского с/с Нурлатского рай-она за 1935 г., ф.- Р-6176, оп.1, д.№3. 43 л

Жасмин Мат. ЗАГСa 2000 – 2010 гг.

Жасмина Мат. ЗАГСa 2010 – 2015 гг.

Жамал Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-на за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16

Жамал Зямал РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Жәдидә Кн. пох. Акзигитовского с/с Нурлатского рай-она за 1935 г., ф.- Р-6176, оп.1, д.№3. 43 л.

Жиһан Зиган РС Старолашманской уезда Казан. губ. за 1834 г.; Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16.

Жомабикә Кн. пох. Ногманского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф. -Р-6182, оп. 1, д.13

Заза Кн. пох. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16.

Закирә Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского рай-она за 1931 г., ф. -4527, оп.1, д.1; Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16.

Зарина Мат. ЗАГСa 2000 – 2010 гг.

Зария Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп.2, д.855.

Заһидә РС Чист. уезда за 1816 г., ф.3, оп.2, 483

Заһидә РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Заһирә < Захира РС Чист. уезда за 1856 г., ф.3, оп. 2, ед. хр. 388; Кн.пох. Ногманского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф. -Р-6182, оп. 1, д.13; Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16.

Зәбига < Забиря РС. Каз. губ. Старолашманской уезд. за 1834 г.

Зәбидә Кн. мет. Казанской губернии Чистопольского уезда за 1909 г.

Зәгыйфә Кн. мет. Казанской губернии Чистопольского уезда за 1909 г.

Зәйнәп Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского рай-она за 1931 г., ф. -4527, оп.1, д.1. Кн. пох Акзигитовского с/с Нурлатского рай-она за 1935 г., ф.- Р-

6176, оп.1, д. 3, 43 л. ; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-на за 1936 г., ф. 90, оп.2, д.855; мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг; 2010 – 2015 гг.

Зэйнура Мат. ЗАГСа 2010 – 2015 гг.

Зэйтүнэ Кн. пох. Акзигитовского с/с Нурлатского рай-она за 1935 г., ф.- Р-6176, оп.1, д.3. 43 л.; Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского рай-на за 1931 г., ф. -4527, оп.1, д.1; Кн. пох. Ногманского с/с Арского рай-на за 1934 г., ф. -Р-6182, оп. 1, д.13; Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г., ф.-Р-4799, оп. 1, д.16

Зэкэрия Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16

Зэкия < Закия РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388; Кн. мет. Казанской губернии Чистопольского уезда за 1909 г.; Кн. пох. Ногманского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф. -Р-6182, оп. 1, д.13; Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16

Зэлинэ Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16; мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.

Зэлифэ < Залифа РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Зэмзэм Кн. пох. Ногманского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф. -Р-6182, оп. 1, д.13

Зэмзэмия Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп.2, д.855.

Зэмилә < Замиля РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Зэмиха < Замиха РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Зэринэ Мат. ЗАГСа 2010 – 2015 гг.

Зэһура < Захура РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Земфира Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

Зилэ Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.

Зилия Мат. ЗАГСа 2010 – 2015 гг.

Зифа Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского рай-на за 1931 г., ф. -4527, оп.1, д.1; мат. ЗАГСа 2010 – 2015 гг.

Зөбәйдә < Зубайда РС Чист. уезда за 1816 г., ф.3, оп.2, 483

Зөбәржәт < Зубарзят РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Зөләйха < Зулейха РС Чист. уезда за 1816 г., ф.3, оп.2, 483; Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии за 1906 г., ф. 204, оп. 177, д 1355; РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388; Кн. пох. Ногманского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф. -Р-6182, оп. 1, д.13; Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16

Зөлфия Кн. мет. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-на за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16

Зөлхижә Кн. мет. Казанской губернии Чистопольского уезда за 1909 г.

Зөһрә< Зухра РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г. ; Кн.пох. Ногманского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф.-Р-6182, оп. 1, д.13; мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.

Ива Мат. ЗАГСа 2010 – 2015 гг.

Иделия Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

Илвина Мат. ЗАГСа 2010 – 2015 гг.

Илзана Мат. ЗАГСа 2010 – 2015 гг.

Илзида Мат. ЗАГСа 2010 – 2015 гг.

Илина Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.

Иллария Мат. ЗАГСа 2010 – 2015 гг.

Илнара Мат. ЗАГСа 2010 – 2015 гг.

Илона Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

Илсинә Мат. ЗАГСа 2010 – 2015 гг.; 2000 – 2010 гг.

Индира Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

Инзилә Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

Исламия Мат. ЗАГСа 2010 – 2015 гг.

Йосыф < Юсуф РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Йөзлиха < Йөзлиха РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Камайбану < Камайбану РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Камал < Камал РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Камәр < Камяр РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Камәрия Кн.мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д 1355

Камелия Мат. ЗАГСа 2000-2010 гг.

Камилә < Камиля РС Чист. уезда за 1858 г., ф.3, оп. 2, ед. хр. 388; Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского рай-она за 1931 г., ф. -4527, оп.1, д.1; Кн. пох. Ногманского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф. -Р-6182, оп. 1, д.13; мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

Камилла Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

Камирә РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Карина Мат. ЗАГСа 2010 – 2015 гг.

Кәнифә Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16

Кәримә < Каримя РС Чист. уезда за 1858 г., ф.3, оп. 2, ед. хр. 388; Кн. пох. Ногманского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф. -Р-6182, оп. 1, д.13; Кн. пох. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16.

Кәринә Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.

Кәүсәр Кн. пох. Ногманского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф. -Р-6182, оп. 1, д.13

Кәшифә < Кашифя РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Кәшфикамал Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского рай-она за 1931 г., ф. -4527, оп.1, д.1

Кира Мат. ЗАГСа 2010 – 2015 гг.

Корбанбикә < Корманбикя РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Ландыш Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.

Латыйфа < Латифа РС Чист. уезда за 1816 г., ф.3, оп.2, 483; Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии за 1906 г., ф. 204, оп. 177, д 1355; Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.; РС. Чистопол. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Ләбибә Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-на за 1936 г.,
ф. 90, оп.2, д.855

Ләйлә Мат. ЗАГСa 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

Лея Мат. ЗАГСa 2010 – 2015 гг.

Лиана Мат. ЗАГСa 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

Лилия Мат. ЗАГСa 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

Лия Мат. ЗАГСa 2000 – 2010 гг.

Луиза Мат. ЗАГСa 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

Майа Мат. ЗАГСa 2000 – 2010 гг.

Марзия Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-на за 1936 г.,
ф. 90, оп.2, д.855.

Марибжамал < Марибзямал РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Махибә Кн пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-на за 1936 г.,
ф. 90, оп.2, д.855.

Махирә Кн мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп.
177, д 1355

Махруй Кн мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп.
177, д 1355; РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Махфүзә < Махфузя РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Маһижамал < Махизямал РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Маһинур Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского рай-она за 1931 г.,
ф. 4527, оп.1, д.1.

Маһирә < Махирә РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г. Кн.
мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии за 1906 г., ф. 204, оп. 177, д
1355; Кн. пох. Ногманского с/с Арского рай-на за 1934 г., ф. -Р-6182, оп. 1, д.13

Маһируй < Махируй РС. Чистопол. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Маһисәрвәр Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф.
204, оп. 177, д 1355

Маһитап < Махитап РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Маһитап Кн. пох. Ногманского с/с Арского рай-на за 1934 г., ф. -Р-6182, оп. 1, д.13

Маһруй < Махруй РС Чист. уезда ф.3 за 1858 г., оп. 2, ед. хр. 388; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-на за 1936 г., ф. 90, оп.2, д.855.

Мәгүбә < Магубя РС. Чист. уезда за 1816 г., ф.3, оп.2, №483

Мәгърифә < Магрифа РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.; РС. Чистопол. уезда за 1858 г. ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Мәгърүфә < Магруфя РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388; Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д 1355

Мәгъсүмә Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского рай-на за 1931 г., ф. 4527, оп.1, д.1.

Мәдинә < Мадина РС Чист. уезда за 1816 г., ф.3, оп.2, 483; РС . Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г. Кн. пох. Ногманского с/с Арского рай-на за 1934 г., ф. -Р-6182, оп. 1, д.13; Кн. пох. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-на за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16. Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

Мәйкамал Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского рай-она за 1931 г., ф. 4527, оп.1, д.1

Мәймүнә < Маймуна РС. Чист. уезда за 1816 г., ф.3, оп.2, 483; РС Чист. уезда за 1858 г. ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Мәйсүфа < Майсуфа РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Мәликә Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

Мәнҗия Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16

Мәнзия Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16

Мәржәм Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16

Мәрсин Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-на за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16

Мәрүбямал < Марубямал РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Мәрфуга < Марфуга РС. Чист. уезда за 1858 г. ф.3, оп. 2, ед. хр. 388; Кн. пох. Ногманского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф. -Р-6182, оп. 1, д.13; Кн.пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16

Мәрхәбә < Мархаба РС Чист. уезда за 1858 г. ф.3, оп. 2, ед. хр. 388; Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского рай-на за 1931 г., ф. -4527, оп.1, д.1

Мәрхәмә Кн пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-на за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16.

Мәрхүбә РС. Чистопол. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Мәрьям Кн мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии за 1906 г., ф. 204, оп. 177, д 1355; Кн.пох. Акзигитовского с/с Нурлатского рай-на за 1935 г., ф.- Р-6176, оп.1, д.3. 43 л; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-на за 1936 г., ф. 90, оп.2, д.855; Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.; 2010-2015 гг.

Мәстүрә РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Мәүгызә Кн мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д 1355

Мәфсуфа РС. Чистопол. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Мәфтуха Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии за 1906 г., ф. 204, оп. 177, д 1355; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-на за 1936 г., ф. 90, оп.2, д.855.

Мәфтуха < Мафтуха РС Старолашманского уезда за 1834 г.; Кн. пох. Каракашкинского с/с Ютазинского рай-на за 1931 г., ф. -4527, оп.1, д.1; Кн. пох. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16.

Мәхбүбә < Махбубя РС Малмыжского помещ. ф. 3, оп.2, д.438 за 1763 г.; РС Чист. уезда за 1816 г., ф.3, оп.2, 483; Кн. мет. Казанской губернии Чистопольского уезда за 1909 г.

Мәхдүмә Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-на за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16.

Мәхмүбжамал < Махубзямал РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Мәхмүзә < Махмузья РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Мәхүбә < Махубья РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Мәхүбжамал < Махубзямал РС. Чистопол. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Мәчтүрә Кн.. Пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-на за 1936 г., ф. 90, оп.2, д.855.

Милана Мат. ЗАГСa 2000-2010 гг.; Мат. ЗАГСa 2010-2015 гг.

Миләүшә Мат. ЗАГСa 2010-2015 гг.

Минәч < Минач РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Минбану Кн. пох. Ногманского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф. -P-6182, оп. 1, д.13

Минвафа < Минвафа РС. Каз. губ. Старолашманской уезд. за 1834 г.

Мингаян Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп.2, д.855

Минжамал < Минзямал РС. Чист. уезда за 1858 г. ф.3, оп. 2, ед. хр. 388; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп.2, д.855

Минжамал Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-на за 1936 г., ф. 90, оп.2, д.855.

Минжан < Минзян РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Минзифа Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д 1355; РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Минкәй < Минкяй РС Чист. уезда за 1816 г., ф.3, оп.2, 483

Минниса Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп.2, д.855.

Минниса < Минниса РС Чист. уезда за 1816 г., ф.3, оп.2, 483

Миннур < Миннур РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Минруй Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-на за 1936 г., ф. 90, оп.2, д.855.

Минсафа < Минсафа РС. Чист. уезда за 1858 г. ф.3, оп. 2, ед. хр. 388; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп.2, д.855

Минсэхип < Минсахип РС. Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Миньяман < Миньяман РС. Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Миңлебаян Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д 1355

Миңлебикә < Минлябикя РС. Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Миңлегөл < Минлягуль РС. Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Миңлежиһан Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д 1355

Миңлезифа < Минлязифа РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Миңлекамал Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д 1355

Миңлехәят Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д 1355

Миңнегөл Кн. пох. Каракашкинского с/с Ютазинского рай-на за 1931 г., ф. - 4527, оп.1, д.1; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-на за 1936 г., ф. 90, оп.2, д.855

Миңнежамал < Миннязамял РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Миңнезифа Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского рай-она за 1931 г., ф. -4527, оп.1, д.1

Миңнекамал Кн. пох Каракашлинского с/с Ютазинского рай-она за 1931 г., ф. -4527, оп.1, д.1

Миңнеруй Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии за 1906 г., ф. 204, оп. 177, д 1355 ; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-на за 1936 г., ф. 90, оп.2, д.855

Миңниса Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии за 1906 г., ф. 204, оп. 177, д 1355; РС Чист. уезда за 1858 г., ф.3, оп. 2, ед. хр. 388; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп.2, д.855

Миңниса < Минниса РС. Каз. губ. Старолашманской уезд. за 1834 г.

Миңсылу < Минслу РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.; Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии за 1906 г., ф. 204, оп. 177,

д 1355; РС. Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388; Кн. пох. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16.

Мира Мат. ЗАГСа 2000-2010 гг.

Миргафа < Миргафа РС. Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Мирижамал < Миризиямал РС. Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Мифтаха < Мифтаха РС. Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Мөгаллимә Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16

Мөгьсинә < Мугсина РС. Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Мөкәрәмә Кн. пох. Ногманского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф. -Р-6182, оп. 1, д.13

Мөнәвәрә Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского рай-она за 1931 г., ф. -4527, оп.1, д.1; Кн. пох. Ногманского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф. -Р-6182, оп. 1, д.13

Мөнзәрә Кн. мет. Казанской губернии Чистопольского уезда за 1909 г.

Мөнибә < Муниба РС. Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Мөнирә Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д 1355

Мөрсәлимә < Мурсаляма РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Мөршидә < Муршида РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Мөсәвәрә Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского рай-на за 1931 г., ф. -4527, оп.1, д.1; Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-на за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16.

Мөслимә Кн. мет. Казанской губернии Чистопольского уезда за 1909 г.; мат. ЗАГСа 2000-2010 гг.; Мат. ЗАГСа 2010-2015 гг.

Мөслифә < Муфлиха РС Старолашманского уезда Казан. губ за 1834 г.

Мөслиха < Муслиха РС Чистопол. уезда за 1858 г., ф.3, оп. 2, ед. хр. 388; К Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16; РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Мөфлиха < Муфлиха РС Чист. уезда за 1816 г., ф.3, оп.2, 483

Мөхәләфә < Мухаляфа Кн. пох. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-на за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16

Мөхибжамал < Мухибзямал РС Чист. уезда за 1816 г., ф.3, оп.2, 483; Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии за 1906 г. , ф. 204, оп. 177, д 1355; РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Мөхижамал < Мухизямал РС Чистопол. уезда за 1895 г. ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Мөхлиса < Мухлиса РС Чистопол. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Мөхүбжамал < Мухюбзямал РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Мөһминә < Мухминя РС. Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Мүхибә < Мухибя РС. Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Мурибә < Мурибя РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Надия Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп.2, д.855

Нажия Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского рай-она за 1931 г., ф. - 4527, оп.1, д.1; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп.2, д.855

Наилә Кн. пох Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16; мат. ЗАГСа 2010 – 2015 гг.

Нәгыймә < Нагимя РС. Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388; Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии за 1906 г., ф. 204, оп. 177, д 1355; Кн пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп.2, д.855

Нәзилә Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

Нәзирә < Назиря РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г. ; РС. Чист. уезда за 1858 г. ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Нәзифә < Назифа РС Старолашманского уезда. за 1834 г. ; РС Чистопол. уезда за 1858 г. ф.3, оп. 2, ед. хр. 388; Кн. пох. Каракашкинского с/с Ютазинского рай-она за 1931 г., ф. -4527, оп.1, д.1

Нәкыя Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16

Нәргиз Мат. ЗАГСa 2000 – 2010 гг.

Нәсибә Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16

Нәсимә Кн. пох. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д 1355

Нәсиха < Насиха РС. Чист. уезда за 1816 г., ф.3, оп.2, 483; РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388; РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Нәсыйхәтбану Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д 1355

Нәүбахар < Наубахар РС. Каз. губ. Старолашманской уезд. за 1834 г.

Нәүрүз < Науруз РС. Каз. губ. Старолашманской уезд. за 1834 г.

Нәфисә < Нафиса Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д 1355; мат. ЗАГСa 2000 – 2010 гг.

Нелли Мат. ЗАГСa 2000 – 2010 гг.

Нурания < Нурания Кн. пох. Ногманского с/с Арского рай-на за 1934 г., ф. - Р-6182, оп. 1, д.13; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп.2, д.855

Нуржиһан < Нуризиган Кн. пох. Акзигитовского с/с Нурлатского рай-на за 1935 г., ф.- Р-6176, оп.1, д. 3, 43 л.

Нурижамал < Нуризямал РС. Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Нурияшаһ < Нурияшах РС. Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Нуркамал Кн. пох. Акзигитовского с/с Нурлатского рай-она за 1935 г., ф.- Р-6176, оп.1, д.3. 43 л

Нурхәят Мат. ЗАГСa 2010-2015 гг.

Өммегөлсем Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д 1355

Рабига Кн. пох. Акзигитовского с/с Нурлатского рай-она за 1935 г., ф.- Р-6176, оп.1, д. 3. 43 л

Равда Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.- Р-4799, оп. 1, д.16

Рада Мат. ЗАГСа 2010 – 2015 гг.

Разана Мат. ЗАГСа 2010 – 2015 гг.

Разия < Разия РС. Чистопол. уезда за 1858 г. ф.3, оп. 2, ед. хр. 388; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп.2, д.855.

Раилә Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

Райана Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.

Райнур Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг. ; 2010 – 2015 гг.

Ралина Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

Рамена Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.

Ранэль Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.

Расия Мат. ЗАГСа 2010 – 2015 гг.

Рафия Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.

Раяна Мат. ЗАГСа 2010 – 2015 гг.

Рэбига < Рябига Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д 1355; РС. Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388; Кн. мет. Казанской губернии Чистопольского уезда за 1909 г.

Рэвзижамал < Ревзизямал РС. Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Рэйсә Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского рай-на за 1931 г., ф. - 4527, оп.1, д.1; Кн. пох. Ногманского с/с Арского рай-на за 1934 г., ф. -Р-6182, оп. 1, д.13; Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16.

Рэйхан < Райхан РС. Чистопол. уезда за 1858 г. ф.3, оп. 2, ед. хр. 388; Мат. ЗАГСа 2010-2015 гг.

Рэйхана Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

Рэкья Кн. пох. Акзигитовского с/с Нурлатского рай-она за 1935 г., ф.- Р-6176, оп.1, д.№3. 43 л; Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16

Рэфинә Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.

Рэхилә Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16

Рәхилә < Рахия РС. Чист. уезда за 1816 г., ф.3, оп.2, №483

Рәхимә < Рахимя Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д 1355; Кн. мет. Казанской губернии Чистопольского уезда за 1909 г.; РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388; Кн.пох. Каракашлинского с/с Ютазинского рай-она за 1931 г., ф. -4527, оп.1, д.1; Кн. пох. Акзигитовского с/с Нурлатского рай-она за 1935 г., ф.- Р-6176, оп.1, д.№3. 43 л; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп.2, д.855.

Регина Мат. ЗАГСa 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

Резеда Мат. ЗАГСa 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

Рената Мат. ЗАГСa 2000 – 2010 гг.

Риана Мат. ЗАГСa 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

Ризвана Мат. ЗАГСa 2000 – 2010 гг.

Римма Мат. ЗАГСa 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

Роза Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д 1355

Розалина Мат. ЗАГСa 2010 – 2015 гг.

Рокья Кн. пох. Акзигитовского с/с Нурлатского рай-она за 1935 г., ф.- Р-6176, оп.1, д. 3, 43 л.

Руза Кн. пох. Ногманского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф. -Р-6182, оп. 1, д.13

Рузия Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д 1355

Руслана Мат. ЗАГСa 2000 – 2010 гг.

Сабина Мат. ЗАГСa 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

Сабира < Сабира Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д 1355; РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388; Кн. пох. Каракашкинского с/с Ютазинского рай-она за 1931 г., ф. -4527, оп.1, д.1.

Сабира Кн. пох. Ногманского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф. -Р-6182, оп. 1, д.13

Сабрина Мат. ЗАГСa 2000 – 2010 гг.

Саждә Кн. пох. Каракашкинского с/с Ютазинского рай-она за 1931 г., ф. - 4527, оп.1, д.1; Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г., ф.-Р-4799, оп. 1, д.16.

Саида Мат. ЗАГСa 2010 – 2015 гг.

Саимә Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского рай-она за 1931 г., ф. - 4527, оп.1, д.1.

Салиха < Салиха РС. Чист. уезда за 1816 г., ф.3, оп.2, №483; Кн. пох. Ногманского с/с Арского рай-на за 1934 г., ф. -Р-6182, оп. 1, д.13

Самира Мат. ЗАГСa 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

Сания Кн. пох. Ногманского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф. -Р-6182, оп. 1, д.13; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп.2, д.855; Кн. пох. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-она за 1936 г., ф.-Р-4799, оп. 1, д.16; мат. ЗАГСa 2000 – 2010 гг.

Сара Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии за 1906 г., ф. 204, оп. 177, д 1355; Мат. ЗАГСa 2010 – 2015 гг.; Кн. пох. Ногманского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф. -Р-6182, оп. 1, д.13

Сарра Мат. ЗАГСa 2010-2015 гг.

Сатдиха < Сатдиха РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед.хр. 388

Сафа < Сафа РС Старолашманского уезда Казан. губ за 1834 г.

Сафина Мат. ЗАГСa 2000 – 2010 гг.; 2010-2015 гг.

Сафия < Сафия РС Чист. уезда за 1816 г., ф.3, оп.2, 483; РС Чист. уезда за 1858г. ф.3, оп. 2, ед. хр. 388; Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г., ф.-Р-4799, оп. 1, д.16; мат. ЗАГСa 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

Сафура < Сафура РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп.2, д.855.

Сахура < Сахура РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Сахира < Сахира РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Сәвдә < Савда РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Сәвдәбану < Савдабану РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Сәвия Кн. пох. Ногманского с/с Арского рай-на за 1934 г., ф. -Р-6182, оп. 1, д.13

Сәгидә Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.

Сәгьдәбану Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д 1355

Сәгьдәнә Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.

Сәгьйдә < Сагида РС Чист. уезда за 1816 г., ф.3, оп.2, 483; РС Чист. уезда за 1858 г. ф.3, оп. 2, ед. хр. 388 ; Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского рай-она за 1931 г., ф. -4527, оп.1, д.1; Мат. ЗАГСа 2010 – 2015 гг.

Сәгьйдәбану < Сагидабану РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Сәгьйжамал < Сагитьзамал РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Сәгьйтжамал < Сагитьзамал РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Сәйдә Кн. пох. Ногманского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф. -Р-6182, оп. 1, д.13; Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16.; Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

Сәймә Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16.

Сәйран Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16.;

Сәлимә < Салимя РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.; Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии за 1906 г., ф. 204, оп. 177, д 1355; Кн. мет. Казанской губернии Чистопольского уезда за 1909 г.; Мат. ЗАГСа 2010 – 2015 гг.

Сәмига < Самига РС. Чист. уезда за 1816 г., ф.3, оп.2, 483

Сәмирә Мат. ЗАГСа 2000-2010 гг.

Сәрби< Сарби РС Каз. губ. Старолашманской уезд. за 1834 г.; Кн. пох. Каракашкинского с/с Ютазинского рай-на за 1931 г., ф. -4527, оп.1, д.1.

Сәрбижамал < Сарбизямал РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г. ; РС. Чист. уезда за 1858 г. ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Сәрбижан < Сарбизан РС. Чистопол. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Сәрбиямал < Сарбиямал РС. Каз. губ. Старолашманской уезд. за 1834 г.

Сәрви Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д 1355

Сәрия Кн. пох. Каракашкинского с/с Ютазинского рай-на за 1931 г., ф. - 4527, оп.1, д.1.

Сәрфижамал Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д 1355

Сәхәбә Кн. мет. Казанской губернии Чистопольского уезда за 1909 г.

Сәхибә < Сахиба РС Малмыжского помещ. ф. 3, оп.2, д.438 за 1763 г.; РС Чист. уезда за 1816 г., ф.3, оп.2, 483; РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Сәхиббану Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского рай-она за 1931 г., ф. -4527, оп.1, д.1.

Сәхибжамал < Сахибзямал РС Чист. уезда за 1816 г., ф.3, оп.2, 483; РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.; Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии за 1906 г. , ф. 204, оп. 177, д 1355; Кн. мет. Казанской губернии Чистопольского уезда за 1909 г.; РС Чистопол. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Сәхибкамал Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д 1355

Сәхилә < Сахилия РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Севана Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.

Селена Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.

Солтан Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского рай-она за 1931 г., ф. - 4527, оп.1, д.1

Солтана Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

Сорур Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского рай-на за 1931 г., ф. - 4527, оп.1, д.1

София Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

Сөембикә Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп.2, д.855

Сөмәйә Мат. ЗАГСа 2010 – 2015 гг.

Сөмбел Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.

Стәлла Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.

Суфия Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

Сылу < Сылу РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г. ; Мат. ЗАГСа 2010 – 2015 гг.

Таифә Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д 1355

Таһира < Тахира РС. Чистопол. уезда за 1858 г., ф.3, оп. 2, ед. хр. 388; РС Старолашманского уезда Казан губ. за 1834 г.; Кн. пох. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-на за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16

Тәзкирә Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-на за 1936 г., ф. 90, оп.2, д.855

Тәрзимә Кн. мет. Казанской губернии Чистопольского уезда за 1909 г.

Тәслимә Кн. пох. Ногманского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф. -Р-6182, оп. 1, д.13

Туташ < Туташ РС. Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Тутый < Тутый РС Малмыжского помещ. ф. 3, оп.2, д.438 за 1763 г.

Үлмәс < Улмесь РС Малмыжского помещ. ф. 3, оп.2, д.438 за 1763 г.; РС Чист. уезда за 1858 г. ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Фагыйлә < Фагиля РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Фазилә < Фазиля РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Фаидә Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16; мат. ЗАГСа 2010 – 2015 гг.

Фаизә Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д 1355; Кн. пох. Ногманского с/с Арского рай-на за 1934 г., ф. -Р-6182, оп. 1, д.13

Файда < Файда РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Фатыйма < Фатима РС Чист. уезда за 1816 г., ф.3, оп.2, 483; РС Чисто. Уезда за 1858 г., ф.3, оп. 2, ед. хр. 388; Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии за 1906 г., ф. 204, оп. 177, д 1355; Кн. мет. Казанской губернии Чистопольского уезда за 1909 г. Кн. пох. Акзигитовского с/с Нурлатского рай-она за 1935 г., ф.- Р-6176, оп.1, д.№3. 43 л; Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

Фатыйха Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.

Фэзкирэ Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп.2, д.855

Фэзкия Кн. пох. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16

Фэйза<Файза РС. Чистопол. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Фэйрүзэ Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп.2, д.855

Фэния Кн. пох. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.- Р-4799, оп. 1, д.16

Фэнүзэ Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп.2, д.855

Фэрзия Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп.2, д.855

Фэридэ Кн. пох. Акзигитовского с/с Нурлатского рай-на за 1935 г., ф.- Р-6176, оп.1, д. 3. 43 л; Кн. пох. Каракашкинского с/с Ютазинского рай-на за 1931 г., ф. -4527, оп.1, д.1; Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг; 2010 – 2015 гг.

Фэриха Кн .пох. Каракашлинского с/с Ютазинского рай-на за 1931 г., ф. -4527, оп.1, д.1

Фэррижамал РС. Чистопол. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Фэрхана < Фархана РС. Чист. уезда за 1858 г. ф.3, оп. 2, ед. хр. 3884 Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16. Кн. пох. Каракашкинского с/с Ютазинского рай-на за 1931 г., ф. -4527, оп.1, д. 1

Фәрхиҗамал РС. Чистопол. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Фәрхиназ Кн.пох. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16

Фәсәхәтбикә Кн. пох. Ногманского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф. -Р-6182, оп. 1, д.13

Фәсхикамал Кн. пох. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16.

Фәхия Кн. пох. Акзигитовского с/с Нурлатского рай-на за 1935 г., ф.- Р-6176, оп.1, д. 3. 43 л.

Фәхрелниса < Фахрелниса РС. Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Фәхри < Фахри РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Фәхрибану < Фахрибану РС. Чист. уезда за 1816 г., ф.3, оп.2, 483; РС. Каз. губ. Старолашманской уезд. за 1834 г.

Фәхрисылу Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д 1355

Фәһимә Кн. пох. Каракашкинского с/с Ютазинского рай-она за 1931 г., ф. -4527, оп.1, д.1; Кн. пох. Акзигитовского с/с Нурлатского рай-она за 1935 г., ф.- Р-6176, оп.1, д. 3. 43 л.

Фернанда Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

Фирдәвес Кн. пох. Каракашкинского с/с Ютазинского рай-она за 1931 г., ф. -4527, оп.1, д.1

Флүзә Кн. пох. Каракашкинского с/с Ютазинского рай-она за 1931 г., ф. -4527, оп.1, д.1

Хабилниса < Хабилниса РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Хадимә Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д 1355

Хадия Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д 1355

Хажәр Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д 1355

Халидэ < Халидя РС. Малмыжского помещ. ф. 3, оп.2, д.438 за 1763 г.; РС Чист. уезда за 1816 г., ф.3, оп.2, 483; Кн. мет. Казанской губернии Чистопольского уезда за 1909 г.; РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388; Кн. пох. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-она за 1936 г., ф.-Р-4799, оп. 1, д.16.

Халисэ < Халися РС Малмыжского помещ. ф. 3, оп.2, д.438 за 1763 г.; Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии за 1906 г. , ф. 204, оп. 177, д. 1355; Кн. мет. Казанской губернии Чистопольского уезда за 1909 г.; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп.2, д.855; Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского рай-она за 1931 г., ф. -4527, оп.1, д.1.

Ханжамал < Ханзямал РС. Чист. уезда за 1816 г., ф.3, оп.2, 483

Ханифэ Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп.2, д.855

Хасибэ Кн. пох. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16

Хасия Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-она за 1936 г., ф. 90, оп.2, д.855

Хатибэ Кн. пох. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16

Хафизэ < Хафизя РС. Чистопол. уезда за 1858 г. ф.3, оп. 2, ед. хр. 388; Кн. мет. Казанской губернии Чистопольского уезда за 1909 г. Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-на за 1936 г., ф. 90, оп.2, д.855.

Хэбибэ < Хабиба РС Чист. уезда за 1816 г., ф.3, оп.2, №483; РС Старолашманского уезда .Казан. губ за 1834 г.; РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388; Кн. мет. Казанской губернии Чистопольского уезда за 1909 г.; Кн. пох. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16.

Хэбибжамал < Хабибзямал РС Чист. уезда за 1816 г., ф.3, оп.2, №483; РС Чист. уезда за 1858 г. ф.3, оп. 2, ед. хр. 388; РС Каз. губ. Старолашманской уезд. за 1834 г.

Хэбибжаншаһ < Хабибяншах РС. Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Хәбирә Кн. пох. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16

Хәдисә Кн.мет Казанской губернии Чистопольского уезда за 1909 г.; Кн. пох. Акзигитовского с/с Нурлатского рай-она за 1935 г., ф.- Р-6176, оп.1, д.3. 43 л; Кн. пох. Ногманского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф. -Р-6182, оп. 1, д.13

Хәдичә < Хадичя РС. Чист. уезда за 1816 г., ф.3, оп.2, 483; Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии за 1906 г. , ф. 204, оп. 177, д 1355

Хәербанат < Хаербанат Кн. пох. Каракашкинского с/с Ютазинского рай-на за 1931 г., ф. -4527, оп.1, д.1.

Хәерниса < Хаерниса Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д 1355; РС. Чистопол. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Хәйрелбанат Кн. мет.мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д 1355

Хәйрелжамал < Хайрелзямал РС Чист. уезда за 1816 г., ф.3, оп.2, 483

Хәйрелниса < Хайрелниса РС. Чистопол. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Хәкимә < Хакия РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Хәлилә Кн. пох. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-на за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16

Хәлимә < Халимя РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г. ; Кн. мет. Казанской губернии Чистопольского уезда за 1909 г.; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-на за 1936 г., ф. 90, оп.2, д.855; Кн. пох. Базарно-Матаковского с/с Алькеевского рай-на за 1936 г., ф. 90, оп.2, д.855.

Хәлимруй Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д 1355

Хәмдебикә Кн. пох. Ногманского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф. -Р-6182, оп. 1, д.13

Хәмдениса Кн. пох. Каракашлинского с/с Ютазинского рай-она за 1931 г., ф. -4527, оп.1, д.1; Кн .пох. Ногманского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф. -Р-6182, оп. 1, д.13

Хәнә Кн. пох. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16

Хәнифә < Ханифа РС Чист. уезда за 1816 г., ф.3, оп.2, 483 ; РС Чистопол. уезда за 1858 г. ф.3, оп. 2, ед. хр. 388; Кн. пох. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-на за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16.Мат. ЗАГСа 2010 – 2015 гг.

Хәния Кн. пох. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-она за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16

Хәсәрбикә Кн. пох. Ногманского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф. -Р-6182, оп. 1, д.13

Хәселбанат Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д 1355

Хәтижә Кн. пох. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-на за 1936 г. , ф.-Р-4799, оп. 1, д.16

Хәтимә Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии за 1906 г., ф. 204, оп. 177, д 1355; Кн. пох. Ногманского с/с Арского рай-на за 1934 г., ф. -Р-6182, оп. 1, д.13

Хәят Кн. пох. Ногманского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф. -Р-6182, оп. 1, д.13; Мат. ЗАГСа 2000-2010 гг.; Мат. ЗАГСа 2010-2015 гг.

Хәббелниса < Хуббиниса РС Чист. уезда за 1816 г., ф.3, оп.2, №483 ; РС. Чистопол. уезда за 1858 г. ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Хәбби < Хубби РС Чист. уезда за 1816 г., ф.3, оп.2, №483 ; РС. Чистопол. уезда за 1858 г. ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Хәббижан < Хуббизян РС. Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Хәбямал < Хубямал РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Хәррия Кн. мет. мечетей Казанского уезд да Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д 1355

Хәршидбану < Хуршидбану РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Хәснелкамал Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д 1355

Хәсни < Хусни РС Чист. уезда за 1816 г., ф.3, оп.2, 483; РС Старолашманского уезда Казан. губ. за 1834 г.

Хәсниҗамал < Хусниямал РС. Чист. уезда за 1816 г., ф.3, оп.2, 483; Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии за 1906 г., ф. 204, оп. 177, д 1355; РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Хәсниҗан < Хусниян РС. Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Хәснямал < Хусниямал РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Хәфия < Хуфия Кн. пох. Старо-Зимеевской с/с Актанышского рай-на за 1936 г., ф.-Р-4799, оп. 1, д.16

Чулпан Мат. ЗАГСа 2000-2010 гг.; Мат. ЗАГСа 2010-2015 гг.

Шакирә Кн.мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д 1355; Кн. пох. Ногманского с/с Арского рай-на за 1934 г., ф. -Р-6182, оп. 1, д.13

Шарыбостан < Шарыбостан РС. Чистопол. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Шаһибану < Шахибану РС. Чистопол. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Шаһидә < Шахида РС Чист. уезда за 1816 г., ф.3, оп.2, 483; РС Каз. губ. Старолашманской уезд. за 1834 г.; РС. Чистопол. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Шаһмира Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.

Шәйкиҗамал < Шайкикамал РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Шәмсекамал Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии, ф. 204, оп. 177, д 1355

Шәмсениса < Шамсениса РС. Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Шәмсенур Кн. пох. Каракашкинского с/с Ютазинского рай-она за 1931 г., ф. -4527, оп.1, д.1; Кн. пох.. Старо-Зимеевского с/с Актанышского рай-на за 1936 г., ф.-Р-4799, оп. 1, д.16

Шәмсеруй < Шамсеруй РС Чист. уезда за 1858 г. ф.3, оп. 2, ед. хр. 388; Кн. мет. мечетей Казанского уезда Казанской губернии за 1906 г., ф. 204, оп. 177, д 135

Шәмси < Шамси РС Старолашманского уезда Каазн. Губ за 1834 г.

Шәмсيفاфа < Шамсيفاфа РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Шәмсикамәр < Шамсикамяр РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Шәмсияшаһ < Шамисикамал РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Шәрипжамал < Шарифджамал РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Шәриф < Шариф РС. Старолашманского уезда Казан. губ за 1834 г.

Шәрифә < Шарифа РС Старолашманского уезд. Казан. губ. за 1834 г.; Кн. мет. Казанской губернии Чистопольского уезда за 1909 г.; РС. Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388; Кн. пох. Каракашкинского с/с Ютазинского рай-на за 1931 г., ф. - 4527, оп.1, д.1; Кн. пох. Ногманского с/с Арского рай-на за 1934 г., ф. -Р-6182, оп. 1, д. 13

Шәрифжамал < Шарифджамал РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Шәфига Кн. пох. Акзигитовского с/с Нурлатского рай-на за 1935 г., ф.- Р-6176, оп.1, д. 3. 43 л

Шәфкыйшаһ < Шщфкыйшах РС Чист. уезда ф.3, оп. 2, ед. хр. 388

Элина Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

Эльвина Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

Эльвира Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.

Эльза Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

Эльзара Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

Эльнара Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.

Эмилия Мат. ЗАГСа 2000 – 2 010 гг.

Энже Мат. ЗАГСа 2010 – 2015 гг.

Эсмира Мат. ЗАГСа 2010 – 2015 гг.

Юлсара Кн. пох. Ногманского с/с Арского рай-она за 1934 г., ф. -Р-6182, оп. 1, д. 13

Язгөлем Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

Язилә Мат. ЗАГСа 2010 – 2015 гг.

Ямал < Йамал РС Старолашманского уезд. Казан. губ. за 1834 г.

Ясмин Мат. ЗАГСа 2010 – 2015 гг.

Ясминә Мат. ЗАГСа 2000 – 2010 гг.; 2010 – 2015 гг.

Ясмия Кн. мет. Казанской губернии Чистопольского уезда за 1909 г.